

КОРШУНОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА

ПРОЕКТЫ РЕФОРМ В РОССИИ

(вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.)

Челябинск
2009

Научное издание
УДК 947.072
ББК 63.3 (2) 51
К 69

Рекомендовано к печати:

решением кафедры истории, социологии и права
Челябинского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

Шелохаев В. В., доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:

Репников А. В., доктор исторических наук.

Худобородов А. Л., доктор исторических наук, профессор.

Коршунова Н. В. Проекты реформ в России (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.). – Челябинск: Издательство ООО фирма «ПИРС», 2009. – 300 с.

В монографии представлен анализ реформаторского пути развития России с 50-х гг. XVIII в. до 20-х гг. XIX в. Для комплексной оценки данного процесса изучен весь спектр политических, экономических, социальных изменений, а также реформ в образовательной сфере. Автор указала причины и направленность политических реформ на основании анализа проектов преобразований, представленных государственными и общественными деятелями. Проблемы формирования системы народного образования показаны в свете влияния философии Просвещения. Особый интерес представляет характеристика реформ в социально-экономической сфере и их влияние на политические и культурные преобразования.

Для историков, преподавателей общественных дисциплин, студентов и аспирантов.

ISBN 5-98578-113-5

© Коршунова Н. В., 2009 г.

Введение

История реформ – одна из наиболее актуальных и злободневных тем в науке. Место преобразований в историческом процессе не однозначно оценивалось исследователями. Так в советской историографии двигателем прогресса и «локомотивом» истории считались революции, а реформы – ее побочными сюжетами. Однако опыт реформаторства, на наш взгляд, крайне важен, так как ни одна реформа, даже самая радикальная, в этом и есть ее принципиальное отличие от революции, не уничтожает существующие в обществе порядки, чаще достигает поставленной цели и в гораздо меньшей степени травматична для населения. Немаловажное значение для понимания путей и способов развития страны представляет анализ механизмов подготовки преобразований. Конечно, большинство исторических исследований, в том числе и по интересующему нас периоду, дали свою оценку проводимых реформ. Без этого невозможно изучать историю вообще. Однако, как правило, исследователи анализировали ход отдельных реформ автономно, без взаимной связи. Даже в рамках работ, посвященных относительно длительным историческим периодам, или же в учебных пособиях авторы уделяли внимание знаковым историческим фактам: реформам Петра I, губернской реформе Екатерины II, министерской Александра I и др., оставляя в стороне менее значимые преобразования, не говоря уже о готовившихся, но не реализованных проектах. Комплексному изучению реформ, как общественно-политического и социального явления, уделялось явно недостаточно внимания.

Для анализа процесса реформирования важно разобраться в причинах реализации или отказа от проведения преобразований, что невозможно сделать без детального изучения механизмов их подготовки. Исследование проектов реформ позволит ответить на вопросы: была ли у них социальная база; кто стоял за теми или иными преобразованиями, почему у различных социальных групп «рождались» аналогичные проекты по сходным вопросам, что мешало в осуществлении реформ и т. д. Понятия «подготовка» и «проект» реформы не следует воспринимать как синонимы. Подготовка реформы – комплексное явление, оно включает в себя составление проектов планируемых преобразований, которые зачастую в изучаемый период проводились в специально созданных для этого Комиссиях, или же анализ материалов, проектов и записок, представленных лицами, не облеченными властными полномочиями. Далее в подготовку реформы входило ее обсуждение и представление (или не представление) монарху окончательного варианта текста реформы.

Понятие «проект реформы» в широком смысле слова следует понимать как любой документ, трактат, в котором содержатся предложения по усовершенствованию государственного порядка. Как правило, именно в этом смысле данный термин употребляется в большинстве исторических исследований. В середине XVIII – первой четверти XIX в. данное понятие (проект или план) использовалось, главным образом, для характеристики материалов, планов подготовки реформ, составленных государственными деятелями, чиновниками в основном по заданию или поручению монарха. Предложения о проведении необходимых преобразований, составленные по собственной инициативе представителями общественной мысли, именовались «записками» и «мнениями». В своем исследовании мы будем использовать термин

«проект реформы» в широком смысле, но с учетом особенностей его употребления в изучаемый период.

Последовательное изучение всего реформаторского процесса позволит нам ответить на вопрос, в чьих интересах проводились преобразования: государственных, военных, общественных, узкословных и т. п. Действуют реформаторы для общего блага или нет. Без детального анализа каждого этапа: разработки, планирования и реализации задуманного невозможно объективно разрешить указанную проблему. При этом также важно целостное изучение всего спектра реформ в политической, социальной, экономической и культурной сферах.

Итак, актуальность нашего исследования определяется нерешенностью ряда серьезных научных проблем. Первое, изучение проектов реформ и механизмов их реализации в политической, социально-экономической и образовательной сферах в целом не было предметом специального исследования. Второе, только анализ всего комплекса проектов реформ: реализованных и нереализованных, исходящих от правительственных кругов и от представителей общественной мысли, позволит нам сделать объективные выводы об особенностях процесса реформирования середины XVIII – первой четверти XIX вв. Наконец, изучение проводимых преобразований во всем их разнообразии позволит лучше понять особенности пути развития нашей страны, обозначить способы формирования политической элиты и ее запросы, механизмы взаимодействия власти и общества на важном этапе развития.

Хронологические рамки нашего исследования включают период с середины XVIII в. и до конца первой четверти XIX в. После проведения масштабных реформ Петра I стране требовалось время привыкнуть к нововведениям. Отсутствие политической воли у правителей стало причиной того, что преобразования если и проводились, то без предварительной подготовки, как меры текущего управления страной. С середины века власть начинает более продуманно подходить к формированию государственной политики, появляются зачатки системного планирования реформ. В то же время в стране вначале едва заметно, а затем более масштабно, начинает формироваться общественное мнение; появляются люди, общественные деятели, которые сами, по собственной инициативе, размышляют о будущем страны, предлагая свои собственные варианты преобразований.

Верхней хронологической рамкой исследования являются 20-е гг. XIX в. – на это т период приходится сворачивание реформаторской деятельности правительства Александра I и, как следствие, отказ прогрессивной общественности поддерживать правительственный курс, распространение «тайных», в том числе декабристских, обществ.

Основой нашего исследования является процесс реформаторского развития России (сер. XVIII – первая четв. XIX в.). Понятие «процесс» (processus) означает движение, имеющее свое направление; последовательная смена состояний, стадий, эволюции; совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата.

Новизна в подходах нашего исследования заключается в следующем. Во-первых, изучение истории подготовки и механизмов реализации реформ проводится на стыке наук: истории, юриспруденции, отчасти философии и социологии. Во-вторых, стержнем исследования является не анализ реформы как таковой, а в комплексе весь ее замысел, механизмы подготовки и мотивация властных структур по

вопросу целесообразности преобразований. Иначе говоря, ставится вопрос: кому и зачем были необходимы преобразования, как на них реагировало общество. В-третьих, при изучении реформирования в России за основу нами взят модернизационный подход изучения исторического процесса. Теорию модернизации мы рассматриваем как одну из «синтетических» теорий общественного развития, «в большей степени аккумулировавшую в себе наработки и достижения различных (не только обществоведческих) наук»¹.

Современные западные социологи рассматривают теорию модернизации в трех направлениях: «В первом, наиболее общем, смысле модернизация – это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений». Иначе говоря, модернизация здесь понимается как общее направление развития, отчасти как синоним понятию «реформирование». Как писал известный социолог П. Штомпка, другой смысл модернизации «тождествен «современности», т. е. означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происшедших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX-XX вв. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждения разума и науки и многие другие... Наконец, есть еще одно специфическое значение термина «модернизация», относящееся только к отсталым или слаборазвитым обществам и описывающее их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. Другими словами, в таком случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества». В исторической перспективе модернизация «рассматривается как синоним вестернизации или американизации». Ш. Айзенштадт указывал, что «исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты» Похожее определение мы находим у В. Мура: «Модернизация является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада»².

Однако подобный подход таит в себе ряд противоречий, что было отмечено отечественными историками, обсуждавшими данную проблему на историко-политологическом семинаре³. Участники семинара обозначили основные проблемы формирования национальной, российской модели модернизации, что позволяет исследователям определиться с основными понятиями данного подхода. Так, под модернизацией мы будем понимать «активный деятельный поиск наиболее подходящей для данного социума модели органического развития на пути от его традиционного к современному состоянию, а также концентрация сил и средств государства и общества на воплощение этой модели в жизнь»⁴. Она предполагает освоение передового опыта других стран, общее направление развития государства. Сущность процесса модернизации «заключается в утверждении на исторической сцене современного общества, для которого характерны развитая промышленность, урбаниза-

ция, широкий спектр личных свобод, авторитет рационального научного знания, секуляризация культуры»⁵. Иначе говоря, модернизацию не следует рассматривать как один из типов догоняющего развития или «вестернизации». Безусловно, для России (как и для многих других, в том числе европейских, стран) подобное развитие было невозможно без освоения опыта передовых стран. Этот процесс, получивший название модернизационного, носил скорее характер «проникновения», диффузии, а не слепого копирования. Более того, в те периоды истории, когда «властные элиты в России... игнорировали социокультурные и ментальные особенности большинства, надеясь трансформировать «косную», по их мнению, среду, в нужном направлении»⁶, они терпели неудачу.

В одном из последних исследований С.Н. Гаврова, посвященных анализу проблем модернизации, данный процесс рассматривается как чередование имперской и либеральной моделей модернизации, в котором имперская модель является доминантной, а либеральная лишь дополнительной, компенсационной. Наша историческая беда заключается в том, делает вывод автор, что российская модернизация способствовала не столько вхождению России в современность, сколько укрепляла феодально-имперские основы системы. Таким образом, «в течение столетий основные усилия в процессе российской модернизации совершались не ради вхождения в западную по своей генеалогии цивилизацию модерности, но ради сохранения, воспроизведения и упрочения империи»⁷. В своей работе автор рассматривал проблему модернизации как тип реформирования общества, начиная свои исторические примеры с реформ Ивана IV, что весьма спорно. Но в то же время высказанная точка зрения достаточно оригинальна и, безусловно, заслуживает внимания.

Модернизационный подход как методологическая база исследования – это и определенный метод исторического познания, который «является открытым для восприятия сущностных элементов других концепций и подходов; он признает вероятность других вариантов реализации исторического процесса»: эволюционного, революционного, комбинированного⁸. Одним из базовых законов модернизационного подхода в историческом исследовании является признание непрерывности исторического процесса и его познание как целого. Следуя указанным методическим приемам, исследователь основное внимание в своей работе должен уделять вопросам развития страны, путям и способам перехода от традиционного общества к индустриальному, оценивать процесс модернизации как динамично расширяющийся потенциал человеческих возможностей⁹.

Общей методологической основой исследования стали принципы научной объективности и историзма. При изучении истории реформ в России особенно важно, на наш взгляд, опираться на реальные факты, а не заданные схемы и стереотипы. Требование научной объективности необходимо при оценке реального реформирования и истории общественно-политической мысли в России второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. Все эти методологические принципы дают возможность уловить соотношение закономерного и случайного в истории, уменьшить долю исследовательской субъективности и приблизиться к объективному ракурсу рассматриваемых проблем.

Примечания

-
- ¹ Шелохаев В.В. Трудные поиски национальной модели модернизации //Россия в условиях трансформации. Материалы. М., 2001. Вып. № 7. С. 42.
- ² Штомпка П. Социология социальных измерений. М., 1996. С. 169-174.
- ³ Модернизация России: драма поиска путей органического развития //Россия в условиях трансформации. Материалы. М., 2001. Вып. № 7. С. 4-49.
- ⁴ Журавлев В.В. Россия XX века: тип, этапы и механизмы модернизации //Россия в условиях трансформации. Материалы. М., 2001. Вып. № 7. С. 6.
- ⁵ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 4.
- ⁶ Шелохаев В.В. Трудные поиски национальной модели модернизации //Россия в условиях трансформации. Материалы. М., 2001. Вып. № 7. С. 47.
- ⁷ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 6.
- ⁸ Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем. Век, десятилетие, год. М., 1999. С. 30.
- ⁹ См. об этом подробно: Опыт российских модернизаций XVIII – XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000; Урал в контексте Российской модернизации. Челябинск, 2005; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриального обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Аузан А.А. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54-60 и др.

Глава 1

Историографические и источниковедческие проблемы

Понятие «реформа» в общественном сознании

Проведение реформ – одна из центральных тем российской исторической науки. Все исследователи XVIII – XX вв. в той или иной степени анализировали ход реформ и давали свою оценку преобразованиям. Тем не менее, при изучении проектов реформ и механизмов их реализации мы сталкиваемся с рядом историографических проблем. Прежде всего, необходимо определиться с терминологией, так как при всей кажущейся очевидности термина «реформа»¹ исследователи трактуют его по-разному.

Научное определение и теоретическая характеристика понятия «реформа», роль реформ в жизни общества – одно из важнейших направлений исследования в современных общественных науках. Авторы появившихся в последние десятилетия исследований только подчеркнули важность данной темы².

Современный смысл слова «реформа» – преобразование с целью улучшения или целенаправленного изменения государственных и общественных институтов, предполагающее присутствие в системе реформаторов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации – приобретал доминирующее значение постепенно. Реформы противопоставляются спонтанной эволюции, когда роль государства сводится к формальному закреплению сложившихся норм поведения, а также революции. В Большой советской энциклопедии под реформой понимается «преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений), не уничтожающее основ существующей социальной структуры. С формальной точки зрения под реформой подразумевается нововведение любого содержания. Однако в политической практике и политической теории реформой обычно называют более или менее прогрессивное преобразование, известный шаг к лучшему»³.

В конце 80-х – начале 90-х гг., когда в нашей стране набирали обороты масштабные преобразования, в обществоведческих (главным образом, исторических и политологических) исследованиях теоретическому обоснованию реформаторства было уделено много внимания. Особый интерес к понятию реформы проявили специалисты в области социологии и политологии. Они определили реформы и реформаторство как одно из направлений политического развития, которое «может осуществляться путем реформирования (модернизации) и в революционной форме...». А также как «естественный процесс самообновления системы... преобразования элементов в рамках сохранения ее основ... определенную перестройку функций и структур одного и того же типа властных отношений»⁴.

Н.Я. Эйдельман, рассматривая реформы в нашей стране на протяжении длительного периода, отметил, что по степени радикальности их впору называть «революцией сверху»⁵. Особенностью таких «революций сверху» автор считал отсутствие социальной базы реформ, а также недостаточность логики в действиях самих реформаторов, которые хотели достичь своих целей совершенно неподходящими для этого методами. Подобное же мнение о высокой степени радикализма российских реформ

высказал М.М. Горинов⁶. Кроме того, он указал на наличие «цикла реформ». Побудительным фактором реформирования, считал автор, был, как правило, внешний импульс, получив который, бюрократия готовила и проводила реформы. Однако подобным образом проведенные преобразования зачастую только создавали новые проблемы, не решив старые. Мысль о неудачной войне или национальной катастрофе как причине реформы поддержал А. Черкасов⁷. По его мнению, реформы строились «на перераспределении интересов» в правящей элите и завершались, «когда волна перемен доходила до ватерлинии консервативной позиции». Свои мысли о том, что считать «реформой», а что «революцией сверху», высказал Б.Г. Литвак⁸. По мнению историка, любая реформа совершенствует общественную структуру, а революция ее меняет. Поэтому преобразования Петра Великого и Екатерины II к «революциям сверху» отнести нельзя.

В 1990 г. в институте Кеннана в США прошла международная конференция, посвященная проблемам реформ в России⁹. По мнению участников конференции, реформы в нашей стране носили циклический характер. В последующем эта позиция была принята российскими исследователями. Особый интерес представляет точка зрения американского историка А. Ривера, одного из участников конференции. Он выделил ряд характерных особенностей российских реформ. Причиной преобразований в России, по его мнению, служит системный кризис, который заставляет власть начать преобразования. Реформы тщательно готовятся, но, несмотря на это, у реформаторов зачастую отсутствует развернутый план их проведения. Все реформы сопровождаются борьбой внутриправительственных группировок, в которую вовлекается и общественность. Во время подготовки и проведения преобразований возникают споры об особом пути России. При этом сами реформы всегда остаются незавершенными и часто провоцируют социальный ответ низов¹⁰. Конечно, многие из особенностей, представленных А. Ривером, характерны для реформ и в других странах. Тем не менее, эти идеи в дальнейшем получили развитие в трудах отечественных исследователей как особенности именно российских реформ.

Комплексная оценка понятия «реформа» была дана А.С. Ахиезером в книге «Россия: критика исторического опыта» в социкультурном словаре¹¹. Под реформой автор понимал «планируемые и контролируемые правящей элитой, первым лицом политические, социальные, экономические, культурные и т. д. изменения, охватывающие важнейшие параметры общества, ... направленные на повышение социальной энергии общества посредством модернизации, ослабление дезорганизации, преодоление дискомфорта состояния, установление нового, более глубокого консенсуса, попытка избежать катастрофы». Далее автор проанализировал особенности реформ в России, которые, по его мнению, коренным образом отличаются от западных, где преобразование «основывается на обратной связи, на диалоге почвы и правящей элиты, является ответом на политическое, экономическое давление определенных слоев». В нашей стране реформы представляют «акт модернизации». В свою очередь, под модернизацией автором понимается «процесс обновления общества на основе ассимиляции достижений более развитых стран», что, на наш взгляд, очень спорно. Далее сам А.С. Ахиезер отчасти опровергнул это, определяя характер реформ в России. Он указал, что народ – «почва», как правило, ждал от реформы «чуда», «усиление комфортного состояния», поэтому диалог между властью и населением при проведении преобразований всегда был проблематичен.

Определяя направленность и глубину реформирования, А.С. Ахиезер заметил, что роль развитие общества носит циклический характер, то цель реформы – «добиться определенного прогресса». Поэтому планировать и проводить реформы можно и нужно только тогда, когда исторические события тому благоприятствуют, «а не тогда, когда катастрофа ломает стены». Остается вопрос, на который автор не дает ответа: как это определить.

Интерес представляет также характеристика А.С. Ахиезера наиболее важных элементов, которые должен включать в себя проект реформы. По его мнению, «искусство реформаторов ... заключается в постоянном поиске наименее взрывоопасного маршрута» развития страны. При этом самой большой ошибкой является «вера реформаторов в свои идеальные конструкции, возможно, опирающиеся на опыт других стран и народов». Это при том, что опасность для любой реформы представляет слабая подготовка, которая, по мнению автора, должна проходить не один год. Для успеха реформы, по мнению А.С. Ахиезера, необходим ее реальный план (проект), «значимый субъект», то есть критическая масса людей, которые ее поддерживают. Проект должен быть составлен для конкретной системы власти и реализовываться на восходящем историческом цикле.

Книга А.С. Ахиезера, впервые изданная в 1991 г., оказала большое влияние на развитие отечественной социологической и исторической мысли. Так, В.Г. Хорос писал: «перед нами выношенное, тщательно продуманное произведение, по своему масштабу и размаху сравнимое разве что с трудами замечательных дореволюционных мыслителей России ... – Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова и др.»¹². Но все-таки эта книга более посвящена философии истории, она содержит множество интересных, но спорных фактов.

Большое значение для теоретического осмысления понятия и содержания реформ в России имело появление коллективной монографии «Власть и реформы. От самодержавной к Советской России» и круглого стола, посвященного ее обсуждению¹³. Главной целью авторов коллективной монографии был анализ реформаторских возможностей верховной власти в России на протяжении длительного периода времени. Поэтому авторы не вдавались в детали определения собственно понятия «реформа», а изучали природу реформаторства, указывая, что в нашей стране она «не только не затрагивала самодержавных основ власти, но и в других сферах государственной жизни часто носила ограниченный, а то и вынужденный характер. Это обстоятельство в известной мере объясняет и циклический характер реформ в России... В результате реформы не выполнили свою основную задачу – создание условий для свободного развития тех или иных социальных процессов»¹⁴. В представленных в монографии очерках авторы исследовали реформы «как альтернативу революции» с XV в. до 20-х гг. XX в. Применительно к имперскому периоду реформирования авторы отметили, что все преобразования, носящие характер модернизации, были подчинены цели укрепления оборонной мощи страны и повышению ее международного значения. Однако самодержавие оказалось неспособно обеспечить создание в России «правового государства», а «неспособность власти к радикальным реформам открыла дорогу сторонникам революции»¹⁵. Издание этой монографии имело большое значение в осмыслении реформаторского пути России, но в то же время ее авторы только обозначили задачи, стоящие перед историками, исследующими отдельные исторические эпохи.

Не меньшее значение для понимания природы реформаторского пути России имел и «круглый стол», посвященный обсуждению вышеназванной монографии¹⁶. Его

авторы не только оценили книгу, но и высказали собственные мнения. Участники обсуждения, как и авторы монографии, само понятие «реформа» не анализировали, уделив особое внимание природе реформаторства в России. К.Ф. Шацилло заметил, что реформы нельзя однозначно определить как положительные, так как снять «революционную напряженность» могут только своевременно и последовательно проведенные преобразования. То есть они достигают своей цели, если в них есть действительная необходимость, когда реформаторы руководствуются реальными идеями и состоянием дел.

А.Н. Медушевский заметил, что для оценки направленности «важно решить основную дискуссионную проблему: каков, собственно, реформаторский потенциал самодержавия, где следует искать его истоки и почему, стремясь обновить российское общество, власть не справилась с этой задачей на переломном рубеже XIX-XX вв.?»¹⁷ По мнению автора, самодержавие являлось основой российской государственности, по крайней мере, в императорский период. Чтобы отстоять национальную и военно-экономическую самостоятельность, государственная власть в лице самодержцев должна была вступить на путь структурных реформ. Однако при их проведении самодержавие не могло опираться на традиционные сословия. Поэтому реформы «оказались не востребованы обществом, для которого они, собственно, и проводились: основные социальные группы так и не смогли интегрироваться в новые социальные и правовые структуры»¹⁸. В целом автор высоко оценил реформаторский опыт России, который способствовал накоплению опыта социального.

О.А. Омельченко, обратив внимание на отсутствие понятийного аппарата в книге, счел необходимым определиться с понятием «реформа». Он указал, что «реформой полагают лишь то, что на шкале такого условного приближения находится близ отметки «правильно»». О.А. Омельченко заметил, что «реально в истории реформа представляется несравненно более многообразным явлением»¹⁹, и задача историков в дальнейшем – разобраться с этим многообразием.

Детально проанализировав обсуждаемую монографию по разделам первой половины XIX в., Д.И. Олейников указал на необходимость более осторожно подходить к сущности реформ как «направленных на изменение (причем в любую сторону) существующего порядка вещей, так и на его сохранение. Второй тип характерен для консерватизма. Реформаторские же проекты (тех же декабристов) стоит оценивать не по красоте предлагаемого будущего, а по возможности его достижения»²⁰. Автор подчеркивал, что далеко не каждая реформа – благо, и реформаторам надо более внимательно относиться к разработке самого механизма внедрения новшеств.

Т.А. Филиппова обратила особое внимание на, казалось бы, очевидное противопоставление реформы и революции. Автор заметила, что с историософской точки зрения данные понятия не поддаются сравнению в силу разницы своей природы: «альтернативой реформы может быть лишь стагнация; с позиций власти модернизирующая альтернативность проявляется в степени радикальности реформ – от просвещенно-консервативных уступок духу времени до радикально-либерального переустройства всего общественного здания». По мнению автора, вызывает сомнение и стереотипное представление о принудительности реформ в России. «Может ли насильственная мера с полным основанием считаться реформаторской?» – размышляет Т.А. Филиппова²¹. Эти и другие вопросы, указывала автор, еще требуют своего исследователя.

Обращаясь к истории реформ, С.В. Тютюкин обозначил основные вопросы, которые неизбежно встают перед исследователями данной проблемы: «Готова ли Россия

к проведению крупномасштабных реформ, как отнесется к ним дворянство, где найти финансовые средства и достаточно квалифицированные кадры для проведения намеченных преобразований, в какой мере можно использовать зарубежный опыт и т. д. и т. п.». Кроме названных «вечных» вопросов, С.В. Тютюкин обратил внимание на проблему, связанную с неоднородностью экономического развития страны в различных регионах, что делало крайне затруднительным реформирование всех сфер и всех районов страны «по единой схеме, сочиненной в петербургских канцеляриях, без привлечения общественности, чисто бюрократическими казенными средствами»²². Конечно, в небольшой полемической статье невозможно ответить на все поставленные вопросы. Автор здесь, скорее, обращается к исследователям реформ.

На недостаточную подготовку теоретических вопросов в разработке и «концептуальной преемственности реформ в России» обратил внимание В.В. Шелохаев. Прежде всего, он отметил спорность противопоставления «реформа-революция», так как исторический опыт доказывает, «что революция и реформа диалектически связаны друг с другом: реформы могут стимулировать революцию, а вслед за революцией вполне могут следовать реформы». Более того, историческая роль реформ и революций может быть одинаковой, когда системные реформы не менее чем революции выступают в роли «локомотива истории»²³. На основании этого В.В. Шелохаев обозначил основные направления в изучении истории реформ в России. Он отметил необходимость анализа механизма «разработки реформ, начиная от зарождения первоначальной идеи и целевой установки и кончая разработкой отдельных «узлов» и «звеньев», а также обсуждением различных реформаторских проектов и предложений». Иными словами, определить способы доведения первоначального идеального замысла до законодательной инициативы. Не менее актуален вопрос, указывал автор, финансирования задуманных преобразований, что, как известно, является весомым фактором их успешности. Большое значение, писал В.В. Шелохаев, играет и кадровое обеспечение реформ, причем здесь важна личность не только самого автора реформы, но и ее потенциальных исполнителей. Наконец, важнейшим фактором является «постановка вопроса о «цене реформ» в России». Этой ценой, по мнению автора, является изменение качества жизни населения, о чем власть зачастую задумывалась менее всего²⁴. В одной из последующих работ В.В. Шелохаев предложил собственную классификацию реформ, разделив их на системные и структурные. По его мнению, системные реформы приводят к качественным, широкомасштабным изменениям во всех сферах жизни общества. Они составляют основу определенной фазы модернизационного процесса. Структурные реформы направлены на преобразования одной или нескольких сфер (отраслей). Таким образом, и коллективная монография «Власть и реформы», и участники «круглого стола» четко обозначили основные вопросы истории реформ, требующие специального исследования.

Большой интерес для понимания природы реформ представляет труд А.А. Искандерова. Он писал: «ни одна из них [реформ – Н. К.], в сущности, не была доведена до логического завершения, а большинство потерпело неудачу уже на полпути или же осталось на стадии проектов и замыслов, так и не получивших практической реализации»²⁵. Здесь историк повторил сложившийся стереотип, что все проводимые реформы в России оказались нереализованными или незавершенными. Такой вывод был сделан потому, что в нашей стране, несмотря на все усилия реформаторов, были смуты и революции. Однако избежать этого не удалось ни одной из стран. Да и невозможно представить такую реформу, которая раз и навсегда решила бы какую-

нибудь проблему в государстве. Однако этот тезис без дополнительных пояснений и доказательств прочно утвердился в исторической науке.

Опыт целостного анализа реформ в России в XVIII в. представлен А.Б. Каменским²⁶. Автор не ставил себе цели разработки «новой теории» реформ, однако достаточно подробно проанализировал основные понятия, связанные с проведением преобразований. Взяв за основу определение «реформа» из энциклопедического словаря, автор прокомментировал его применительно к собственному исследованию. Под реформой А.Б. Каменский понимал изменения, переустройство общественной жизни (порядков, учреждений), не уничтожающие основ социальной структуры. Слова «реформа» и «преобразование» автором используются как синонимы. А.Б. Каменский заметил, что использование таких критериев оценки реформы как «хорошо» или «плохо» невозможно. В то же время это не снимает проблему направленности реформ в России. Применительно к XVIII в. и позднее, писал автор, в западной историографии с 60-х гг. (работ М. Раева), отечественной с начала 90-х, реформы носили модернизационный характер. При этом исследователь отметил важность разделения определений «реформы как модернизации» и «модернизации как стадии развития общества»²⁷. А.Б. Каменский объяснил читателям, что в своей работе по анализу реформ в России он будет использовать термин «модернизация» как вид реформы и синоним понятия «европеизация». Нет сомнений, что разница между данными аспектами понятия существует, тем не менее, одно не противоречит другому, указал А.Б. Каменский. Реформы в России в XVIII в. были направлены на «европеизацию» страны, однако это не означает, что такой тип реформ носит «догоняющий» характер. Догонять, значит проходить те же стадии развития, что и Европа, но с отставанием. Автор пояснил, что «европеизация» понимается им как использование передового опыта западных стран, а не копирование пути развития, так как этот опыт, перенесенный на русскую почву, давал порой причудливые плоды.

А.Б. Каменский детально прокомментировал и распространенный тезис о незавершенности реформ в России. Он указал, что «оценка реформы зависит от выбора критериев». Для их формирования следует ответить на вопросы: какие явления или процессы способствовали началу проведения реформ; был ли разработан план реформы или у реформатора была только теоретическая программа действия; успешна ли реформа с точки зрения реформатора; и, наконец, понять, какие результаты или последствия имела реформа. Только комплексно ответив на все эти вопросы, можно судить об итогах реформирования. В этом с автором трудно не согласиться, но, как показывает практика, получить такие ответы крайне сложно.

Для того чтобы изучать историю реформ, по мнению А.Б. Каменского, необходимо провести их классификацию. За основы такой классификации автор исследования взял критерии, предложенные Т. Колтоном, и позднее Б.Г. Литваком. Согласно этой теории все реформы можно разделить на радикальные, умеренные и минимальные. Радикальные носят всеобъемлющий характер, им, как правило, предшествует кризис системы управления. Умеренные предполагают серьезные изменения, но не затрагивающие основ управления. Минимальные реформы влекут незначительные одиночные изменения. В целом теоретические разработки понятия «реформа», представленные А.Б. Каменским, являются хорошей базой для дальнейшего исследования данной проблемы.

Современное понимание реформы было представлено в «Энциклопедии общественной мысли». Реформа, писал автор статьи А.Н. Медушевский, это «преобразование общества при сохранении правовой основы его существования. Переход от

традиционного сословного общества и абсолютизма к реализации идей гражданского общества и правового государства...» Далее автор отметил, что «вся правовая и политическая мысль России XVIII – нач. XX в. так или иначе вращалась вокруг проблемы модернизации страны, выбора ее оптимальной стратегии (революция или реформа), определения направления курса реформ, оценки смены реформ и контрреформ»²⁸. Далее А.Н. Медушевский выделил три модели реформ в России в целом. «Первое, реформы осуществляются государственной властью из центра без участия населения и вопреки его сопротивлению, часто насильственными методами (модель преобразований Петра I); второе, реформы осуществляются государством при активной поддержке либеральных элементов общества в центре и отчасти на периферии (Великие реформы 1860-70-х гг.); третье, реформы осуществляются по инициативе общества (просвещенной и либеральной его части) и проводятся в жизнь государственными институтами под давлением общества (реформы начала XX в.)»²⁹. Автор статьи подчеркнул, что реформы в России носили циклический характер, при этом происходила последовательная смена реформ и контрреформ, по крайней мере, на протяжении XVIII – начала XX вв. И это представляло собой естественный модернизационный процесс.

Теоретические проблемы реформирования России были обозначены в учебном курсе В.А. Буренкова. Он указал, что «на определенном этапе развития возникает необходимость в модернизации государственных, социальных и духовных структур, что под силу лишь последовательной и осознанной деятельности человека, облеченной властью, или государству. Соответственно инструментом модернизации выступают реформы». В свою очередь под реформами автор понимал «определенную систему последовательных целенаправленных мер, призванных установить кризисные явления в обществе, усовершенствовать общественное и государственное устройство, предоставить большие возможности для прогресса хозяйственных структур и перспективы для развития личности»³⁰. По нашему мнению, В.А. Буренков несколько сузил представления о реформах, под которыми понимал только прогрессивные, направленные на расширение свободы личности изменения.

Другой современный исследователь В.В. Кириллов представил историю реформ в России в императорский период как часть процесса модернизации³¹. По мнению автора, все реформы носили модернизационный характер. Под реформой он понимал «формы и изменения (трансформации) в различных сферах государства и общества, необходимые для предотвращения дестабилизации системы»³². Кириллов считал, что в большинстве своем реформы в России были неудачными.

Таким образом, анализ современных представлений о природе реформ доказывает, что ее литературного определения явно недостаточно³³. Чтобы разобраться в сущности реформаторского процесса в России, следует определиться с направленностью преобразований, что невозможно сделать без анализа механизмов их подготовки. Изучение реформ середины XVIII – первой четверти XIX в., согласно классификации В.В. Шелохаева, носят структурный характер. Они не были направлены на кардинальные изменения в стране, а способствовали корректировке системных преобразований первой четверти XVIII в., которые привели не только к трансформации Российского государства и общества, но и оголили, усугубили стоящие перед властью проблемы. Поэтому под реформами применительно к изучаемому периоду мы будем понимать структурные преобразования в государстве и обществе, направленные на систематизацию государственного управления в административной, социально-экономической и культурно-образовательной сферах.

Историография темы

Самостоятельной историографии проектов реформ не существует, в то время как исторических исследований, посвященных рассмотрению тех или иных преобразований, – огромное количество. В этих работах авторы в большей или меньшей степени уделяли внимание и процессу подготовки реформ. Изучение истории реформ проходило в несколько этапов, в каждом из которых можно выделить как работы общего характера, посвященные периоду в целом, куда входят труды классиков исторической мысли, курсы лекций и т. п.; так и специальные исследования по истории проведения реформ отдельных периодов истории или же подготовке конкретных преобразований.

На первом этапе изучение реформаторского процесса в России было предпринято их современниками, прежде всего Н.М. Карамзиным. В «Записке о Древней и Новой России» исследователь высоко оценил деяния Екатерины II, при которой «смягчилось самодержавие, не утратив силы своей». Однако ее реформы спорны: она хотела «умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем, полезнейшем действии оных: дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств к исполнению». По мнению Карамзина, в преобразованиях императрицы не было глубины, многое делалось напоказ, для Европы: «у нас были академии, ... народные школы, ... прекрасное войско, ... но не было хорошего воспитания твердых правил и нравственности в гражданской жизни». Правление сына Великой Екатерины Павла I Карамзин осудил как деспотичное. «Он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святыя обязанности». Деспотичное правление Павла I породило желание провести серьезные преобразования с начала нового царствования: «два мнения тогда господствовали в умах: одни хотели, чтобы Александр в вечной славе своей взял меры для обуздания неограниченного самовластия, столь блаженного при его родителе; другие сомневались в надежном успехе такого предприятия [т. е. ограничения самодержавной власти – Н. К.]...». Карамзин также считал это недопустимым, так как в России нет механизмов контроля всевластия монарха. Поэтому, считал Николай Михайлович, существует только один способ уберечься от деспотизма – добродетельно царствовать, утвердились традиции такого правления, так как «тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого – никогда!»³⁴ Н.М. Карамзин не затрагивал проблемы подготовки преобразований, однако его взгляды и исторические суждения оказали влияние на всех крупнейших историков второй половины XIX в.

В этот же период Н.М. Карамзиным³⁵ и С.С. Уваровым³⁶ было начало исследование преобразований в области народного просвещения. В их трудах рассматривались вопросы выработки государственной политики в области образования. Авторы обратили внимание на важность создания системы народного образования в лице министерства народного просвещения, учрежденного при Александре I.

Одним из первых крупных исследований, посвященных изучению государственных реформ начала XIX в., была книга М.А. Корфа о М.М. Сперанском³⁷. В основе работы лежали не только архивные материалы (законопроекты, переписка, мемуары), но и устные рассказы современников Сперанского, а также личные воспоминания автора, поэтому мы данную работу относим к первому периоду. Корф писал биографию М.М. Сперанского, поэтому история учреждения министерств описана доста-

точно кратко. В целом М.А. Корф сделал вывод, что Александр I и «его министр» опередили время.

Второй этап изучения реформаторских процессов указанного периода был связан с проведением масштабных преобразований середины XIX в., что совпало с написанием и изданием многотомной «Истории России» и других работ С.М. Соловьева³⁸. Детально изучив деятельность Екатерины II, историк сделал вывод о необычайной важности созыва Уложенной комиссии, хотя Соловьев, как нам кажется, преувеличил личный либерализм Екатерины II и степень ее разногласий с дворянством. Еще более высоко исследователь отзывался о реформаторской деятельности Александра I. Он одним из первых предложил разделить царствование Александра I на два периода, с водоразделом 1814 г., правда, Соловьев писал о внешней политике. Историк отмечал, что в силу воспитания у императора «закрепилось» убеждение, что, удерживая направления [политического развития страны – Н. К.] от крайностей, можно заставить их существовать подле друг друга, не сталкиваясь и не сталкивая народы в кровавые борьбы, внутренние и внешние³⁹. Эта задача, по мнению Соловьева, была трудной и неблагоприятной, так как такой правитель становится «чужд и враждебен» для всех. Именно поэтому для одних Александр I был «опасным либералом, возмутителем народов», а для других – «главой Союза, направленного против свободы народов». ⁴⁰ В целом Соловьев достаточно высоко оценил личные качества императора Александра, указывая, что «Россия имеет полное право гордиться деятельностью такого государя»⁴¹. Он отмечал твердость его характера и наличие собственной, независимой от окружения, системы управления страной.

Целостный взгляд на реформы был представлен В.О. Ключевским⁴². Историк в своих работах сделал акцент на анализе причин преобразований в России и выборе дальнейшего пути развития страны. Он не считал Екатерину II реформатором. Ключевский считал, что увлечение «французскими книгами» в период правления Екатерины II было чуждо российской действительности, особенно, если учесть, что размышления о свободе и всеобщем благе сопровождались усилением крепостного права. Личные достижения Екатерины II В.О. Ключевский оценил в специальном юбилейном очерке⁴³. Он отметил, что правление императрицы было целой эпохой в российской истории. Историк обратил внимание на умение императрицы подбирать нужных людей, опираясь на их сильные стороны, а не слабости, как делали многие правители. В то же время Ключевский указал, как бы разумны ни были стремления Екатерины II, провести кардинальные реформы в России, реализовать задуманное можно было только путем великих потрясений. Поняв это, Екатерина II «сделала задел» для будущих реформаторов. Она не просветила народ, но это и невозможно было сделать, так как просвещение не дается пожалованием. Популярность Екатерины II историк сравнил с восторгом зрителей искусству актера. Истинными просветителями В.О. Ключевский считал таких общественных деятелей, как Д.И. Фонвизин и Н.И. Новиков. Превосходство идей Новикова над замыслами императрицы историк объяснял тем, что первый понимал: «удобнее кроить платье по плечу, чем выламывать плечо под платье»⁴⁴.

Одним из первых В.О. Ключевский дал общую оценку правления императора Павла I. Он указал, что этот монарх был своеобразным порождением эпохи Просвещения. Он слишком буквально воспринял идеи строгого следования законам, которые сам же часто менял. Павел I превратил идею равенства прав «во всеобщее бесправие». Кроме того, император воспринимал крайне негативно все, что было сдела-

но в предшествующее царствование, поэтому в его преобразованиях изначально было больше разрушения, чем созидания.

Неоднозначно Ключевский охарактеризовал время правления императора Александра I, а также характер самого монарха. Историк четко делил царствование императора на два периода: до Отечественной войны и после. Первый был реформаторским, во второй период, после окончания войны, наступила стагнация, а потом и реакция. Реформаторская деятельность Александра Павловича была противоречива и поэтому безуспешна: лучшие из его преобразований «остались бесплодными, другие имели худший результат»⁴⁵.

Концепцию развития новейшей истории страны предложил А.А. Корнилов в своем «Курсе истории России XIX века»⁴⁶. Во вводных лекциях он заявил о себе как о последователе В.О. Ключевского, но не всегда следовал учителю в своих трудах. Он значительно обогатил и расширил представления о проблемных вопросах истории России XIX в. В отличие от своих предшественников – авторов курсов истории России – Корнилов много внимания уделял экономическим вопросам и экономической политике правительства. Историк дал очень высокую оценку деятельности Екатерины II, так как в этот период в России была признана необходимость личной и имущественной безопасности граждан. Царствование Павла I историк охарактеризовал как пропасть между веком Екатерины II и Александра I, временным, но, в силу краткости, почти незаметным откатом назад. Подробно и детально А.А. Корнилов изучил царствование и политические мероприятия Александра I. Он отказался от деления правления императора на два периода («либеральный» до войны 1812 г. и «реакционный» после ее окончания). Историк указал, что, несмотря на некоторую «растерянность» монарха в первое время правления, он с самого начала стал проводить реформы либеральной направленности. Причем у Корнилова нет ни малейших сомнений, что именно сам Александр I был инициатором этих преобразований, а «молодые друзья» лишь помогали ему, хотя доказательств данного утверждения не представлено. Безусловным достоинством работы А.А. Корнилова является детальный анализ политических, экономических преобразований в первой четверти XIX в. Умирая, Александр I оставил после себя процветающую державу, имеющую большой вес на международной арене. Был сделан шаг на пути развития экономики, в стране сформировалось и укрепилось общественное мнение⁴⁷. В то же время избранный историком стиль изложения не позволил ему детально представить разработку всех проанализированных реформ.

Большой интерес представляет взгляд на русскую историю П.Н. Милюкова. Будучи учеником В.О. Ключевского, он разошелся с ним во взглядах на природу реформ Петра I и оценку дальнейшей истории России. Историю XVIII в. П.Н. Милюков считал периодом победы «критических элементов над национализмом», который был крайне вреден для развития страны. Петр I, хоть и оставался «националистическим человеком своего времени и общества», заложил основу «критических идей»⁴⁸. В свою очередь, «эпоха Екатерины II явилась эрой в истории русского общественного самосознания. Именно тогда кончается доисторический период русской общественной жизни, и она принимает тот вид и те формы, в которых известна и нашему времени»⁴⁹. Однако развитие «критических идей» П.Н. Милюков связывал не с реформами и собственными взглядами Екатерины II, а с первыми проявлениями общественной мысли в лице Н.И. Новикова, А.Н. Радищева и др. Ценность исторических исследований П.Н. Милюкова применительно к указанному периоду заключается в новизне подхода к историческому процессу. Он отошел от позитивистского хронологиче-

ского принципа изучения истории, используя в своей работе проблемно-тематический подход. Кроме того, он впервые в историческом исследовании применил достижения зарождающейся науки социологии.

Исследования С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, А.А. Корнилова и П.Н. Миллюкова оказали большое влияние на формирование исторической науки в целом и представлений о реформаторском пути России в частности. Однако в многотомных трудах невозможно было рассматривать весь ход от подготовки до реализации реформы – историки обозначили лишь общий вектор реформирования страны, мало внимания уделяя проектам даже системных реформ.

Изучение истории подготовки и проведения отдельных реформ было продолжено в специальных работах, которые можно разделить на три направления: исследования по политической и социальной истории, изучение проблем реформирования в области экономики и в образовательной сфере. При этом отдельные работы, как правило, охватывали одно, реже два царствования. Поэтому исследователям порой было сложно проследить все этапы проведения реформ: от замысла, до реализации задуманного на практике.

Одной из первых крупных работ, посвященных жизни и деятельности Екатерины II, было сочинение А.Г. Брикнера⁵⁰. Автор представил развернутую биографию императрицы Екатерины II, ее внутреннюю и внешнюю политику. Он в целом высоко оценил основные преобразования этого периода, указав, что они способствовали продвижению России вперед по пути прогресса и европеизации. А.Г. Брикнер подробно проанализировал «Наказ» Екатерины II и работу Уложенной комиссии. По мнению историка, целью данных мероприятий было стремление императрицы «заменить деспотический произвол законностью», а также «обеспечение народного благосостояния»⁵¹. Неудачи работы Комиссии А.Г. Брикнер видел в том, что многие начинания и предложения императрицы оказались неприемлемы для депутатов комиссии. Императрица Екатерина II, делает вывод автор, оказалась либеральнее общества. Однако данный тезис исследователь оставил без доказательств, ссылаясь только на «Наказ» императрицы и не представив механизмов подготовки реформ.

Достаточно критически оценил мероприятия времен правления Екатерины II ученик В.О. Ключевского А.А. Кизеветтер⁵². Историк отметил, что, возможно, у молодой Екатерины II и были какие-либо «свободолюбивые мечтания», но при управлении страной она строго держалась идеи самодержавия. Она никогда не планировала его ограничения или, что еще более волновало дворянство, не собиралась ликвидировать крепостное право. Единственным преобразованием, получившим высокую оценку историка, была городская реформа 1785 г.⁵³ А.А. Кизеветтер указал, что в ее рамках впервые было законодательно введено городское самоуправление. Однако, по мнению историка, эта реформа опередила время, так как ее практическая реализация оказалась очень далека от задуманного.

Анализ отдельных преобразований последней трети XVIII в. представлен Н.Д. Чечулиным, который одним из первых обратил внимание на проект Императорского совета, составленный в начале правления Екатерины II Н.И. Паниным. Проанализировав документ, историк показал, что вновь образованный совет едва ли мог реально ограничить самодержавную власть⁵⁴. Заслугой исследователя является первая научная публикация «Наказа» Екатерины II с подробными комментариями⁵⁵. Историк пришел к выводу, что за европейскими цитатами скрывались собственные взгляды Екатерины II, порой сильно отличающиеся от замыслов просветителей⁵⁶. Однако

Н.Д. Чечулин рассматривал проект Императорского совета и «Наказ» Екатерины II в отрыве от существующих политических реалий.

«Наказ» Екатерины II и работа Уложенной комиссии вызвали большой общественный и научный интерес. Причем все исследователи, вне зависимости от того, считали они работу Уложенной комиссии важной для дальнейшего реформирования или нет, сходились во мнениях, что сам факт, опыт создания такой совещательной комиссии, имел большое значение для дальнейшего политического реформирования страны⁵⁷.

Характеристика проектов подготовки реформ присутствовала в оценке развития общественной мысли екатерининского времени, в том числе истории масонства и, в частности, деятельности Н.И. Новикова. Изучение этого явления в русской истории было начато М.Н. Лонгиновым⁵⁸. Историк детально осветил биографию Н.И. Новикова, его просветительскую деятельность. Собственно масонству было уделено значительно меньше места. По мнению автора, оно не играло значительной роли в жизни Новикова. В своем труде М.Н. Лонгинов привел документы следствия по делу Н.И. Новикова. В дальнейшем ни одно исследование сходной тематики не обходилось без этих материалов, повторялись и некоторые выводы историка. Тогда же, в 60 – 80-е годы XIX в., вышел ряд статей по отдельным вопросам в рамках данной темы⁵⁹.

Во второй половине XIX в. был издан ряд работ по истории царствования императора Павла I. Историков интересовало время Павла I, «особый дух» его царствования⁶⁰. Тогда же появились и первые исследования, точнее, комментарии к найденным документам, посвященным оппозиции в павловское царствование. Историки старались избегать оценок, желая донести до публики то небольшое, что разрешалось цензурой⁶¹.

Открытие ряда запретных тем, активизация общественной жизни в начале XX в. значительно усилили интерес в обществе к политическим преобразованиям прошлого. Конечно, особый интерес вызывали такие вопросы, обсуждение которых ранее запрещалось, например, о заговоре и цареубийстве Павла I. В связи с этим большое внимание публики привлекла публикация А.Г. Брикнера⁶². На основании эпистолярного наследия эпохи, мемуаров, иностранных свидетельств и некоторых других источников историк подробно проанализировал подготовку и организацию заговора против императора Павла. Вслед за книгой А.Г. Брикнера вышла серия статей, посвященных той же теме⁶³. Заговор в них оценивался по-разному (одобрялся или осуждался с оговорками или без), но главное внимание было обращено на ход переворота. Историков начала XX в. интересовала, в первую очередь, личность императора Павла. Поэтому оппозиция в это царствование рассматривалась лишь как следствие его личностных характеристик⁶⁴.

Наиболее объективно, на наш взгляд, время правления Павла I было представлено в работе М.В. Клочкова⁶⁵. По мнению историка, император не был сумасшедшим или святым. Он был сторонником истинного самодержавия, а лозунгами нового царствования стали «закон и порядок». Однако эта вполне разумная идея была доведена Павлом I до абсурда. Стремясь встать в центре государственного управления, Павел I фактически начал преобразования государственных учреждений из коллегиальной в министерскую форму.

Специальное исследование политики и реформ Александра I было предпринято М.И. Богдановичем⁶⁶. Несмотря на то, что в центре повествования историка личность императора, он много внимания уделил политическим преобразованиям первой чет-

верти XIX в. Богданович считал, что Александр I планировал проведение масштабных реформ, затрагивающих все сферы жизнедеятельности государства, для того чтобы «навсегда охранить от произвола всех и каждого». Исследователь негативно охарактеризовал влияние «молодых друзей» А. Чарторижского⁶⁷, П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцова⁶⁸ и В.П. Кочубея на императора, так как они планировали проведение реформ: «с самонадеянностью, свойственной неведению и неопытности, порицая все законы и уставы, существовавшие в России,... вызвались начертать законы более совершенные, более благодетельные, что, однако же, не мешало им с непостижимой неосновательностью подрывать уважение ко всем уставам, разглагольствовать о свободе и равенстве в самом превратном и уродливом смысле»⁶⁹. Им противостояли опытные царедворцы – «екатерининские старики». Очень ценны приложения к работе, где историк издал в пересказе протоколы «Негласного комитета». До сих пор эта неточная публикация является единственным изданием протоколов на русском языке, но, учитывая отношение исследователя к их автору, едва ли можно говорить об объективности пересказа. Труд М.И. Богдановича открыл дискуссию о причинах, сути и направленности реформ начала XIX в.

Следующим крупным исследованием, посвященным данным проблемам, была работа А.Н. Пыпина⁷⁰. Базой его исследования стали, главным образом, те же источники, которые использовал М.И. Богданович, однако Пыпин трактовал их совершенно по-другому. Он согласился с идеей Богдановича о существовании в начальный период правления Александра I «двух партий»: «екатерининских стариков» и «молодых друзей», которые соперничали за влияние на монарха. Историк утверждал, что не окружение Александра I (как писал Богданович), а прежде всего он сам был сторонником проведения реформ. Деспотичное правление императора Павла только усилило эти стремления. Однако большинство начинаний так и остались на бумаге, другие же получили реализацию, далекую от задуманного. Причину историк видит в характере «главного реформатора» – императора Александра. Проникнутый идеалистическими взглядами на необходимость дать свободу и счастье всем людям, он был очень далек от существующей в России реальности. Обратил внимание А.Н. Пыпин и на тот факт, что конституционные проекты предлагали в том числе и достаточно консервативно настроенные «екатерининские старики», а «молодые друзья» относились к ним достаточно сдержанно. Историк не объяснил этого парадокса, но предположил, что последние сами сомневались в правильности конституционных идей применительно к России.

В изучении фактической истории конца XVIII – первой четверти XIX в. большое значение имели исследования Н.К. Шильдера и вел. кн. Николая Михайловича⁷¹. Будучи «придворными историками», они имели доступ к информации о жизни и деятельности монархов, которую не всегда удавалось получать другим исследователям. Поэтому работы данных историков ценны, прежде всего, их информативностью, а не особыми историческими концепциями. Работы вел. кн. Николая Михайловича еще в большей степени носят историографический характер. Он опубликовал наиболее важные документы, отражающие подготовку и проведение реформ первой четверти XIX века. Например, он опубликовал полный текст протоколов Негласного комитета в подлиннике (на французском языке) – единственная на сегодняшний день публикация этого любопытного документа. Николай Михайлович указал, что не император, а его окружение были инициаторами проводимых реформ, далеко не всегда одобряемых монархом. Именно поэтому со стороны выглядело, что Александр I во всем сомневается и постоянно колеблется.

Изменения в общественном строе в начале XX в., учреждение Государственной Думы, появление легальных политических партий, усилили интерес к истории реформ⁷². Однако издаваемые тогда работы носили, главным образом, научно-публицистический характер. При этом авторы порой «подтягивали» факты под выстроенные ими теории. В начале XX в. в Российской империи отмечалось несколько юбилеев: столетие Государственного совета, министерств⁷³, Отечественной войны 1812 г.⁷⁴, пятидесятилетие отмены крепостного права⁷⁵ и трехсотлетие дома Романовых⁷⁶. Издания, приуроченные к датам, несмотря на то, что они достаточно сильно разнятся по общему тону, носили несколько празднично-помпезный характер. Главным достоинством данных трудов, особенно посвященных юбилею государственных органов, является тщательная подборка фактов и очень грамотная их обработка.

В 20-х гг. XX в., хронологически относящиеся уже к советской историографии, вышел ряд работ историков «старой школы»⁷⁷. В них авторы затрагивали частные вопросы, которые не носили принципиального характера. Авторы данных работ подняли проблемы, которые до революции не вызывали особого одобрения властей. Например, в трактовке В. Бирюковича указ «О вольных хлебопашцах» следует рассматривать как еще одну привилегию дворянства. Или же К.В. Кудряшов, анализируя взлет последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова, показал падение нравов в России в конце XVIII в.⁷⁸

Особое внимание среди данных изданий следует обратить на работу А.Е. Преснякова, посвященную деятельности Александра I⁷⁹. Один из главных вопросов, которые ставит А.Е. Пресняков в своем исследовании, – каковы были причины и закономерны ли преобразования, проводимые верховной властью в первой четверти XIX в. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что реформы были вызваны «коренными противоречиями между все нараставшими потребностями обширного государства и созревающим в его недрах вековым строем самодержавной власти и крепостного хозяйства». Император Александр I лично сам был сторонником преобразований. Хотя, по мнению А.Е. Преснякова, его скорее следует считать идеологом-утопистом, который верил в возможность создания «законно-свободных учреждений», способных обеспечить возможность мирного развития страны без революционных потрясений и скатывания к деспотизму. Именно поэтому наиболее масштабные преобразования были проведены в сфере государственного управления. Однако они привели к завершению организации бюрократической системы управления и полному разрыву Александра I с российской действительностью⁸⁰.

Реформам местного управления в дореволюционной историографии было уделено гораздо больше внимания, чем иным административным преобразованиям. Исследователи изучали, прежде всего, документы об управлении губерний и положении губернаторов. Все без исключения историки, дискутируя об отдельных положениях данных реформ, в целом давали им высокую оценку⁸¹.

Несмотря на всю важность анализа проблемы подготовки отмены крепостного права, в дореволюционной историографии, применительно к указанному периоду, данной проблеме посвящена единственная специальная работа В.И. Семевского⁸². Главным достоинством данной работы является достаточно широкий охват проблем, связанных с крестьянским вопросом. Однако, несмотря на то, что сам автор придерживался либеральных взглядов, он несколько гипертрофировал значение правительственных проектов в данный период. Кроме того, В.И. Семевский не отделил проекты и мнения об отмене собственно крепостного права от мнений по улучшению положения госу-

дарственных крестьян, а также рассмотрения крестьянского вопроса в Остзейском крае. Поэтому многие его положения требуют дополнения и переосмысления.

Также малоизученной в дореволюционной историографии оказалась тема подготовки и проведения реформ в области финансов, таможенного дела, экономической политики. Одним из первых комплексных исследований, посвященных истории финансовой политики государства, стал труд И.С. Блюха⁸³. Данное исследование по содержанию гораздо шире, чем это может показаться из названия. В первом томе автор представил анализ финансовой политики правительств России, начиная с Петра I. И.С. Блюх, прослеживая в цифрах доходы и расходы государства, мероприятия власти по стабилизации государственных финансов, указал на повышение значения данной сферы государственной политики. Исследователь отметил необходимость централизации в управлении финансами и важность планирования возможных государственных доходов и расходов. В то же время при использовании данного труда следует учитывать ограниченность автора в использовании источниковой базы. Свои выводы И.С. Блюх сделал на основании анализа законодательной базы и опубликованных в сборниках Русского исторического общества финансовых документов.

В конце XIX начале XX вв. издается целая серия исследований, посвященных различным вопросам финансово-экономической политики России изучаемого периода. История банковского дела и монетного обращения была представлена в работах А.Н. Гурьева, А.Н. Куломзина, И.И. Кауфмана, вел. кн. Георгия Михайловича, П.П. Мигулина, В.Т. Судейкина, С.В. Штейна и др.⁸⁴. Заслугой А.Н. Куломзина и вел. кн. Георгия Михайловича является достоверная публикация материалов по вопросам финансового обращения, ценность которых сохраняется до сих пор.

Деятельность государственных учреждений в экономической сфере и, следовательно, политика в этой области стали предметом исследования В.Н. Бондаренко, А.С. Вручевич, К.В. Сивкова, Н.Д. Чечулина и др.⁸⁵.

Труд Н.Д. Чечулина, посвященный финансовому управлению во время правления Екатерины II, содержит важные сведения о государственных доходах и расходах. Для более детального анализа этого периода исследователь сделал краткий обзор более раннего времени. В то же время автор рассматривал финансовую политику автономно от иных сфер государственной деятельности, вследствие чего его выводы о бессистемности и провальности политики Екатерины II в этой сфере несколько спорны⁸⁶. Исследование А.С. Вручевича посвящено, главным образом, истории финансовых учреждений в период правления императрицы Екатерины II. Указав на тот факт, что власть фактически впервые задумалась о необходимости проведения последовательной финансовой политики, исследователь все-таки критически оценил ее общую направленность. Аналогичные выводы мы видим и у К.В. Сивкова. Таким образом, все дореволюционные исследователи критикуют Екатерину II за неграмотное управление финансами, отмечая их «полное расстройство». Однако данные выводы порой противоречат фактам, представленным самими же исследователями. Вопросы подготовки преобразований в данных исследованиях затрагивались лишь вскользь.

История финансово-экономического управления начала XIX в. изучалась, главным образом, в русле министерской реформы. К столетнему юбилею учреждения министерств была издана обстоятельная история и министерства финансов. Данное двухтомное издание было написано на основании обширных архивных материалов, но, как это и предполагает подобного рода книга, фактически не содержало выводов по вопросам экономической политики государства.

Изучение таможенной политики было связано с анализом выбора дальнейшего экономического пути развития России. Сторонники протекционизма указывали, что только через таможенное покровительство наша страна сможет выйти из экономической отсталости⁸⁷. Представители фритредерства, напротив, считали покровительство ложной формой экономических отношений, что только увеличивает бремя для народа⁸⁸. Однако все эти исследователи более спорили о теориях, нежели представляли анализ конкретных реформ. Единственным специальным исследованием по истории таможенной политики была работа К. Ладыженского⁸⁹, где автор впервые представил целостный анализ в указанной сфере. В то же время очень спорным представляется тезис о всеобщей зависимости формирования таможенного тарифа от западных держав, тем более что многие приведенные автором факты тому противоречат.

В середине XIX в. началось активное изучение истории народного образования. Этому способствовало появление большого числа педагогических изданий: «Русский педагогический вестник», «Педагогический сборник», «Журнал для воспитания», «Журнал для родителей и наставников», «Учитель» и др. С этого момента актуальные вопросы формирования образовательной системы приобретают широкий общественный интерес.

Основные исследования по истории высшей школы второй половины XIX в. – начала XX в. представлены, главным образом, юбилейными изданиями, приуроченными преимущественно к столетию учебных заведений⁹⁰. Ценность данных изданий заключается в том, что они написаны на основе архивных материалов, благодаря чему впервые были собраны и обобщены данные по истории целого ряда высших учебных заведений России. Во второй половине XIX в. особый интерес ученые проявили к изучению истории высшего образования⁹¹. Однако эти исследования носили, главным образом, описательный характер.

Шагом вперед по истории становления и развития системы образования стали работы С.В. Рождественского, без обращения к которым не обходится ни одно исследование по истории образования до сих пор⁹². На богатом фактическом материале автор представил историю развития образовательной системы в России на протяжении двух столетий. Безусловным достижением автора является очень широкий охват темы: Рождественский проанализировал историю становления учебных заведений всех типов. Применительно к истории первой четверти XIX в. ученый рассматривал историю развития системы образования через проблему становления министерства образования. Причем С.В. Рождественским представлены, в том числе, и проекты отдельных реформ в области народного просвещения. Однако историк исследовал проекты образовательных реформ и способы их реализации в отрыве от политики государства в иных сферах. Такой подход способствовал некоторой идеализации правительственной политики в этой области.

Следующий, третий, этап изучения проектов и механизмов реализации реформ в России связан с появлением новой методологической основы – марксистского подхода к изучению исторического процесса. Историком, положившим начало изучению истории в данном русле, был М.Н. Покровский. Его первая статья, посвященная Александру I и политическим преобразованиям первой четверти XIX в., была издана еще в 1907 г. Позднее он выпустил «Историю России с древнейших времен», где также нашел отражение сюжет о реформах времен Александра I⁹³. В своих работах историк проводил мысль, что все политические события в значительной степени были обусловлены социально-экономическими процессами. Сообразно его теории, ре-

шающую роль играл торговый капитализм в России. События после смерти Петра I М.Н. Покровский считал «агонией буржуазной политики». После «дворцового переворота» 1730 г. власть перешла к западноевропейскому капиталу, а после воцарения Елизаветы Петровны начался «новый феодализм», который существовал до 1796 г. Таким образом, все попытки преобразований времен Екатерины II и Александра I были вызваны не их личными взглядами, а явились отражением устремлений правящего сословия. По его мнению, российская аристократия прекрасно понимала пагубность крепостного права, поэтому повсеместно стремилась перевести крестьян на оброк. При этом аристократы считали, что освобождению крестьян должна предшествовать конституция, которая закрепила бы их права. Однако подавляющая часть помещного дворянства категорически выступала и против конституции, и против освобождения крестьян. Философия Просвещения, считал историк-марксист, была чужда русскому обществу, слепо заимствована и потому не могла влиять на реформы. Взгляды М.Н. Покровского на историю России середины XVIII – начала XIX вв. оказали большое влияние на оценку реформ в России среди последующих историков.

Изучение истории политических реформ середины XVIII – первой четверти XIX в. оказалось на периферии советской исторической науки: период «дворцовых переворотов» рассматривался в русле высказывания В.И. Ленина об их необычайной легкости и оторванности от народа; Екатерина II допустила крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева, а Александр I – движение декабристов. В 20-50-е гг. молодую советскую историческую науку мало интересовали проблемы реформ, можно назвать лишь отдельные работы, посвященные смежным темам.

Сразу же после войны в конце 40-х гг. выходит серия статей, посвященных отдельным проблемам российской истории середины XVIII – первой четверти XIX в. Данные работы можно разделить на несколько групп. Во-первых, идет активное изучение архивных документов, особенно материалов Тайной экспедиции Сената и обобщение полученных данных⁹⁴. Эти статьи представляют научную ценность именно как добротный источниковый материал, где авторы, несмотря на излишне смелые выводы о глубине революционного движения в указанный период, в целом грамотно представили и проанализировали источники. Во-вторых, продолжают издаваться статьи о выдающихся государственных и общественных деятелях⁹⁵. В данных работах авторы представили качественные биографии своих героев, в чем-то может быть наивных (с точки зрения марксистской методологии), но оказавших определенное влияние на исторические события.

В конце 40-х гг. был издан курс лекций С.Б. Окуня⁹⁶, который переиздавался три раза (с изменениями и дополнениями), став основой для многих историков, изучающих данный период⁹⁷. Первоначально историк изложил свою концепцию реформ в России в начале XIX в. Хотя Окунь основывался на позиции М.Н. Покровского, использование дополнительных источников позволило ему шире взглянуть на указанную проблему. Главной причиной преобразований начала XIX в. С.Б. Окунь считал «наличие противоречий между развивающимся новым капиталистическим способом производства и господствующей крепостной системой». Он указал, что после прихода императора Александра к власти, около трона сложились три политические группировки: бывшие руководители заговора против Павла I, «екатерининские вельможи» и «молодые друзья». Достаточно активную позицию занимал и сам император Александр (в этом Окунь расходится со своими предшественниками М.Н. Покровским и А.Е. Пресняковым, отводящими царю достаточно пассивную роль). По мнению исто-

рика, Александр I заигрывал с либерализмом, умело сталкивал представителей различных группировок для того, чтобы укрепить собственную власть. Поэтому, как только император почувствовал себя увереннее, он все больше отходил от «заигрывания с либерализмом». Историк указал, что после провала первой наполеоновской кампании и позорного Тильзитского мира, в стране разразился экономический и политический кризис. Именно поэтому вынужденно император Александр вернулся к реформированию. По поручению Александра I Сперанский разрабатывает проекты реформ, серьезно затрагивающие механизмы государственного управления. Однако «этот выдающийся государственный деятель начала XIX в. не знал России и переоценивал уровень развития русского народа»⁹⁸ и потому потерпел неудачу. Несмотря на всю важность и значимость труда С.Б. Окуня, в нем много противоречий. С одной стороны историк пишет, что преобразования были вызваны внутренними потребностями развития страны, с другой указывает на зависимость проводимых реформ от «страха» перед революцией и борьбой придворных группировок.

В отличие от времени 30-х – начала 50-х гг., когда исследователи уделяли большое внимание истории освободительного движения, в 60-80-х гг. интерес сместился в сторону истории реформ, кодификации законодательства иным проблемам преобразований в России. Свой вклад в изучение указанных проблем внесли не только историки, но и юристы⁹⁹.

Изучению политических институтов самодержавия посвящена монография Н.П. Ерощкина¹⁰⁰. Историк подробно проанализировал причины реформирования государственного аппарата, министерскую реформу в начале XIX в. По его мнению, причиной реформ была необходимость самодержавия приспособиться к новым, развивающимся в недрах феодального общества, буржуазным отношениям, а движущей силой реформ – необходимость для императора Александра I лавировать между политическими группировками около трона. Определенный интерес для осмысления политических реформ первой четверти XIX в. имела диссертация А.И. Парусова¹⁰¹. Автор детально, на добротном архивном материале, проанализировал причины административных реформ в России, которые он видел в необходимости дворянско-крепостникам приспособиться к новым условиям. Общие выводы автора выдержаны в классической марксистской идеологии.

С середины 50-х гг. XX в. изучение истории второй половины XVIII – первой четверти XIX в. активизировалось. Этому способствовала и политическая «оттепель», и издание фундаментальных трудов Института истории Академии наук СССР¹⁰², а также пересмотр вузовских учебников¹⁰³. Период дворцовых переворотов в этих изданиях определен как время укрепления дворянства и монархии в целом, несмотря на шаткое положение отдельных правителей: «дворцовые перевороты и необычайная легкость их осуществления ... не отражались на социально-экономической структуре общества»¹⁰⁴. Достаточно критически авторы оценивали деятельность и реформы Екатерины II. По их мнению, подтолкнула монархию к этим реформам необходимость сгладить национальный конфликт. Для этого монархия использовала «либеральную демагогию», созыв Уложенной комиссии носил показательный характер, а «Наказ» являлся компиляцией произведений западных просветителей. В то же время в данных изданиях достаточно высоко оценили деятельность первых русских просветителей Н.И. Новикова, С.Е. Десницкого и других.

В отличие от дореволюционных изданий, в советской историографии не противопоставляли время правления Павла I и его реформы царствованию Екатерины II.

Тем не менее, во всех трудах указывалось, что император Павел считал необходимым проводить преобразования, опираясь исключительно «на свою самодержавную силу», а это неизбежно привело к ограничению прав и свобод дворянства. В конце XVIII в. данный путь был уже неприемлем. Сын Павла I Александр I также стремился укрепить самодержавную власть, но методы он выбрал совершенно иные. Здесь авторы фактически повторили позицию С.Б. Окуня. Конечно, авторы учебных изданий не отрицали попыток реформирования в начале правления Александра I, но, по их мнению, реформы носили исключительно административный характер. Но нельзя игнорировать тот факт, что в начале царствования императора Александра ряд сановников: С.Р. Воронцов, Н.С. Мордвинов, Г.Р. Державин и др. выступили с проектами реформы Сената для того, чтобы не допустить более произвола монарха¹⁰⁵.

Общий анализ истории реформ конца XVIII в. и первой четверти XIX в. был осуществлен А.В. Предтеченским¹⁰⁶. Историк считал, что на рубеже XVIII – XIX вв. был налицо кризис феодальной политической системы. Павел I пытался выйти из него путем максимальной централизации, ему была полностью чужда осторожность в политике. Он вызвал против себя волну глубокого недовольства, общественная мысль ушла в «глубокое подполье». А.В. Предтеченский отказался от принятого в то время деления царствования Александра I на два периода, считая это время единым в своей сущности процессом (надо сказать, что эта точка зрения не получила дальнейшего распространения). Но при этом указывал, что в своей основе «политика Александра была так же реакционна, как и политика Павла», так как проводимые им реформы «не изменили основ ни социально-экономического, ни политического строя, но подготовили дальнейшие преобразования»¹⁰⁷. Тем не менее, анализируемые автором конкретные факты подготовки реформ, например, деятельность Негласного комитета, проекты реформ Сперанского и др., порой противоречат авторской теории, поэтому заключение этого капитального труда поражает своей скудностью. Автор так и не ответил на вопрос, зачем государственные и общественные деятели планировали и пытались провести в жизнь политические, аграрные реформы, преобразования в области народного просвещения. Ответ дан в идеологическом духе: шла эволюция «русского феодально-крепостнического государства в направлении к буржуазной монархии»¹⁰⁸.

Проблемам реформ в России на рубеже XVIII-XIX вв. посвящена монография М.М. Сафонова¹⁰⁹. Несмотря на достаточно узкие хронологические рамки исследования, автор ставит важную задачу: понять причины начала масштабных реформ в первые годы XIX в. и определить их результаты. По мнению историка, император Александр, испытав на себе воздействие просветительской идеологии, вместе со своими единомышленниками разработал программы реформ. Но он переоценил «степень распространения просветительских идей среди господствующего класса» и поэтому все его начинания свелись лишь к трансформации бюрократического аппарата.

Помимо проблемы реформ, советских историков также стала привлекать тема развития общественно-политической мысли и просветительской философии¹¹⁰. Среди данных работ следует выделить монографию Н.В. Минаевой, в которой автор исследует процессы зарождения и развития конституционализма в России в начале XIX в. Автор сопоставляет их с уровнем общественного мнения в России, таким образом определяя соотношение правительственного и общественного конституционализма. Н.В. Минаевой вводится в научный оборот ряд новых источников, рассматриваются конституционные проекты М.М. Сперанского, Воронцовых, М.С. Мордвинова, конституции Царства Польского, Финляндии, Уставная грамота. На основе изученного

материала автор делает вывод о важности и своевременности этих проектов, но критикует их за отсутствие реального механизма их реализации¹¹¹. В восьмидесятых годах выходят в свет две коллективные монографии, посвященные истории конституционализма¹¹². Авторы этих монографий впервые в отечественной историографии пытались рассмотреть историю конституционализма в России в динамике, начиная с 1730 г. и до конца XIX в.

История экономической политики и экономических реформ не являлась приоритетной в советской историографии. В 20-40-х гг. было издано несколько научно-популярных книг, посвященных истории денежного обращения¹¹³. По истории банковской системы в советское время вышла обобщающая работа С.Я. Борового, которой предшествовало несколько статей автора¹¹⁴. Несмотря на то, что автор предполагал исследовать исключительно банковскую систему, в работе представлены материалы по истории экономической политики в целом, в том числе и отдельные вопросы подготовки экономических реформ. В то же время выводы автора исследования вполне закономерны: С.Я. Боровой указывает на реакционность кредитной политики государства в целом, обозначая ее как фактор, замедляющий развитие буржуазии.

Большой вклад в изучение финансовой политики Российского государства внесла монография и статьи С.М. Троицкого¹¹⁵. Он обозначил основные направления экономической политики России второй трети XVIII в., закончив свое исследование первыми годами правления Екатерины II. Безусловно, сильной стороной исследования Троицкого является привлечение широкой источниковой базы при анализе как доходов и расходов правительства, так и изучении проектов финансовых реформ. Вопросам формирования русской денежной системы посвящены работы И.Г. Спасского¹¹⁶. Историк-нумизмат особое внимание уделил формированию финансово-денежной системы страны. И.Г. Спасский заметил, что в XVIII в. произошло глобальное изменение отношений власти к денежной системе – от «порчи» монеты до формирования финансовой политики. Правда, исследователь анализировал монетную систему России скорее как нумизмат, чем историк.

Как часть преобразований в экономической сфере, в советской историографии изучалась таможенная политика. Из работ, непосредственно посвященных оценке внешнеэкономической деятельности российского правительства, можно отметить лишь два исследования: книгу С.А. Покровского «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России» и кандидатскую диссертацию С.М. Геворкяна. С.А. Покровский, проанализировав таможенно-тарифную политику екатерининского времени, сделал вывод о ее меркантилистском характере, в то время как дореволюционные авторы считали ее либеральной¹¹⁷. С.М. Геворкян сосредоточил внимание на борьбе фритредеров и протекционистов в первой четверти XIX в. По мнению исследователя, эта борьба отражала конфликт двух систем хозяйства – феодальной и капиталистической. Сторонники фритредерских взглядов выражали интересы феодально-крепостнического строя, а их оппоненты из числа протекционистов, напротив, интересы буржуазно-капиталистического развития¹¹⁸.

Большой интерес для изучения таможенной политики представляют труды В.Л. Полякова¹¹⁹. Он проследил связь таможенной политики с проблемами развития отечественной промышленности в конце XVIII – первой четверти XIX в. Историк заметил, что нельзя упрощенно понимать таможенную политику того периода, исходя лишь из фискальных интересов правительства. По мнению В.Л. Полякова, она объяснялась конкретными обстоятельствами разложения и кризиса феодальной системы,

сложным комплексом экономических и политических причин. Для доказательства заявленных положений автором проанализированы также отдельные проекты таможенных реформ.

Советская историография по изучению истории развития образования оказалась наименее политизированной, была продолжена традиция написания работ к юбилеям вузов¹²⁰. Правда, в данных изданиях доминировал материал по истории учебных заведений в советский период их существования, который оценивался очень высоко, в отличие от дореволюционного. Гораздо меньше внимания в советской историографии уделялось истории начального и среднего образования, в том числе лицеев, за исключением Царскосельского, и то в связи с пушкинской проблематикой, а также Училищ Высших наук, что вносило путаницу в определение статуса этих типов учебных заведений¹²¹. Ценность данных исследований в добротном подобранных фактах, формировании представления о развитии системы образования в целом. Однако авторы не углублялись в историю разработки образовательных реформ.

История развития общественно-политических взглядов нашла отражение в исследованиях жизни и деятельности, творческого пути отдельных русских просветителей, государственных и общественных деятелей¹²². Данные работы в своей массе не имеют концептуального характера, но на примере жизни «человека в истории» позволяют судить о времени, на которое приходится их творчество.

Следует отметить ряд работ, посвященных истории «Вольных обществ» последней трети XVIII – первой четверти XIX в. Авторы данных исследований в большинстве своем указывали на незначительность их влияния в обществе, что диктовалось существовавшим тогда методологическим подходом. Однако излагаемые историками факты деятельности данных обществ зачастую противоречат предлагаемым выводам¹²³.

Советские историки видели причину проведения реформ середины XVIII – первой четверти XIX в. в экономических изменениях, выразившихся в кризисе феодально-крепостнической системы, а также в распространении идей философии Просвещения. Изучение проектов экономических реформ проводилось в строгом соответствии с заданной марксистской идеологией. Авторы изучали и вводили в оборот новые источники, что и делает ценными их работы. Таким образом, в советской историографии сложилось устойчивое мнение, что проекты и сами реформы середины XVIII – первой четверти XIX вв. были вызваны необходимостью укрепления самодержавной власти и только на это и направлены.

Современная историография, отражающая механизмы подготовки реформ в России, неравноценна и разнообразна. Снятие идеологических барьеров значительно повысило интерес к прошлому нашей страны. В массовом порядке начинают издаваться и переиздаваться труды дореволюционных и зарубежных исследователей, что делает данную литературу открытой для научных изысканий и широкой публики¹²⁴. Кроме того, несколько сместились интересы исследователей от экономической истории к истории государственных учреждений, биографиям монархов и окружающих их лиц.

Общая концепция реформ в постсоветский период более всего представлена в учебной литературе. В середине 90-х гг. вышел учебник в МГУ по Отечественной истории¹²⁵. Авторы учебника указали, что реформы Петра I стабилизировали страну, так как новые учреждения и социальные структуры создали определенную устойчивость общества. Характеризуя историю России последней трети XVIII в., авторы отметили неизбежность проводимых императрицей Екатериной реформ, они указали на ее стремление «построить законную самодержавную монархию, обновить ее с учетом

новых исторических реалий, а не вводить конституционный демократический строй, как этого хотели просветители. Понимание монархами равенства и свободы не шло дальше закрепления прав и привилегий каждого сословия в рамках самодержавной монархии»¹²⁶. Авторы учебника показали, что на этот же период приходится начало формирования общественного мнения, появление отечественных просветителей с более широкими взглядами на необходимое направление реформ. Время правления Павла I рассматривается как период «отката назад». По мнению авторов, император стремился укрепить режим путем усиления дисциплины, не терпел любые возражения собственному мнению, что порой доходило до «самодурства». Представляя историю России первой половины XIX в., авторы учебника указали, что императоры Александр I и Николай I «отождествляли Россию с самодержавием». Первую четверть XIX в. авторы учебника назвали «эрой либерализма». Они отметили, что проекты, которые разрабатывались в начале правления Александра I, не привели к сколь-нибудь заметным реформам, а «лишь слегка подновили фасад Российской империи»¹²⁷. Либеральные реформы М.М. Сперанского могли привести к началу конституционного процесса в стране, но консервативные силы здесь оказались сильнее. Таким образом, период с середины XVIII в. до конца первой четверти XIX в. представляется авторами учебника как время преобразований, направленных на укрепление самодержавной власти.

Несколько иначе показана картина развития страны в учебном пособии «Россия в системе мировой цивилизации»¹²⁸. По замыслу авторов, методологической основой данного пособия являются «два смысловых стержня: цивилизационный подход и теория модернизации». На них и нанизывается фактический материал. При изучении интересующего нас периода авторы сделали акцент на системные политические реформы. Они определили «крупную реформу политической системы ... как результат и способ разрешения конфликта между традиционной организацией власти с одной стороны и рациональной – с другой». Рассматривая социальную политику, авторы учебника обозначили три основных направления трансформации дворянского сословия: превращение в привилегированное и противопоставление крестьянству; перегруппировка внутри сословия; выделение верхушки. Авторы указали на расширение в XVIII в. социального конфликта, связанного с усилением крепостного права. По мнению авторов, в основе данного конфликта лежал вопрос о земле, так как дворянство действовало «как агрессивная сила, стремящаяся вытеснить из сферы аграрного производства все другие заинтересованные слои»¹²⁹.

В политических реформах этого периода прослеживается усиление монархической власти и рост бюрократии. Эта политика получила название «просвещенного абсолютизма». При этом авторы отметили, что «просвещение» и «абсолютизм» противоположны друг другу, поэтому между ними возможен только временный союз. Вследствие наличия данного противоречия и не удастся довести реформы до конца, так как они неизбежно становятся «жертвой революции или консервативной контрреволюции». Препятствием модернизации во второй половине XVIII в. было крепостное право, которое не позволило успешно реализовать задуманные реформы, и в результате «на месте монолитного традиционного общества возникло общество, насквозь пронизанное противоречиями»¹³⁰. Данное учебное издание, носящее скорее исторический характер, разъясняет читателям направленность российского исторического процесса, но доказательной базы в нем явно недостаточно.

Новый взгляд на изучение истории России с точки зрения социальной политики был представлен в монографии Б.Н. Миронова¹³¹. Анализируя социальную историю, автор сделал общий вывод, что социальная модернизация закончилась неудачей, а для монархии – ее инициатора – крахом. Верховная власть и общество не нашли взаимопонимания, так как общественность вела войну на истребление самодержавия. Миронов подчеркнул взаимосвязанность изменений в разных сферах жизни. Данная монография восполняет пробел в формировании современной социальной истории. Однако автор фактически не вводит в оборот новых источников и не анализирует глубоко проекты реформирования России.

Помимо создания общих концепций, исследователи посвящали свои работы анализу частных, но достаточно важных проблем: изучению истории политических реформ, политической мысли, конституционализма, биографий монархов и иных государственных и общественных деятелей.

Одним из первых проблему оценки реформ в первой четверти XIX в. представил в своей монографии С.В. Мироненко¹³². В этой книге автор проанализировал основные проекты реформ по двум наиболее актуальным направлениям: «по конституции и освобождению крестьян». Он проанализировал причину неудач, которая, по его мнению, кроется в кулуарной подготовке данных преобразований. Разрабатывая столь важные для общества и государства проекты, как реформирование и отмена крепостного права и ограничение самодержавия, власть должна была подключить к их обсуждению общество. Однако этого сделано не было (в отличие от подготовки крестьянской реформы в середине XIX в.), поэтому преобразования и не удалось. Огромной ценностью монографии С. В. Мироненко является введение в научный оборот и анализ новых исторических документов. Хотя основные выводы, сделанные автором книги, достаточно спорны: едва ли в начале XIX в. монарх мог рассчитывать на поддержку общества.

Отдельные вопросы реформирования страны представлены в работах О.А. Омельченко¹³³. Историк, анализируя реформаторскую деятельность Екатерины II, доказывал, что такая политика была единственно возможной в условиях начинающегося кризиса абсолютизма. Просвещенный абсолютизм Екатерины II был продиктован «политическим прагматизмом»¹³⁴. Основой ее политики было обновление «государственного и правового строя» с позиций и в интересах власти. Сама доктрина «просвещенного абсолютизма» по своей сути консервативна, т. к. ее задачей, по мнению Омельченко, было стабилизировать в новых общественных условиях «старый режим». Исходя из этих размышлений, делается вывод, что попытка сформировать четкий и незыблемый государственный и социально-правовой уклад, сохраняя политический абсолютизм, была «политической и правовой утопией». Другими словами, политика просвещенного абсолютизма, как считает Омельченко, была вызвана к жизни общеевропейскими историческими реалиями, но не могла стать основой для дальнейшего реформирования и развития Российского государства в целом.

Современный исследователь проблем реформ в Павловское царствование Ю.А. Сорокин полагает, что в России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. были испробованы две «линии» развития: Екатерина II – Александр I и Павел I – Николай I, обе зашедшие в тупик. Деспотизм Павла I был «узко личностным», и потому заговор против него был просто мстью аристократии за нарушение традиций¹³⁵. Нам представляется, что выводы Ю.А. Сорокина не вполне убедительны в свете имеющихся данных об оппозиции в Павловское царствование.

В 90-е годы XX в. было продолжено изучение отечественного конституционализма. Исследователи изучали взгляды отдельных государственных деятелей, через призму которых и было представлено развитие конституционализма. Выходили и специальные работы. В монографии А.Н. Медушевского представлен феномен российского конституционализма от его истоков до современности, проводится сопоставление с западно- и восточноевропейскими аналогами¹³⁶. Автор приходит к выводу, что правовые реформы Просвещенного абсолютизма во многом имели конституционную направленность, выражавшуюся в попытке «создать более четкие законодательные основы государственности, которые не могли бы нарушаться произволом монархов». Эпоха Александра I расценивается Медушевским как время появления «конституционного вопроса в России» в собственном смысле слова.

Большой интерес представляют исследования, посвященные анализу личности монархов¹³⁷. Авторы данных работ, главным образом, ставят себе цель показать жизнь, внутренний мир своего героя, максимально объективно оценить его личность. Именно в этом, а не в характеристике тех политических событий, в которых глава государства неизбежно участвует, ценность данных работ.

В последнее время у исследователей повысился интерес к истории развития общества и общественной мысли. Так, в монографии В.Я. Гросула представлен анализ российского «общества» как особой социальной группы, «социального организма», отличного от власти и от народа¹³⁸. Автор проанализировал данное понятие и показал, что представители этой особой социальной группы, куда входили публицисты, профессора вузов, деятели культуры, вполне адекватно оценивали действительность и высказывали, устно и письменно, свои предложения по совершенствованию государственного строя. Кроме этой работы можно выделить отдельные монографии по истории Вольных обществ, истории клубов и т. п.¹³⁹

Анализ историографии политических реформ показывает, что исследователями был поставлен, но в достаточной мере не исследован ряд связанных с этим проблем: необходимость определить природу реформ, их значение для развития общества, последствия и тому подобное, что невозможно без анализа механизмов их разработки.

Современные исследователи, несмотря на ликвидацию всех идеологических преград, не особо интересовались вопросами экономической политики. Данные вопросы представлены лишь в некоторых статьях. Так, в ряде своих работ Л.П. Марлей исследовала вопросы финансовой политики в России первой четверти XIX в. Финансовые планы М.М. Сперанского и Д.А. Гурьева стали предметом диссертационного исследования автора, где были изучены проекты финансовых реформ в России данных государственных деятелей¹⁴⁰. Проблемам развития финансов и дефляционным мероприятием министра финансов Д.А. Гурьева посвящена статья Г.В. Носовой¹⁴¹. Автор отметила, что именно грамотная политика Д.А. Гурьева «спасла» страну от финансового краха после наполеоновских войн. Т.Е. Новицкая в небольшой статье обратила внимание на формирование налоговой политики в XVIII в¹⁴². Как отметила автор, в течение всего столетия власть проводила отдельные мероприятия по упорядочиванию финансовой системы страны, но основные финансово-налоговые меры проводились для поддержания дворянства. Истории развития банковского дела в России посвящена монография В.В. Морозана¹⁴³. Детально изучив историю становления и развития банков в стране, автор сделал вывод, что за столетие в России не только сформирована данная система, но и органично «вписана» в экономическую жизнь страны.

Свой вклад в изучение вопросов истории российских финансов внес А.И. Юхт¹⁴⁴. Его работы посвящены, главным образом, анализу денежного обращения, проблемам чеканки денег, истории монетных дворов. В статье о денежной системе России середины XVIII в. исследователь выделил основные этапы развития денежной системы, определил их особенности. А.И. Юхт отметил, что все реформы монетной системы были связаны с перечеканкой медной монеты. В монографии историк проанализировал введение ассигнаций, в основном, с точки зрения нумизматики.

Таким образом, история развития экономических преобразований в историографии освящена фрагментарно. Единой картины экономической государственной политики не представлено ни за весь изучаемый период, ни за какую-либо его часть.

Современная историографическая ситуация зарождения и реформирования образовательной системы весьма неоднородна. С одной стороны, вопросы развития российской педагогики активно исследуются специалистами в этой области. С другой стороны, собственно работ специалистов-историков, освещающих природу реформ в образовательной сфере, недостаточно. Кроме того, в последнее время повысился интерес к историко-антропологическому аспекту проблемы, исследованию личностного фактора в правительственной образовательной политике, персонального вклада отдельных государственных деятелей в ее разработку и осуществление¹⁴⁵. Авторы данных исследований сделали акцент на роль личности реформаторов в истории развития образования. Как правило, в представленных исследованиях на фоне биографии государственного деятеля проанализированы и его взгляды, и отчасти проекты проводимых или планируемых преобразований. Достаточно высокую оценку исследователи дали деятельности И.И. Бецкого, его вкладу в развитие просвещения в России, и в том числе в открытие первых Воспитательных домов. Н.М. Румянцева, исследуя педагогические воззрения Сперанского, указала, какое большое значение данный государственный деятель придавал развитию высшего образования, сколько усилий он приложил для открытия Царскосельского лицея и Училища правоведения.

Не обошли исследователи стороной историю образовательных и научных учреждений¹⁴⁶. Г.И. Смагина, Ф.Л. Петров А.И. Аврус и другие исследователи, используя весь накопленный материал, представили свое видение проблемы в свете новых методологических концепций.

Собственно политике правительства в области народного просвещения посвящено несколько работ. Следует выделить монографию Е.П. Титкова об образовательной политике Екатерины II¹⁴⁷. Автор исследования отметил, что далеко не все замыслы, связанные с образовательной реформой, удалось реализовать, но это не снижает большого исторического значения школьной реформы Екатерины II. Специальных исследований, посвященных образовательной политике в первой четверти XIX в., учеными не представлено, однако историки обратили внимание на отдельные аспекты реформ в сфере образования. Вопросы развития высшей школы проанализированы в кандидатской диссертации Г.В. Кукушкиной¹⁴⁸. На основании проведенного исследования автор сделала вывод, что в результате целенаправленной правительственной политики была сформирована правовая база высших учебных заведений и создан механизм их функционирования.

Итак, несмотря на обширность исторических и педагогических исследований по истории формирования образовательной системы, специальных работ, в которых авторы изучали бы проблемы подготовки реформ в сфере образования, нет.

Среди зарубежных авторов, которые в своих исследованиях представляют целостную картину российской истории сер. XVIII – первой четверти XIX в., можно выделить М. Раева, Р. Пайпса и Р.С. Уортмана.

М. Раев – один из авторитетнейших американских русистов – еще в 60-х гг. в ряде исследований представил собственное видение развития российской истории императорского периода¹⁴⁹, а издание его работы на русском языке «Понять дореволюционную Россию» в начале 90-х гг. оказало влияние и на формирование постсоветской отечественной историографии¹⁵⁰. Как писал М. Раев, со времени правления Петра Великого до революции 1917 г. преобладали два процесса: «вестернизация (или модернизация) и революционное брожение»¹⁵¹. Политика Петра I и Екатерины II была направлена на создание регулярного, «полицейского» государства, в своей основе аналогичного Франции XVII в. и германским государствам. Таким образом, история России с запозданием «повторяла» западноевропейскую, развиваясь в общем с ней русле. Социальная политика российских монархов, особенно Екатерины II, также была направлена на создание сословий по европейскому образцу, тем более что, в отличие от западного, российское дворянство никогда не составляло замкнутую среду и имело сложный социальный состав. Во многом по этой причине происходит падение роли дворянства в государственном управлении в течение XVIII в. и появление, как социальной силы, бюрократии. Ее рост и усиление влияния в системе государственного управления привели, по мнению М. Раева, к «деперсонализации», «атомизации», «фрагментации» дворянства, и, как следствие, к его «отчуждению» от государства¹⁵².

Рассматривая вопросы проведения реформ в России, М. Раев выделил два типа реформирования: классический западный и бюрократический восточный. Россия развивалась (реформировалась) вторым путем, когда монарх опирался при проведении преобразований на бюрократический аппарат, а не общественность. Главной же целью реформирования было желание не потерять статус великой державы, что и определило глубину политического реформирования, не затрагивающего основ существующего строя¹⁵³. Творчество М. Раева оказало наибольшее влияние на отечественную историческую науку.

Собственный взгляд на развитие российской государственности представил Р. Пайпс¹⁵⁴. В предисловии автор указал, что целью его исследования является ответ на вопрос, почему общественность оказалась не в состоянии ограничить самодержавие. Основную причину Р. Пайпс видел в «незавершенности реформ в отношениях между государством и обществом». Власть требовала от общества терпеть опекавший его режим, который сам не признавал никаких ограничений. Чтобы отвлечь элиту российского общества (дворянство) от политики, власть удовлетворяла ее материальные запросы. Вследствие этого, делает вывод Р. Пайпс, в стране сложилась парадоксальная ситуация. Формально монархи обладали всей полнотой власти, однако на самом деле «как будто они были капитанами корабля, обладающими полной властью над его командой и пассажирами, но почти не имеющими права голоса в управлении им или в выборе курса»¹⁵⁵. То есть реформы были неудачными не из-за отсутствия в монархах истинного стремления реформировать, а из-за невозможности реализовать задуманное.

Собственную оценку политического развития представил Р.С. Уортман в монографии, посвященной истории формирования правосознания в императорской России¹⁵⁶. Историк указал, что в XVIII в. самодержавие приняло новый облик: «монарх ныне становился не просто божьим помазанником, но радетелем благоденствия сво-

его народа»¹⁵⁷. В народе сохранялся образ патриархального царя, что вызывало недоверие к формальным институтам власти. В этих условиях монархия стремится сформировать правовые понятия у населения, что было почти невозможно.

Таким образом, несмотря на обилие литературы по самым разным проблемам политического, социального и экономического реформирования страны, их целостного исследования на протяжении исторически значимого периода не проводилось. Не выработано обоснованных критериев оценки реформаторского пути России в изучаемый период. Во многом это связано с недостаточной изученностью причин реформаторской деятельности, желанием «подогнать» факты под теорию. Еще больший разброс мнений мы встречаем при изучении отдельных преобразований. Следовательно, только комплексный анализ всего спектра реформ, от начала их подготовки до механизмов реализации, позволит разобраться в сущности реформаторского процесса в России середины XVIII – первой четверти XIX в., что и является предметом нашего исследования.

Источниковая база исследования

История реформ, механизм их подготовки и проведения требуют привлечения широкого круга источников. Изучаемый период – середина XVIII – первая четверть XIX в. – с точки зрения формирования и накопления источникового массива – имеет свои особенности. В это время резко возрастает общий объем источников самых различных направлений, что делает невозможным изучение абсолютно всех и требует от исследователя тщательной подборки информации. При этом изменяется не только количество источников, но и их качество: расширяется круг авторов источников. В указанный период значительно возрастает общая грамотность и социально-политическая активность населения, что приводит к формированию целой серии новых источников личного происхождения.

Заявленная тема – анализ проектов реформирования России – требует всестороннего исследования деятельности государственных органов и жизни общества в политической, экономической и социально-культурных сферах. Исходя из этого, для проведения исследования мы привлекли все существующие на данный период источники, производя необходимый отбор уже внутри групп.

К первой группе мы отнесем законодательные акты. Законодательство – вид исторических источников, объединяющий нормативные документы, санкционированные верховной властью¹⁵⁸. В законодательстве, как известно, отражается реальная политика государства. Поэтому ни одно историческое исследование не может обойтись без анализа действующей в изучаемую историческую эпоху правовой базы. Именно в законах, главным образом, отражался процесс реализации задуманных и планируемых реформ.

Привлечение и использование законодательных актов облегчает тот факт, что они практически полностью опубликованы. По нашему периоду – в первом полном собрании законов Российской империи¹⁵⁹, в книгах Сенатского архива и в ряде современных публикаций¹⁶⁰. Часть материалов находится в архивах, прежде всего, в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА), фонд 439 – журналы дежурных генерал-адъютантов и высочайшие приказы, отдаваемые при пароле дела 63-65. Фонд 1329 – именные указы и повеления Сенату оп. 1 д. 184-135, оп. 3, д.251-263. Фонд 1583, опись 22 – канцелярия обер-прокурора Сената и др.

Привлекая данные источники, необходимо было учитывать, что почти за столетие с середины XVIII в. и до 1826 г. была обнародована не одна тысяча нормативных актов очень разных по значимости и содержанию. Дело в том, что в изучаемый период понятие «закон» еще до конца не сформировалось. Исследователи истории права отмечали, что под законом понимается воля императора. Г.В. Вернадский писал: «начиная с Петра Великого, единственным источником права делается воля законодателя; это период правотворчества императорских указов...»¹⁶¹. Более четко определял закон М.Ф. Владимирский-Буданов: «в период империи установилось понятие о законе как о воле государя, правильно объявленной»¹⁶². В этот период выделяют: манифесты – законодательные акты, провозглашавшие вступление на престол нового императора, сообщавшие о рожденьях, браках и кончинах лиц императорской фамилии, а также о наиболее существенных реформах; указы; уставы – специальные законодательные акты, регулирующие какую-либо сферу деятельности (Устав благочиния 1782 г., Таможенный устав по Европейской торговле 1819 г.) или отрасль материального права (Устав о банкротах 1800 г.); регламенты и учреждения – законодательные

акты учредительного характера, определявшие организацию, состав, компетенцию и регулирующие деятельность государственных учреждений. Это лишь примерный перечень, т. к. реально разновидностей нормативных актов было гораздо больше, а их соотношение постоянно менялось¹⁶³.

Кроме того, в изучаемый период, благодаря влиянию философии Просвещения, во властных кругах утвердилась идея, что с помощью «правильных» законов можно изменить (улучшить) общество. Отсюда принятие того или иного нормативного акта, особенно в рамках работы Уложенных комиссий, рассматривалось властью и обществом как политический акт, а не просто совершенствование законодательной базы. Поэтому при анализе путей реформирования России крайне важно проанализировать историю принятия того или иного нормативного акта, споры в правительственных кругах вокруг его отдельных аспектов, причины последовательности принятия законов и другие сопутствующие вопросы. Именно борьба вокруг принятия отдельных законов показывала не только расстановку политических сил, но и отражала взгляды ее участников. Например, принятию указа от 5 июня 1801 г. «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его для утверждения оного силою закона, на незыблемом основании» или как его называли «О правах Сената» предшествовала борьба в правительственных кругах, серьезная и жесткая, далеко не совместимая с последующим значением этого указа.

Надо сказать, исследователи данного периода использовали законодательство весьма выборочно. Применительно к Екатерининскому времени внимание исследователей было приковано к «Жалованным» грамотам городам и дворянству. Эти документы переизданы и проанализированы юристами в «Российском законодательстве X – XX века». Однако историками эти и другие документы используются редко, чаще всего как иллюстративный материал.

С учетом поставленных перед нами задач в работе были проанализированы нормативные акты, которые реально повлияли на политическую, социально-экономическую ситуацию в стране (например, Жалованные грамоты Екатерины II, указ о престолонаследии Павла I, указы об учреждении министерств, Государственного совета Александра I и т. п.). Здесь важно изучить и охарактеризовать сам нормативный акт, его структуру и содержание, для чего мы применили формально-юридический и сравнительный методы исследования. Данный подход позволил рассмотреть закон в конкретно-исторической ситуации, определить его роль и значение.

Большое внимание было уделено указам, манифестам, которые сами по себе и не сыграли большой политической роли, но имели большой общественный резонанс (например: указ «О правах Сената» 1801 г., указ о запрещении публиковать объявления о продаже крепостных крестьян и др.). В данном случае важно было изучить не сам текст закона (как правило, он не так важен или малозначителен), а историю его принятия, так как проекты и редакции данных нормативных актов позволяют судить о политических и идейных пристрастиях монархов, государственных и общественных деятелей. Сюда же следует включить политические проекты преобразований, которые по тем или иным причинам не нашли отражение в законодательстве, то есть так и не были приняты. Эти проекты достаточно сложно классифицировать, так как каждый из них по-своему оригинален. Главной отличительной чертой данных проектов от документов, связанных с подготовкой законов, является инициатива их составления. Первые составлялись или по служебной необходимости, или по личной просьбе монарха. Вторые – исключительно по личной инициативе. Естественно, они в боль-

шей степени отражают личные взгляды своих авторов. Иначе говоря, государственные и общественные деятели представляли монарху уже полностью готовые проекты законов, которые, по их мнению, необходимо было принять. В эту группу входят проект реформы государственного устройства Н.П. Панина – Д.И. Фонвизина¹⁶⁴, проекты А.А. Безбородко¹⁶⁵, М.М. Сперанского¹⁶⁶, В.П. Кочубея¹⁶⁷, Д.А. Гурьева¹⁶⁸, О.П. Козодавлева¹⁶⁹ и др.

Для изучения проектов реформ важно было исследовать документы, исходящие от царственных особ. Проблема здесь в том, что по законам Российской империи любое, даже устное, распоряжение монарха автоматически становилось обязательным для исполнения. Однако, например, «Наказ» Уложенной комиссии Екатерины II, ряд проектов по реформе Сената, составленные императрицей Екатериной, великим князем Павлом Петровичем¹⁷⁰, а также собственноручные записки Александра I¹⁷¹ и другие аналогичные материалы так и не стали законами. В то же время, данные документы требуют тщательного анализа, каждый в отдельности, так как позволяют судить о взглядах и пристрастиях российских монархов.

Наконец, мы сочли необходимым изучить и представить в исследовании указы и распоряжения, не имевшие принципиального или даже существенного значения, но позволяющие понять «дух эпохи». Особенно это касается законодательной базы павловского времени. Например, указ, чтобы офицеры не сидели за столом в шляпах; указ, чтобы все офицеры испрашивали высочайшего разрешения на вступление в брак и др.

Во вторую группу источников мы включили проекты реформ или «записки», исходящие от общественных деятелей. К ним можно отнести юридические, философские, литературные произведения, где авторами было представлено собственное видение направленности преобразований. Данные проекты составлялись лицами, далекими от реальной политики: общественными деятелями, юристами и другими людьми, которые не находились (по крайней мере, в период составления данных материалов) на государственной службе, предложения и проекты, составленные в рамках деятельности «Вольных обществ», а также непосредственно по заданию монархов.

Проекты документов, исходящие от общественных деятелей, публицистов очень сложно как-либо классифицировать, так как каждое произведение из данной группы по-своему уникально. Не всегда возможно их разделить по жанрам на философские, литературные, юридические, политические, так как во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. одно и то же произведение можно было отнести и к литературе и, например, к философии. Невозможно с достаточной точностью разделить материалы на «либеральные», «консервативные» и «радикальные», так как данные общественно-политические течения еще находились в процессе становления и до конца не сформировались. Поэтому мы отказались от какой-либо специальной классификации и проводили анализ данных материалов в хронологическом порядке, то есть по царствованиям.

Время составления проектов реформ, авторами которых не являлись государственные служащие, приходится, главным образом, на правление императоров Павла I и Александра I. При Екатерине II вопросы государственного реформирования не выносились на всеобщее обсуждение, за исключением подготовки и работы Уложенной комиссии, о чем уже говорилось. Более того, инициатором большинства преобразований и автором проектов реформ была сама императрица. Поэтому и их составление едва ли было широко распространено. В этот период общественно-политическая

мысль получает развитие в других формах: просветительская философия, сатирическая литература, появление «Вольных обществ» и т. п. В период правления императора Павла I разговоры о необходимых реформах, составление проектов преобразований получают достаточно широкое распространение, особенно в аристократической среде. О существовании большинства проектов, авторами которых были, главным образом, участники заговора против императора Павла, мы узнаем из косвенных источников, например, мемуаров. Наконец, на период правления императора Александра I приходится время достаточно широкого распространения «законотворчества» среди лиц, в действительности далеких от реальной политики.

Почти во всех произведениях, так или иначе, авторы рассматривают вопросы преобразований в государстве, поднимают проблемы социальной политики, прежде всего крепостного права и т. п. При изучении данных материалов необходимо обязательно учитывать личность автора, а также, по возможности, причины, побудившие данного человека заняться составлением плана реформ, письменно или публично размышлять о проблеме законности. Все это необходимо для того, чтобы ответить на вопрос: какое влияние данный проект имел в обществе. Материалы проектов находятся в архивах, а также частично опубликованы.

Большое влияние на формирование отечественной общественно-политической мысли оказала деятельность М.В. Ломоносова как ученого и как одного из основателей Московского университета. Дело М.В. Ломоносова продолжили и другие профессора и преподаватели Московского университета и гимназии при университете, а также преподаватели и выпускники Академического университета Санкт-Петербурга: Н.Н. Поповский, оба Козельских, С.Е. Десницкий, И.А. Третьяков, С.Г. Забелин, Д.С. Аничков, А.А. Барсов, А.Я. Поленов, Д.И. Фонвизин, Л.А. Цветаев и др. Ряд из перечисленных деятелей работали в Уложенной комиссии. Все эти ученые и общественные деятели внесли свой вклад в дело развития образования в России и, как следствие, свободомыслия. Поэтому для нашего исследования представляет интерес их общественная деятельность и творчество. Особый интерес представляют труды отдельных ученых. С.Е. Десницкий – основатель российской юриспруденции – много писал о проблемах законности, собственности, происхождении власти. Я.П. Козельский, ученик М.В. Ломоносова, в своих произведениях размышлял о проблеме верховной власти, отдавая приоритет «просвещенной монархии», анализирует понятия «право» и «закон». Подробно творчество названных ученых и общественных деятелей мы анализируем в тексте работы.

Большой интерес для нас представляют взгляды Д.А. Голицына. Свои идеи он изложил в письмах кузену, вице-канцлеру, князю Александру Михайловичу Голицыну. Всего в течение более чем 10 лет было написано 22 письма. Несмотря на специфичность жанра, в этих посланиях содержалась вполне стройная программа экономических реформ. Автор, с точки зрения «русского европейца», анализировал проблему крепостного права и представил свои способы освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Несколько особняком стоит творчество Ф.В. Кречетова¹⁷². Он не получил какого-либо серьезного образования, не обучался за границей, при этом Ф.В. Кречетов был автором ряда юридических трудов, основал и два года руководил «Всенародным вольно к благоденствию составляемым обществом», его взгляды и творческий путь, безусловно, заслуживают внимания.

Во время правления императора Павла I составляются уже откровенно оппозиционные проекты преобразований, что связано с неприятием деспотических методов управления страной. О большинстве данных проектов мы узнаем из уголовных дел «об оскорблении величества». Данные материалы находятся, главным образом, в архивах РГАДА и РГИА¹⁷³, частично материалы опубликованы в исторических журналах. Наибольший интерес для нас представляют взгляды прапорщика Ивана Тихоновича Рожнова¹⁷⁴ и братьев Грузиновых¹⁷⁵. Главная особенность и сложность при изучении данных материалов заключается в том, что взгляды вышеназванных авторов представлены в рамках уголовных дел. Следователей не интересовала общая политическая платформа – в их задачу входило выявление данных об «оскорблении величества», поэтому читать уголовные дела приходится «между строк».

Смягчение режима при императоре Александре I общественные деятели использовали для создания Вольных обществ, журналов, литературных салонов, где обсуждаются насущные политические вопросы. Свои размышления о наилучшем государственном устройстве высказывали в своих записках Александру I такие деятели, как В.Н. Каразин¹⁷⁶, А.И. Арсеньев и др. Сложность изучения данных документов заключается в том, что они сохранились в пересказах.

Проекты реформ активно составляли государственные деятели, особенно в первой четверти XIX в. При вступлении на престол император Александр публично заявил о своей решимости приступить к реформам, поэтому составлением проектов преобразований занялись многие государственные деятели, как по поручению монарха, так и по собственной инициативе. Такие государственные деятели как М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцов, В.П. Кочубей, П.А. Строганов, Н.С. Мордвинов, В.О. Козодавлев, Д.А. Гурьев и даже А.А. Аракчеев, главным образом по заданию императора, составляли проекты преобразований в политической, экономической сферах, в том числе по вопросам реформирования крепостного состояния¹⁷⁷.

В третью группу привлеченных источников мы включаем материалы Уложенных комиссий. Уложенные комиссии – это временные коллегиальные органы, которые созывались для кодификации законов, вступивших в силу после Соборного уложения 1649 г. Всего их было семь. Нас интересуют две последние: Елизаветинская 1754-1766 гг. и Екатерининская в 1767-1770 гг., точнее, работа Большого собрания комиссии. Документы по данному вопросу весьма обширны. Они хранятся в Российском государственном архиве Древних актов (далее – РГАДА) фонд 342 – материалы «Новоуложенных комиссий». В делах 61,62 и 63 собраны материалы по Елизаветинской комиссии. Далее – Екатерининской комиссии. Выписки из Наказов депутатов хранятся в делах 205 «о праве лиц», 206 «об имениях», 207 «об обстоятельствах», 208 по уголовному праву, 209 о правах народов, подвластных России, 210 о судопроизводстве, 211 о службе вообще, 212 «по духовной части», 213 по внутреннему управлению, 214 по управлению почт, 215 о путях сообщения, 216 по части финансов, 217 об училищах и благотворительных заведениях, 218 о внешних сношениях, 222 донесения разных лиц в Сенат, присланные на рассмотрение Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Кроме того, сюда же следует отнести екатерининское законодательство: РГАДА, фонд 5 – переписка членов императорской фамилии с другими особами. Эти документы, как правило, письма делового характера, которые Екатерины II отправляла своим сановникам, показывают степень ее личного участия в ходе подготовки ряда реформ, созыве «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения». Фонд 10 – материалы кабинета Екатерины II. Указы и рескрипты из кан-

целярий личных секретарей Екатерины II, рисуют механизм работы государственного аппарата в то время, степень личного участия различных государственных деятелей. Иногда эти документы позволяют понять реальные причины тех или иных изменений. Часть материалов Уложенных комиссий опубликована. В сборниках Русского исторического общества (далее – сб. РИО) в 14 томах представлены указы избирателей в Екатерининскую комиссию, а также протоколы заседаний¹⁷⁸.

Данные материалы изучались (хотя далеко не полностью) А.В. Флоровским, В.Н. Латкиным, О.А. Омельченко¹⁷⁹ и др. Однако названные авторы анализировали их скорее как юристы, чем как историки. Они изучали структуру этих комиссий, определяли механизмы разработки новых законов. Исследователями материалы Уложенных комиссий использовались редко, потому, на наш взгляд, закрепилось мнение, что итоги их деятельности ничтожны и потому не заслуживают особого внимания. Нам представляется, что этот стереотип не вполне верен. Все Уложенные комиссии, а последняя в особенности, оказали большое влияние на общество. Да, нового уложения выработано не было, но в результате работы указанных комиссий были проработаны и утверждены десятки нормативных актов практически по всем вопросам общественной жизни.

При исследовании и использовании материалов Уложенных Комиссий для изучения процесса подготовки и проведения реформ, по нашему мнению, следует учитывать ряд обстоятельств. Несмотря на то, что две вышеназванные комиссии служили одной цели, они значительно отличаются по структуре и принципам работы. Работа елизаветинской комиссии больше напоминает придворную борьбу, в то время как екатерининская отражает формирование общественного мнения в стране. Поэтому при изучении работы Уложенной комиссии 1754-1766 гг. нам необходимо было исследовать различные редакции проекта нового Уложения, а также сопутствующие этому материалы – проекты П.И. Шувалова, А.Р. Воронцова. Изучая материалы Уложенной комиссии 1767-1770 гг., мы использовали, прежде всего, указы для депутатов и обсуждения отдельных положений екатерининского «Наказа» комиссии.

В четвертую группу источников мы отнесли протоколы «Негласного комитета», раскрывающие подготовку и попытки проведения реформ в первые годы царствования Александра Павловича. Указанные «протоколы» велись им по-французски. В 1869 г. М.И. Богданович опубликовал обширные выдержки из них (частично – в вольном изложении) в переводе на русский язык в приложении к своему исследованию об истории царствования Александра I. Полная публикация на языке оригинала была сделана в 1903 г. вел. кн. Николаем Михайловичем в приложении ко второму тому его труда о П.А. Строганове. Последняя публикация (не говоря уже о публикации Богдановича) сделана на недостаточно высоком археографическом уровне, вследствие чего, по нашему мнению, необходимо обращаться к оригиналу. Историческая достоверность этих документов была проанализирована М.М. Сафоновым¹⁸⁰. Однако данная небольшая статья не решает многих вопросов. Необходим квалифицированный научный перевод этих интересных и немаловажных источников. Работа «Негласного комитета» и все материалы и документы, которые через него проходили, требуют отдельного источниковедческого и исторического исследования. Фактически «Негласный комитет» был первым правительством императора Александра I, в котором обсуждались все проекты преобразований, были собраны проекты и материалы по различным вопросам государственной политики. Поэтому на сегодняшний день для анализа проектов реформ в начале XIX в. протоколы необходимо проверять по фран-

цузским оригиналам, которые хранятся в РГАДА, личном фонде Строгановых, фонд 1278, Оп. 1. Д. (Тетрадь) 11,12,13.

Подготовка и проведение реформ в России в изучаемый период проявились в оппозиции правительственной политике Екатерины II, Александра I и, особенно, Павла I. Материалы и документы, характеризующие это явление, составляют пятую группу источников. Они наименее изучены и редко используются исследователями. По большей части данные материалы не опубликованы. Нами изучены и использованы документы из РГАДА, фонд 7 – «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и тайная экспедиция», – материалы политического сыска. В этом же фонде собраны материалы кружка А. М. Каховского. Для более полной картины нами были привлечены материалы из других фондов, связанные с деятельностью этой организации – фонд Ермоловых, 1401 и др. В РГИА, фонд 1345, оп. 98 представлены материалы следственных действий канцелярии генерал-прокурора. Как правило, данные дела содержат документы об оппозиционных настроениях среди разных слоев населения. Среди них Д. 525 – материалы следствия по делу братьев Грузиновых. Для анализа данного дела мы привлекли также и другие документы из РГАДА, фонд 5 (дополнение), дело 49, письма Евграфа Грузинова к Павлу I, РГИА, фонд 1346, оп. 43. д. 264, указы Сенату.

Для полноты характеристики материалов следствия того времени нами привлечены материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), фонд 98 – документы Шлиссельбургской тюрьмы (распоряжения к содержанию заключенных, материалы следствия которых находятся в привлеченных выше делах), фонды 109, 229 – III жандармское управление, фонд 1165 – особая канцелярия министерства внутренних дел. Это материалы более позднего времени, но в них содержатся ракурсы в историю, особенно историю масонства, что представляет большой интерес, так как показывают данные события в их развитии. Определенный интерес для исследования взглядов оппозиции представляют фонды Российского государственного архива литературы и искусства (далее – РГАЛИ), фонды-коллекции 46 П. И. Бартенева, издателя журнала «Русский архив», где находятся материалы о заговоре против Павла I, документы российских масонов. Очень любопытен разбор донесений на Н. И. Новикова и других «оппозиционеров» тайной следственной комиссии Николаю I. Фонд 195 Вяземских содержит подлинники материалов следствия по делу Н.И. Новикова. Работа с этими документами требует знания судопроизводства и ведения следствия в то время. В тот период следственными органами главное внимание уделялось замыслам и действиям «заговорщиков и оппозиционеров» против личности монарха. Более глубоко взгляды заговорщиков следователей, конечно, не интересовали, что определяет особенность анализа данных документов.

Шестая группа привлеченных источников – материалы и документы личного происхождения. Изучая проекты реформ, мы не могли обойти стороной оценку личности их авторов, ведь от личностных качеств того или иного реформатора порой зависел и смысл предлагаемых им преобразований. Главной отличительной чертой этих источников являются их неофициальное происхождение, персональное авторство. Причиной возникновения данных документов была исключительно личная инициатива их авторов. Данные источники достаточно традиционны – это переписка, мемуары и дневники государственных и общественных деятелей. При их использовании необходимо учитывать, что мемуары, дневники и письма, прежде всего, отражают позицию автора, его отношение к тем или иным событиям, а не сами события. Но, в

то же время, источники личного характера позволяют нам понять «дух времени», атмосферу, царившую в стране в определенном социальном слое в свое время.

Данные источники большей частью опубликованы в исторических журналах, личных архивах и отдельными изданиями¹⁸¹. Ряд материалов все еще находится в архивах. Большой интерес представляют личные документы русских монархов: РГАДА фонд 1 Секретные папки, куда вошли собственноручные письма, записки, завещания членов императорской семьи. Реже чем воспоминания, в архивах представлена переписка. Она собрана в личных архивах и коллекциях: РГАДА, фонды Воронцовых (1261), Голицыных (1263), Строгановых (1278); РГИА, фонд великого князя Николая Михайловича (549); РГАЛИ, фонд П. Н. Бартенева (49), Коллекция рукописей, архив Санкт-Петербургского филиала института Российской истории Российской Академии наук (далее – архив ФИРИ РАН), фонды Воронцовых 36, Коллекция рукописных книг 115. Переписка в то время велась на французском, реже немецком, языках и нами сделаны необходимые переводы.

Все источники личного характера для удобства исследования мы разделили на две части. В первую мы включили воспоминания, дневники и письма об императорском дворе, политических событиях и т. п. Авторами их были люди, близкие ко Двору, занимающие достаточно высокие должности. Часть воспоминаний представляют автобиографии и начинаются с описания детства их авторов, часть повествуют нам о каком-либо значимом в жизни автора событии (например, участие в заговоре против императора Павла I, путешествие в Россию и др.), но это не меняет общего правила – личная жизнь в таких источниках находится на втором плане по сравнению с описываемыми событиями. В данную подгруппу мы отнесли записки самой императрицы Екатерины II¹⁸², ее статс-секретарей и других придворных: А.М. Грибовского¹⁸³, В.С. Попова¹⁸⁴, М. Гарновского¹⁸⁵, Ф.П. Лубяновского¹⁸⁶, Е.Ф. Комаровского¹⁸⁷; дневник А.В. Храповицкого¹⁸⁸, Е.Р. Дашковой¹⁸⁹, В.Н. Головиной¹⁹⁰ и др. О Дворе и привычках императора Павла I повествуют авторы следующих записок: С. Порошина, Ф. Головкина, Л.Н. Энгельгарда, «рассказы» Н.О. Кутлубицкого и др. Не менее интересны записки о реформах Александра I: Г.Р. Державина¹⁹¹, П.А. Вяземского, Ф.Ф. Вигеля, И.И. Дмитриева, В.Ф. Малиновского¹⁹² и др. Несколько особняком стоят мемуары иностранцев Л.-Ф. Сегюра, аббата Жоржеля, Я.И. Санглена, Шуазеля-Гуфье, Ш. Массона, Э. Дюмона. Они написаны в форме описания путешествий. Кроме того, перед нами – взгляд со стороны на российскую действительность.

Вторую часть составляют воспоминания лиц, далеких от большой политики: А.Т. Болотова, С.А. Тучкова, И.А. Второва¹⁹³, И.П. Елагина¹⁹⁴, Н.Ф. Котова¹⁹⁵, А.М. Лунина¹⁹⁶ и др. В отличие от предыдущих авторов, здесь на первом месте личность пишущего, его собственное место в истории. В данных воспоминаниях и дневниках очень много бытовых зарисовок, рассказов о жизненных перипетиях, сложностях в устройстве карьеры и других «мелких» деятелях эпохи. Ценность данных воспоминаний в красочном описании российской действительности второй половины XVIII – первой четверти XIX в., без чего сложно понять «дух эпохи», особенности психологии людей того времени: их поступки, устремления, мечты и надежды.

Таким образом, в рамках проведения исследования использован весь необходимый комплекс источников с учетом избранной темы исследования. Широта источниковой базы позволяет в полной мере исследовать проблему подготовки и проведения реформ в России во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.

Примечания

- ¹ Понятие «реформа» и «преобразование» мы будем использовать как синонимы. См: франц. *réforme*, лат. *refortio* – преобразываю.
- ² Реформы в России XVI-XIX вв. М., 1992; Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизационного процесса. М., 1996; Власть и реформы. От самодержавной к Советской России /Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996; Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3-36; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа). М., 2001; Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005; Его же. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005 и др.
- ³ Бовин А.Е. Реформа // Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 22. С. 58.
- ⁴ Зеркин Д.П. Основы политологии. Курс лекций. Ростов н/Д, 1997. С. 430.
- ⁵ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.
- ⁶ Горин М.М. О некоторых проблемах отечественной истории периодов преобразований // Реформы второй половины XVII – XX в.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989. С. 14-16.
- ⁷ Черкасов А. Либеральные реформы в России // Вестник новой литературы. М., 1990. Вып. 2. С. 226-228.
- ⁸ Литвак Б.Г. Реформы и революции в России // История СССР. 1991. № 2. С. 85-96.
- ⁹ Reform in modern Russian History. Progress or Cycle? Ed. By T. Taranovski with the assistance of P. McInnery. Cambridge; N.Y., 1995.
- ¹⁰ Rieber A. The reforming Tradition in Russian History // Perestroika at the Crossroads / Ed. by A.J. Rieber and A.Z. Rubinstein. N.Y., 1991. P. 3-28.
- ¹¹ Реформа // Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта: (социокультурная динамика России). Т. II: Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.
- ¹² В поисках ключа к прошлому и будущему (Размышление в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 100.
- ¹³ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России /Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996; Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3-36;
- ¹⁴ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России /Отв. ред. Б.В. Ананьич. 2 изд. М., 2006. Предисловие. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 9.
- ¹⁶ Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. № 2. С. 3-36.
- ¹⁷ Медушевский А.Н. Дореволюционная Россия в новое и новейшее время неуклонно эволюционировала в направлении гражданского общества и правового государства // Отечественная история. 1998. № 2. С. 13.
- ¹⁸ Там же. С. 15.
- ¹⁹ Омельченко О.А. Неужели так все полезно было в реформаторских делах в истории России? // Отечественная история. 1998. № 2. С. 16.
- ²⁰ Олейников Д.И. Читая под строками и за строками... // Отечественная история. 1998. № 2. С. 20.
- ²¹ Филиппова Т.А. Петербургские историки дают образец «мастер-класса» и помогают сегодняшним российским политикам // Отечественная история. 1998. № 2. С. 22.
- ²² Тютюкин С.В. Трудные дороги российской модернизации. // Отечественная история. 1998. № 2. С. 24.
- ²³ Шелохаев В.В. «Ахиллесовой пятой» любой российской власти был вопрос о теоретической проработанности и концептуальной преемственности реформ в России // Отечественная история. 1998. № 2. С. 35.
- ²⁴ Там же. С. 35-36.
- ²⁵ Искандеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 596.
- ²⁶ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
- ²⁷ Там же. С. 40.
- ²⁸ Медушевский А.Н. Реформа // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 452.
- ²⁹ Там же. С. 453.
- ³⁰ Буренков В.А. История реформ в России XVIII – начала XX в. СПб., 2004. С. 10-11.
- ³¹ Кириллов В.В. История реформ и контрреформ в Российской модернизации XVIII-XX вв. М., 2005.
- ³² Там же. С. 10.
- ³³ Реформа – преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (экономики), порядков (институтов, учреждений); формально – нововведение любого содержания, однако реформой обычно называют прогрессивное преобразование.
- ³⁴ Карамзин Н.М. Записка о Древней и Новой России. М., 1991. С. 40, 43-49.
- ³⁵ Карамзин Н.М. О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1805. №5.
- ³⁶ Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813.
- ³⁷ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861.
- ³⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1868-1878. Т. 18-29; Его же. Императорские советы в России в XVIII веке // Русская старина. 1870. № 2, 7-12; Его же. Сенат в начале царствования императрицы Екатерины II //

- Древняя и новая Россия. 1875. № 1; Его же. Учебная книга по русской истории // С.М. Соловьев. Собрание сочинений. Т. 18. М., 1995.
- ³⁹ Соловьев С.М. Александр I. Политика – дипломатия. // Соловьев С.М. Собрание сочинений. В 3-х томах. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 3. С. 621.
- ⁴⁰ Там же. С.621-622.
- ⁴¹ Там же. С. 624.
- ⁴² Ключевский В.О. Лекции по русской истории. М., 1885; Его же. Курс лекций по русской истории. М., 1904-1910. Т. 1-4 (в работе использовано последнее издание в 9-ти томах: М., 1987-1990); Его же. Воспоминания о Н.И. Новикове и его времени // Русская мысль. 1896. № 1; Его же. Императрица Екатерина II (1729–1796) // Там же. № 11.
- ⁴³ Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729-1796) // Русская мысль. 1896. № 11. С. 130-177.
- ⁴⁴ Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове и его времени // Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С.378. (Доклад Ключевского на заседании общества любителей российской словесности 13 ноября 1894 г.)
- ⁴⁵ Там же. Т. 5. С. 185-238.
- ⁴⁶ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1912-1914. Ч. 1-3 (в работе использовано новое издание: М., 1993).
- ⁴⁷ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 130-134.
- ⁴⁸ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 3. С. 157.
- ⁴⁹ Там же. С. 251.
- ⁵⁰ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. В 2 т. СПб., 1885. (в работе использовано репринтное издание М., 1991 г.)
- ⁵¹ Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. М., 1991. Т. 2. С. 523.
- ⁵² Кизеветтер А.А. Екатерина II // Исторические этюды. Люди и события. Берлин, 1931. С. 7-28; Его же. Первое пятилетие правления Екатерины II // Там же. С. 30-54.
- ⁵³ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909.
- ⁵⁴ Чечулин Н.Д. Проект императорского совета в первый год царствования Екатерины II // Журнал министерства народного просвещения. 1894. № 3. С. 68-87.
- ⁵⁵ Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Д.Н. Чечулина. СПб., 1907.
- ⁵⁶ Чечулин Н.Д. Последнее слово об источниках «Наказа» // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 22-25.
- ⁵⁷ Бланк П.Б. Екатерининская комиссия 1767-1769 гг. // Русский вестник. 1876. № 1. С. 126-172, 511-566; № 2. С. 5-49, 549-585; № 6. С. 194-277, 711-744; Дитятин И.И. Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового уложения» // Юридический вестник. 1879. Т. 1. № 3. С. 269-302; № 4. С. 477-499 (Работа была издана отдельной книгой в 1905 г.); № 5. С. 637-672; Багалей Д.И. К истории Екатерининской комиссии для составления проекта нового уложения // Киевская старина. 1885. № 9. С. 1-30; Веретенников В.И. К истории составления дворянских наказов в екатерининскую комиссию 1767 г. // Записки Харьковского университета. 1911. № 4. С. 1-32; Флоровский А.Н. Состав законодательной комиссии 1767-1774. Одесса, 1915; Архангельский П.Г. Погостные наказания 1767 года как исторический источник // Ученые записки Казанского университета. 1916. № 6/7. С. 1-50; Клочков М. Наказ императрицы Екатерины II в судебной практике // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 1-18 и др.
- ⁵⁸ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
- ⁵⁹ Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошлого столетия (1780 - 1789) // Русский вестник. 1864. № 8, 1865. № 3; Попов А.Н. Дело Н.И. Новикова и его товарищей // Вестник Европы. 1868. № 4; Пыпин А.Н. Русское масонство до Н.И. Новикова // Там же. № 7; Иванова Н.С. Масонство в России в XVIII и XIX веках // Русская старина. 1882. № 9.
- ⁶⁰ Шильдер Н.К. К истории царствования Павла Петровича // Там же. 1893. № 1; Император Павел I и князь Платон Зубов // Там же. 1895. № 2; Линниченко И.А. Из времен императора Павла I // Исторический вестник. 1896. № 8 и др.
- ⁶¹ Репинский Г.К. Цензура в России при императоре Павле I (1797-1799) // Русская старина. 1875. № 11; Лобанов-Ростовский А.Б. Братья Грузиновы // Там же. 1878. № 10; Арсеньева А.В. Старинные дела об оскорблении величества // Исторический вестник. 1881. № 3,4 и др.
- ⁶² Брикнер А.Г. Смерть Павла I. СПб., 1907.
- ⁶³ Сорель А. Смерть Павла I // Исторический вестник. 1908. № 8; Овсянников Н. Мартовские события в Петербурге в 1801 году // Русский архив. 1911. № 5-6; Корф С.А. Павел I и дворянство // Голос минувшего. 1913. № 7; Бикерман И. Цесаревич Константин и 11 марта 1801 года // Там же. 1915. № 10 и др.
- ⁶⁴ Шумигорский Е.С. Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907; Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы. Т. 1. Император Петр III. Император Павел I. СПб., 1909.
- ⁶⁵ Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
- ⁶⁶ Богданович М.И. Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801-1805) // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 155-210; Его же. История царствования императора Александра I и Россия в его время. Т. 1-6. СПб., 1869.
- ⁶⁷ Также встречается написание его фамилии: Чарторыйский.
- ⁶⁸ Также встречается написание его фамилии: Новосильцев.
- ⁶⁹ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т.1. С. 11, 68, 87.
- ⁷⁰ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- ⁷¹ Шильдер Н.К. Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897-1898. Т. 1-4; Его же, Император Александр I и г-жа Де-Сталь // Вестник Европы. 1896. № 12; Его же, Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899; Его же, Император Павел I. Его жизнь и царствование. СПб., 1901; вел. кн. Николай Михайлович Граф Павел Александрович Строганов (1774 – 1817). Т. 1-3. СПб., 1903; Его же, Император Александр I. СПб., 1912.

- ⁷² Глинский Б.Б. Конституционные веяния в начале XIX века. (Исторические параллели) // Исторический вестник. 1905. № 12; Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895). Ростов-на-Дону, 1905; Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя в России в XVIII и первой четверти XIX века: (очерк из истории политических и общественных идей) // Былое. 1906. № 1-3; Попытки ограничения самодержавия в XVIII и XIX столетиях / Сост. Носков Н.Д.; «Полит. б-ка» под ред. И.И. Иванюкова, А.С. Посникова и др.; Беспл. прил. к «Биржевым ведомостям». 2-е изд. СПб.: Тип. С.М. Проплера, 1906; Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты реформ в России. СПб., 1906; Конституционные проекты эпохи Александра I. СПб., 1907; Семевский В.И. Первый политический трактат Сперанского // Русское богатство. 1907. № 1; Богучарский Конституционный проект графа Шувалова // Современник. 1913. № 3 и др.
- ⁷³ Адрианов С.А. Министерство внутренних дел. Ист. очерк. СПб., 1901; Государственная канцелярия 1810 – 1910. СПб., 1910; Государственный контроль. 1811-1911. [СПб., 1911]; [Левенсон М.Л.] Государственный совет. 1906-1911. СПб., 1910; Майков П.М. Второе отделение Собственной Е.И.В. канцелярии. 1826-1882. Исторический очерк. СПб., 1906; Министерство внутренних дел. (1802-1902). СПб. 1901; Министерство финансов. 1802-1902. СПб., 1902. Ч. 1-2; История правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902; Строев В.И. Столетие Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1912 и др.
- ⁷⁴ Отечественная война и русское общество. 1812-1912. М., 1911.
- ⁷⁵ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. 1-5.
- ⁷⁶ Три века М., 1912-1913. Т. 1-6.
- ⁷⁷ Бирюкович В.В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Пг. 1921. Кн. 1; Готье Ю.В. Из истории законодательной мысли XVIII века. Проект преобразования полиции в период царствования Екатерины II // Россия и Запад. Пг., 1923; Кизеветтер А.А. Словные суды при Екатерине II // Голос минувшего. 1923. № 1; Готье Ю.В. Из истории законодательной мысли XVIII века. Проект преобразования полиции в период царствования Екатерины II // Россия и Запад. Пг., 1923; Рождественский С.В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // Русское прошлое. 1923. № 5 и др.
- ⁷⁸ Бирюкович В.В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Пг. 1921. Кн. 1. С. 63-65; Кудряшов К.В. Последний фаворит Екатерины II. Л. 1925. С. 5-77.
- ⁷⁹ Пресняков А.Е. Александр I. Сер. «Образы человечества». Пг., 1924.
- ⁸⁰ Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924. С. 8-25, 42-80.
- ⁸¹ Андреевский И. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864; Колычев Н.В. Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах». СПб. 1867; Градовский А.Д. Высшая администрация в России и генерал-прокуроры. СПб., 1866; Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: в 2 т. М.-Л., 1913-1941 и др.
- ⁸² Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1.
- ⁸³ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История-Статистика: в 4-х т. СПб., 1882.
- ⁸⁴ Куломзин А.Н. Ассигнации в царствование Екатерины II // Русский вестник. 1869. № 5. С. 216-243; Его же. Финансовое управление в царствование Екатерины II М., 1869; Кауфман И.И. Статистика русских банков. СПб., 1872; Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований императрицы Елизаветы I и императора Петра III: в 2 т. СПб., 1896; Его же. Монеты царствования императрицы Екатерины II: в 2 т. СПб., 1904; Его же. Монеты царствований императора Павла I и императора Александра I. СПб., 1891; Судейкин В.Т. Государственный банк. СПб., 1891; Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904; Мигулин П.П. Наша банковская политика (1729-1903). Харьков, 1904; Штейн С.В. Учреждение правительственных сберегательных касс в России. Пг., 1916.
- ⁸⁵ Министерство финансов. 1802-1902: в 2-х ч. СПб., 1902; Вруцевич А.С. О финансовой политике Екатерины II // Императрица Екатерина II. Сборник исторических статей / Под ред. А.О. Турцевича. Вильна, 1904; Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов времен Екатерины II. СПб., 1906; Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913; Сивков К.В. Финансовая политика Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1913. Т. IV. С. 207-218.
- ⁸⁶ Помимо названной книги, отметим еще статью: Чечулин Н.Д. Выпуск первых ста миллионов рублей ассигнациями // Екатерина II: pro et contra. Антология. СПб., 2006. С. 579-593 (публикация по изданию 1902 г.)
- ⁸⁷ Никольский С.Н. О внешних таможенных пошлинах. М., 1865; Житков С.М. Защитная торговая система. СПб., 1894; Кулишер И.М. Очерки по истории таможенной политики. СПб., 1903; Брандт Б.Ф. Финансовая политика и таможенное покровительство. СПб., 1904; Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. Пер. с нем. А.В. Брауде / Под ред. Ю.Д. Филипова. СПб., 1909 и др.
- ⁸⁸ Терехов М.Е. Сравнительная статистика внешней торговли России. Таможенная система и тариф. СПб., 1884. Ч. I, II; Новиков Я.А. Протекционизм. СПб., 1890; Ковалевский С. Покровительственная пошлина, что она дает населению, и что у него берет. Цифры и факты. СПб., 1899.
- ⁸⁹ Ладыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
- ⁹⁰ Шевырев С.П. История Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755-1855. М., 1855; Селезнев И.Я. Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея. СПб., 1861; Петухов Е.В. Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. Исторический очерк. Т.1. Юрьев, 1902; Скориченко Г.Г. Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия. Исторический очерк. Ч. 1. СПб., 1902; Столетний юбилей Императорского Московского университета. М., 1855; Исторический очерк развития Санкт-Петербургского лесного института. СПб., 1903; Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за

- первые сто лет его существования. Т. 1-4. Казань, 1902-1904; Багалеи Д.И. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. (1805-1905 гг.) Харьков, 1906; Ларионов А.М. История института инженеров путей сообщения. СПб., 1910; Покровский С.П. Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914 и др.
- ⁹¹ Иконников В.Р. Русские университеты в связи с ходом общественного развития. СПб., 1876; Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866; Аристов Н. Состояние образования в России при Александре I // Известия историко-филологического института кн. Безбородко. 1879. Т. 3; Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. СПб., 1893 и др.
- ⁹² Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб., 1902; Его же. Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века. // Журнал министерства народного просвещения. 1907. № 5. С. 83-108; Его же. Очерки по истории народного просвещения в России в XVIII-XIX вв.: в 2-х тт. СПб., 1912 и др.
- ⁹³ Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX веке. М.: Изд. Бр. Гранат, 1907; Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. СПб., 1912.
- ⁹⁴ Сивков К.В. Общественная мысль и общественное движение в России в конце XVIII в. // Вопросы истории. 1946. № 5 – 6; Белик И., Кононов Ю. Новый документ по истории русской общественной мысли конца XVIII в. // Вопросы истории. 1948. № 4; Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 9; Виленская Э.С. Об особенностях формирования русской освободительной мысли в XVIII в. // Вопросы философии. 1951. № 2. и др.
- ⁹⁵ Бак И.С. Я.П. Козельский. (Философские, общественно-политические и экономические взгляды) // Вопросы истории. 1947. № 1; Бак И.С. Я. Поленов. (Философские, общественно-политические и экономические взгляды) // Исторические записки. 1948. № 28; Заозерский А.И. Александр Романович Воронцов: К истории быта и нравов XVIII века // Исторические записки. М., 1947; Светлов Л.Б. Издательская деятельность Новикова. М., 1946; Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. М.; Л., 1951 и др.
- ⁹⁶ Окунь С.Б. История СССР: 1796-1856: (Курс лекций). Л., 1939.
- ⁹⁷ Окунь С.Б. История СССР: 1796-1856: Курс лекций. Л., 1948; Окунь С.Б. Очерки история СССР: Конец XVIII – первая четверть XIX века. Л., 1956; Окунь С.Б. История СССР: (Лекции). Часть I. Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1974; Окунь С.Б. История СССР: (Лекции). Часть II. 1812-1825 гг. Л., 1978.
- ⁹⁸ Окунь С.Б. История СССР: (Лекции). Часть I. Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1974. С. 197.
- ⁹⁹ Рубинштейн Н. Л. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. 1951. Т. 38; Кафенгауз Б.Б. Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956; Кафенгауз Б.Б. Внутренняя политика царизма и «просвещенный абсолютизм» в 1762 – 1772 гг. М., 1962; Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьковского ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1; Шмидт С.О. Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // Исторические записки. 1962. Т. 6; Курмачева М.Д. Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // Дворянство и крепостной строй России XVI – XVIII вв. М., 1975; Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии. Вторая половина XVIII века. М., 1979; Омельченко О.А. Политическая теория в «Наказе» Екатерины II // Вестник МГУ. Сер. История. 1977. № 6; Алексеева Р.С. Организация кодификационных работ в России в первой половине XIX века // Актуальные проблемы общественных, естественных и технических наук. Пермь, 1983; Андреева М.В. О некоторых кодификационных проектах начала XIX в. // Вестник ЛГУ. 1982. № 11. Экономика, философия, право. Вып. 2; Андреева М.В. У истоков кодификационных работ М. М. Сперанского // Известия вузов. Правоведение. 1983. № 1; Голиков В. М. Государственный совет в России в первой половине XIX в. // Актуальные проблемы юридической науки. М., 1983; Горин А. Г. О кодификации гражданского права в России (1802 - 1917 гг.) // Изв. вузов. Правоведение. 1984. № 4; Казанцев С. М. Сенатская реформа 1802 г. // Изв. вузов. Правоведение. 1980. № 4.
- ¹⁰⁰ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: Конец XVIII – первая половина XIX в. М., 1981.
- ¹⁰¹ Парусов А.И. Административные реформы в России первой четверти XIX в. в связи с экономической и социально-политической обстановкой / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1967.
- ¹⁰² Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. / Под. ред. А.И. Барановича, Б.Б. Кафенгауза и др. М., 1956.
- ¹⁰³ История СССР. М., 1956. Т.1; История СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1967. Т. 3,4.
- ¹⁰⁴ История СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1967. Т. 3. С. 429.
- ¹⁰⁵ История СССР / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1967. Т. 4. С. 67.
- ¹⁰⁶ Предтеченский А.П. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX века. М.-Л., 1957.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 6-8,17,24.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 429.
- ¹⁰⁹ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII – XIX веков. Л., 1988.
- ¹¹⁰ Лотман Ю.В. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1958. Вып. 63; Калягин В.А. Политические взгляды М.М. Сперанского. Саратов, 1973; Дербов Л.А. Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. Саратов, 1974; Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. М., 1976; Анисимов Е.В. И.И. Шувалов – деятель русского Просвещения // Вопросы истории. 1985. № 5 и др.

- ¹¹¹ Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982.
- ¹¹² История буржуазного конституционализма XVIII-XIX веков. М., 1983; История буржуазного конституционализма XIX века. М., 1986.
- ¹¹³ Оболенский Л.Л. Краткий курс организации финансовых учреждений. Пг., 1920; Трахтенберг И. Бумажные деньги. Очерк теории денег и денежного обращения. М., 1924; Дрюян А.Д. Очерки по истории денежного обращения в России в XIX в. М., 1941.
- ¹¹⁴ Боровой С.Я. Банки в России в последней четверти XVIII в. // Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института. Одесса. 1974. Т. 2; Его же. Вспомогательный банк // Исторические записки. 1953. Т. 44. С. 206-230; Его же. Кредит и банки в России (сер. XVII в. – 1861 г.). М., 1958.
- ¹¹⁵ Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. // История СССР. 1957. № 3; Его же. Дворянские проекты укрепления государственных финансов в середине XVIII в. // Вопросы истории. 1958. № 2; Его же. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966 и др.
- ¹¹⁶ Спасский И.Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. Л. 1949; Его же. Русская монетная система. 4-е изд. Л., 1970; Спасский И.Г., Юхт А.И. Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры. XVIII в. / Под ред. А.Б. Рыбакова. М., 1987. Ч. 2. С. 109-151.
- ¹¹⁷ Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- ¹¹⁸ Геворкян СМ. Борьба фритредеров и протекционистов в России в первой четверти XIX в. Дис. ...канд. экон. наук. М., 1953.
- ¹¹⁹ Поляков В.Л. Таможенная политика царского правительства и ее влияние на развитие отечественной промышленности в период разложения феодальной системы (конец XVIII – первая четверть XIX вв.): Дис. ... доктора ист. наук. Л., 1976; Его же. Таможенная политика начала XIX в. и ее влияние на развитие русской промышленности // Вопросы истории России XIX - начало XX вв. Межвузовский сборник. Л., 1983. С.68 – 81.
- ¹²⁰ Корбут М. Казанский государственный университет им. В.И. Ленина за 125 лет: в 2-х тт. Казань, 1930; История Казанского университета им. В.И. Ленина-Ульянова. Казань, 1954; 200-летний юбилей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. М., 1955; История Московского университета / Под ред. М.Н. Тихомирова: в 2-х тт. М., 1955; Харьковский государственный университет им. А.М. Горького за 150 лет. (1805-1955 гг.) Харьков, 1955; Ленинградский горный институт им. Г.В. Плеханова (1773-1973 гг.) Исторический очерк. М., 1973 и др.
- ¹²¹ Шабаева М.Ф. Школа и учительство России в I четверти XIX в. Дис... докт. пед. наук. М., 1955; Камоско Л.В. Политика правительства в области среднего образования в 60-70 годы XIX в. М., 1970; Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России во 2-й половине XIX в. М., 1971; Дис. ... канд. ист. наук; Колчина Т.В. Народные училища России в 30-50 годы XIX в. Дис... канд. пед. наук. М., 1973; Шапкина А.П. Петербургская школа в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983; Флит Н.В. Народное образование в России в начале XIX в. Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1988; Шапкина А.П. Петербургская школа в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983 и др.
- ¹²² Западов А.В. Державин. М., 1958; Западов А.В. Новиков. М., 1968; Коган Ю. Я. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958; Лотман Ю.В. К биографии Я.П. Козельского // Вопросы философии. 1959. № 8; Покровский С.Е. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого. М., 1955; Серман И.З. Державин. Л., 1967; Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1978; Михайлов О.Н. Державин. М., 1977; Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981; Цварава Г.К. Д.А. Голицын. Л., 1985.
- ¹²³ Орешкин В.В. Вольное экономическое общество в России 1765 – 1917. М., 1963; Басина М.Я. Литературные общества начала XIX века // Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1968. С. 63-71; Иезуитова Р.В. Литературные объединения и журналы первой четверти XIX века // История русской литературы. Л., 1981. Т.2. С. 36-50 и др.
- ¹²⁴ Например, в 90-х годах переиздаются работы А.Е. Преснякова, А.Б. Брикнера, Н.К. Шильдера и др.
- ¹²⁵ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней // История России. Учебник. М., 1997.
- ¹²⁶ Там же. С. 173.
- ¹²⁷ Там же. С. 215.
- ¹²⁸ Кулешов С.В., Медушевский А.Н. Россия в системе мировой цивилизации: Учебное пособие / Под общ. ред. О.В. Волобуева. М., 2001.
- ¹²⁹ Там же. С. 200, 223.
- ¹³⁰ Там же. С. 261-262.
- ¹³¹ Миронов. Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1-2.
- ¹³² Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
- ¹³³ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993; Омельченко О.А. Монархия «просвещенного абсолютизма» в России (Политическая доктрина. – Правовая политика. – Государственные реформы.): Автореф. дис... д-р юрид. наук /Институт законодательства и сравнительного правоведения (ИЗиСП). М., 2002.
- ¹³⁴ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 369-370.
- ¹³⁵ Сорокин Ю.А. Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11; Его же. «Непросвещенный абсолютизм» Павла I (проблематика и опыт изучения). Омск, 1994; Его же. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996.
- ¹³⁶ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

- ¹³⁷ Черкасов П.П. Уроки Великой Екатерины // Российский исторический журнал. 1998. Т.1. № 1; Кислягина А.Г. Екатерина II в повседневной жизни. М., 1996; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999; Сахаров А.Н. Александр I и Аракчеев // Отечественная история. 1998. № 4; Федоров В. А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; Федоров В.А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1; Сахаров А.Н. Александр I // Российские самодержцы (1801-1917). М., 1993. Каменский А.Б. Екатерина II: жизнь и судьба // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 1. С. 173-181.
- ¹³⁸ Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.
- ¹³⁹ Клейменова Р.Н. Общество любителей Российской словесности. 1811-1930. М., 2002; Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003; Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007; Минаева Н.В. Век Пушкина. М., 2007.
- ¹⁴⁰ Марлей Л.П. Формирование структуры министерства финансов в России в первую четверть XIX века // Вестник МГУ. 1998. Сер. 8. История. № 6. С. 42-60; Там же. Финансовая политика России в первой четверти XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- ¹⁴¹ Носова Г.В. Дефляционные мероприятия министра финансов Д.А. Гурьева (1810-1823 гг.) // Финансы. 2006. № 4. С. 62-64.
- ¹⁴² Новицкая Т.Е. Финансовое законодательство и налоговая политика России в XVIII веке // Вестник МГУ. 2003. Сер. 11. Право. № 5. С. 17-39.
- ¹⁴³ Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая пол. XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2004.
- ¹⁴⁴ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994; Его же. Денежная система в России (20-е – начало 60-х гг. XVIII в.) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 74-90; Юхт. А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994.
- ¹⁴⁵ Ерощкина А.Н. Деятели эпохи просвещенного абсолютизма и.И. Бецкой // Вопросы истории. 1993. № 9; Мартин А. А.С. Стурдза и «Священный союз» // Вопросы истории. 1994. № 11; Вулисанова Г. Московский университет и Демидовы // Высшее образование в России. 1997. № 3; Хотеев В.Ф., Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской империи граф П.В. Завадовский. М., 1998; Вулисанова Г. Первый ректор Московского университета // Высшее образование в России. 1999. № 2; Хотеев В., Иванова Л. «... из угождения к воле государя» // Высшее образования в России. 1999. № 6; Господарик Ю. Александр Николаевич Голицын. (Очерк жизни и деятельности) // Высшее образование в России. 1999. № 6, 2000. № 1; Горохов В.В. Иван Иванович Бецкой // Основы государства и права. 1999. № 8/9; Румянцева Н.М. Просветительско-педагогическая деятельность М.М. Сперанского. М., 2005.
- ¹⁴⁶ Смагина Г.И. Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб., 1996. Петров Ф.Л. Российские университеты в первой половине XIX в. М., 1998; Сысоева Е.К. К истории начального образования в России в первой четверти XIX в. (Училищный устав 1804 г.: идеи и их реализация) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 5; Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001 и др.
- ¹⁴⁷ Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины II. М., 1999.
- ¹⁴⁸ Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 2003.
- ¹⁴⁹ Основные труды М. Раева по указанному периоду: Raeff M. Plans for political reform in Imperial Russia. 1730-1905. New Jersey, 1966; Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteen-Century Nobility. New York, 1966; Raeff M. Michael Speransky. Statement of imperial Russia 1772-1839. Second revised edition. Hague, 1969; Raeff M. Imperial Russia. 1682-1825. The coming of Age of Modern Russia. New York, 1971; Раев М. Регулярное полицейское государство и понятия модернизма в Европе XVII-XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 8-21. и др.
- ¹⁵⁰ Раев М. Понять дореволюционную Россию. М., 1990.
- ¹⁵¹ Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteen-Century Nobility. New York, 1966. P. 6.
- ¹⁵² Ibid. P. 45-47.
- ¹⁵³ Raeff M. Plans for political reform in Imperial Russia. 1730-1905. New Jersey. 1966. P. 23-104.
- ¹⁵⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 155.
- ¹⁵⁶ Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 54.
- ¹⁵⁸ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: Учебное пособие / И.И. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 336.
- ¹⁵⁹ Полное собрание законов Российской империи, Собрание 1-е: В 45 т. СПб., 1830.
- ¹⁶⁰ Российское законодательство X-XX веков. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 1-9 и др.
- ¹⁶¹ Вернадский Г.В. Обзор истории права Русского государства XVIII-XIX вв. (Период империи). Прага, 1924. С. 7.
- ¹⁶² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 30.
- ¹⁶³ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: Учебное пособие / И.И. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 337-338.
- ¹⁶⁴ Фонвизин М.А. Обозрение проявлений политической жизни в России // Семевский В.И., Богучарский В. Щеглов П.Е. Общественное движение в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т.1. С. 97-202.
- ¹⁶⁵ [Безбородко А.А.] Записка князя Безбородки о потребностях империи Российской, 1799 // Сб. РИО. СПб., 1881. Т. 29. С. 297-300; Его же Записка о монете и тарифах // РГАДА. Ф 1278. Оп. 1. Д. 37.
- ¹⁶⁶ Основные взгляды М.М. Сперанского по указанным проблемам отражены во «Введении к Уложению государственных законов», «Проекте уложения государственных законов Российской империи» и некоторых других. Они находятся

- в РГИА. Ф. 1167. Оп. 28. Д. 65. Ч. 1. Л. 9-206; опубликовано Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С.143-221.
- ¹⁶⁷ [Кочубей В.П.] Записка графа В.П. Кочубея о положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющее // Сб. ИРИО. СПб., 1894. Т. 90.
- ¹⁶⁸ [Гурьев Д.А.] Об устройстве верховных правительств в России // ОР РНБ. Ф. 236 Чернышова. Оп. 1. Д. 21. Опубликовано: Сб. РИО. Т. 90. С. 58-102 и др. работы.
- ¹⁶⁹ [Козодавлев О.П.] Взгляд на нынешнее управление государственными делами и на министерства // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1906. Т. 13 и др. работы.
- ¹⁷⁰ Собственноручная записка императора Павла I Об устройстве сената // РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 6 декабря 1826 года. Т. XVI. Оп. 1. Д. 5; Записка императора Павла I об устройстве разных частей государственного управления // Там же. Д. 6.
- ¹⁷¹ Секретная бумага, подписанная в кабинете Александра Павловича // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 700.
- ¹⁷² О его происхождении достоверных данных нет. Вероятно, судя по его служебной карьере, он происходил из мелкопоместных дворян, однодворцев или из семьи священника. Основной его труд: План юридический ... // РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2812. Ч. 1. Л. 332-426.
- ¹⁷³ Общую характеристику уголовных дел см. выше.
- ¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2907, 2915, 2916, 3169; РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 28, 29, 327, 345, 489, 465.
- ¹⁷⁵ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525.
- ¹⁷⁶ [Записка В.Н. Каразина] // ОР РНБ. Ф. 335. Каразина. Оп. 1. № 9. Ф. 391.
- ¹⁷⁷ Гурьев Д.А. Об устройстве верховных правительств в России // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1894. Т. 90 и др. [Козодавлев О.П.] Взгляд на нынешнее управление государственными делами и на министерства // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1906. Т. 13; Его же. Всеподданнейшая записка министра внутренних дел, тайного советника Козодавлева об излишней привязанности гражданских чиновников к чинам и о средствах к пресечению зла, от чинов происходящего // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1895. Т. 7; Его же. Всеподданнейшая записка министра внутренних дел, тайного советника Козодавлева о тарифе и фабриках // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1876. Т. 1 и др. [Кочубей В.П.] Записка графа В.П. Кочубея о положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющее; Записка графа В.П. Кочубея об учреждении министерств // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90 и др. Фонд 994 – Н.С. Мордвинов, а также: [Мордвинов Н.С.] Мнение адм. Мордвинова: одна из мер освобождения крестьян от зависимости и с оною возбуждения нар. деятельности, начертанная в 1818 г. // ЧОИДР. 1859. № 3; Мнение, представленное адм. Мордвиновым при случае рассмотрения в Государственном совете росписи о доходах и расходах на 1821 г. // ЧОИДР. 1859. № 1; Его же. Н.С. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе. СПб., 1815; Его же. Мнение Мордвинова о правах Сената. // Архив гр. Мордвиновых. Т.4. СПб., 1902 и др. ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанского), а также: Сперанский М.М. План финансов // У истоков финансового права. Сперанский М.М., Тургенев Н.И., Орлов М.В. / Под ред. проф. А.Н. Козырина. М., 1998; Его же. Проекты и записки. М.-Л., 1961 и др.
- ¹⁷⁸ Материалы Екатерининской комиссии. Ч. I-XIV. /Под ред. Д.В. Паленова, В.И. Сергеевича, Н.Д. Чечулина // Сб. РИО. Т. 4, 8, 14, 32, 36, 43, 68, 93, 107, 123, 134, 144, 147. СПб., 1869-1915.
- ¹⁷⁹ Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887; Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767 - 1774. Одесса, 1915; Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
- ¹⁸⁰ Сафонов М.М. Протоколы негласного комитета // ВИД. Л., 1976. Т. VII. С. 206-209.
- ¹⁸¹ Полный перечень использованных дневников, воспоминаний и писем находится в общем библиографическом списке в конце текста.
- ¹⁸² Екатерина II Мемуары // Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 477-724.
- ¹⁸³ [Грибовский А.М.] Записки об императрице Екатерине II полковника, состоявшего при ее особе статс-секретарем А.М. Грибовского. М., 1989.
- ¹⁸⁴ Его воспоминания хранятся в РГАЛИ Ф. 46. Оп. 2. Д. 578.
- ¹⁸⁵ [Гарновский М.] Записки Михаила Гарновского. 1786-1790 гг. // Русская старина. 1876. Т. XV. № 1. С. 9-38; № 2. С. 237-265; №3. С. 471-499; № 4. С. 687-720.
- ¹⁸⁶ [Лубановский Ф.П.] Воспоминания Федора Петровича Лубановского (1777 – 1834). М., 1872.
- ¹⁸⁷ [Комаровский Е.Ф.] Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914.
- ¹⁸⁸ [Храповицкий А.В.] Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря Екатерины II. М., 1862.
- ¹⁸⁹ Дашкова Е.Р. Записки // Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 29-262.
- ¹⁹⁰ [Головина В.Н.] Мемуары графини Головиной. М., 1911.
- ¹⁹¹ Державин Г.Р. Записки. 1743-1812. Полный текст. М., 2000.
- ¹⁹² Малиновский В.Ф. Выписки из дневника // Голос минувшего. 1915. № 12. С. 241-242.
- ¹⁹³ Второв И.А. Мои дневниковые записки // ОР РНБ. Ф. 163. Д. 5; Его же. Моя записная книжка с 1801 года // ОР РНБ. Ф. 163. Д. 7-8.
- ¹⁹⁴ Елагин И.П. Повесть о себе самом // Русский архив. 1864. Кн. 1. Вып. 1. С. 93-110.
- ¹⁹⁵ [Котов Н.Ф.] Записки Николая Федоровича Котова о царствовании Екатерины II и Павла I с 1785 по 1800 годы // ОР РНБ. Ф. 54. К. 4. Д. 8. Л. 31-38.
- ¹⁹⁶ Лунин А.М. Записки своим обстоятельством и причитающиеся для себя и детей моих. В трех частях. // ОР РНБ. Ф. 153. К.1. Д.1., К. 2. Д.1-2.

Глава 2

Реформирование политических и административных институтов и структур

Проекты реформирования политической системы

Подготовка и проведение реформ в России в XVIII – первой четверти XIX вв. проходили на фоне крайне сложной политической обстановки. Как известно, Российское государство в указанный период являлось абсолютной монархией, которая в первой четверти XVIII в. была окончательно юридически оформлена. Статус монарха в России был официально закреплен в ряде документов, в частности, в толковании к 20-му артикулу Военного устава (1716 г.) говорилось: «... Его Величество есть самодержавный Монарх никому на свете в своих делах ответ дать не должен; но и силу власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь по своей воле и благомнению управлять»¹.

Помимо законодательного, верховная власть получила еще и идеологическое обоснование в «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича. В этом документе дается объяснение природы монаршей власти согласно Св. Писанию и теории общественного договора. «Правда воли монаршей» предполагает следующие основные постулаты монархической власти: первое, верховная власть имеет всенародную пользу, даже если народу это не нравится, лишь бы не было «народу вредно и воли Божьей не противно». Второе, народ должен беспрекословно повиноваться своему государю: «без прекословия и роптания вся от самодержца повелеваема творить». Третье, народ не может судить своего государя, так как самодержавная власть «есть неподвижная, никакому же суду человеческому не подлежащая и весьма неприкосновенная». Наконец, четвертое, народ ничего не может приказать своему государю: «не может народ повелети что-либо монарху своему»². Таким образом, в названных документах абсолютизм был законодательно и идеологически оформлен. В то же время их появление свидетельствовало еще и о том, что представители верховной власти начали задумываться о необходимости обоснования своих полномочий.

Несмотря на столь детальное обоснование статуса монарха, его реальное положение было весьма шатким. Причина проста – отсутствие социальной опоры. Реформы Петра I ускорили процесс создания нового правящего сословия, в основе формирования которого лежала государева служба. Первоначально особое место в нем занимала гвардия. Гвардейские офицеры зачастую были лично знакомы с царской семьей, постоянно участвовали в политических событиях, а сложная ситуация с престолонаследием, образовавшаяся после смерти Петра I, усилила их роль. Опираясь на гвардейские полки, А.Д. Меншиков обеспечил приход к власти Екатерины I; отсутствие понимания и поддержки гвардейского офицерства у членов Верховного Тайного совета позволили Анне Иоанновне отвергнуть уже подписанные «Кондиции»; Елизавета Петровна, выросшая на глазах у гвардейских офицеров, крестившая их детей, легко увлекла за собой гвардию на свержение законного (пусть и годовалого) монарха. Служба в гвардии была очень престижным, но совершенно не выгодным в материальном смысле делом. Жизнь в столице среди императорского Двора требовала

больших затрат, которые никоим образом не покрывало жалование. Поэтому гвардейскими офицерами становились, как правило, представители состоятельных фамилий, новой или старой аристократии. В материальном смысле они не зависели от престола. Более того, учитывая частые «дворцовые перевороты», считали, что монархи зависят от преданности гвардии. Все эти факторы способствовали формированию особого самосознания гвардейского офицерства, элиты российского дворянства. В его основе лежало понимание собственных потребностей и учет своих прав, размышления о механизмах их защиты. Поэтому, когда вчерашние гвардейские офицеры получали государственные должности, у них сохранялся дух прежней «вольности», чувство значимости собственной личности.

Именно эта ситуация способствовала тому, что впервые открыто был поставлен вопрос о политических реформах. Причем в середине века представители власти начали задумываться о необходимости планирования преобразований. Еще С.М. Соловьев заметил, что существовала тесная связь между царствованиями Елизаветы Петровны и Екатерины II, основу которых составляло «одинаковое нравственное движение общества»³. Именно в елизаветинское время получили образование многие выдающиеся деятели последней трети XVIII в., в том числе и сама будущая императрица Екатерина II. В этот период наблюдалась общая гуманизация общества или, как тогда говорили, «смягчение нравов». В течение всего правления Елизаветы Петровны издавались указы, смягчающие наказания и методы проведения следствия. 7 апреля 1742 г. было дано распоряжение Сенату не отсылать «писцов и рукоприкладчиков в Тайную канцелярию за неумышленные описки в титуле Ее Величества»; 17 мая 1744 г. императрицей было предписано прислать в Сенат список колодников, «приговоренных к смертной казни, или к политической смерти, и о неисполнении над ними приговора прежде сенатского указа»⁴. Последний указ, по сути дела, приостанавливал наказание в виде смертной казни, отдавая решение о вынесении смертного приговора на усмотрение императрицы. Елизавета Петровна же за все свое правление не подписала ни одного приговора. 28 октября 1751 г. было издано два указа, смягчающих следствие и форму наказания: «О не отправлении в Рогервик женщин, осужденных к смертной казни, и об отсылке их в Сибирь на житье» и «О нечинении пыток при допросе пойманым с кормчим вином»; 29 марта 1753 г. был издан указ «О не отсечении рук тяжким преступникам, осужденным к ссылке на вечную каторгу и о предоставлении женам и детям таковых преступников пользоваться свободой». Более того, 30 сентября 1754 г. выходит повторный указ Сенату «о замене смертной казни политической»⁵. Подобного гуманного отношения к преступникам не знала ни одна европейская страна.

Следует заметить, что Елизавета Петровна не только создавала «фон» для реформаторской деятельности, но и принимала непосредственное участие в разработке преобразований. О самой императрице в историографии сложился стереотип как о правительнице, которую больше интересовали балы, а не государственные дела: историографическая традиция, берущая свое начало от мемуаров Екатерины II и других современников, оказалась крайне живучей. Однако ряд фактов ее опровергают. Например, известно, что Елизавета Петровна имела собственную библиотеку и много читала, причем это были не только любовные романы, но и книги по истории и географии. Она была постоянной читательницей библиотеки Академии наук. Императрица лично писала Вольтеру с просьбой прислать «Генриаду»⁶. Хорошо известно, что именно Елизавета Петровна ввела «моду» на французский язык, который в совершен-

стве знала сама, на театральные постановки. Рождение исторических стереотипов связано, прежде всего, с тем, что она, как никто, умела притворяться и никогда не выставляла напоказ свой ум. Финк фон Финкенштейн, прусский посол в России, отмечал, что притворство у императрицы Елизаветы «вошло ... в привычку, и глядит она с улыбкой радости на тех, кто более всего ей противен»⁷. В политических мероприятиях Елизаветы Петровны четко прослеживается определенная логика, в основе которой лежало стремление следовать наследию Петра I. Причем это выражалось не в слепом копировании его политики, а в опоре на ряд базовых принципов, направленных на поддержание и совершенствование «рационального» государства: поддержание приоритета выслуги над породой, курс на консолидацию дворянского сословия. Кроме того, Елизавета Петровна большое внимание в своей политике уделяла повышению уровня образования дворянства.

Реформаторская деятельность в период правления Елизаветы Петровны связана во многом с деятельностью Ивана и Петра Шуваловых. И.И. Шувалов, став фаворитом Елизаветы Петровны осенью 1749 г., оставался им до конца ее жизни. Он и его двоюродный брат П.И. Шувалов были проводниками, а нередко и непосредственными участниками преобразований, проводимых в 50-е гг. XVIII в. Причем в последние 6-7 лет правления Елизаветы Петровны их роль только возросла. Особенностью статуса И.И. Шувалова было то, что он не стремился занять высокий государственный пост и отклонял несколько раз предложения о жаловании ему графского титула, высоких орденов и богатых поместий, вел подчеркнуто «скромный» для своего положения образ жизни. Поэтому, не имея ни малейшего повода упрекнуть своего фаворита в личной корысти, Елизавета Петровна безоговорочно доверяла ему во всех вопросах внешней и внутренней политики.

Предложения и программы преобразований И.И. Шувалова представляют собой бумаги на имя Елизаветы Петровны или высказывания в письмах к единомышленникам⁸. Шувалов прекрасно понимал, насколько нестабильным было положение российского престола, так как по сложившейся традиции любое завещание императрицы могло быть «оспорено» гвардией. Свои взгляды на образ правления в России он изложил в «памятной» записке на имя Елизаветы Петровны, поданной на еженедельном заседании сенаторов при Дворе. Формально причиной подачи данной записки являлась необходимость, по мнению И.И. Шувалова, вернуться к разработке Уложения законов, которое должно заменить устаревшее Соборное Уложение 1649 г. и тем самым упрочить положение Елизаветы Петровны.

Будучи истинным сыном «Века Просвещения» и сторонником взглядов Ш. Монтескье на образ правления, И.И. Шувалов считал, что большинство проблем в государстве – распространение «неправосудия, грабежей и разорения» – происходят от «невежества». «Большая причина того невежества» заключается в том, что чиновник «прямо не знает должности своей к Государю, к государству, к общему добру и любви ближнему». Однако, чтобы соблюдать законы, необходимо их знать. Как же это сделать, если последнее системное Уложение законов было принято более ста лет назад, а потому «... неясность или разные законы на один случай останавливают правосудие...». При этом И.И. Шувалов понимал, что принятие «кратковременных» указов и распоряжений по текущим вопросам абсолютно неизбежны при управлении страной. Следовательно, рассуждал он, необходимо, «...чтоб при исправлении законов постановить некоторые фундаментальные»⁹. Такие «фундаментальные законы» должны стать основой правовой системы государства. Он предложил «16 пунктов»,

по которым «фундаментальные законы» следует классифицировать. К первой группе следует отнести документы официального характера о правовом положении православной церкви (Пп. 1-3); ко второй – материалы по организации и составу высших государственных органов (Пп. 4-8); к третьей – по национальному составу армейских подразделений (Пп. 9-12); к четвертой – важнейшие привилегии дворянства (Пп. 13-16). Для утверждения данных законов императрица Елизавета должна была взять обещание «перед Богом, как за себя, так и за наследников своих, следующие законы свято и нерушимо сохранять и содержать и повелеть всем верноподданным, как истинным детям Отечества, во всех случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение и в сем указать учинить присягу», что гарантировало бы их незыблемость. Сами «фундаментальные законы» И.И. Шуваловым не были разработаны, да он, по всей вероятности, и не ставил себе такой задачи. По его мнению, этим должна была заняться специальная Уложенная Комиссия, а его «пункты» стали бы планом, в рамках которого следовало работать.

Уложенная комиссия была создана указом Елизаветы Петровны от 25 июля 1754 г., в котором указывалось на необходимость составления «ясных законов ... в рассуждении о том, что никто один есть таков, дабы всех департаментов гласящих наших указ, так тонок, что все излишки отвратить в состоянии был, разве быть человеку ангельского понятия»¹⁰. Был составлен план работы Комиссии: «Первая часть. Содержит в себе все то, что надлежит до суда и судебных мест и в каких случаях письменные и словесные суды производить и по ним решения чинить. Вторая часть. Гласит о таких правах, которые подданным в государстве по разному их состоянию персонально принадлежат. Третья часть. Содержит в себе все то, что до движимого и недвижимого имения и до разделения оного принадлежит и по каким крепостям и случаям оные кому и каким образом крепки быть должны. Четвертая часть. Показывает, каким образом и в каких случаях розыски и пытки производить и какие за разные преступления казни, наказания и штрафы положены»¹¹. К лету 1755 г. были разработаны две части нового Уложения. Первая часть – «О суде» – определяла общие основы судостроительства и судебного права и не предусматривала каких-либо принципиальных новшеств и четвертая (по плану) часть проекта Уложения – «О розыскных делах», которая, по сути дела, представляла собой Уголовное уложение¹². Кроме того, так как общие основы судостроительства и судебного права были установлены в первой части, четвертая была посвящена также и регламентации уголовного процесса¹³. Особое внимание члены комиссии уделили проблемам прав отдельных сословий, что будет подробно освещено в дальнейшем. Но даже из представленного плана видно, что «фундаментальными законами», как это понимал И.И. Шувалов, Комиссия заниматься не собиралась. Завершение ее деятельности приходится на сложное время: смерть Елизаветы Петровны, короткое царствование Петра III, начало правления Екатерины II. Однако все материалы этой комиссии были использованы для разработки дальнейшего законодательства в период правления Екатерины II.

Время императрицы Екатерины II вошло в историю как период реформ. В течение всего правления императрицы планировались и проводились преобразования во всех сферах государственного управления. На наш взгляд, данный период имел свои особенности. Первое, Екатерина II не имела никаких прав на престол, получила его в результате переворота в обход мужа Петра III и сына, вполне законного наследника, и поэтому много внимания в первые годы своего правления уделяла обоснованию законности собственного правления. Второе, инициатором, а порой и составителем

проектов фактически всех преобразований была сама императрица. Без ее непосредственного и личного участия не была разработана ни одна серьезная реформа, более того, она вникала в детали фактически всех проводимых преобразований. Третье, Екатерина II готовилась к управлению страной. Когда она получила власть, у нее было сформировано собственное представление «об идеальном государстве», основанное на идеях философов-просветителей. Конечно, в ходе реального управления многие идеалы померкли, но общая убежденность в необходимости тщательной и системной подготовки к любым преобразованиям сохранилась.

Традиционно в современной историографии время правления императрицы Екатерины II определяют как период «просвещенного абсолютизма» и, исходя из характеристики данного понятия, оценивают ее деяния. В историографии сложилось несколько точек зрения на сущность политики «просвещенного абсолютизма». Согласно первой, эта политика была чистейшей демагогией, а обращение к ней правительственных кругов было вызвано обострением классовой борьбы¹⁴. Авторы второй позиции рассматривают «просвещенный абсолютизм» как закономерную стадию в политическом и социально-экономическом развитии государства. В рамках данной политики правительство Екатерины II более гибко, нежели ее предшественники, проводило мероприятия, диктуемые развитием капиталистического уклада и зарождением новых буржуазных отношений. Кроме того, во всех странах, проводивших подобную политику, она была своего рода предвестником революций, а также этапом, приближающим переход к капиталистической формации. Противоречивость данной политики авторы видели в том, что она проводилась при полном сохранении феодальных порядков¹⁵. Согласно третьей точки зрения, «просвещенный абсолютизм» – это последний период, когда российский абсолютизм еще имел внутренние силы для прогрессивного развития, отражал «интересы нации в целом» и выступал инициатором преобразований¹⁶. Согласно четвертой позиции, главной задачей политики просвещенного абсолютизма было обновить «государственный и правовой строй» с позиций и в интересах власти. Ее задачей было стабилизировать в новых общественных условиях «старый режим»¹⁷. Наконец, согласно пятой точке зрения, «просвещенный абсолютизм» – шаг в направлении правового государства. Он означал стремление традиционных структур приспособиться к новым условиям развития, провести модернизацию путем реформ «сверху»¹⁸. Западные исследователи рассматривают «просвещенный абсолютизм» или, следуя более точному переводу, – «просвещенный деспотизм», главным образом, в рамках теории модернизации. Реформы второй половины XVIII в. оцениваются как необходимые для поступательного развития страны. В целом точка зрения зарубежных исследователей близка к названной выше пятой позиции. Х. Рэгсдейл в «рабочем» определении «просвещенного абсолютизма» указал, что в нем сочетаются лучшие черты ««правового», «сословного» и «полицейского» государств с особым акцентом на социальную справедливость и общественное благосостояние, которые к тому же способствуют величию и мощи государства. ... Просвещенный абсолютизм как парадигма модернизации, замышляемой и направляемой государством, был в России XVIII в. столь же непопулярен, как и необходим». Далее автор, размышляя о природе и направлении реформирования России, а также большинства европейских стран в рамках данной политики, указывает, что «прогрессивные мероприятия, которые в следующем столетии получат название либеральных, без воздействия абсолютной власти были бы немислимы». Иначе говоря, такой тип политического управления, когда монарх с помощью своей деспотической власти про-

водит реформы, направленные на реализацию социальной справедливости и общественное благосостояние, был продиктован временем. Шагом к укреплению «гражданских начал как в обществе, так и в системе управления» считала правление Екатерины II и де Мадариага¹⁹. Фактически до сих пор в понимании «просвещенный абсолютизм» остается много спорного.

Надо сказать, что любая власть стремится к укреплению собственных позиций. Вопрос в том, достигается ли при этом поставленная цель и насколько мероприятия властных структур адекватны реальным потребностям общества и государства. Политика Екатерины II или серия мероприятий, направленных на модернизацию общества и получавшая название «просвещенного абсолютизма», в целом удовлетворяла обоим требованиям. Мы считаем, что под «просвещенным абсолютизмом» следует понимать такой тип управления страной, такой тип абсолютизма, при котором верховная власть по своей инициативе проводит серию реформ в политической, социальной и экономической сферах, направленных на корректировку устаревших и учреждение новых государственных институтов, согласно реалиям времени. Политику «просвещенного абсолютизма» сопровождает кодификация законов (или ее попытки), а также начало формирования общественно-политической мысли.

Период «просвещенного абсолютизма» был закономерным этапом развития абсолютистской монархии, как в России, так и в ряде европейских стран. К аналогичным реформам мы относим преобразования Фридриха II в Пруссии, Марии-Терезии (канцлера Кауница) и Иосифа II в Австро-Венгрии, Струэнзе в Дании и др. Идеи европейских просветителей Дж. Локка, Ш. Монтескье, энциклопедистов и других заключались в том, что мудрый самодержавный монарх может провести необходимые реформы и тем самым избежать социальных и политических катаклизмов, оказались очень привлекательными. Поэтому во многих европейских и даже азиатских странах (например, в Турции) в XVIII и в начале XIX вв. власть проводила реформы, которые могут быть отнесены к идеалам политики «просвещенного абсолютизма».

Особенностью политической ситуации в России последней трети XVIII в. было крайне запутанное положение с престолонаследием, когда «законное» назначение наследника требовалось подкрепить реальной военной силой. Верховную власть это не могло устраивать. Была очевидна необходимость создания более стабильной системы организации и передачи власти. Явно противоречащее законам вступление Екатерины II на российский престол заставило отдельных сановников задуматься о возможных способах изменения сложившейся традиции. Первым проектом реформы государственной власти был проект Н.И. Панина. Он давно привлек внимание исследователей, которые, несмотря на различные его оценки, сходились на том, что Н.И. Панин стремился к ограничению самодержавия. При этом часть историков считала данный проект олигархическим, появление его было вызвано стремлением российской аристократии ограничить власть монарха в свою пользу²⁰. Другие авторы проект Панина рассматривали как конституционный²¹. Согласно третьей точке зрения, проект был выражением собственных амбиций Н.И. Панина как воспитателя наследника²². Исследователи последнего десятилетия не склонны к категоричным высказываниям и пытаются рассматривать проект через призму личных пристрастий Панина. О.А. Омельченко и А.Б. Каменский полагают, что Панин исходил из необходимости «...освободить от государственных забот женщину-монарха, в которой он по опыту предыдущих царствований предполагал весьма условное отношение к императорским обязанностям ... и пытался таким образом узаконить определенный механизм

принятия решений, оградив себя от людей «припадочных»»²³. Несмотря на обширную историографию, проект Н.И. Панина, главным образом, рассматривался отдельно от основной канвы событий.

Сразу после переворота Н.И. Панин предложил Екатерине II провести реформу Сената. Императрица согласилась и подписала 6 июня 1762 г. соответствующий указ. После чего Панин представил Екатерине II проект преобразования, состоящий из двух частей: об учреждении Императорского Совета и о разделении Сената на департаменты. В начале документа Н.И. Панин разъяснял причины создания нового учреждения – Императорского Совета. Он указал на несовершенство системы центрального управления и злоупотребления, имевшие место в предшествовавшие царствования. Проблема, полагал Н.И. Панин, заключалась в незавершенности и даже «искажении» петровских реформ, что привело к господству личного начала в управлении государством. Такое оказалось возможно вследствие полного отсутствия «начальных оснований правительства в фундаментальных законах»²⁴.

Другая причина нестабильности высших государственных учреждений, по мнению Н.И. Панина, крылась в неправильном распределении правительственных функций между действующими учреждениями. Для высших государственных учреждений характерно смешение законодательства, управления и суда, что облегчало присвоение прав, которыми они не обладали. Особенно это характерно для Сената. Он отметил вред верховного положения Сената в управлении, которое он занял при Елизавете Петровне. По убеждению Н.И. Панина, Сенат не должен обладать законодательной властью, а призван только унифицировать и регулировать законы. Неизбежным следствием подобного положения Сената в управлении стало то, что «не только Сенат выйдет из своих границ», но и решение дел останавливалось, и вместо скорых резолюций были постоянные рассуждения и споры о новых законах. Чтобы избежать этого впредь, Сенат следует наделить функциями судебного и административного контроля над подчиненными ему правительственными местами. Таким образом, Сенат обязан будет давать инструкции в соответствии с существующими законами, действовать как судья применительно к различным конфликтным ситуациям, возникающим в результате противоречий в законе. Принимать законы должен новый верховный законодательный орган – Императорский Совет, возглавляемый монархом. Только тогда власть государя станет действовать с пользой, так как будет разделена разумно «между некоторым малым числом избранных»²⁵.

Согласно проекту Н.И. Панина, Императорский Совет должен состоять из 6-8 советников. При Совете следовало создать четыре департамента: иностранных, внутренних, военных и морских дел. Четыре императорских советника назначались статскими секретарями, то есть становились во главе департаментов. Был определен круг полномочий Императорского Совета и его место в системе государственных органов: «В Совет входят все дела, подлежащие высочайшему решению: доклады, мнения, проекты... – словом все то, что служить может к собственному самодержавного государя попечению о приращении и исправлении государственном». Статс-секретари должны рассматривать дела по своим департаментам, приводить их в ясность и приносить в Совет для обсуждения. В Совете «императорские советники своими мнениями их оговаривают» (то есть обсуждают), а императрица «определяет свою последнюю резолюцию». Специально отмечалось в проекте, что кроме подписи монарха, на каждом документе обязательно должна стоять подпись того статского секретаря, «по департаменту которого то дело производилось...»²⁶. Таким образом,

все важнейшие дела государства должны решаться в Совете, а определенную ответственность в рассмотрении дел должны взять на себя департаменты и статс-секретари.

Таким образом, главные причины нестабильности верховной власти в России в XVIII в., по мнению Н.И. Панина, заключались, во-первых, в усилении личного начала в управлении, вследствие отсутствия постоянных, непреременных законов. Причем под этим «личным началом» автор проекта понимал не столько самодержавную власть монарха, сколько самоуправство фаворитов. Во-вторых, в смешении и неопределенности функций высших государственных учреждений. Цель предлагаемой Н.И. Паниным реформы заключалась в устранении дезорганизации в правительстве путем образования постоянного законодательного органа – Императорского Совета.

Данный проект не был реализован, императрица Екатерина II ограничилась разделением Сената на департаменты. Несмотря на то, что положения самой императрицы было шатким, проекты ограничения самодержавия не могли найти поддержки у российской элиты того времени. Тем более, положение Н.И. Панина как наставника цесаревича Павла Петровича делало его проекты ограничения власти несколько двусмысленными.

В дальнейшем Н.И. Панин не оставил идею законодательного обеспечения (или ограничения) самодержавной власти. В течение ряда лет он работал над проектом создания «фундаментальных» законов государства, который завершил, вероятно, уже после отставки в 1771 г. В его работе принял активное участие его секретарь Д.И. Фонвизин, а также брат П.И. Панин, который после смерти Никиты Панина подготовил для цесаревича Павла Петровича ряд соответствующих документов. Среди них было «Рассуждение о непреременных государственных законах», написанное Д. И. Фонвизиним под руководством Н.И. Панина²⁷ в качестве вводной части к проекту «фундаментальных прав» Н.И. Панина²⁸. В 1784 г. П.И. Панин представил наследнику этот документ и два варианта проекта манифеста о вступлении на престол. В них провозглашался принцип, согласно которому государственная власть регулировалась законами, которые не может изменить даже сам монарх, и проводилась мысль «...о утверждении на все времена формы государственного правления, признанной всем разумным светом для монаршего владения с фундаментальными непреременными законами»²⁹. Эти идеи не нашли своего воплощения ни во время правления Екатерины II, ни тем более в дальнейшем, при Павле I. Причем причиной здесь было не столько нежелание монарха ограничивать свою власть, сколько слабое понимание самих авторов проектов, как и с помощью кого (или чего) это сделать.

Несмотря на то, что Екатерина II отвергла проекты Н.И. Панина, система государственного управления, доставшаяся ей в наследство, явно требовала реформ. Сама императрица проповедовала общегуманитарные, просветительские взгляды своей эпохи. Она, безусловно, была сторонницей абсолютной монархии, считая такую форму правления наиболее приемлемой и удобной для России. В отличие от своих предшественников, Екатерина II разделила монархию (просвещенную монархию) и деспотизм. По ее мнению, просвещенный монарх должен в первую очередь заботиться не об удовлетворении своих желаний и прихотей, а о благе подданных. Именно этим убеждением продиктованы многие мероприятия и реформы екатерининского царствования. Конечно, при этом императрица заботилась и об укреплении личной власти. Однако второе не отрицает первого.

Особенностью правления Екатерины II является тот, что все проекты преобразований, от принципиальных до самых незначительных, проходили лично через императрицу, а зачастую с ее непосредственным участием. Считая себя наследницей Вольтера и Монтескье, русская императрица Екатерина II неоднократно планировала и пыталась проводить в жизнь, особенно до пугачевского восстания, преобразования в духе идей своих учителей. Наиболее ярко это проявилось в знаменитом «Наказе», а также документах, сопровождающих созыв и работу «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения». Екатерина II была сторонницей самодержавной формы правления, как наиболее приемлемой для России: «Пространство государево предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит». Императрица здесь несколько изменяет, подгоняя под русскую действительность, хорошо известную теорию Монтескье о зависимости формы правления от размеров государства. Если просветитель говорит лишь о необходимости монархического правления для государств с обширной территорией, то Екатерина II делает акцент именно на абсолютность власти. Такая власть, считала императрица, необходима суверену, чтобы «всякого согражданина видеть особо охраняемого законами». Следовательно, главной целью верховной власти является установление «наилучших законов в государстве». Если до этого времени природу монархической власти в России обосновывали божественным провидением, то Екатерина II указывала, что для России такой тип правления является «фундаментальным законом». Следовательно, монарх – не только «помазанник божий», но и хранитель Закона, и на него возлагаются соответствующие права и обязанности. Главной обязанностью правителя России является сохранение и укрепление власти, что возможно путем «предохранении безопасности каждого особо гражданина, и установлении в государстве наилучших законов»³⁰. Подобную же мысль Екатерина II высказывает в «Секретном наставлении» А.А. Вяземскому: «Российская империя столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочие медлительные в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеют, которые все к раздроблению силы и власти влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и предпочитающие общее добро своим собственным»³¹.

Проблема исправления законов – одна из центральных тем всех политических трактатов Екатерины II. «Наказ» Уложенной комиссии открывался рассуждением императрицы об основополагающем характере законов, которые должны соответствовать «состоянию народа». Обозначив эту проблему уже в первых статьях, Екатерина II приходит к выводу, что русский народ есть народ европейский, а «Россия есть европейская держава» (ст. 6) Эту мысль императрица доказывает примерами из русской истории: «перемены, которые в России предпринял Петр I, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали с климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеванием чужих областей. Петр Великий ввел Нравы и Обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда великие удобства, какие он сам и не ожидал» (ст. 7). Таким образом, Екатерина II доказывает возможность и необходимость применения в России европейского опыта. Она подчеркивает громадное значение законов: «равенство всех сограждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам» (ст. 34), вольность же «есть право все то делать, что законы дозволяют». Такое заявление монарха в сословном государстве необходимо было пояснить: «Вольность, кроме законов, есть возможность делать то, что каждому надлежит хотеть и чтоб не быть принужденным делать то, что не должно» (ст. 38-39).

Таким образом, одной из важнейших государственных задач Екатерина II считала реорганизацию и систематизацию действующего законодательства. В «секретных наставлениях» А.А. Вяземскому она писала, что «законы наши требуют поправления. Первое, чтоб все ввести в одну систему, которой и держаться; другое, чтобы отрешить те, которые оной прекословят; третье, чтоб разделить временные и на персон данные от вечных и неперменных»³². В Правилах управления Екатерина II писала, что «нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы»³³. Для того, чтобы этого достичь, императрица считала необходимым составление нового свода законов на основании «работающих» законодательных актов прошлого и ее «Наказа»³⁴. Иначе говоря, необходимо создать систему, благодаря которой законы станут удобно и возможно исполнять.

Требовала усовершенствования и судебная система. Для ее изменения важно понимание того, что судьи ни в коем случае не должны заниматься толкованием законов, которые «необходимо составлять из слов ясных и кратких». Взяв кого-либо под стражу, размышляет императрица, необходимо доказать его вину и сделать это на основании закона, а не умозаключений судей. Императрица осуждала применение при дознании пытки; причем не только с морально-этической, но и практической точки зрения: «пытка есть надежное средство осудить невиновного, имеющего слабое строение, и оправдать беззаконного, на силы и крепость свою уповающего».

Самым тяжким преступлением в условиях самодержавия было оскорбление величества. Впервые монарх советует будущим составителям новых законов «не вменять слова в преступление, разве оные приуготовляют, или соединяются, или последуют действию беззаконному». В данном случае виновность или невиновность необходимо установить на основании здравого смысла. При обвинении в таком серьезном преступлении необходимо учитывать все до мелочей: интонацию, состояние говорящего. Императрица заключает, что «иногда молчание выражает большее, нежели все разговоры». Подобная щепетильность в разборе самого тяжкого до сих пор преступления в Российской империи доказывает стремление императрицы установить верховенство законов в государстве.

Решению задачи подготовки и проведения преобразований в Российской империи должен был способствовать созыв «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения». Публичные выборы в Комиссию стали необычным явлением в русской жизни. Знатных сановников призвали являться в скромном платье, чтобы не привлекать к себе внимания. В выборах могли принимать участие и женщины. В документах, разъясняющих правила голосования, прямо об этом не сказано, но при упоминании об избрании дворянских предводителей, руководивших всей процедурой, говорилось: «Те помещики, которые по какому-либо препятствию не могли прибыть на выборы, равно как и женщины, владеющие поместьями, могли прислать [бумагу] к губернаторам или начальникам городов с означением, кого из дворян своего уезда они полагали бы избрать в депутаты»³⁵. Женщины, конечно, не приняли активного участия, но любопытен сам факт такой возможности – подобного не было тогда ни в одной европейской стране.

Значение Уложенной комиссии выразилось в сборе депутатских наказов. Они содержали богатый материал о жизни и чаяниях всех сословий и заметно различались по содержанию и объему. Одни ограничивались лишь жалобами, другие подробно разобрали все стороны жизни своей губернии. Например, Перемышльский наказ состоял из 86 параграфов и занимал в печати 32 страницы. Авторы многих наказов обна-

ружили широкое мировоззрение. В большинстве наказов высказывались пожелания добиться некоторой самостоятельности местных органов власти от центральной администрации. Кроме того, в наказах всех сословий прозвучало предложение учредить постоянные выборные собрания, которые занимались бы делами местного управления. Много внимания уделялось и хозяйственным вопросам, повсеместно высказывались просьбы унифицировать систему мер и весов, не делать ни для кого сословных ограничений в торговле, особенно ярмарочной. При всем многообразии депутатских наказов нельзя не отметить таких пожеланий, как стремление к местному самоуправлению или собранию избранных хотя бы на уровне губернии.

Деятельность самой Комиссии была двойственна. Отсутствие опыта и единой программы не позволили депутатам слаженно работать. Однако учредители Комиссии, и в первую очередь сама императрица, позаботились, чтобы регулярно велись записи с заседаний. Было дано особое распоряжение сглаживать конфликты: «мы за нужное находим здесь разъяснить, для чего маршалу, генерал-прокурору и директору дневной записи в обряде предписано сидеть за одним столом. Мы предвидели тогда еще, что в комиссии будут такие печальные происшествия, для коих никак не можно предписывать правила... дабы маршал имел близ себя людей, с кем советоваться и через то получил бы он приличный род помощи...»³⁶. Чрезвычайными происшествиями считались резкие выпады представителей одних сословий против других. Так, один из депутатов Обоянского уезда Глазков подал записку, где в резких выражениях говорил о пороках крестьян своего уезда. Маршал А.И. Бибиков приказал прекратить чтение этой записки. На голосование был поставлен вопрос об исключении Глазкова «из числа собрания», но в итоге на него наложили штраф и вернули записку с выговором.

Работа Уложенной комиссии, особенно частных комиссий, после роспуска Большого собрания способствовала подготовке важнейших законодательных актов императрицы Екатерины II. В первую очередь можно указать на Комиссию о порядке государства, которая занималась рассмотрением административных вопросов, в частности, недостатков территориального деления и местной судебной системы империи. Комиссия о государственных родах жителей подготовила законопроекты о правах каждого сословия. Комиссия о городах не выработала какого-либо законопроекта, но сформулировала общее положение о городе как о едином социально-правовом и культурном организме.

Деятельность комиссий оказала огромное влияние на законодательство Екатерины II, фактически став предварительным этапом выработки ряда важных документов: «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи», «Грамоты на права и преимущества благородному Российскому дворянству», «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» и др. Они явились одними из основных законодательных актов в царствование Екатерины II и отразили взгляды императрицы на «основные законы» империи. Конечно, большинство избранных «ото всей земли» депутатов Уложенной комиссии не были дальновидными политиками. Так за несколько лет до пугачевского бунта они, за редким исключением, не желали даже обсуждать вопрос об изменении отношений между помещиками и крестьянами. Успешной работе препятствовала и неопределенность депутатских полномочий. Созванная для выработки Нового уложения, Комиссия не имела статуса законодательной и должна была в точности следовать рекомендациям императрицы Екатерины: «Наказу» Большой комиссии и «Наставлению» для частных комиссий, документов очень противоречивых. Тем не менее, было сделано главное. Были полностью подтверждены права им-

ператрицы Екатерины II на престол как законной правительницы и обозначена невозможность ограничения самодержавия.

Среди проектов политических реформ Екатерины II стоит обратить внимание на готовившуюся в 80-х гг. XVIII в. реформу Сената. В 1788 г. Екатерина II собственноручно разработала проект преобразования Сената, по которому он должен был превратиться в законосовещательный орган. Его главной обязанностью должен был стать контроль над исполнением законов и апелляционное правосудие³⁷. Предполагалось полностью изменить структуру Сената, включив в его состав «особ первых трех классов», кого выберет лично монарх. В него должны были войти главы коллегий и другие высшие должностные лица. Наконец, во время нахождения в столице, в нем должны были присутствовать губернаторы.

Для удобства работы Сенат предполагалось разделить на 4 департамента, каждый из которых, в свою очередь, включал три присутствия. Данные присутствия делились по территориальному принципу. Таким образом, преобразованный Сенат должен был стать центральным органом управления империей, имеющим разветвленную структуру управления на местах. Каждому департаменту Сената отводилось собственное место в общей системе управления. Должность первого департамента включала в себя обязанность контролировать исполнение законов, осуществлять надзор за порядком. По сути дела, данному департаменту Сената вручались основные функции управления внутренними делами в государстве. Второй департамент Сената предполагалось сделать высшей судебной инстанцией по уголовным делам. Также в должность второго департамента вошел бы контроль за соблюдением уголовного законодательства и за исполнением судебных решений. Третьему департаменту поручалась «апелляция на коллегии или Палаты Гражданского суда и по генеральному межеванию»³⁸, то есть, так же как и второй департамент, третий должен был стать высшей судебной инстанцией, но по гражданским делам. Четвертому же департаменту предполагалось поручить «государственные домостроительные или экономические и казенные дела»: управление и контроль над государственными финансами. Далее в документе Екатерина II представила структуру и функции нового Сената. При этом она указала, что «Сенат не есть судное место, но хранилище Императорского Величества узаконений»³⁹, однако передавать дела на его рассмотрение можно было только в двух случаях: если истец не был согласен с решением губернского суда, или если рассматривались наиболее тяжкие в те времена преступления – умысел против самодержавной власти, высшая измена и т. п.

Разрабатывая данный проект реформы Сената, на наш взгляд, Екатерина II предполагала начать реформирование системы центральных органов управления империей. Обновление Сената, согласно разработанному проекту, должно было превратить фактически его в правительство, а департаменты, особенно первый и четвертый, выполняли бы функции отраслевого управления, по сути дела, министерства. Скорее всего, в перспективе императрица рассчитывала также реформировать и систему коллегий, так как данные учреждения явно не вписывались в реформируемый Сенат. Данный проект реализован не был.

Таким образом, в течение всего своего правления Екатерина II с помощью законов пыталась укрепить Российское государство. Она считала, что законы помогут создать «идеальное государство – Законную монархию», где все подданные будут трудиться на благо Закона и монархии. При этом императрица-законодательница как будто не хотела замечать того глубокого социального кризиса, который проявился в

пугачевщине. Хотя, может быть, она считала, что с помощью «правильных законов» можно снять социальную напряженность в обществе, однако практика показала ошибочность подобных взглядов.

На смену Екатерине II пришел Павел I. Получив власть абсолютно законным путем, он повел себя как узурпатор. По словам очевидца тех событий, дворец «в один миг приобрел вид местности, захваченной императорскими войсками: настолько солдаты, начавшие нести здесь караульную службу, отличались поведением и формой одежды от тех, кого можно было видеть здесь еще накануне»⁴⁰.

Нет императора, оценки которого были бы столь полярными: от идеализации до признания Павла I сумасшедшим, а всех его мероприятий – сплошным абсурдом. Конечно, Павел Петрович не был душевнобольным. Иначе этим непременно воспользовалась бы Екатерина II, чтобы лишить сына трона. Однако многое, сходящее с рук другим монархам, Павлу I ставилось в вину. Вероятно, он был настолько ослеплен своей властью, что не замечал накалявшуюся вокруг него атмосферу. Что касается политических мероприятий императора Павла, то, по нашему мнению, наиболее убедительна точка зрения М.В. Ключкова. Он отметил, что в действиях Павла I была система, которая «императором при участии многих видных сановников проводилась в жизнь более или менее планировано, несмотря на некоторые вспышки гнева и изменчивость настроения Павла, отражающегося на судьбе отдельных лиц, но не меняющего общего течения дел и порядка»⁴¹.

Есть основания утверждать, что император Павел был проникнут идеей законности, необходимости во всем следовать «коренным» законам, первым из которых была воля самого императора. При этом он считал, что при Екатерине II законом была частная воля различных лиц (фаворитов), и поэтому не было ничего непоколебимого. Правда, Павел I полагал, что писаных законов в России вполне достаточно и не хватает только одного, важнейшего – закона о престолонаследии. Император восполнил этот пробел в первый же год своего царствования – 5 апреля 1797 г. Впервые четко обозначался круг возможных наследников трона, что, по мнению Павла I, должно было способствовать установлению строгого порядка престолонаследия и прекращению династических кризисов.

Большинство исследователей считают, что вышеназванный указ способствовал возвращению к допетровской традиции наследования престола, однако это не вполне верно. К концу XVIII в. в Европе сложились три основные системы престолонаследия: салическая, кастильская и австрийская⁴². Согласно салической системе (Бельгия, Пруссия, Румыния и др.) предполагалось наследование престола по прямой мужской линии, в случае ее пресечения – по боковым мужским линиям; при этом женщины из числа наследников исключались полностью. По австрийской системе (Австрия, Голландия, Бавария и др.) предполагалось наследование по прямым и боковым мужским линиям, но в случае их пресечения допускалось наследование женщинами и по женским линиям. Наконец, кастильская система (Англия, Испания, Португалия и др.) предполагала наследование по прямым мужским, затем женским линиям, и только в случае их пресечения – переход к боковым мужским линиям и т. д. Император Павел I за основу своего указа о Престолонаследии избрал австрийскую систему, которая наиболее была близка его собственным убеждениям.

Несмотря на то, что по форме указ от 5 апреля 1797 г. представлял собой своего рода завещание – заявление о намерениях, его нельзя приравнять к «Тестаменту» Екатерины I⁴³. Павел I в указе рассматривает наследование в императорской семье в

целом, не только нынешним, но и будущими поколениями: «Наследником, по праву естественному, после смерти Моей, Павла, Сына Нашего большего, Александра, а по нем все Его мужеское поколение. По пресечении сего мужеского поколения наследство переходит в род второго Моего Сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшего Моего Сына, и так далее, если бы более у Меня Сыновей было; что и есть первородство. По пресечении последняго мужеского поколения Сыновей Моих, наследство остается в сем роде, но в женском поколении последне-Царствовавшего, как в ближайшем Престолу, дабы избежать затруднений при переходе от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитая мужеское лице женскому; однако здесь применить надлежит единожды навсегда, что не теряет никогда права то женское лице, от которого право непосредственно пришло»⁴⁴.

Несмотря на большое юридическое значение принятия указа о престолонаследии, его практическое значение для самого Павла I оказалось минимальным, причиной чего была непоследовательная политика самого императора, его собственное отношение к самодержавной власти. Современники не верили, что император Павел сам будет следовать собственному указу, так как его методы управления государством большинством современников, как и в дальнейшем исследователями, оценивались как деспотические.

Итог правления Павла I известен – император был убит в ходе заговора, одним из руководителей которого был его сын, наследник престола⁴⁵. Заговорщики в ходе переворота, вероятнее всего, сделали попытку ограничить самодержавие. Как писал один из достаточно осведомленных современников, Август Коцебу, «граф Пален имел, без сомнения, благотворное намерение ввести умеренную конституцию; то же намерение имел и князь Зубов. Этот последний делал некоторые намеки, которые не могут, кажется, быть иначе истолкованы, и брал у генерала Клингера «Английскую конституцию» Делольма для прочтения⁴⁶. Однако, несмотря на требование самого императора [уже Александра I – Н. К.], это дело встретило много противодействия и так и осталось»⁴⁷. Более того, есть указания на то, что Александр Павлович в первые часы переворота поддержал (или вынужден был поддержать) заговорщиков. Таким образом, «даровать» России конституцию в ходе заговора не удалось, этому воспротивились генералы, командиры и шефы гвардейских полков, его непосредственные исполнители: Н.И. Депрерадович, П.А. Талызин, Ф.П. Уваров и др. Если гражданское управление после переворота П.А. Пален сумел сосредоточить в своих руках, то военная власть находилась у этих лиц. Поэтому руководители заговора и не смогли законодательно ограничить власть монарха, хотя последний дворцовый переворот был блестяще ими организован и безупречно технически исполнен. Однако Пален, вероятно, «забыл», что это стало возможным, потому что руководители заговора скрыли от массы исполнителей, гвардейских генералов и офицеров свои идеи об установлении «непременных законов» и уничтожении деспотизма. Таким образом, идейные руководители заговора рассматривали устранение Павла I как шаг на пути ограничения самодержавия, но избранная методика достижения своих целей – путем заговора и царевубийства – оказалась для них самих губительна. В отличие от большинства руководителей переворотов, принесших трон Елизавете Петровне или Екатерине Алексеевне, П.А. Пален и его ближайшие помощники стремились ограничить власть монарха не столько своим личным участием в управлении, сколько «непреложными

правилами», законами. Нечто подобное пытался в свое время сделать граф Н.И. Панин при воцарении Екатерины II, что ему так же не удалось.

Время правления императора Александра I – один из самых противоречивых периодов в новой истории России. В течение всего царствования он проводил реформы во всех сферах жизнедеятельности государства. Надо сказать, что далеко не всегда проводимые преобразования отражали собственные взгляды монарха: политические идеалы Александра Павловича порой были очень далеки от российской действительности, чем и объясняется противоречивость реформ. Александр I, по всей видимости, был сторонником конституционной монархии и не отказывался от идеи ограничить самодержавие в России на протяжении всего своего царствования, однако в системе управления страны отсутствовали реальные механизмы, на базе которых это можно было сделать.

Указанные противоречия во многом были следствием особенности воспитания будущего монарха. Надо заметить, что Александра Павловича с самого рождения готовили царствовать, в отличие от его отца, который хоть и был законным наследником престола, но постоянно жил в страхе, что не получит верховной власти. При внешнем благополучии он рос в атмосфере подозрительности, двуличия и дворцовых интриг. Императрица Екатерина II сама взялась за воспитание внука под предлогом, что сможет сделать это лучше, чем его родители. В качестве учителя истории для великих князей был приглашен швейцарец Фридрих Цезарь Лагарп. В 1782 г. он приехал в Петербург и в том же году стал учителем молодых великих князей. От Лагарпа великий князь Александр воспринял идеи философии Просвещения. Его наставления оказали огромное влияние на великого князя Александра. Точно такое же образование получил младший великий князь, Константин Павлович. У них обоих под влиянием Лагарпа формировались схожие взгляды на мир. Думается, что в тот период, особенно до вступления Павла I на престол, братья были хорошими друзьями. О политических пристрастиях великого князя Константина в молодости писали, что он во всем подражал старшему брату, великому князю Александру. Но подражать можно поведению, а не взглядам. Константин Павлович, как и Александр Павлович, был учеником Лагарпа, влияние которого выражалось, например, в следующем: французский поверенный Р. Жене в донесении от 3 января 1792 г. сообщал, что русские великие князья Александр и Константин «нередко рассуждали о злоупотреблениях во Франции, нашептывали во дворце революционные песни и в присутствии испуганных и озадаченных придворных вытаскивали из карманов трехцветные кокарды»⁴⁸.

С начала 90-х гг. XVIII в. Александр Павлович начинает выходить в свет, знакомиться с людьми сходного образа мысли. После женитьбы 28 сентября 1793 г. на баденской принцессе Луизе (в крещении – великая княгиня Елизавета Алексеевна), учеба практически закончилась, а через два года Лагарп покинул Россию. В это время вокруг великого князя формировался кружок «молодых друзей», который оказал очень большое влияние на склад его личности и взгляды.

В 1795 г. ученики Лагарпа, а также супруга Александра Павловича, которая была «поверенной его мыслей и разделяла его чувства», сближаются с молодыми братьями Чарторижскими. Князь Адам Чарторижский, будучи старше и опытнее великого князя Александра, в чем-то стал его вторым учителем, так как на практике боролся за свободу своей страны, участвовал в выборных органах. Молодые люди, по выражению кн. Чарторижского, образовали «негласный кружок», в который вошли великие князья Александр и Константин, жена Александра Елизавета Алексеевна и

братья Чарторижские⁴⁹. Мысли и суждения о будущем российского престола, подготовка Александра Павловича к царствованию (когда придет его очередь) – вот что объединяло этих молодых людей. Кроме того, они критиковали последние годы правления Екатерины II, когда от «просвещенного абсолютизма» не осталось и следа, а страной управляли фавориты. Причину этого члены великокняжеского кружка видели в том, что в стране так и не были установлены основные, «непременные» законы. В то время политическим идеалом Александра Павловича и остальных членов кружка была республика. Они считали, что передача верховной власти должна зависеть не от случайности рождения, а от голосования народа, который сумел бы выбрать наиболее достойного. Нет сомнения, что молодые люди были искренни в то время. Европейски образованные и воспитанные на взглядах просветителей, они невольно переносили проблемы европейских реформ и задачи Французской революции на российскую почву.

Кружок этот оказал огромное влияние на всех его членов. За время его существования великий князь Александр окончательно сформировался как личность и политик. У него сложились определенные взгляды на управление страной, которые он пронес через четыре года царствования своего отца. В первое время правления Александра I именно кн. Адам Чарторижский был его главным советником, которого молодой император вызвал письмом уже на второй день царствования.

Великому князю Александру, несмотря на всю его привязанность к А. Чарторижскому, хотелось найти единомышленников среди русских дворян. В самом начале царствования Павла I Александр Павлович сближается с кругом молодых людей, русских аристократов: Н.Н. Новосильцовым, В.П. Кочубеем и П.А. Строгановым. Все они получили прекрасное образование, бывали за границей, Новосильцов и Кочубей – с дипломатическими поручениями. Строганов родился в Париже, долго жил и учился там под руководством своего воспитателя Ромма. Он был свидетелем начавшейся революции и даже вступил в якобинский клуб. В конце царствования Екатерины II эти люди вошли в число доверенных лиц великого князя Александра.

После смерти императрицы Екатерины и воцарения Павла I ситуация при дворе сильно изменилась: великий князь стал наследником престола, шефом Семеновского полка, присутствующим в Сенате и Военном департаменте. Некоторое время он занимал еще и должность петербургского военного губернатора, вследствие чего столкнулся с реальным управлением империей. Он понял, что проведение реформ не такое уж простое дело и одного желания здесь мало. Не внушало энтузиазма и начало царствования Павла I. «Вам хорошо известны, – писал Александр Павлович Лагарпу 27 сентября 1798 г., – различные злоупотребления, царившие при последней императрице; они лишь увеличились по мере того как ее здоровье и силы, нравственные и физические, начали слабеть... Мой отец при вступлении на престол решил переделать все решительно. Его первые шаги были блестящие, но последующие события не соответствовали им... Благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая творит все шиворот навыворот»⁵⁰. Видя, как буквально по одному слову императора Павла государство меняет свой облик, цесаревич Александр оставил мысли об отречении. «Вместо добровольного изгнания я сделаю несравненно лучше, – писал он в том же письме Лагарпу, – посвятив себя задаче даровать стране свободу, и тем не допустить ей сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев»⁵¹. Александр Павлович

решил стать реформатором на троне, дать своей стране свободу, основные, «непременные» законы⁵² и тем самым ограничить власть монарха, чтобы не допустить в будущем диктатуры и своеволия, характерных для царствования его отца.

После воцарения императора Павла I изменился состав и цели великокняжеского кружка. Младший Чарторижский возвратился к родителям в Польшу, а позднее переехал в Галицию и принял австрийское подданство. Великий князь Константин Павлович в начале 1799 г. уехал за границу, в Вену. Оттуда он прибыл в армию А.В. Суворова и принял участие в Швейцарском походе. За проявленную храбрость ему был пожалован титул цесаревича. В Петербург Константин Павлович вернулся только в конце этого года⁵³. Таким образом, в период правления Павла I в кружок входили А. Чарторижский, Н.Н. Новосильцов, П.А. Строганов и В.П. Кочубей. От рассуждений о будущем России они постепенно перешли к оппозиции существующему режиму и конкретному монарху.

Цесаревич Александр видел, как методы управления императора Павла становились все деспотичнее, а его собственное положение – все более шатким. Он решил выработать конкретную программу реформ. В этом ему должны были помочь друзья. В конце 1796 г. цесаревич Александр попросил А. Чарторижского составить проект манифеста, «которым он желал бы объявить свою волю, когда верховная власть перешла бы к нему»⁵⁴. К сожалению, этот документ не сохранился, и мы вынуждены судить о нем по скудным описаниям в мемуарах Чарторижского. «Я излагал, – писал князь Адам, – неудобства государственного порядка, существующего до сих пор в России, и все преимущества того устройства, которое хотел ей дать Александр. Я разъяснял блага свободы и справедливости, которыми он будет наслаждаться после того, как будут удалены все преграды, мешавшие ее благополучию»⁵⁵.

Под «свободой и справедливостью», по всей вероятности, А. Чарторижский понимал необходимость ограничения самодержавия представительным органом или конституцией. Препятствие – это, явно, крепостное право, мешающее установлению равенства перед законом. Не исключено, что А. Чарторижский размышлял о возможном устранении императора Павла I путем «дворцового переворота» – распространенного способа решения политических проблем в XVIII в. По окончании реформ великий князь Александр Павлович должен был, следуя манифесту, добровольно сложить с себя полномочия и поставить во главе государства выборный орган или человека, избранного этим органом. Цесаревич Александр был в восторге от манифеста, но, естественно, все преобразования были отложены до лучших времен...

Смерть Павла I вызвала реформаторский подъем в российском обществе. Дворянство, офицерство, вне зависимости от своих политических убеждений, были рады окончанию его царствования. Император Александр I с первых дней своего вступления на престол заявил, что собирается провести в России ряд реформ с целью недопущения в дальнейшем деспотического правления. Более того, от Александра I ждали преобразований. Ф.П. Лубановский писал: «Надобно было видеть тогда движение свежей по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по одним только летам, поколение прощалось не до свидания, а уже на веки веков со старосветскими предрассудками; кругом пошли головы от смелого говора о государственных вопросах и резкого указания, чему и как быть по известной записке Лагарпа; вслух развивались такие идеи, которые может быть и до того были не совсем новы у нас, но были безгласны и бессловны: надежда, как вино, веселила сердца. Вслушиваясь в беседы, в этих надеждах и радостях, я впервые услышал речь о людях с «aux idées liberales»⁵⁶,

или, как тогда переводили, о людях с высшим взглядом, о необходимости общего преобразования, о конституции»⁵⁷. Российское общество никогда еще не было столь политически активно, о политике, реформах говорили буквально все, обсуждая новые назначения и первые указы Александра.

Зыбкое единение оппозиционных императору Павлу I сил сразу же рассыпалось после цареубийства. Уже с первых дней правления Александра Павловича стало ясно, что представление о необходимых преобразованиях у различных политических группировок значительно отличаются друг от друга. Большинство исследователей, изучавших первые годы правления императора Александра, характерной чертой этого периода называют противостояние между «екатерининскими стариками», то есть вельможами, имевшими политический вес и силу в конце XVIII в. и занимавшими тогда, а частично и при Павле I, ведущие государственные посты; и «молодыми друзьями» Александра I: П.А. Строгановым, Н.Н. Новосильцовым, В.П. Кочубеем и А. Чарторижским, составившими в начале его правления так называемый «Негласный комитет»⁵⁸. Нам представляется, что между этими правительственными группировками изначально не было принципиальных противоречий. Однако все политические силы, принимавшие участие в заговоре, стали активно бороться за влияние на монарха.

Начало царствования Александра, его самые первые указы, в том числе и манифест о восшествии на престол, возбудили надежды у образованного общества и представителей всех политических групп. В этом манифесте Александр обещал управлять «по законам и сердцу... Августейшей бабки». Это давало надежду и реформаторам на возвращение политики «просвещенного абсолютизма» и проведение ряда преобразований, и консерваторам – на возвращение статус-кво, существовавшего до бурных и, казалось, бессмысленных перемен времен Павла I.

В первые дни правления император Александр I обнародовал ряд указов (или манифестов), касающихся почти всех сторон общественной жизни, отменил наиболее одиозные распоряжения и нововведения императора Павла I, что вполне могло показаться современникам возвращением к «золотому веку» Екатерины II. Указами от 14 и 16 марта 1801 г. были сняты запреты на вывоз из России и на ввоз в страну различных промышленных товаров. 15 марта, в дополнение и разъяснение к уже вышедшему манифесту, объявлялся указ об амнистии заключенных, сосланных и подследственных по делам, производящимся в Тайной экспедиции, и «о возвращении лишенным чинов и дворянства и прежнего достоинства». Было объявлено прощение беглецам, укrywшимся за границей. Специальным указом были восстановлены в полном объеме дворянские выборы. 19 марта вышло особое предписание полиции, чтобы она не выходила за границы своих обязанностей. 22 марта был объявлен указ о свободном въезде и выезде из России. 31 марта отменялось запрещение ввозить из-за границы книги и музыкальные ноты, основывать частные типографии и т. п.⁵⁹ Запреты были сняты как в вопросах личной, частной жизни (о свободе передвижения), так и в экономической сфере (снятие большинства ограничений при ввозе и вывозе товаров за границу).

2 апреля 1801 г. было обнародовано пять манифестов, составленных в том же русле, что и вышеназванные указы, но затрагивающие уже ключевые вопросы развития страны. В первом император Александр торжественно объявлял о восстановлении Жалованной грамоты дворянству. Он заявил, что уверен «в справедливости, святости и неприкосновенности преимуществ дворянства». Император подтвердил незыблемость этой грамоты для него и его потомков. Естественно, он отменял все указы, про-

тиворечащие Жалованной грамоте, так как считал ее «непременным законом». Вторым манифестом было объявление о восстановлении Жалованной грамоты городам и городского положения, которые также объявлялись непременными и незыблемыми законами. Третьим манифестом Александр I объявил амнистию: «прощение находящихся под судом и следствием всех, кроме смертоубийц». Был издан указ о возвращении дворянства, должностей и званий всем офицерам и гражданским чиновникам, исключенным по суду или «высочайшему указу», но, помня печальный опыт своего отца, Александр I заявил, что всем выдаются указы об отставке⁶⁰. Четвертым манифестом упразднялась Тайная экспедиция. Это ведомство занималось расследованием дел, связанных с оскорблением Величества и «изменой Государю и Отечеству». Под разными названиями подобная организация существовала уже несколько столетий. В манифесте кратко излагалась история деятельности Тайной экспедиции за императорский период и подводился своеобразный итог. Александр Павлович утверждал, что она исчерпала себя, и торжественно провозгласил, что «в благопристойном государстве все преступления должны быть объявляемы, судимы и наказуемы общей силой закона». Секретные дела, ранее рассматривавшиеся в Тайной экспедиции, впредь поручались Сенату и другим учреждениям, ведавшим уголовным сыском.

Пятый манифест был «изъявлением милости народу». В качестве таковой государь торжественно объявил, что без особых государственных причин налоги поднимать или вводить новые не будет. Император Александр обещал, что впредь будет уделять особое внимание, чтобы «уже существующие провинности могли быть с большей удобностью поселянами отправлены». Для этого был разрешен свободный отпуск земледельческих продуктов за границу. Более того, Александр I разрешил крестьянам пользоваться государственными лесами (кроме корабельных) по своему усмотрению⁶¹. Несмотря на кажущуюся ничтожность первых заявлений императора о крестьянах и декларативность манифеста, само обращение к этим вопросам насторожило окружение императора. Нельзя забывать, что владение «живыми душами» было главным и наиболее ревностно охраняемым правом дворян. Даже намек на возможные перемены в этом вопросе, а тем более освобождение крепостных крестьян, считался в то время подавляющим большинством дворян проявлением крайних форм деспотизма со стороны верховной власти. В то же время воспоминания и страх перед пугачевщиной были еще очень свежи. Наиболее образованные и дальновидные представители дворянства понимали, что необходимо предпринимать какие-либо меры для предупреждения крестьянских бунтов.

Первой политической силой, предложившей свой вариант пути развития и реформирования страны в начале XIX в., стали вчерашние руководители заговора против императора Павла I: П.А. Пален, Н.П. Панин и др. Свои идеи они пытались реализовать и в ходе самого переворота, а затем в первые месяцы правления Александра I. Несмотря на то, что П.А. Пален фактически «предоставил» Александру I престол, он не стал доверенным лицом монарха. Поэтому, чтобы закрепиться у власти, он решил добиться высокой государственной должности, благодаря которой мог бы влиять на реальную политику. Вполне вероятно, именно с этой целью П.А. Пален содействовал учреждению 26 марта 1801 г. Непременного совета, куда, кроме него, вошли также Платон и Валериан Зубовы. Всего в совете первоначально было 12 человек. Функции этого государственного учреждения были разъяснены в «наказе». Непременный совет учреждался для «рассмотрения и уважения дел государственных». Совет ни в коей мере не ограничивал власть императора: «он не имеет действия внешнего, не входит ни в

какие распоряжения по части исполнительной... , никаких указов от себя и от имени своего не издает... , силы другой не имеет, кроме силы совещания». Однако данные совету законосовещательные функции были необычайно велики. Предметом обсуждения могло являться «все, что принадлежит до государственных постановлений, временных или коренных и непреложных». Коренными законами считались те, которые давались «на все времена», например, Жалованные грамоты⁶². Фактически Непременный совет был создан для подготовки реформ, но в начале его работы там рассматривались текущие дела по вопросам внутренней и внешней политики. Вполне вероятно, что Пален, содействуя учреждению Непременного совета, видел в нем наследника Верховного тайного совета XVIII в., в рамках которого действовал А.Д. Меншиков, выступая от лица Екатерины I и Петра II. Кажущаяся нерешительность Александра I ввела в заблуждение опытного царедворца, между тем молодой император не собирался отдавать власть Палену, и он, вместе с другими организаторами заговора, был отправлен в отставку. После отставки П.А. Палена, П.А. Зубова, Н.П. Панина и других, организаторы заговора ушли с политической арены⁶³.

Император Александр I, получив не только формальную, но и реальную абсолютную власть, стал готовить проведение реформ. В историографии медлительность Александра I в проведении преобразований и отказ от немедленного ограничения самодержавной власти объясняют либо его двуличностью, слабых характерностью, желанием удовлетворить всех, вступая на престол; либо уверенностью молодого императора, что на проведение планируемых реформ необходимы десятилетия. Авторы этих подходов не учитывают некоторые особенности, которые сопровождали воцарение Александра Павловича. Как уже говорилось, молодой император в начале своего правления не обладал полной свободой действий. Он вынужден был считаться со вчерашними руководителями заговора, которые поначалу занимали высшие государственные посты. Кроме того, Александр I знал о весьма сложных настроениях в армии и особенно в гвардии. Солдаты откровенно сожалели о «безвременной кончине» Павла I, при котором офицеры побаивались воровать, да к тому же за удачные парады им частенько выпадали награды, в то время как за неудачные наказывали, главным образом, их командиров. Офицеры не скрывали радости по поводу воцарения Александра I, но при этом они явно опасались и не желали каких-либо кардинальных перемен. Некоторые мемуаристы утверждают, что князь П.А. Зубов, ворвавшись с Л.Л. Беннигсеном и другими офицерами в комнату к императору Павлу I, предложил ему отречься от престола или же ограничить самодержавную власть, подписав «текст соглашения между монархом и народом»⁶⁴, чему воспротивились командиры гвардейских полков, активно участвующие в заговоре. Таким образом, в ходе переворота самодержавная власть не была ограничена, и теперь все зависело от нового императора, тем более что его воцарение приветствовалось практически всеми слоями общества. Если бы Александр I сам добровольно в начале своего правления обнародовал документы, ограничивающие самодержавную власть и даровавшие политические свободы, едва ли кто-нибудь осмелился бы этому воспротивиться. Почему же император Александр этого не сделал, хотя и намечал проведение таких реформ, будучи наследником? Что реально бы последовало после подписания Александром I «конституции» или другого документа, который бы серьезно ограничивал его полномочия? Понятно, что отказ от самодержавной власти, орудия чрезвычайно сильного в политической борьбе, когда, с одной стороны, верхушка заговорщиков во главе с П. А. Паленом отодвигала на второй план молодого монарха; с другой – подавляющее

большинство дворян было вполне удовлетворено устранением Павла и не видело необходимости вообще в каких-то реформах, был невозможен. Оказавшиеся у власти реформаторы не имели достаточной поддержки в правящем сословии. На кого же, кроме дворян, мог опереться русский монарх? Не на чернь же, для этого ему понадобилось бы стать новым Пугачевым. Такого желания у Александра I не было и в помине, как не было его и у других дворянских реформаторов вплоть до декабристов. Вывод отсюда следовал один: преобразования необходимо осуществлять, используя в полной мере самодержавную власть для подавления как сопротивления крепостников, хранителей заветов старины, так и излишне честолюбивых сторонников либеральных реформ. Такой вывод был сделан императором Александром I, и он по существу предопределил дальнейшую судьбу его реформаторской деятельности. Самодержавие сохранялось. В обозримом будущем речь могла идти лишь об отдельных, частичных преобразованиях, не затрагивающих основ существующего строя.

Итак, император Александр, вероятно, пришел к выводу, что проводить в жизнь реформы в России можно лишь силой самодержавной власти. Правление Павла I показало, что проведение каких бы то ни было преобразований в стране опасно без учета мнений сановной аристократии, высшего офицерства. Все высшее общество, казалось, было заинтересовано в реформах, которые, в первую очередь, им самим гарантировали бы стабильность и незыблемость их прав. Планы самого императора Александра были явно шире. Для воплощения своих замыслов Александр I решил воссоздать кружок «молодых друзей», состоявший из лично преданных ему помощников. 17 марта 1801 г. Александр Павлович собственноручным письмом вызвал кн. А. Чарторижского. Чуть позднее был официально приглашен и В.П. Кочубей. П.А. Строганов, который находился тогда в Петербурге, написал Н.Н. Новосильцову⁶⁵. Они образовали так называемый «Негласный комитет», который стал своего рода неофициальным совещательным органом при императоре, куда стекались все проекты реформ и другие подобного рода документы. Сами члены «Негласного комитета», в первую очередь П.А. Строганов, первоначально попытались выработать собственный план преобразований, но вынуждены были отложить это на некоторое время и углубиться в анализ проектов реформ, предлагаемых представителями аристократии, и решением вопросов текущей политики.

«Негласный комитет» первый раз официально собрался 24 июня 1801 г. В его работе можно выделить три направления работы, которые велись параллельно: разработка плана реформ; анализ проектов и документов высших чиновников и аристократов и, наконец, проведение преобразований в сфере государственной власти. Основным источником, повествующим о работе «Негласного комитета», являются неофициальные протоколы, которые вел П.А. Строганов. Эти материалы, бывшие своего рода дневниковыми записями гр. Строганова, не отражают всех аспектов деятельности «Негласного комитета», но в сочетании с другими источниками дают достаточно четкое представление о его работе. Первый протокол был датирован 24 июня 1801 г., последний – 12 мая 1802 г. Кроме того, до нас дошли еще четыре записи о заседаниях в октябре-ноябре 1803 г. Отсюда большинство исследователей делают вывод о том, что с июня 1801 по май 1802 г. «Негласный комитет» действовал регулярно, затем ненадолго возобновил свою работу осенью 1803 г., после чего окончательно прекратил свое существование. Почти все сохранившиеся протоколы содержат упоминания о повестке дня, а иногда и о дате следующего заседания «Негласного комитета»⁶⁶. При этом ряд протоколов никак не связан между собой, что допускает наличие неза-

протоколированных заседаний. Поэтому можно предположить, что комитет не был окончательно распущен 12 мая 1802 г., а действовал с перерывами, не менее чем до конца 1803 г., а возможно и дольше. Доказательством тому могут служить воспоминания А. Чарторижского, где он упоминает об обсуждении в «Негласном комитете» вопросов внешней политики применительно к 1803 г. и более поздним временам. А. Чарторижский составил свои записки уже в довольно зрелом возрасте, поэтому они грешат неточностями. Однако едва ли он столь сильно мог ошибиться, упоминая о заседаниях «Негласного комитета» в 1803, 1804 и даже в 1805 гг., так как он привязывал эти заседания к конкретным историческим событиям⁶⁷. Но возможно и другое объяснение. В начале правления Александра I «Негласный комитет» стал своего рода «доверенным правительством» императора, пусть неофициальным, но которому монарх мог полностью доверять, в отличие от «паленовского» Непременного совета, а также консервативного и оппозиционного Сената. Как известно, монарх в России мог самолично, без чьего бы то ни было одобрения и согласия, создать любой государственный орган, поэтому, вопреки расхожему мнению, на наш взгляд, неофициальность «Негласного комитета» была относительной. Позднее, когда император Александр отстранил от власти руководителей заговора, и после реформирования высших государственных органов власти, тем более после учреждения министерств, необходимость в подобном личном кабинете у монарха отпала, а его члены заняли высшие государственные должности. Однако периодически повторялись совещания при императоре «в узком кругу», которые Строганов и Чарторижский по старинке называли заседаниями «Негласного комитета».

Инициаторами создания «Негласного комитета» были император Александр I и граф Павел Строганов. Еще до приезда остальных они определили круг вопросов, которые необходимо было обсудить на его заседаниях. Сюда, в первую очередь, они отнесли проблему введения политических прав и свобод, а также серьезное ограничение или даже отмену крепостного права, так как они считали: чтобы исполнить первое, необходимо было разрешить второе. «Волновать дух народа» было очень опасно, поэтому П. А. Строганов предложил создавать проекты законов в абсолютной тайне и проводить их в жизнь жесткими административными мерами. Свои взгляды он изложил в ряде записок, составленных как по заданию императора, так и по его собственной инициативе.

Перед началом регулярной деятельности «Негласного комитета» П.А. Строганов приступил к написанию плана его работы. Первоначально он предложил сделать это самому императору: «Не возьмете ли вы не себя труд, – обратился П.А. Строганов к Александру I, – составить инструкцию комитету, чтобы рассеять все сомнения касательно его цели? Это внесет ясность в мысли всех. Не пожелаете ли Вы, Ваше Величество, просто высказать свои мысли по этому поводу, чтобы можно было составить проект конституции, который будет Вам представлен для внесения изменений и утверждения?»⁶⁸. Александр I поручил Павлу Александровичу самому подумать над планом предстоящей работы в комитете.

В обширных архивах графа П.А. Строганова сохранились две бумаги: «Генеральный план работы с императором над реформой» и «О состоянии нашей конституции», которые, по всей вероятности, как раз и были написаны еще до начала постоянной деятельности «Негласного комитета» в качестве плана его работы. В первой записке Строгановым определены основные принципы организуемого Комитета⁶⁹. Автор записки считал, что все преобразования должны исходить исключительно от

императора, а не какого-либо государственного органа, например, Сената или Непременного совета. Павел Александрович был убежден, что для глубоких реформ необходимо первоначально провести ряд изменений в системе государственного управления. Он предлагал начать с преобразований администрации, а затем уже писать и вводить «конституцию». За основу для написания своего «Генерального плана» Строганов взял известную записку А.А. Безбородко, о чем сам указал⁷⁰. Базовой идеей, на основе которой необходимо разрабатывать все проекты преобразований, по мнению П.А. Строганова, должна быть мысль о незыблемости права частной собственности и права свободы распоряжения ею. Поэтому весьма целесообразно было бы создать «преграду», чтобы власть не нарушила этого порядка: «для чего необходимо придать некоторые привилегии и блеск старым учреждениям». Александр I одобрил этот «Генеральный план» Строганова и предложил использовать в качестве основы для подготовки будущих реформ⁷¹.

Более четко собственная позиция Павла Строганова проявляется в записке «О состоянии нашей конституции»⁷². Первым делом он объясняет, зачем России необходима конституция. По его мнению, «она есть выраженное в законе признание прав нации и установление способов их осуществления. Незыблемость прав нации должна быть гарантирована, чтобы никакая посторонняя власть не могла воспрепятствовать действию этих прав». Строганов прекрасно понимал, что «если этой гарантии не существует, цель пользования правами, которая состоит в том, чтобы какая-либо правительственная мера могла быть принята в ущерб истинным интересам нации, эта цель ... не будет достигнута, и тогда можно сказать, что нет никакой конституции»⁷³. Особое внимание Павел Александрович уделил структуре предполагаемой конституции. Она должна была состоять из трех частей: установление прав, способ их использования и гарантии «незыблемости». П.А. Строганов указал, что Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам отчасти отразили первое, то есть установили незыблемые законы, но полное отсутствие гарантий предоставленных прав почти свело их значение на нет. Поэтому император Павел I без труда смог аннулировать обе Жалованные грамоты. Необходимо понять, подчеркнул Строганов, что простое ограничение прав монарха не решит проблемы, ведь нарушить эти права может и временщик, и государственный орган, наделенный широкими полномочиями без четкого обозначения прав и обязанностей. В то же время для составления «конституции» необходимо выделить основные, базисные права, которые требуют обязательной и немедленной государственной охраны. Как считал граф Строганов, это – «права собственности и свободы делать с ней все, что не может быть вредным для других». Для обеспечения этого права абсолютно не обязательно ограничивать самодержавную власть монарха, но крайне важно установить гарантии от возможного произвола. Отсюда «конституция» у Строганова – «это закон, определяющий порядок, который следует соблюдать при создании административных законов, которые неперменны, поскольку они не требуют видоизменений, объяснений и т. д., должны подвергаться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло, могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства»⁷⁴. Всем же остальным законам совершенно необязательно быть столь же неизменными, т. к. они по своей сути административные, а жизнь довольно быстро меняется.

П.А. Строганов подчеркнул, что для создания системы гарантий реализации основных прав и свобод к которым, прежде всего, относится право собственности, нет

необходимости ограничивать самодержавие. Более того, подобное ограничение в данный исторический период может привести и к противоположному результату, если бразды правления окажутся у консервативно настроенного, аристократического, хоть и выборного, органа. Поэтому Строганов предложил первоначально создать четкий государственный бюрократический аппарат, провести административную реформу, а затем вводить «конституцию», в которую были бы заложены новые принципы управления страной. Конечно, в данной записке Строганов скорее определил принципы для создания будущей «конституции», а не написал ее проект.

Свои взгляды на государственное устройство и пути его реформирования он детализировал в двух других бумагах: «Записке о правах Сената» и, собственно, в наброске конституции под названием «Общий кодекс».

«Записка о правах Сената» посвящена вопросу разделения властей. Она является черновым наброском с многочисленными карандашными пометками, но указанные выше проблемы отражены в ней достаточно подробно. По мнению Строганова, «власть Сената может быть ограничена единственно властью Его Императорского Величества...», т. е. Сенат необходимо действительно сделать «Правительствующим», а законодательная власть «должна быть организована так, чтобы не была упущена ни одна предосторожность, направленная к тому, чтобы законы являлись плодом самых зрелых размышлений и самого подробного обсуждения»⁷⁵. Для эффективности исполнительной власти ее необходимо упорядочить и централизовать. Причем во главе этой власти должен стоять не человек, а учреждение, вероятно, имелся в виду совет министров или нечто подобное. Судебная власть должна стать максимально независима и беспристрастна, ее нельзя смешивать с охранительной, которая заключена в самой организации управления страной. Современная ситуация, по мнению Строганова, далека от идеальной. Ни структура, ни функции Сената не отвечают вышеназванным требованиям. Чтобы поднять его значение, наделить вышеназванными полномочиями, требуется «обеспечить гражданское существование крестьянства», но это возможно только в отдаленной перспективе. Строганов напомнил, что не имеет смысла говорить о гражданской свободе в стране, когда большая часть ее граждан по своему социальному положению близка к рабам. Поэтому Павел Александрович предложил в рамках первоначального реформирования более четко обозначить исполнительные и судебные функции Сената, и это сделать не сразу, а соблюдая должную осторожность: «постепенный, плавный ход реформы ... не позволяет даже думать о том, чтобы лишить это учреждение [т. е. Сенат – Н. К.] указанного атрибута», т. е. законосовещательных и исполнительных функций. Он предложил сделать Сенат высшим судебным органом, исполнительную же власть следует сосредоточить в независимых от Сената министерствах, которые должны заменить отжившие коллегии. Далее Строганов свел все опять же к необходимости преобразования государственного аппарата как основы, платформы для преобразований общественного строя. Таким образом, все права, которыми, по мнению Строганова, необходимо наделить Сенат, были сведены им к судебным функциям.

Свой проект конституции П.А. Строганов назвал «Общий кодекс», который должен был состоять из 13 глав и 98 статей, хотя большинство из указанных статей лишь обозначены, но не прописаны. Первая статья данного документа гласит, что Россия – это монархия, и глава государства объединяет законодательную и исполнительную власть. При этом Павел Александрович указал на необходимость четкого определения прав и обязанностей самого монарха. Так, российский император дол-

жен иметь незыблемое право утверждать и отменять законы, вести войну и заключать мир и т. п. В обязанности же российского монарха должно войти поддержание внутреннего и внешнего спокойствия государства, поддержание религии, охрана собственности и безопасность личности. Строганов не объяснил, кто или какой орган должны следить за соблюдением прав и обязанностей государя, а тем более, перед кем он должен «отчитываться», без чего разговор о правах и особенно обязанностях монарха просто теряет смысл. Далее автор указал, что государство составляют четыре сословия: дворянство, купечество, духовенство и крестьянство. Цель государства состоит в охране внешней и внутренней безопасности для всех сословий, обеспечении сохранности собственности, прав и чести личности, принятии соответствующих законов, наблюдение за их исполнением, а также в народном образовании⁷⁶.

Подводя итог взглядам П.А. Строганова, мы можем сделать вывод, что он был по своим политическим убеждениям ярым противником деспотизма и сторонником либеральных взглядов на образ правления. Он всегда подчеркивал, что властный произвол может исходить не только лично от монарха, но также и от любого государственного органа, наделенного обширными и неограниченными полномочиями. Поэтому первостепенной задачей государственной власти должно стать создание системы защиты от любого произвола, обеспечение гарантий основных прав, прежде всего, права собственности. При этом ограничение абсолютной власти императора Александра I, готового предоставить обществу такие гарантии, привело бы к усилению, а не уничтожению деспотизма. Для того чтобы и в дальнейшем не допускать произвола, необходимо было реформировать государственный аппарат, сделать его «рабочим инструментом» для реализации прав. В своей основе эти взгляды разделяли и другие члены «Негласного комитета».

Одним из первых серьезных мероприятий Александра Павловича и его «молодых друзей» была подготовка к коронации и составление «коронационных» документов. Таким документом, по мнению монарха, должна была стать «Грамота российскому народу», в которой предполагалось обозначить основные права и обязанности подданных. Составление данной грамоты было поручено А.Р. Воронцову. Ее первый вариант был им представлен на обсуждение «Негласного комитета» не позднее десятых чисел июля 1801 г. А.Р. Воронцов представил развернутый проект, состоящий из 20 пунктов⁷⁷.

По замыслу автора, «Грамота» должна была отражать основные личные и экономические права российского народа. А.Р. Воронцов начал с утверждения «незыблемых» прав дворянства, уже закрепленных в Жалованной грамоте. Так, в первых трех пунктах закреплялось право дворян на свободу от государственной службы, право выезда за границу, а также свободу выбора места жительства. Далее три пункта были посвящены защите дворянской собственности. В четвертом пункте А.Р. Воронцов обозначил порядок наследования дворянских имений. Он подчеркнул, что необходимо установить, поддержать и закрепить существующий порядок наследования: приобретенные имения подлежали наследованию по желанию их владельца, а родовые – только внутри рода. Никакие особые обстоятельства не должны менять данное правило. В следующем пятом пункте Воронцов счел необходимым закрепить за дворянством также и недра, а, следовательно, и все полезные ископаемые, находящиеся на территории их имений. Подводя итог вопросам помещичьего землевладения в 6 пункте, автор «Грамоты» указал, что все виды дворянской собственности должны строго охраняться законом и любое ограничение прав собственности

должно осуществляться на базе закона, а не частной воли монарха. Его продолжением был следующий пункт, в котором Воронцов предлагал установить десятилетний срок давности по всем имущественным тяжбам и уголовным делам. Следующие два пункта касались правового положения купцов, мещан и крестьян. В пункте восьмом Воронцов указывал на необходимость разрешения свободного передвижения по стране для купцов и мещан. Что же касается прав крестьянства, то здесь автор проекта предлагал установить правила, запрещающие конфисковать их личное и движимое имущество «ни под каким вводом и ни в какое время».

От правового положения сословий в последующих шести пунктах А.Р. Воронцов перешел к проблеме судопроизводства. По сути дела, он предлагал перейти к состязательности в суде. Так, автор грамоты указывал, что человек должен считаться преступником только после того, как ему будет оглашен приговор. Он также указывал, что социальное положение участников судебного процесса не должно отражаться на его результате. Далее два пункта были посвящены проблеме налогообложения. А.Р. Воронцов особо подчеркнул, что устанавливать налоги может только монарх. Наконец, в 20-м пункте автор объявлял, что необходимо в судопроизводстве делать различие между «вещью и лицом». По всей вероятности, речь здесь идет о том, чтобы признать крепостного крестьянина личностью, хотя бы в рамках судебного процесса.

Данный проект был представлен императору Александру 10 июля 1801 г. Он предложил обсудить его своим «молодым друзьям», которые уже 15 июля представили свои «Замечания». В целом члены «Негласного комитета» одобрили проект А.Р. Воронцова. Споры возникли по частным вопросам. Н.Н. Новосильцов указал, что запрет заседать в органах местного дворянского самоуправления тем дворянам, которые имели чин ниже обер-офицера, противоречит принципу равенства всего дворянского сословия. Александр Павлович в этом споре выступил на стороне Воронцова. Он указал, что необходимо различать дворян, которые служат государству и которые ведут праздную жизнь. Здесь император явно отстаивал государственные интересы, а его «молодые друзья» размышляли с формально-юридической точки зрения, и сумели убедить в своей правоте императора. Надо сказать, что для того времени данная проблема была несколько надуманной. Вообще не служивших дворян было крайне мало. Причем небогатые дворяне максимально держались за службу. Особое внимание в «Негласном комитете» уделили проблемам недворянских сословий. Н.Н. Новосильцов указал, что при отсутствии иных прав и гарантий запрет на принудительное изъятие крестьянского инвентаря едва ли актуален. Единственное реальное улучшение состояния, которое по достоинству было бы оценено крестьянами, – это дарование права приобретать ненаселенные земли и оформлять владельческие акты на собственное имя⁷⁸.

Окончательный вариант Грамоты Российскому народу был подготовлен 12 августа 1801 г. и представлен Александру I. Во вступлении к нему, вероятно, предложенном самим императором, так как в «Негласном комитете» оно не обсуждалось, был определен статус монархии в России. Здесь указывалось, что Россия есть наследственная монархия, но не указывалось, что она должна оставаться абсолютной. «Предметом» управления было заявлено «благополучие, спокойствие и сохранение ценности Российского государства и народа. Монарх обещал своим подданным следовать принятым «коренным законам»⁷⁹. Далее шел текст грамоты, составленный Воронцовым и переработанный «молодыми друзьями».

Император Александр ознакомился с «Грамотой» и внес некоторые изменения. Так он убрал первый пункт за ненадобностью и пункты, касающиеся Сената, так как предполагал в дальнейшем серьезно заняться его реформированием. 9 сентября 1801 г. «Грамота русскому народу» была вынесена на обсуждение в Непременный совет. Члены Совета долго ее обсуждали и в августе 1802 г. одобрили «Грамоту», предложив лишь более жестко и четко закрепить запрет на изменения правил престолонаследия, а также заклад и продажу родовых имений дворянства. Документ был готов, но ни эта «Грамота», ни материалы, подготовленные Строгановым, так и не были использованы.

Первые годы правления Александра Павловича политическая активность высших чиновников и сановной аристократии была необычайно высока. Буквально каждый считал своим долгом высказаться о необходимых преобразованиях и, в первую очередь, о реформе Сената, в котором видели некоего гаранта стабильности. Формальным поводом к началу реформы стало тянувшееся в Сенате еще со времен Павла I частное дело супругов Котловских. Оно повторно рассматривалось 29 апреля 1801 г., и сенатор Г.Р. Державин отказался подписать общий приговор Сената, изложив собственное мнение по делу. На следующий день генерал-прокурор А.А. Беклешов поднес императору Александру традиционный доклад Сената, в котором особое мнение Державина указано не было. Гаврила Романович был в гневе. Надо сказать, что по закону, установленному Петром I, подтвержденному Екатериной II, но отмененному Павлом I, если хотя бы один сенатор не согласен был с решением дела, то оно передавалось для решения монарху. Гаврила Романович испросил аудиенции у Александра I и напомнил ему о данном правиле. Монарх обещал разобраться.

Г.Р. Державин оказался не одинок – за возвращение «былого величия» Сената выступали и другие государственные деятели: А.В. Воронцов, Д.П. Трощинский, П.А. Зубов и др. 9 мая 1801 г. тайный советник Дмитрий Прокопьевич Трощинский официально подал императору записку «О причинах унижения Сената»⁸⁰. Д.П. Трощинский был активным участником заговора против императора Павла I. По сведениям фон Веделя, Трощинский еще во время подготовки заговора сочинил манифест, в котором было сказано, что «государь император вследствие болезни принимает в соправители великого князя Александра Павловича»⁸¹. Он же составил манифест о восшествии на престол Александра I⁸².

Д.П. Трощинский начал свою записку с упоминания, что «несовершенство законов не должно быть предлогом к их нарушению» и, если закон несовершенен, то его необходимо менять. Далее он изложил свои взгляды на сущность Сената и, в связи с этим, необходимые направления его реформирования. Автор видел в Сенате высший исполнительный орган, который должен осуществлять управление всеми государственными учреждениями. Только император имеет право отменить решение Сената. При этом Сенат может оказывать влияние на законодательную деятельность монарха: делать представления императору, если законы неудобны для исполнения или противоречат ранее принятым. Кроме того, Сенат должен остаться и высшей судебной инстанцией. Трощинский подчеркнул, что дело не только в юридическом положении Сената. В реальности часто случается, что вопросы, входящие в его компетенцию, выводятся «частными предписаниями и угрозами лиц, действующими вне Сената», то есть фаворитами. В такой ситуации сенаторы не могут рассматривать многочисленные иски и жалобы на доверенных лиц императора, так как находятся под постоянным давлением этих же лиц. Он протестовал против системы голосования в Сенате, утвердившейся

во времена Павла I, когда сенаторы решали вопросы большинством голосов. Но решение считалось принятым только в случае согласия генерал-прокурора⁸³. Трощинский предложил уравнивать голоса генерал-прокурора и сенатора: принимать решения без особого мнения первого, или дать возможность каждому сенатору накладывать вето на решения, как это было при Петре I. Кроме того, он выдвинул идею учредить «частную сенатскую газету», где публиковать «определения Сената со всеми их подробностями, дабы суждения его были открыты перед лицом целого государства». Данная мера должна была послужить средством против «личной пристрастности» сенаторов. Таким образом, Трощинский предложил фактически сделать Сенат верховным органом управления в стране, но при этом поставить его деятельность под жесткий контроль, причем не только со стороны императора, но и «образованного общества», заставив сенаторов публично отвечать за свои действия.

Император Александр I не мог не отреагировать на эту записку, и 5 июня 1801 г. издал указ «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его для утверждения оного силою закона, на незыблемом основании»⁸⁴. Конечно, не стоит преувеличивать значение этого указа, но он положил начало открытому обсуждению Сенатской реформы. Во многом данное указание было дано императором под давлением непосредственных руководителей заговора и «екатерининских» вельмож, занимающих в то время ведущие посты в государственном аппарате. По сути дела, Александр I поставил на публичное обсуждение одну из основных проблем предполагаемой сенатской реформы. Как писал А. Шторх, в России «... впечатление, произведенное этим указом в Сенате, было всеобщим, и несколько дней оно сообщалось всей образованной публике столицы»⁸⁵.

На призыв императора принять участие в подготовке сенатской реформы откликнулось большинство членов недавно образованного «Непременного совета» и, конечно, сами сенаторы. Часть из представленных проектов была опубликована в третьем томе Архива Государственного Совета. Все проекты реформы Сената обсуждались на заседаниях «Негласного комитета», некоторые дошли до нас в протоколах, составленных П.А. Строгановым. Остановимся на наиболее интересных замыслах и проектах.

Итак, сенаторы приняли царский указ как руководство к действию. Буквально сразу же сенатору П.В. Завадовскому⁸⁶ было поручено подготовить доклад обо всех указах, касающихся деятельности Правительствующего Сената с момента его учреждения. Петр Васильевич не только выполнил это поручение сенаторов, но и подготовил свою записку «О правах и преимуществах» Сената, состоявшую из двух частей. Первая часть представляла историю Сената. Правда, автор записки выбрал только те моменты в развитии этого учреждения, которые выражали его собственную позицию по существующему вопросу. Он подробно расписал историю Сената в первые годы его существования (1711-1718 гг.), когда он действительно имел черты верховного органа управления страной. Далее Завадовский красочно разъяснил причины «падения» Сената, которые он видел в том, что «властолюбивые лица, пользуясь доверенностью государевою, стремились к тому, чтоб им, а не местам властвовать в делах». Постепенно было отменено «единодушие голосов», и решения стали приниматься простым большинством голосов. После этого Сенат стал окончательно бессилен перед генерал-прокурором, имеющим право наложения вето на любое решение сенаторов.

Вторая, проблемная, часть представленного документа состояла из 15 статей. В самом ее начале П.В. Завадовский подчеркнул, что он является сторонником само-

державной власти, которая «должна существовать навсегда существенно и неограниченно». Вместе с тем, для стабильного управления столь обширной державой как Российская империя, в помощь правителю необходим верховный орган, каким может и должен быть Правительствующий Сенат. Для этого на Сенат необходимо в полном объеме возложить исполнительные и судебные функции, оставив монарху лишь право помилования: «должность Сената – предохранять прерогативы монарха, исполнять его волю, следить за осуществлением законов, обеспечить течение правосудия, пешихся ... о всякой пользе народной»⁸⁷. По проекту Завадовского, сенаторы могут быть назначены только монархом, а потому должны иметь право ходатайствовать у монарха «по всяким народным нуждам». Сенату необходимо вернуть право единогласия: т. е. решения как департаментов, так и общего собрания Сената должны приниматься только единогласно. Причем принятые в таком порядке дела должны быть окончательными и не подлежащими обжалованию. В случае разногласия генерал-прокурор должен подготовить доклад императору с изложением спорного вопроса. Во время представления этого доклада должны присутствовать сенаторы от всех спорящих сторон по одному. Монарх принимает решение и издает по этому поводу указ, окончательно решающий дело. Причем этот указ ни сам монарх, ни его потомки не должны отменять. Далее, при перечислении основных полномочий Сената в сфере исполнительной власти, Завадовский оговорился, что хотя «в единой власти Сената должно состоять точное и непосредственное управление всех присутственных мест в империи», в полномочия монарха должно входить право «примирять или приостанавливать повеления Сената». Для поднятия авторитета Правительствующего Сената автор проекта предлагал передать сенаторам право назначать чиновников на нижние и средние места, а также «избирать и представлять монарху на утверждение кандидатов на высшие должности губернаторов и президентов коллегий, кроме иностранной, военной и морской». Наконец, доклад завершался предложением наделить Сенат правом «представлять государю, если б закон или указ от него вышел противен прежде изданным, вреден или неясен был. Но когда же по представлению о том не угодно будет отменить, тогда уже исполняется оный безмолвно»⁸⁸.

При анализе представленного проекта становится очевидным, что П.В. Завадовский стремился доказать необходимость контроля высшего аристократического органа, Правительствующего Сената, над всеми сферами управления. Хотя он и не раз повторял, что является сторонником самодержавной власти, ряд положений предлагаемого проекта явно был направлен на ее ограничение. Так, в данном документе прямо указывалось, что один раз принятое решения является обязательным для исполнения как Сенатом, так и монархом, причем в равной степени. При этом контроль над исполнением законов также возлагался на Сенат. По предложенному проекту значительно уменьшалась и роль генерал-прокурора, призванного контролировать деятельность Сената.

Доклад П.В. Завадовского обсуждался в Сенате в мае-июне 1801 г. и встретил поддержку большинства сенаторов. «Особое мнение» по данному вопросу высказал «несговорчивый» Г.Р. Державин. Его проект заинтересовал императора Александра I, и он рекомендовал Державину вместе с кн. П.А. Зубовым доработать его. В сентябре 1801 г. проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина был представлен в «Негласный комитет». Правда, согласно записям П.А. Строганова, в «Негласный комитет» поступило два проекта: и П.А. Зубова, и Г.Р. Державина. Однако, судя по сохранившимся материалам, это было две редакции одного и того же проекта⁸⁹.

Согласно данному проекту предлагалось существенно расширить функции Сената. Державин считал необходимым наделить его исполнительной, судебной и оберегательной функциями, но ни в коем случае не законодательной, и во главе каждого подразделения поставить министра, имеющего доступ к монарху. Исполнительную власть в рамках Сената предлагалось вручить Императорскому верховному правлению. Судебную власть следовало, согласно проекту, передать особому судебному департаменту, который стал бы высшей инстанцией всех судов империи. Надзор за правильностью исполнения законов Сенатом и подчиненными ему местами могла бы исполнять Оберегательная дума. Сенат Державин предлагал сделать выборным органом. По его мнению, сенаторов следует избирать следующим образом: «собрание знатнейших государственных чинов и пятиклассных чиновников всех присутственных мест Москвы и Петербурга» выбирают из первых четырех классов по три кандидата на каждое место, а монарх назначает сенатором одного из них. Законодательная власть целиком находится в руках императора. Кроме того, Г.Р. Державин считал необходимым значительно расширить функции и компетенцию Сената. Для достижения этого он предложил все назначения должностных лиц проводить через Сенат, наделять сенаторов правами «генерал-прокурора», а также контрольно-ревизионными функциями. Сенат должен был бы каждый год проверять отчеты государственного казначея. Наконец, Державин считал необходимым определить влияние Сената и на законотворческую деятельность монарха. По его мнению, все законопроекты должны проходить через Сенат. В том случае, если Сенат дважды отклонит царский законопроект, то сенаторы в полном составе должны уйти в отставку.

Таким образом, Г.Р. Державин мыслил преобразовать Правительствующий Сенат в достаточно независимый от монарха орган управления, соединяющий в себе судебные, административные, контрольно-ревизионные функции и даже осуществляющий надзор за законодательной деятельностью монарха. По мнению Державина, надделение Сената вышеперечисленными функциями заставило бы монарха действовать в рамках законов. Формально самодержавная власть царя полностью сохранялась, но при этом значительно сокращались возможности произвола. Данный проект во многом шел «в русле» предложений Завадовского, но он содержал два принципиальных отличия. Державин подчеркнул, что считает необходимым обеспечить разделение властей при проведении сенатской реформы, а также избирать, а не назначать сенаторов.

При чтении приведенного выше документа возникает мысль, что перед нами чуть ли не «конституция», в которой ее автор предлагает «законно» ограничить власть монарха. Однако необходимо иметь в виду, что значительное повышение статуса Сената превращало его в орган, наделенный «неограниченными» полномочиями. Таким образом, вместо абсолютного монарха появлялся бы новый «Верховный тайный совет».

Не остался в стороне от обсуждаемого вопроса и брат князя Платона Зубова граф Валерьян Зубов. 29 апреля 1802 г. он направил Александру I всеподданнейшее письмо, в котором смело, а порой дерзко, критиковал предполагаемую реформу. Свою записку «О правах Сената» он начал с весьма жесткой и лаконичной характеристики существующего в России строя: «По настоящей «конституции» России источник, начало и конец всех сил государственных есть Государь. Он один есть законодатель, судья и исполнитель собственных своих законов. Из сего соединения сил государственных происходит, что ни один класс государства в России самостоятельного и политического бытия иметь не может». Далее Зубов прокомментировал, что он пони-

мает под «бытием самостоятельным» для Сената, или же для любого другого государственного органа. По его мнению, это предполагало не только наличие каких-либо прав, «на бумаге ему [Сенату] данных», но и наличие силы «поддержать так их, чтобы он [Сенат] без прав, а система государства без него [Сената], существовать не могли». «Неужели нужно доказывать, что таковых прав в России нет?» – с горечью восклицает В.А. Зубов.

Анализируя положение Сената, В.А. Зубов подчеркивал, что «Сенат не был никогда местом прямо государственным, но всегда был местом Государевым – никогда не имел власти исполнительной; но имел власть отправления известных дел. Государь, располагая им, как своим кабинетом внутренних дел, иногда давали ему более, иногда менее власти, но никогда не давали ему столько, чтоб он мог иметь собственную силу действий, ибо всегда определения и отрешения членов его не только в их воле, но и в прихотях министров их составляло». Именно поэтому все указы, в которых монарх будет пытаться вернуть Сенату «былое величие», как обещал монарх в указе от 5 июня 1801 г., – не более чем пустословие, «где обещаются горы, а из них по статьям рождается вздор».

Еще более резко В.А. Зубов оценил доклад Завадовского, сделанный на заседании Сената. Он достаточно саркастически заметил, что «если бы умы в то время были менее объаты воспалением, если бы старость в страстях своих не походила на младенчество – надлежало бы в силе сего указа представить в докладе не более как полную записку всех должностей Сената, и заметить, которые из них и каким образом были стеснены или лицами присвоены»⁹⁰. Иными словами, Зубов достаточно четко дал понять, что реформой Сената деспотизм в своей основе не уничтожить, тем более что данный государственный орган, да и любой другой, никогда не имел реальной законодательной, исполнительной или судебной власти.

В.А. Зубов не представил в записке свои предложения по поводу предполагаемых реформ. Может быть, они до нас не дошли. Записка В.А. Зубова была обнаружена в фондах Секретного николаевского комитета 6 декабря 1826 г., где были собраны документы личного кабинета императора Александра. Учитывая, что записка являлась частью письма к Александру I, можно с уверенностью сказать, что концовки в документах Комитета просто не сохранилось. Однако если проанализировать дошедшую до нас ее часть, то очевидно, что В.А. Зубов считал ненужным, да и невозможным наделение Сената какими-либо дополнительными, или же особыми полномочиями. В России, подчеркивал автор записки, ни у кого, кроме монарха, нет реальной власти. Хотя все письмо, особенно преамбула, написаны в верноподданническом, высокопарном стиле, невольно напрашивается вывод, что для установления и обеспечения гарантии деятельности Сената, Непременного совета или же другого верховного органа, необходимо ограничить власть российского самодержца. В то время Александр I и его «молодые друзья» обдумывали схожие идеи, поэтому, вполне вероятно, что император благожелательно отнесся к этому письму. Кстати, Валерьян Зубов был одним из немногих непосредственных участников заговора против Павла I, которые не были удалены от Двора, хотя он и не попал из-за родственных связей в ближний круг царя.

Свое «Мнение» о Сенате подал вице-канцлер А.Р. Воронцов⁹¹. Он писал, что «по пространству России» наиболее приемлемо самодержавное правление, но государь не может объять всех вопросов управления обширной империей. Поэтому, считал Воронцов, необходимо «место», которое, «не разделяя власти в существе ее... разделило бы действия по разным частям управления». Таким местом, «в коем бы со-

единилась все части внутреннего государственного управления, должен стать Правительствующий сенат». Причину упадка Сената Воронцов видел в чрезмерной власти генерал-прокурора. Он, как и Трощинский, против неравенства голосов сенатора и прокурора. Решения Сената, считает Воронцов, не должны подлежать обжалованию, а быть обязательными к исполнению на всех уровнях государственной власти, в первую очередь в провинции. Сенат должен стать преградой для личных злоупотреблений чиновников и фаворитов. Но все это, по мнению Воронцова, не должно ограничить власть монарха, ибо Сенат призван только охранять «непременные законы». Таким образом, по проекту А.Р. Воронцова предлагалось наделить Сенат исполнительными и контрольными функциями. Этот проект был еще более осторожен и еще более выдержан в верноподданническом духе, чем предыдущие проекты. По сути дела, он сводился к идее о необходимости разделения властей и повышения авторитета Сената, не более того.

Определенный интерес представляет мнение о Сенате Н.С. Мордвинова⁹². Он начал свои предложения о реформировании статуса Сената с замечания, что «только в деспотических государствах законодательная, исполнительная и судебная власти соединены в одном лице, в «законной монархии» это недопустимо. Сенат «должен сделаться телом политическим» и олицетворять собой судебную власть». Для достижения этой цели необходимо часть сенаторов выбирать, а не назначать, т. к., по мысли Мордвинова, «во всех землях [т. е. странах – Н. К.] права политические основаны на избрании судей». Таким образом, реальная роль Сената в рамках предложения Мордвинова была значительно снижена.

Итак, российские аристократы «ухватились» за возможность принять активное участие в реформировании высших органов власти. Тем более что определение статуса Сената напрямую затрагивало их собственные интересы. При этом авторы проектов подчеркивали необходимость взаимного контроля различных властных структур для недопущения произвола верховной власти. Они доказывали необходимость «разгрузить» монарха от выполнения некоторых «второстепенных функций», переложив их на плечи чиновников, что, по их мнению, гарантировало бы некую стабильность власти и их собственного положения.

Император Александр I не мог не отреагировать на предлагаемые высшими сановниками империи реформы. Поэтому в «Негласном комитете» было решено, проанализировав все предлагаемые проекты, создать собственные и провести сенатскую реформу. Каждый член «Негласного комитета» выступил со своим проектом преобразований.

В документах П.А. Строганова сохранился черновик проекта сенатской реформы, составленный, вероятно, коллегиально. В данном документе Сенату отводилась роль «верховного места суда и расправы» империи. Кроме того, члены «Негласного комитета» сочли необходимым возложить на Сенат и некоторые административно-контрольные функции, прежде всего, право надзора за коллегиями.

Собственный проект по вопросу реформы Сената представил Н.Н. Новосильцов⁹³. Ему было поручено охарактеризовать и обобщить мнения всех сенаторов. Новосильцов начал изложение данного документа с указания на то, что Сенат изначально был создан для управления во время «отлучек» Петра I. Этот орган, напомнил Новосильцов, никогда не задумывался как имеющий прерогативы верховной власти. Следовательно, реформа Сената и «учреждение мест, ограждающих через коренные государственные постановления не подверженные никаким переменам естественные права, за-

конную свободу и целостность каждого члена общества», не должны иметь ничего общего. Поэтому Сенат и не может, в силу своей природы, стать реальной преградой против «злоупотребления верховной власти», т. е. ни авторитет Сената, ни внутреннее его устройство не позволят сделать из него орган, оберегающий «законные права народа». По мысли Новосильцова, обязательным условием функционирования такого органа является «разделение властей и их полная независимость», что позволило бы «воздержать верховную власть в ее законных пределах». Однако, продолжал автор проекта, в сегодняшней России установить действительное разделение властей едва ли возможно: «при нынешних обстоятельствах государства, когда в посредство оно еще не входит согласие земли с несколькими лицами, от нее избранными». Таким образом, Новосильцов сознательно приуменьшил историческое значение и современную роль Сената. Он доказывал, что в современных условиях кардинальное изменение его статуса невозможно в силу именно объективных причин. Следует лишь поднять его авторитет, что можно сделать и без проведения кардинальных перемен.

10 февраля 1802 г. на заседании «Негласного комитета» с обобщающим докладом выступил А. Чарторижский⁹⁴. Он начал с доказательства необходимости разделения властей для нормального функционирования системы управления. Конечно, Сенат, по его мнению, требуется освободить от чрезмерного влияния генерал-прокурора, т. к. он, будучи начальником сенатской канцелярии, является фактическим вершителем всех дел. Однако проблему систематизации верховной власти нельзя решить только реформой Сената, даже кардинальной. Прежде всего, необходимо разграничить компетенцию Сената и вновь образованного Непременного совета. На Сенат следует возложить «спорные дела» судебные и административные, т. е. судебную власть. Непременный Совет должно сделать законосовещательным учреждением, в котором рассматривались бы законы и иные соответствующие документы. Следовательно, Непременный Совет стал бы частью законодательной власти. Чарторижский указывал, что исполнительную власть необходимо разделить между отдельными государственными органами со строгим распределением полномочий. При этом такой орган не может быть коллегиальным. Другими словами, вместе с преобразованием Правительственного Сената необходимо провести министерскую реформу и более четко определить статус Непременного Совета. Император и другие члены «Негласного комитета» в основном согласились с ним, после чего было решено более детально заняться разработкой министерской реформы.

Итогом столь масштабного обсуждения реформы Сената стал именной указ Правительствующему Сенату 8 сентября 1802 г.⁹⁵. Первый пункт этого указа гласил, что «Сенат есть верховное место империи нашей; имея себе подчиненными все присутственные места, он как хранитель законов печется о повсеместном наблюдении правосудия». Сенат определялся как верховное административное и судебное место империи. Власть Сената ограничивалась единой властью императора. Его указы исполняются всеми, как собственные указы государя, который один может остановить их исполнение. Сенату дозволялось докладывать государю о таких высочайших указах, которые сопряжены с большими неудобствами при исполнении, либо не согласны с другими законами, или не ясны. Министры должны представлять Сенату свои годовые отчеты на рассмотрение; Сенат может требовать от них всяких сведений и разъяснений и об усмотренных неправильностях и злоупотреблениях должен докладывать государю. При несогласии каких-либо решений общего собрания Сената с мнением генерал-прокурора или обер-прокурора дело сообщается государю.

Таким образом, столь тщательно подготовленная и долгожданная реформа Правительствующего Сената была осуществлена. Безусловно, эта реформа лишь «открыла» преобразования и предопределила их характер. При подготовке реформы и ее публичном обсуждении императору удалось добиться, чтобы вышел «реформаторский пар» у российской аристократии. Умело сыграв на противоречиях и личных обидах «екатерининских» вельмож, монарх свел реформу Сената почти на нет. Поэтому, несмотря на столь длительную и основательную подготовку, сенатская реформа не имела сколько-нибудь серьезного политического значения.

Своеобразным ответом императора Александра российской аристократии на навязанную ему реформу Сената стало учреждение министерств. Эта реформа готовилась параллельно с сенатской, но, в отличие от нее, не выносилась на всеобщее обсуждение. Поэтому для ряда государственных деятелей она стала неожиданностью. Г.Р. Державин, получивший портфель министра юстиции, так охарактеризовал реформу: «Поелику Державин [Гаврила Романович называл себя в записках в третьем лице – Н. К.] уже видел указ о министерствах подписанным, к сочинению которого он приглашен не был, а сочиняли его, сколько опосле известным учинилось, граф Воронцов и г. Новосильцов или, лучше сказать, тогда составляющие партикулярный или дружеский совет Государя императора с помянутыми двумя; князь Чарторижский и г. Кочубей, люди, ни государства, ни дел гражданских основательно не знающие, то хотя бы можно было в нем важные недостатки заметить, ... но как уже было дело сделано, то Державин и отозвался, что ничего против подписанной Его Величества воли сказать не может»⁹⁶.

Необходимость замены устаревших коллегий более современными государственными структурами назрела уже давно. Еще при Павле I стали появляться государственные органы, созданные по принципу единоначалия. На уже упоминавшемся заседании «Негласного комитета» от 10 февраля 1802 г. А. Чарторижский, подводя итоги подготовки сенатской реформы, составил таблицу, в которой предложил свою схему организации государственного управления. Естественно, во главе управленческой пирамиды должен стоять император, при котором сохранялся совещательный Непременный совет. Верховные управленческие структуры следовало разделить на три части: исполнительную власть, названную Чарторижским «Управление», судебную власть или «Юстицию» и «Охранительную власть»⁹⁷.

Исполнительную власть, по проекту Чарторижского, необходимо было предоставить учреждаемым министерствам. Автор проекта предложил создать восемь министерств: внутренних дел, иностранных дел, юстиции, полиции, финансов, народного просвещения, военного и морского. Коллегии как самостоятельные органы управления упразднились, но большинство из них были преобразованы в департаменты и включены в состав министерств. При министрах, кроме министров юстиции и иностранных дел, учреждались совещательные коллегии директоров департаментов. Судебную власть или «Юстицию» следовало четко отграничить от остальных ветвей власти, а также разделить на три части: учреждения уголовные, полицейские и гражданские. Каждую их них, в свою очередь, также необходимо было разделить на несколько инстанций. «Охранительная власть» поручалась Сенату, разделенному на два отдела: Правительствующий и Судебный. Правительствующий Сенат был призван контролировать деятельность министров. Министры должны были ежегодно отчитываться перед этим органом о проделанной работе. Судебный Сенат должен был контролировать судебные органы.

Доклад А. Чарторижского был одобрен императором и членами «Негласного комитета». Было решено как можно скорее принять закон об учреждении министерств. В подготовке и обсуждении этого документа приняли участие все члены «Негласного комитета» и бывший учитель Александра Павлович Лагарп. Для составления окончательного проекта был привлечен статс-секретарь Александра I А.Н. Оленин. Споры вызвал один, ключевой, пункт проекта – вопрос об ответственности министров. Александр I выступил против обязательных отчетов министров перед Сенатом, аргументируя это тем, что Сенат предполагалось сделать верховным судебным органом. «Молодые друзья» попытались переубедить монарха: «Новосильцов отметил, что Его Величество одобрил идею рассредоточить департамент Сената в различные губернии, чтобы сблизить правосудие с теми, кто подлежит ему; тогда первый департамент остался бы здесь, его нельзя лишить административных функций, но это право могло бы превратить его в зародыш Верхней палаты»⁹⁸. Новосильцов напомнил Александру I о его перспективных планах постепенного реформирования верховной власти и подготовки к созданию, пусть и в отдаленной перспективе, представительного органа, ограничивающего самодержавную власть монарха.

8 сентября 1802 г. был подписан указ «Об учреждении министерств»⁹⁹. Как и предлагалось в проекте, было учреждено восемь министерств, а бывшие коллегии вошли в их состав. Министерства были созданы по принципу единоначалия, однако, ни с кем не советуясь, министр мог решать дела лишь в экстренных случаях. Текущая работа строилась таким образом: подчиненные министерству места должны были еженедельно присылать министру мемории (особые представления). Он рассматривал их и предлагал конкретные решения. При несогласии подчиненных с предложениями министра, они могли повторно посылать по этому вопросу свои «рассуждения». Если министр настаивал на своем решении, его следовало выполнить. Такой порядок не умалял персональной ответственности министра перед монархом и Сенатом и делал его фигурой достаточно самостоятельной в рамках ежедневной работы. Министры были обязаны представлять Сенату текущие и годовые отчеты.

После учреждения министерств возникла потребность в создании некоего координационного органа. Чарторижский в «Таблице властей империи» упоминал о необходимости создания такого совета. Существующий Непременный (Государственный) совет не подходил для этого – в то время он состоял из лиц, оппозиционных власти, которым монарх не мог доверять. Было решено создать специальный орган, где министры могли бы обмениваться текущей информацией, обсуждать свои доклады, прежде чем представлять их императору и Сенату. Такую структуру решено было назвать Комитетом министров, в котором следовало рассматривать и обсуждать все доклады министров по текущим и перспективным вопросам, а также их отчеты императору и Сенату. В свою очередь, все министры автоматически становились членами Непременного (Государственного) совета, в котором следовало рассматривать только особо важные дела по мере их появления. Непременный (Государственный) совет из постоянно действующего органа фактически преобразовывался в «экстренный», что существенно снизило его значение. Тогда же Непременный совет по образцу екатерининского окончательно стал именоваться Государственным. На этом первый этап реформирования государственного устройства был завершен. Проведенные преобразования имели большое значение для упорядочения государственного управления, но они не затронули основ государственного строя.

Оценка политических реформ и преобразований государственного аппарата в дальнейшем была дана крупнейшими сановниками страны. Одним из первых государственных деятелей, проанализировавшим проведенные преобразования, был В.П. Кочубей. 28 марта 1806 г. он представил записку «Об учреждении министерств»¹⁰⁰, в которой оценил проведенную реформу и указал, в каком направлении ее следует продолжать. В. П. Кочубей заметил, что при определении компетенции министерств не был четко определен вопрос о разграничении полномочий между ними, а также между министерствами и Сенатом и т. п. Положение усугублялось тем, что посты в министерствах не всегда занимали достойные люди, «не только не сходные между собой в правилах, но и не входящие даже в те главные виды, кои при учреждении министерства были предложены». Но в 1806 г., ввиду начавшихся наполеоновских войн, было не до совершенствования государственного аппарата, поэтому к вопросам внутренней политики вернулись уже после их окончания.

Внешнеполитические проблемы 1805-1807 гг. заслонили и отодвинули на второй план вопросы внутренней политики. Активизации в 1809 г. внутренних преобразований способствовало появление на политической арене плеяды образованных, достаточно независимо и критически мыслящих государственных деятелей: М.М. Сперанского, Д.А. Гурьева, О.П. Козодавлева; а также возвращение в «большую» политику В.П. Кочубея, Д.П. Троицкого и др.

Толчком к возобновлению проведения реформ во внутренней политике стала стабилизация внешнеполитической ситуации и появление на политической арене М.М. Сперанского. Об этом выдающемся государственном деятеле и его взглядах написано довольно много, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться. Обратимся лишь к основным, базовым его идеям, которые повлияли на реформирование государственного аппарата¹⁰¹.

М.М. Сперанский не составлял, собственно, конституции, то есть единого документа об организации верховной власти. Более того, он утверждал, что немедленное ограничение верховной власти не принесет сколько-нибудь положительных для страны результатов. Введение такой «конституции» необходимо тщательно подготовить путем создания законодательной базы и особого «класса людей». Права этого «класса» должны быть закреплены не какими-то правительственными привилегиями, как, например, данные в Жалованных грамотах, а на основе единого всеобщего закона. При отсутствии указанных факторов дарование «конституции» народу приведет не к «всеобщему благоденствию», а к революции.

Несмотря на все эти размышления, Сперанский составил развернутый план преобразований государственного аппарата. К тому же, в отличие от многих реформаторов, Сперанский был хорошим бюрократом, он прекрасно знал, какие принципы лежат в организации государственного механизма. Именно поэтому его проекты отличались реалистичностью и глубиной. Сперанский был последовательным сторонником разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную или, как он писал: «... три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная ... соединенное действие этих сил составляет державную власть». Исполнительная власть предоставляется монарху и министерствам. В качестве совещательного органа при монархе Сперанский предложил возродить Государственный совет, в котором рассматривались и обсуждались бы проекты законов, представленные императором или после его одобрения, но до внесения их в Государственную Думу для окончательного принятия.

Законодательная власть должна быть передана новому органу – Государственной Думе и подчиненным ей губернским, волостным и окружным Думами. Думы всех уровней следовало сформировать на основе внесословных выборов. Они должны были комплектоваться следующим образом: первая ступень – волостная Дума, которая избиралась «в каждом волостном городе или главном волостном селении из всех владельцев недвижимой собственности». Из ее членов на выборной основе, правда, при высоком имущественном цензе, избирались депутаты в окружную Думу, отсюда на тех же принципах в губернскую, а из губернской – в Государственную. Думы первых трех уровней следовало созывать на трехлетний срок. Срок полномочий Государственной Думы «определялся количеством дел, ей предлагаемых». По статусу Государственная Дума «признавалась местом, равным Сенату и министерству».

Судебную систему, по мнению Сперанского, следовало организовать так же, как и законодательную. Она должна быть составлена из четырех ступеней: суда волостного, окружного, губернского и Сената. Волостной суд избирался в соответствующей волости, как и волостная Дума. Он был призван решать малозначимые гражданские дела. Окружной и губернский суды делились на два отделения: гражданское и уголовное. Они представляли «первоначальное судное место», члены которого «определялись общим о судах учреждением соразмерно населению округа». Председатели этих судов утверждались министром Юстиции. «Верховным судилищем» империи должен был стать Сенат. Он составлялся из лиц, «избранных в губернских Думах и внесенных в государственный избирательный список». Члены Сената утверждались державной властью, то есть монархом. Фактически, сенаторы избирались пожизненно и были несменяемы¹⁰².

Казалось бы, предложенные М.М. Сперанским реформы не отличались принципиально от предложений его предшественников, ведь он подчеркивал, что «законодательное сословие должно быть устроено так, чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти ...»¹⁰³. Однако они были радикальнее даже самых смелых проектов Александра I, его «молодых друзей» и других авторов проектов. Сперанский указывал, что, предоставляя права отдельным сословиям, правительство лишь закрепляет «привилегии рабов». Законы не должны носить сословного характера, и перед ним, и перед судом все должны быть равны. Кроме того, Сперанский предлагал организовать государственную власть на выборной всесословной основе, что было одним из самых смелых предложений того времени. Исходя из этого, нетрудно понять, почему столь мало было реализовано из предложений М.М. Сперанского, в общем-то, получивших одобрение императора. Была усовершенствована и упорядочена система исполнительной власти, увеличено число министерств с восьми до одиннадцати, более четко определена их компетенция. Был возрожден Государственный совет, но как законосовещательный орган при монархе, члены которого им же назначались. Сам же Сперанский отправлен в отставку.

Окончание наполеоновских войн, а также разрешение ряда внешнеполитических проблем, связанных с разделением «империи Наполеона», позволили императору Александру вернуться к вопросам внутренней политики. Большая часть исследователей оценивала последнее десятилетие правления Александра I как период окончательного отказа от реформирования, «сползание к реакции», время «аракчеевщины». Однако, по нашему мнению, исторические реалии были гораздо более сложными и неоднозначными. Именно в этот период начинается постепенное размежевание властных структур и «общества». Появился достаточно обширный круг людей, буду-

щие декабристы и их окружение, которые считали необходимым проведение в стране кардинальных реформ, но эту реорганизацию они не связывали с действующей властью и лично императором Александром I, в политических мероприятиях которого глубоко разочаровались.

По заданию Александра I свои взгляды на государственное устройство изложил В.П. Кочубей в записке от 1814 г. «О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие»¹⁰⁴. Кочубей указал в своей записке, что хотя формой правления в России является абсолютная монархия, «которая на долгое время свойственно быть может», для нормального управления необходимо создание системы разделения властей. Формально власти разделены, но необходимо, чтобы это разделение стало реальным. Государственный совет должен действительно заниматься составлением проектов законов, а не переписыванием бумаг. Достаточно грамотно после проведенных преобразований 1810 г. организована исполнительная власть, которую представляли министерства. Однако здесь наблюдается не совсем «здоровая» тенденция, связанная с увеличением числа министерств и расширением их штатов. Наконец, Кочубей замечает, что необходимо более четко разграничить функции Сената как судебного органа и министерства Юстиции. В целом В.П. Кочубей не высказал в представленной записке ничего принципиально нового, тем не менее, он еще раз подчеркнул незыблемость принципа разделения властей, которым должен руководствоваться любой реформатор.

Оценку проведенным преобразованиям дал Дмитрий Александрович Гурьев. В 1815 г. по поручению императора Александра I он составил записку «Об устройстве верховных правительств в России»¹⁰⁵. В ней Гурьев проанализировал министерскую реформу и проблему разграничения власти между различными высшими государственными структурами, прежде всего Сенатом, Государственным советом и министерствами. По его мнению, реформа высшего государственного аппарата была необходима, однако практика показала, насколько сложно входят в жизнь новшества. Автор записки отметил следующие недостатки реформы: во-первых, на первом этапе реформы в 1802 г. не было проведено четкого разграничения полномочий между Сенатом и образованными министерствами. Во-вторых, изданное тогда же положение о министерствах затрагивало, главным образом, общие вопросы в организации этой новой структуры государственного аппарата, но не регламентировало четко внутреннее строение каждого министерства. Он писал, что «министры поступали в управление вверенных им частей различно, каждый по своему разумению и склонности, отчего разрушалось единство и порядок в управлении, ослаблялась их собственная власть властью Сената и усиливались произвольные деяния мест подчиненных». В-третьих, как известно, при образовании министерств бывшие коллегии были механически превращены в департаменты или канцелярии министерств, что усилило проволочки при решении конкретных дел, и поэтому «сей порядок производства производит медленность более вредную и неизбежную, нежели та, которую приписывали коллегияльному управлению». Конечно, Гурьев указал и ряд положительных сторон первой министерской реформы, которые сводились к «частичному приведению в лучшее устройство и порядок государственных дел». Он отметил, что «в первые два-три года собраны такие статистические сведения о состоянии различных отраслей управления, каких за все время существования Сената и коллегий они не имели». Собранные данные еще более доказывали необходимость продолжения начатой реформы: «составление ежегодных отчетов озарило весь ход правительственных дел и необходимо от-

крыло недостатки и средства к исправлению оных». Все это, безусловно, не позволяло считать министерскую реформу законченной.

Второй этап реформы устранил ряд недостатков первого, но, в то же время, добавил к уже существующим дополнительные проблемы. В результате проведенных в последующие годы (главным образом, в 1805-1812 гг.) преобразований была существенно упорядочена внутренняя структура министерств. Однако возникла другая проблема. По мнению Гурьева, «увлекшись» упорядочением верховного управления, правительство Александра I создало несколько государственных органов, функции которых пересекались. Это были Государственный совет, «верховное сословие по делам законодательным, исполнительным и судебным»; реорганизованный Правительствующий Сенат, «равное ему [то есть, Государственному совету – Н. К.] место, потому что и в оном председательствует сам государь и решения его [Сената – Н. К.] исполняются как высочайшие указы по делам исполнительным и судебным»; Комитет министров «по всем вообще делам с особыми правами» и, собственно, сами министерства, «в некоторых случаях подчиненные сим трем сословиям, но входящие в состав их и имеющие право непосредственно испрашивать Высочайшего повеления и указа». Все эти соображения должны были продиктовать законодателю пути усовершенствования министерского управления в России.

Д.А. Гурьев предложил следующий план продолжения реформы. Первое, необходимо сохранить единство управления, не нарушив при этом «приличное разделение властей» и, следовательно, «учреждение мест, нужных для приведения их в действие [то есть, обеспечение реального, а не номинального разделения властей – Н. К.]». Второе, «сохранение сколько возможно существующих установлений и мест, когда они сходны с общими правилами и духом народа». Здесь, вероятно, Гурьев предлагал монарху при проведении реформ максимально учитывать существующие традиционные или ставшие таковыми органы управления как в центре, так и на местах. Любая реформа, по его мнению, не должна нарушать существующих жизненных устоев, а лишь корректировать их. Третье, как министр финансов, он советовал так проводить преобразования, чтобы они способствовали «сбережению издержек во всех местах правления».

Согласно приведенным выше направлениям, Д.А. Гурьев составил свой проект структуры высших органов государственной власти. «Единство правления», по его мнению, должно быть сосредоточено в лице монарха, «как источнике всякой государственной и гражданской власти». В структуру высших государственных органов следует включить Тайный совет, который предполагалось создать «в помощь» императору «для охранения оснований правления и соблюдения единства и согласия во всех частях оного». Законосовещательный совет (может быть, созданный из существующего Государственного совета), олицетворяющий законодательную власть. Исполнительная власть должна быть представлена Исполнительным советом или Правительствующим Сенатом. Судебная же власть – Судебным Сенатом. Министерства, а они доказали свою жизнеспособность, необходимо сохранить, но их должно быть не более восьми. Их следует разделить на департаменты или коллегии. В свою очередь, в рамках этих департаментов учредить окружные управления, которые возглавили бы местное управление. Все министры автоматически должны были войти в Тайный Государственный или Исполнительный совет. Тайный совет должен созываться по инициативе императора, который в нем бы председательствовал.

Д.А. Гурьев подробно разъяснил, какие на вновь учрежденный орган должны возлагаться функции. Первое, совет должен был рассматривать «дела государственные, предполагающие перемену правил, составляющих основание правления». Второе, монарх мог дополнительно представить на обсуждение в совете дела, «рассмотренные в Государственном совете и Правительствующем Сенате и на высочайшее учреждение представленные». Третье, в Тайном совете следовало рассматривать дела, представляющие государственную тайну. Четвертое, именно через Тайный совет император должен вводить чрезвычайное положение, а также «общие и особенные внутренние и внешние меры для безопасности государства и императорского престола». Пятое, Гурьев предлагал передать на обсуждение Тайного совета вопросы объявления войны и заключения мира и «другие важные внешние отношения». Шестое, в новом органе министр финансов предлагал обсуждать годовые сметы расходов и доходов, а также «назначение сумм для каждой части управления потребных». Наконец, седьмое, император мог выносить в совет любые вопросы для обсуждения, которые он считал нужными¹⁰⁶.

Далее Гурьев дал характеристику Государственному совету, который необходимо было преобразовать в законодательный орган. В Государственный совет, как уже говорилось, должны были войти все члены Тайного совета. Помимо них император мог вводить в него особо доверенных лиц по своему усмотрению. Прежде всего, Государственный совет призван был рассматривать дела, «предметы, требующие нового закона». Правда, Гурьев не указал, какова доля Государственного совета в принятии новых законов: его члены должны лишь собрать материалы, или составить еще и проект нового закона, или принять новый закон и подать на утверждение императору? Фактически суть статуса законодательного органа определялась при ответе на эти вопросы. Однако Гурьев об этом умалчивает, вероятно, не желая затрагивать столь щекотливый вопрос. Кроме того, на данный орган следовало возложить «дела, требующие в законах разъяснения их смысла, или дополнения, или отмены закона». Далее, он предлагал поручить совету «рассмотрение ежегодных смет государственных доходов и расходов, выработать способы их уравнивания», а также предусмотреть возможные чрезвычайные экономические меры. Фактически Д.А. Гурьев одним из первых задумался о необходимости четкого планирования государственных доходов и расходов, а также создания относительно прозрачного и контролируемого бюджета. Наконец, по замыслу Гурьева, в Государственный совет все министры должны были представлять отчеты о своей деятельности.

Исполнительной властью, по мнению Гурьева, следовало наделить Правительствующий Сенат, полностью выделив из него судебные функции и сосредоточить их в особом органе. В Правительствующем Сенате председательствовать должен также император. Он указывал, что именно исполнительная власть должна быть первой в стране, определять стратегию развития государства. Ее следовало составить, помимо императора, возглавлявшего все государственные структуры, из Правительствующего Сената и министерств. Правительствующий Сенат делился на шесть департаментов: 1. Военных сухопутных дел; 2. Военных морских дел; 3. Внутренних дел и полиции; 4. Финансов и Государственной экономии; 5. Юстиции и Герольдии; 6. Ревизии счетов. Учитывая, что Гурьев предлагал сохранить восемь министерств: Иностранных дел, Военных сухопутных дел, Морских дел, Народного просвещения и иностранных исповеданий, Внутренних дел и полиции, Финансов и государственного хозяйства, Юстиции, Ревизии государственных счетов, то вывод ясен: Правительст-

вующий Сенат, по сути дела, представлял Комитет министров. На Правительствующий Сенат и министерства Д.А. Гурьев предлагал возложить следующие полномочия: 1. предоставить им право составлять проекты законов; 2. издавать указы от своего имени в пределах своих полномочий; 3. исполнение и надзор подведомственных дел. Столь малое количество министерств объяснялось необходимостью экономии ресурсов. Таким образом, касательно организации исполнительной власти, Гурьев не предлагал ничего нового. Кроме, пожалуй, заметного повышения роли исполнительной власти по отношению к другим сферам¹⁰⁷. На структуре судебной власти автор проекта подробно не останавливался.

Как уже указывалось выше, свой проект Гурьев составлял по заданию императора Александра I. Он достаточно точно определил слабые стороны министерской реформы. Однако, желая упорядочить верховное управление, он предложил еще более запутанную схему. Ценность данного проекта состоит, на наш взгляд, в следующем: как министр финансов Д.А. Гурьев одним из первых государственных деятелей поставил вопрос о необходимости удешевления государственного аппарата. Он был сторонником разделения властей в целях взаимного контроля различных ветвей власти. Правда, реально его проект не предусматривает такого разделения: и в законодательную, и в исполнительную власть должны были бы войти те же чиновники. Указание на необходимость разделения властей, на наш взгляд, свидетельствует о том, что такой подход стал аксиомой для государственных служащих. Кроме того, Гурьев в своем проекте обрисовал необходимость влияния верховной власти на местные органы. Он доказывал, что без организации стройной системы взаимодействия между центром и провинцией никакие реформы верховной власти не принесут пользы.

Как только Александр I вернулся в Россию осенью 1815 г., он сразу же продолжил свою реформаторскую политику. Подготовка и проведение преобразований государственного аппарата были необходимы для улучшения его работы. Однако они имели и иную цель. Совершенствуя управленческий аппарат, император Александр I стремился создать подлинную систему разделения властей или такой механизм управления, который позволил бы ему или его потомкам изменить и государственный строй. Более того, и сам Александр Павлович не оставил идеи о введении в России «Непременных законов» или Конституции.

Определенное значение по возобновлению работы над конституционными проектами в правительственных кругах имело принятие Конституционной хартии Царства Польского 15 ноября 1815 г. Еще в апреле 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией в Вене был подписан «Дружеский трактат», определивший судьбу Польши. Согласно этому документу за Польшей следовало сохранить конституционный статус, обнародованный для «Герцогства Варшавского» в 1807 г. Наполеоном. Однако император Александр пошел дальше. Он не просто подтвердил эту конституцию, а даровал Польше конституцию самую либеральную в Европе того времени¹⁰⁸.

Согласно этому документу, Польша навсегда объединялась с Россией на основании личной унии. Для непосредственного управления Польшей царь избирает наместника, которым может стать или российской великий князь, или местный уроженец, то есть родовитый поляк. Во втором разделе (титуле) были определены основные права и свободы поляков. В Конституционной хартии закреплялось главенствующее положение римско-католической церкви. Далее было закреплено равенство всех поляков перед законом и право неприкосновенности личности: «п. 17. Закон покровительствует в равной мере всем гражданам без различия их сословия и звания. П. 19.

Никто не может быть взят под стражу иначе, как с соблюдением форм и в случаях, предусмотренных законом». Были обозначены права на свободу передвижения и выбор места жительства, гарантировалась неприкосновенность собственности. За польским народом закреплялось право на народное представительство: «оно заключается в сейме, состоящем из Царя и из двух палат. Первая образуется из сената, вторая из послов и депутатов от гмин». В качестве государственного был указан польский язык, устанавливалось, что всеми государственными чиновниками могут быть только поляки. Лишь царь может назначить талантливого иностранца на государственную должность. Иностранцы по данной Конституционной хартии на территории Польши пользовались всеми гражданскими правами наравне с поляками.

В третьей части (титуле) «О правительстве», состоящем, в свою очередь, из пяти глав, закреплены общие принципы управления в Царстве Польском. В документе указывалось, что правительство Польши «зиждется в Особе Царя». От его имени издаются все государственные акты, он распоряжается доходами, имеет право объявления войны и мира, назначает сенаторов, министров, членов государственного совета и других чиновников, а также назначает архиепископов и епископов разных вероисповеданий, суфраганов, прелатов и каноников. Царю же принадлежит право помилования. Непосредственное управление осуществляется наместником и Государственным советом, который состоит из министров, членов государственного совета, референдариев, а «равно из лиц, которых Царю угодно будет призвать туда особо». Наконец, в четвертой части (титуле) рассматривались вопросы народного представительства. Как уже говорилось, сейм должен был состоять из двух палат: Сената и Палаты послов. Сейм следовало созывать один раз в два года на 30 дней, а его члены должны были пользоваться депутатской неприкосновенностью. Члены Сената назначались Царем пожизненно из принцев императорской крови, епископов, воевод и кастелянов. Чтобы быть назначенными в Сенат, кандидатам необходимо быть не младше 35 лет и уплачивать 2000 флоринов польских годового налога, за исключением принцев крови, которые могли быть назначены в Сенат с 18 лет. Наконец, общее количество сенаторов не должно быть больше палаты послов.

Палата послов, в свою очередь, должна была состоять из 77 послов, избранных сеймиками и 51 депутата, избираемого гминами. Председательствовать в данной палате должен был маршал, назначаемый царем из числа ее членов. Члены палаты послов избирались на шесть лет, причем каждые два года должна была выбывать третья часть ее членов. Чтобы иметь право быть избранным в члены палаты послов, необходимо иметь возраст не менее 30 лет, пользоваться своими гражданскими правами и уплачивать налог 100 флоринов польских.

15 марта 1818 г. император Александр I на открытии польского сейма выступил с программной речью и объявил о намерении даровать аналогичную конституцию и России: «Образование, существовавшее в вашем крае (т. е. в Царстве Польском – Н. К.), дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние, надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы подали мне средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости»¹⁰⁹.

Составление проекта было поручено Н.Н. Новосильцову, тогда члену канцелярии представителя императора при административном совете Царства Польского, который привлек к этой работе П.И. Пешар-Дешана и кн. П.А. Вяземского. Материалов, как готовился данный документ, к сожалению, не сохранилось.

Этот документ, получивший название Государственной уставной грамоты, был составлен к осени 1820 г.¹¹⁰. Провозглашая незыблемость самодержавия, документ реально предусматривал вполне четкий механизм его ограничения. Так, по Уставной грамоте намечалось разделение территории Российской империи на наместничества (включая Польшу) с одинаковым типом управления. В рамках государственного управления предусматривалось четкое разделение властей. Законодательная власть должна быть представлена двухпалатным Государственным сеймом (Думой), состоящим из Сената и Посольской избы, а также двухпалатными сеймами в наместничествах. Избирательное право должны были получить лица, достигшие 25 лет, владевшие недвижимостью дворяне, горожане, кроме того, лица с университетским образованием, банкиры, судовладельцы, фабриканты, купцы первых двух гильдий и цеховые мастера. Право быть избранными получали те же лица, достигшие 30 лет. А уже из их числа император отбирал членов сеймов. Также предполагалось провозгласить ряд гражданских свобод: неприкосновенность личности и собственности, равенство всех перед законом и др. Однако, как известно, данный проект не был реализован. После чего император Александр I уже окончательно отошел от политических реформ.

Реформы местного управления

Реформирование местного управления на протяжении всего XVIII в. и первой половине XIX в. не выходило на первый план государственной политики, а шло в русле общегосударственных реформ. Модернизационный импульс, заданный Петром I, был настолько силен, что последующие за ним правители следовали в русле его преобразований: причем не играет роли, объявляли они о своем следовании политике Петра Великого или, наоборот, отрицали это. Однако вполне естественным был и тот факт, что ряд реформ, особенно новаторских, подвергался естественной корректировке. Особенно это характерно для реформ местного управления.

В подготовке и проведении реформ на местах была своя специфика. Они, как правило, следовали за преобразованиями центральных органов управления и носили фискальный характер, т. е. были подчинены идее более рационального сбора налогов. Петровские реформы местного управления оказались сложно выполнимыми и очень дорогостоящими. Поэтому его последователи на российском престоле пошли по пути удешевления системы местного управления. Основные коррективы, связанные с упрощением аппарата управления на местах, были проведены реформой 1727 г. и первоначально эти преобразования породили лишь сложности для местных властей¹¹¹.

Дворцовый переворот в пользу Елизаветы Петровны прошел под флагом возвращения к петровским порядкам. Не обошли стороной и систему местного управления. Однако в силу того, что преобразования в этой области не носили политического характера, к их разработке приступили только в 1744 г. Первый проект реформы местного управления, фактически повторяющий реформу 1719 г. Петра Великого, рассматривался Сенатом в апреле-мае 1744 г. Документ начинался с подробного описания преобразований Петра I в этой области, далее указывалось, что «по кончине Петра Великого тот порядок отменен и надворные суды отменены, также камерирам¹¹² и земским комиссарам всем, кроме Петербурга, Москвы и Тобольска быть не велено, и во всех городах и пригородах определены воеводы, на которых не токмо весь суд и расправа, но и все сборы и отпуски в надлежащие места денежной казны и всякое исправление по присылаемым как из Сената, так и из всех коллегий и канцелярий указам положены, и велено всем воеводам быть непременно по два года, отчего такая конфузия произошла, что как губернаторы, так и воеводы, будучи всеми вышеописанными делами отягощены, ни того, ни другого дела порядочно исправить не могут, за которые неисправление от всех коллегий налагаются на них штрафы, да и воеводы, ведая частую перемену... в делах не так прилежность имеют»¹¹³. Исходя из вышеизложенного, сенаторы внесли ряд предложений. Во-первых, предлагалось воссоздать гигантскую Петербургскую губернию, бывшую при Петре I, назначить туда генерал-губернатора и вице-губернатора; а также губернаторов и вице-губернаторов в Москву и Киев. Во-вторых, сенаторы считали нужным вернуть надворные суды, «в которых президентом быть генерал-губернатору и губернаторам». В-третьих, коллегиям и канцеляриям по-прежнему дозволялось посылать губернаторам указы по делам своего ведомства, но запрещалось налагать штрафы за их неисполнение «без указа из Сената». Иными словами, о нерадивости глав губерний следовало доносить в Сенат, а сенаторы уже принимали бы решение о наказании. В-четвертых, в рамках проекта предлагалось вновь сделать должность воевод «непременной», т. е. несменяемой, как было при Петре I. Также сенаторы считали необходимым вернуть некоторые должности: восстановить по губерниям и провинциям камериров, по городам – комиссаров от камер-коллегии и рейтмейстеров от штатс-конторы.

После обсуждения в Сенате данный проект был передан в личную канцелярию Елизаветы Петровны для утверждения, но возвращен на доработку. Через два года, в 1746 г., вновь подан и вновь возвращен, после чего, вероятно, положен под сукно. Нам не известны достоверно причины, побудившие Елизавету Петровну не принимать решения, но очевидно, что для его реализации требовались большие средства, которых не было. Кроме того, к 1744-46 гг. Елизавета Петровна уже охладела к «восстановительным реформам». Необходимые преобразования проведены не были, поэтому возвращение к вопросу совершенствования местного управления было неизбежным.

Дальнейшая разработка проектов реформ на местах связана с именем гр. П.И. Шувалова. В рамках созданной Уложенной комиссии 7 октября 1754 г. он представил в Сенат «предложения и прожекты..., касающиеся до разных государственных польностей»¹¹⁴. Часть данных вопросов затрагивала и вопросы управления на местах. По мнению П.И. Шувалова, вред для государства в вопросах местного управления, происходит от следующих причин: первое, «от выбывалого народа за границы», т. е. от бегства крепостных; второе, «от небрежения множественного числа солдатских детей, из которых без всякого присмотру большая часть неопределенных в службу скитается и пропадает»; третье, «от сбора в зачет обывателей провианта и фуража под квитанции», а не за деньги; четвертое, «от проходящих [во время постоя – Н. К.] полков притеснений и обид»; пятое, «от неурожая хлеба и от дешевизны [хлеба – Н. К.], где от благодати божьей довольно родится»; шестое, «от неспособных в губерниях и провинциях и городах присутствующих, и чрез то, от оскуднение правосудия»¹¹⁵. Собственно, проблемы местного управления обозначены в пятом и шестом пунктах записки. Тем более, П.И. Шувалов считал, что данные проблемы – необходимость упорядочивания хлебных запасов и грамотное управление на местах – тесно связаны.

Для решения проблемы снабжения населения хлебом П.И. Шувалов предложил учредить хлебные магазины «для довольства полков», в хлебородных районах создать «капитальные магазины», которые выполняли бы задачу регулирования цен на хлеб в стране, а в портовых городах учредить «генеральные магазины» для оказания помощи населению в случаях неурожая. Для этого автор проекта считал необходимым учредить при каждой губернии «генерал-губернии-комиссара, при нем в помощь по два обер-комиссара, в провинциях – по одному провинциальному комиссару», в каждом городе – «по одному уездному комиссару»¹¹⁶.

№	Название должностей	Ранг должностей	Число должностей
1.	Генерал-губернии-комиссаров	Ггенеральский	12
2.	Обер-комиссаров	Штатских рангов	58
3.	Провинциал-коммиссаров	Штатских рангов	58
4.	Уездных комиссаров	Обер-офицерский	193
5.	Секретариат	—	12
6.	Канцеляристов	—	251
7.	Копиистов	—	536
8.	Сержантов	—	12
9.	Унтер-офицеров	—	34
10.	Капралов	—	251
11.	Солдат	—	2240

«Итого всех чинов 3599; жалования всем в год 163745 руб.; копиисты, сержант, унтер-офицеры и капралы получают годовой провиант. Источником для уплаты жалования должны служить прибавочные деньги, составляющие прибыль от государственной хлебной торговли». Т. е. П.И. Шувалов прекрасно понимал, что при введении новых должностей главной проблемой будет их финансовое обеспечение, поэтому он сразу же указывал возможный источник финансирования.

Далее П.И. Шувалов подробно проанализировал, каких лиц и как следует принимать на указанные (особенно генеральские и штатские) должности. Так, на должности генерал-губернии-комиссаров и обер-комиссаров нужно назначить непосредственно из Сената тех лиц, которые «состояния и добрые кандидаты известны были», чтобы они имели полное доверие верховной власти «яко совершенные опекуны безгласных и беспомощных людей». Должности провинциал-комиссаров и уездных комиссаров следует избирать «из тамошнего лучшего дворянства достойных и честных людей за выборами тех провинций и уездов дворян». В губерниях, где нет дворянства, замещение данных должностей необходимо производить из Сената. П.И. Шувалов предлагал установить срок полномочий по данным должностям – 3 года.

Кроме самой росписи по должностям в губернском правлении П.И. Шувалов подготовил специальную инструкцию, в которой подробно расписал должностные обязанности новых чиновников. По мнению автора проекта, главной задачей комиссаров должна являться постройка и организация хлебных магазинов и снабжение продовольствием расквартированных войск на их территории, а также обеспечение хлебом и зерном население в неурожайные годы. Кроме того, на комиссаров Шувалов предлагал возложить контроль за деятельностью представителей низшей администрации местного управления. Причем надзорные функции комиссарам следует предоставить максимально широкие, им следовало «накрепко смотреть, чтобы обывателям от случившихся переписчиков и ревизоров, межевщиков и посылающихся отказчиков и прочих тому подобных людей, а особливо от сборщиков подушных денег, сыщиков, вельдмейстеров и от губернаторов, и воевод, и подьячих ни малейших обид, утеснений и приметок чинино не было, а паче взяток ни под каким видом»¹¹⁷. Иначе говоря, П.И. Шувалов видел в должности комиссаров своего рода «прокуроров» на местном уровне.

В рамках своей должности комиссары, по мнению автора проекта, должны были надзирать за финансовыми расчетами воевод и контролировать их деятельность в целом. Например, на них следовало возложить надзор за возвращением в казну пожалованных пожизненно и вымороченных имений, надзор за состоянием дорог. Они должны были «особливо наблюдать, чтобы все дороги, мосты, гати и переводы в добром состоянии были, чего ради повсегодно, всякую весну и осень уездным комиссарам должно исправлять дороги с добрым присмотром, яко совершенным экономам, не причиняя тягости поселянам». Шувалов предлагал возложить на комиссаров отдельные функции «полиции нравов», а также, что было совершенно ново для тех времен, – право принимать жалобы от крепостных крестьян и выступать посредниками «ежели между помещиками и крестьянами в каких деревенских обидах или ссорах произойдут словесные или письменные жалобы..., то оные, выслушав их прошение, немедленное решение учинить должны, а иначе во время проездов по губерниям, когда всякому обиженному без дальнего труда придет, можно жалобу свою принести»¹¹⁸. Учитывая протяженность империи и постоянные волнения крестьян, предложение Шувалова было весьма дальновидным.

Для контроля над комиссарами П. И. Шувалов предлагал создать специальный государственный орган – «контору государственной экономии» при Сенате. Целью

деятельности нового органа должно стать «приращение государственных доходов и пользы всенародной». Для этого данный орган был призван контролировать работу хлебных магазинов, принимать и рассматривать «прожекты ... всякого звания людей». Во главе этой конторы Шувалов предлагал поставить «персону», которая бы докладывала Сенату обо всех делах Конторы. Вполне возможно, что под этой «персоной» Шувалов мыслил себя или своего ставленника, так как контроль над местным управлением позволил бы следить за налоговыми поступлениями.

Одной из основных, по мнению автора проекта реформ, была кадровая проблема. П.И. Шувалов обращал внимание императрицы, что в провинции катастрофически не хватает грамотных, подготовленных чиновников. Для того чтобы их получить, Шувалов предложил учредить «из дворянства губернии – юнкеров», которые в дальнейшем составят «питомник будущих судей». Подготовка «профессиональных» и грамотных чиновников на местном уровне, по мнению Петра Ивановича, позволила бы упорядочить кадровую политику в этой области. «Когда сей порядок учредится, – писал Шувалов, – то непременно следует, чтобы в губерниях на убылые губернские места производились из вице-губернаторов, а на их места – из губернаторских товарищей, а на те места – из губернских советников по старшинству и по достоинству, и так далее по порядку поступать до воевод и до самых нижних чинов, яко то секретарей; в секретари же в губерниях и провинциях не из губернии-юнкеров никого не производить»¹¹⁹. Здесь мы не можем согласиться с мнением Ю.В. Готье, который считал, что в результате реализации предложенных П.И. Шуваловым мер «создастся стройная иерархия областных чинов, замещающих людей особой служебной касты... Шувалов тщательно оберегает ее дворянский состав, закрывая разночинцам доступ даже в секретари»¹²⁰. Дело в том, что статская служба, особенно на низших должностях, не пользовалась особой популярностью среди дворян, поэтому Шувалов и предлагал создать систему служебного (карьерного) роста для них. Ведь по существующей практике губернатора и его замов назначали извне, а низшие должности в губернском правлении занимали или отставные офицеры, или более-менее грамотные дети местных священников, которые не пошли по стопам отцов. Их всех трудно назвать профессионалами, а Шувалов предлагал изменить эту порочную практику.

Проект П.И. Шувалова в целом не отличался особой радикальностью. Фактически, в основе предлагаемых мер лежала идея перенесения иерархии «Табели о рангах» на региональный уровень. В рамках данного проекта Шувалов стремился решить две основные проблемы организации местного управления: укомплектование грамотными чиновниками губернского правления и осуществление контроля, прежде всего, за хозяйственной деятельностью местных органов управления. Для этого он предложил, не отменяя института городских прокуроров, создать еще одну контролируемую структуру – комиссаров, независимую от губернаторов. Кроме того, Шувалов считал необходимым избирать провинциальных и уездных комиссаров среди местного дворянства, т. е. начать формировать систему местного дворянского самоуправления, к тому же имеющую право контроля над губернской администрацией.

Данный проект был подан П.И. Шуваловым в Уложенную комиссию, с предложением обсудить его в Сенате, где проект был принят на рассмотрение «незамедлительно», но после долгих обсуждений – отложен. Об этом с сожалением писал сам П.И. Шувалов к Елизавете Петровне¹²¹. На наш взгляд, главная причина затягивания, а затем и «положения под сукно» данного проекта – отсутствие больших средств для его реализации. Даже частичное исполнение предложений Шувалова требовало зна-

чительного увеличения финансирования органов местного управления, что было маловероятно. Кроме того, идея подготовки «профессиональных» губернских служащих едва ли нашла поддержку среди дворян, предпочитавших военную службу. А к организации местного дворянского самоуправления, да еще и с правом контроля губернских властей, настороженно относилась верховная власть. Проблема организации местного управления оставалась нерешенной.

В елизаветинской Уложенной комиссии данный вопрос, являясь более административным, чем политическим, был отражен не полностью, лишь в той части, где рассматривались проблемы судопроизводства. В небольшом вступлении к I части «О суде» первой шуваловской редакции авторы сделали своего рода программное заявление: «Для содержания порядка в государстве, также для защищения обидимых и искоренения всех пороков учреждены разные высшие и низшие правительства. Но многие челобитчики и доносчики, где им о каком деле и на кого бить челом или доносить надлежит, не ведая, до сего времени подавали челобитные и доношения, не принадлежащие по содержанию написанных в них дел места, отчего правительствам чинятся излишние затруднения и в отправлении дел помешательство, а челобитчикам и доносителям от их незнания самим от себя происходят напрасные убытки и трата времени»¹²². Иными словами – полный беспорядок. По проекту Нового Уложения за губернскими, провинциальными и воеводскими канцеляриями сохранялись полномочия главных судебных учреждений: «Оным подлежит по челобитным людям разного чина, духовных и мирских, чинить суд и расправу во всяких судебныхных и розыскных делах всем обретающим в городах и уездах духовного и светского чина людям...». Таким образом, судебные и административные функции оставались по-прежнему слитыми, причем перед местной администрацией была поставлена задача выделения собственно пределов таковых функций по обращениям населения. Если данное положение фактически должно было закрепить уже сложившуюся практику, то далее следовало более серьезное предложение: «Во все губернские и воеводские как провинциальные, так и городские канцелярии определять погодно, но с переменной уполномоченных от дворянства заседателей, депутатов, в губернии по три, в провинциальных по два, а в городские по одному человеку, из которых в губернских канцеляриях двум быть по выбору уездных одного губернского города дворян, а третьему – по выбору дворянства, во всей губернии находящегося; таким образом, в провинциальные канцелярии одного выбирать всем провинциальным, а другого – уездным провинциального только города дворянам; в городские же канцелярии заседателя должны выбирать одни только уездные тех городов дворяне. Из сих уполномоченных от дворянства двум, заседателями в губернские и провинциальные города определенным, включая от губернских выборного от дворян всей губернии, всегда присутствовать в оных канцеляриях, так и в магистратах, переменяя по одному человеку»¹²³. Таким образом, административные органы местного управления предлагалось частично реорганизовать в органы самоуправления. Более того, авторы проекта Уложения считали необходимым учесть интересы и недворянского населения провинциальных городов. Чиновникам губернских канцелярий «для присутствия при розыскных и следственных делах», касающихся не дворян (купцов и мещан) «надлежит быть одному из магистральным членом»¹²⁴. По остальным вопросам в проекте Уложения в основном повторялась уже существующая практика ведения дел.

Реальные итоги работы Уложенной комиссии на данном этапе были более чем скромные. Они отразились в указе Сената от 12 августа 1754 г.: «... Сенату и некоторым комиссиям и канцеляриям сочинены были штаты, а потом по указу Государыни

императрицы Анны Ивановны велено те штаты Сенату рассмотреть, и рассматриваемы, и некоторые из них и подписаны, а другие еще не окончены; также о губернаторах с их канцеляриями настоящих штатов не учинено; того ради приказали: штаты хотя по некоторым местам Правительственным Сенатом и были рассматриваемы, но за многопрошедшим временем, после состоявшимися указами многое из оных переменилось, а ныне каждому месту по тем делам, которые до них касаются, велено обо всем рассмотреть и штаты губернаторам с их канцеляриями, каждому месту, на основании указов со всяким обстоятельством сочинить вновь и, рассмотря и подписав, для апробации присылать в Правительственный Сенат»¹²⁵.

Как мы видим, ни слова не сказано о возможном введении самоуправления; всю реформу предлагалось свести к реорганизации штатов. Однако сам по себе призыв центральной власти к местным органам управления участвовать в подготовке реформы и присылать свои проекты, безусловно, заслуживает интереса. Причем данное обращение было сделано официально указом Сената от 21 июня 1755 г.¹²⁶, не вошедшим в полное собрание законов, где был определен порядок приема предложений с мест. Этим указом чиновникам на местах предлагалось направлять «в учрежденную при Сенате Комиссию» свои предложения по данному вопросу. Более того, императрица Елизавета Петровна указом от 10 октября 1755 г. обязала губернские и уездные канцелярии представить свои проекты и предложения о необходимых преобразованиях в системе местного управления¹²⁷. Всего с 1755 г. до конца 1762 г. поступило 18 губернских, 26 провинциальных и 7 воеводских проектов¹²⁸. Весь этот материал оказался мало востребованным елизаветинской комиссией. Тому были объективные причины: проекты поступали крайне медленно и, главным образом, в тот период, когда верховную власть уже перестали столь активно интересоваться преобразования в области местного управления. Елизавета Петровна старела, и самой актуальной была проблема престолонаследия.

Подводя общий итог, из всех предложений по преобразованию местного управления во второй трети XVIII в., следует выделить три основных требования их авторов. Первое, необходимость упорядочивания системы организации на местах, четкого разграничения полномочий между различными должностями, структуризации системы подчинения и отчетности перед центральной властью. Второе, усиление связи с местным дворянским населением. Так как влияние местной элиты на управление было реально достаточно высоко, то предлагалось создать органы (или структуры в губернских органах) дворянского самоуправления. Третье, увеличение финансирования местного управления, как повышение жалования губернских и уездных чиновников, так и общее увеличение средств, отпускаемых казной для осуществления управления на местах. Выполнение данных требований, по мнению большинства авторов проектов, было необходимо для нормального функционирования местной власти, но, как мы видим, реализация их была отложена «до лучших времен».

Время правления Екатерины II было очередным этапом на пути подготовки и проведения реформ, в том числе и на местах. Верховная власть в лице императрицы Екатерины II впервые заявила о необходимости планомерной и систематической реформаторской деятельности. Не имея никаких юридических прав на российский престол, Екатерина II не могла с первых лет правления удовлетворить свой реформаторский пыл реорганизацией центральных органов управления или социальной сферы. Иное дело – преобразование местных органов власти, которое не затрагивало столичное дворянство и офицерство.

Разработку первого проекта реформы местного управления Екатерина II поручила уже осенью 1762 г. сенатору кн. Я.П. Шаховскому. Как писал сам Я.П. Шаховской: «во время бытности в Москве ... соизволила Ее Императорское Величество собственноручным надписанием, данным Сенату, поручить мне, дабы я коллежские, канцелярские, также губернских и воеводских канцелярий прежние штаты рассмотрел и вновь, по состоянию надобностей, с наилучшими успехами оные сочинения к апробации Ее Величеству представил»¹²⁹.

Обращение Екатерины II именно к Шаховскому с предложением о составлении данного проекта было вполне логичным. Престарелый вельможа елизаветинских времен, противник Шуваловых, отстраненный от дел Петром III, он, как никто другой, подходил на роль «советника» молодой императрице в начале ее правления. К тому же кн. Шаховской действительно хорошо разбирался в вопросах местного управления, так как в свое время исполнял должность в Ярославской губернии, а также принимал участие в редактировании Уложения во время правления Елизаветы Петровны.

Я.П. Шаховской с готовностью приступил к делу и «менее года усчастливился всё то исполнить и к лучшему рассмотрению, согласию и исправлению быть могущих в том моих ошибок представил Правительствующему Сенату». 10 декабря 1762 г. Шаховской донес императрице о выполнении поручения, и о представлении в Сенат проекта о том, «где для лучших впредь полезных успехах, как в губернских, так и в провинциальных и в приписных городах, что прибавить, убавить, соединить за потребно показать о числе назначенных персон, также о их жаловании табель, о должностях их сколько мне в рассудок пришло описание»¹³⁰.

Проект Шаховского состоял из двух основных частей: предложения по перемене территориального деления губерний и меры по введению новых штатов. Прежде всего, Я.П. Шаховской предложил усовершенствовать губернское и уездное деление империи. Для удобства управления автор проекта предложил трансформировать структуру губерний с учетом проживающих на их территории лиц¹³¹.

Губернии	Число в них душ
Московская	651 408
Новгородская	405 649
Воронежская	679 676
Архангелогородская	292 853
Казанская	552 296
Петербургская	56 354
Смоленская	371 649
Сибирская	192 901
Ярославская	593 058
Владимирская	519 206
Тверская	308 854
Симбирская	532 831
Иркутская	30 220
Якутская	1 046
Белгородская	«Остаются в своей силе»
Нижегородская	«Остаются в своей силе»
Астраханская	«Остаются в своей силе»
Оренбургская	«Остаются в своей силе»
Киевская	«Число душ в присланной от камер-коллегии ведомости не показано»

Таким образом, Я.П. Шаховской предложил упорядочить губернии по числу проживающих лиц (за исключением сибирских) и установить примерно от 200 до 450 тыс. жителей. Как известно, этот принцип в дальнейшем и будет заложен Екатериной II в губернской реформе. Однако эта часть проекта Я.П. Шаховского, даже с учетом сенаторской правки, осталась схематичной. Как сетовал сам Яков Петрович, он не мог детально разработать план деления империи из-за отсутствия четких данных о реальном положении дел. Не было хороших географических карт, данных о количестве проживающего на территории губернии и уездов населения, и даже в некоторых случаях отсутствие данных о подчинении уездов и провинций к тем или иным губерниям¹³².

Вопросы реформирования штатов губернии представлены в проекте Шаховского более детально. По его мнению, всю страну следовало разделить на 7 частей и во главе каждой поставить генерал-губернатора, в обязанности которого войдет «прилежно наблюдать, чтобы ведомства его в губерниях везде во всем порядочно поступали»¹³³. Именно генерал-губернатору следовало подчинить все губернские управы, городские магистраты и ратуши, а также все воинские команды, расквартированные на данной территории. Такие большие полномочия требовались генерал-губернатору, по мнению Шаховского, для того чтобы обеспечить спокойную и благополучную жизнь жителям губернии. Для лучшей же исправности генерал-губернаторской должности его помощниками должны были стать выборные от дворянства (что предлагал еще П.И. Шувалов), и от купечества – по одному от каждой губернии на срок один или два года. Круг прав и обязанностей выборных от дворянства и от купечества был различен. Выборных от дворянства следовало «наименовать земские советники», и они должны были постоянно присутствовать в генерал-губернаторских канцеляриях. Избранные от купечества, напротив, допускались бы только, «когда по купеческим делам рассмотрению быть надлежит, дабы они [купцы – Н. К.] через свою тогдешнюю отлучку не могли лишиться торгов и промыслов своих»¹³⁴. Итак, Я.П. Шаховской, без сомнения, предлагал ввести местное самоуправление, выбирая при этом такую систему, которая не воспринималась бы местным населением как очередная повинность и не была для него обременительной.

По проекту Я.П. Шаховского, генерал-губернатор должен был стать высшей судебной инстанцией на губернском уровне. Выше его стоял бы только Сенат. Шаховской считал необходимым наделить генерал-губернатора широкими полномочиями в подборе и распределении кадров. На низшие должности: секретарей, протоколистов, регистраторов генерал-губернатор должен назначать сам. Кандидатов на должности губернаторов, воевод, товарищей губернатора и на другие высшие должности должен был представлять генерал-губернатор в Сенат для назначения.

Таким образом, подводя итог предложениям Шаховского о введении должности генерал-губернатора, следует заметить, что автор проекта, с одной стороны, предлагал еще более усложнить территориальное деление, введя новую административную единицу; с другой стороны, частично власть генерал-губернатора была бы ограничена представителями местного дворянства и даже купечества, иначе говоря, органами местного самоуправления.

Как известно, одной из наиболее острых проблем местного управления была коррупция и волокита среди местных чиновников. Поэтому Шаховской, в чем-то повторяя проект Шувалова, предложил учредить в губернии должность комиссара, которую замещать должны были выборные от местного дворянства. В должностные

обязанности комиссаров следовало включить задачу смотреть, «чтобы во время марширования полков от тех воинских людей никаких жителям обид и убытков и приключений не было; чтоб в сборе с жителей фуража и в раздаче оного воинским людям всё порядочно и без оскорбления и убытков происходило... При всяких выемках, как то украденных пожитках или захваченного и загнанного скота, что от канцелярии учинить будет определено, ему быть пристойным числом понятых... От наносимых посылаемыми из города лицами обид жителей предохранять; смотреть за исправлением дорог и дворов, где оные есть; смотреть, чтобы кормчеств не было»¹³⁵. Введение данной меры, наверное, не искоренило бы взяточничество, но, безусловно, открыло бы дорогу местному самоуправлению. Как мы видим, в предлагаемых мерах много общего с должностными обязанностями земств второй половины XIX в.

Наконец, в завершении предложений по организации местного управления, Я.П. Шаховской представил проект инструкции для производства выбора дворянских депутатов при генерал-губернаторе и на другие выборные должности. Он писал, что «для выбора во всем означенным в рассмотрении должностями съезжаться дворянам заблаговременно каждого года в ноябре месяце в губернском городе и выбирать из живущих в той губернии в городах, селах и деревнях, каждой из своей провинции и уезда, людей знающих и совести доброй, неподозрительных и честных поведением». Более того, Шаховской предлагал установить некий количественный ценз, определить минимальное количество дворян, которые могли бы избирать депутатов, то есть создать нечто подобное «спискам избирателей: «при тех выборах дворянам, по крайней мере, не менее как по сорок человек быть надлежит». Автор проекта считал, что участие в выборах должно быть для дворян обязательным.

Не забыл Я.П. Шаховской и об этической стороне «избирательной кампании». В своем проекте он пояснял, что и депутаты, и избиратели должны вести себя корректно по отношению друг к другу, а «ежели кто на выборах по какой-либо злобе кого опорочит и обиднеческим и подозрительным в выборе делать будут, или кто сам не хочет для общего благополучия в удостоенной должности послужить, неправо составленными резоны освобождаться будут и в том доказан окажется». За это следует налагать пени по рекомендации самих дворян и «доводиться о их [нарушителях – Н. К.] поступках до сведения генерал-губернаторов, и выбранные уже в какую-либо должность подлежат отрешению»¹³⁶. Дворяне же, состоящие на службе, в выборах принимать участия не должны, но могут быть избирателями, если временно живут в своих имениях.

Императрица Екатерина II оценила старания кн. Я.П. Шаховского и пригласила его с собой в первую поездку по России в 1763 г., когда она в сопровождении доверенных лиц посетила Переяславль, Ростов, Ярославль и другие города. Императрица везде проявляла живой интерес к организации управления на местах, как упоминал Я.П. Шаховской в своих воспоминаниях: «Между прочим, мне пришлось уведомить Е. И. В., как государь Петр Великий узаконил, дабы в каждый год по одному из господ сенаторов ездили по всему государству для расследования в губернских, воеводских и прочих канцеляриях производимых ими дел и для восстановления доброго порядка... Будучи в молодых летах, слышал, что первый из господ сенаторов в силу того [указа – Н. К.] был по государству объездчик граф Андрей Артамонович Матвеев, муж в разуме и делах достохвальный, который, приехав в город Переславль-Залесский и осматривая воеводской канцелярии дела, когда нашел секретаря по делам его смерти достойным, то оный немедленно в том же городе на публичном месте и

[был – Н. К.] повешен»¹³⁷. Рассказ о масштабных злоупотреблениях местных властей вызвал большой интерес Екатерины II, и она предложила Шаховскому провести сенатскую ревизию Ярославской губернии, что и было сделано. Как это описывал сам Я.П. Шаховской, «того же дня призвал я себе воеводу и магистратного главного судью и объявил, что я по высочайшему повелению буду в следующий день рано в их канцелярии для ревизования производства и исполнения их должности, и для того было б у них в готовности все то, что им и без понуждения моего в готовности всегда в канцеляриях иметь должно...: 1) именной список присутствующим членам и всем канцелярским служителям со означением их служб и достоинств, как уже о том давно учрежденная форма гласит; 2) настольный реестр о находящихся в их канцеляриях нерешенных делах с показанием о каждом, отчего те без решения продолжаются; 3) реестр о полученных из Сената, из Юстиц-коллегии и из губернии указах, кои поныне в неисполнении находятся, также с показанием, какие тому препятствующие причины; 4) ведомости о наличной денежной казне, о недоимках и содержащихся в оной колодниках с изъяснением же, буде есть по тем к производству и решению какие препятствия»¹³⁸. В течение первой половины следующего дня Шаховской, как и объявлял, провел ревизию. Уже к обеду, завершив основные дела, он доложил о проделанной работе Екатерине II, немало удивив молодую императрицу своей расторопностью. На обратном пути Шаховской провел аналогичные ревизии в Ростове и Переяславле-Залесском.

Свой проект, а также все замечания, полученные по результатам ревизий, Я.П. Шаховской представил и в Сенат, где проект был незначительно доработан и передан Екатерине II. Императрица выразила удовольствие работой кн. Шаховского, но не более того. 15 декабря 1763 г. был издан указ о регулировании вопросов местного управления, в рамках которого была усилена бюрократическая власть генерал-губернаторов. По нашему мнению, на тот период времени Екатерина II и не собиралась заниматься реформой местного самоуправления. Ей было необходимо занять наиболее влиятельных государственных деятелей, государственные учреждения обсуждением важных, но не политических вопросов.

В то же время бросаются в глаза некоторые параллели проекта Шаховского в части «о генерал-губернаторах» и екатерининского «наставления генерал-губернаторам», и инструкции генерал-губернаторам». Черновики этих документов содержат рукописные правки Екатерины II¹³⁹. Проект «Инструкции» был составлен, вероятно, ранее «Наставления»: в декабре 1762 г. – августе 1763 г. – во время работы над проектом Я. П. Шаховского. Проведенное Ю.В. Готье палеографическое сличение документов: инструкции и проекта Шаховского, показывает, что они были составлены одним автором¹⁴⁰. Правда, есть вероятность, что оба документа переписаны одним человеком, но в любом случае автор «Инструкции» явно ознакомился с проектом Шаховского. В «Инструкции» подробно перечислялись функции генерал-прокурора в сельском хозяйстве, а также указывались правила контроля за состоянием дорог и мостов, рассматривались вопросы организации полиции, содержания школ и др. Екатерина II внесла в инструкцию незначительные поправки и отложила ее. Правда, в дальнейшем некоторые размышления о должности генерал-губернатора вошли в «Наставления», написанные самой императрицей, которые сами по себе не меняли ничего в системе местного управления.

Таким образом, проект Я.П. Шаховского оказался нереализованным, и причин здесь можно назвать несколько. Данный проект был явно несвоевременным. Екате-

рина II в начале своего правления еще не могла проводить в полной мере самостоятельную политику. Кроме того, проект Шаховского был недоработан. Для его совершенствования требовалось выяснение истинного положения дел на местах, чем, собственно, и занялась Екатерина II. Стоит учесть, что проект шел «через Сенат», влияние которого не устраивало молодую императрицу. В 1762 или 1763 г. Екатериной II была получена анонимная записка с критикой проекта Шаховского. Она открывается словами: «В губерниях полагаются генерал-губернаторы с их депутатами, главными правителями и изъемяются от подчинения коллегиями, и коем кроме Сената ниоткуда уроков не посылать, на решения ж их бить челом Сенату. В чем находя сомнения, приемлю смелость объявить: когда Сенат будет разделен на департаменты ... то трудно будет исполнить»¹⁴¹. Эти критические замечания были написаны до 15 декабря 1763 г. – реформы Сената. Установить авторство, к сожалению, не представляется возможным, так как текст документа является писарской копией, но автор явно входил в ближайшее окружение Екатерины II. Основным элементом критики является излишняя самостоятельность генерал-губернатора и подчинение его только Сенату. Это, по мнению автора записки, увеличит и без того большую загруженность Сената материалами, куда прибавятся текущие дела губерний, например, назначения на должности, а также жалобы на самого генерал-губернатора. Для усовершенствования данного института автор записки предложил подчинить генерал-губернаторов юстиц-коллегии, круг полномочий которой в связи с этим следует расширить. Но особое сомнение у автора данного документа вызвало предложение об организации элементов самоуправления: «... депутатов таких не только во всей губернии, но едва ль самого малого числа сыскать можно, потому, во-первых, что российское дворянство не все еще достигло до той степени, чтобы всякий знал благосостояние империи и закона сохранение, и имел бы такой дар разума, чтобы мог, будучи малого перед губернатором чина, и не считая, что он определен в депутаты на время, ему, генерал-губернатору, противу поступка его несправедливого доказать законом и натуральным правом, и не имел бы опасения: таких людей еще самая большая редкость... Во-вторых, те депутаты, хотя бы и могли иметь супротивление против несправедливости генерал-губернаторской [воли – Н. К.], не допустит их то, что они имеют в той губернии свои деревни и, если сменятся из депутатов, могут от генерал-губернатора получить притеснения, напротив того и они, депутаты, по ссорам соседям причинять будут обиды»¹⁴². Монаршей реакции на эту записку не последовало.

Своего рода продолжением проекта Я.П. Шаховского является анонимная записка «О воеводах»¹⁴³. Автор данного документа указывает, что и провинциальные, и городские воеводы должны определяться «не иначе, как по рекомендациям» за заслуги. Так как «честные люди за не искание в тех знатных персон, а другие за их бедностью оных мест получить не могут». Автор данной записки предложил назначать воевод из «знатных дворян» на три года, дабы другие чиновники научились у них благородству.

Результатом данных разноплановых проектов стал указ от 15 декабря 1763 г., суть которого сводилась к упорядочиванию назначения штатов в губерниях. На всех уровнях территориального управления устанавливался четкий штат чиновников, были детально расписаны их полномочия с указанием жалования в зависимости от должности, а не от чина. Чиновникам, прослужившим «беспорочно» 35 лет, устанавливалась пенсия¹⁴⁴. Названные преобразования носили чисто административный характер и явно шли в разрез с разрабатываемыми Я.П. Шаховским и другими авторами

проектами. Следовательно, Екатерина II в это же время имела собственное представление о необходимых преобразованиях и воплощала их в жизнь.

В рамках работы Уложенной комиссии, как Большого собрания, так и частных комиссий, естественно, обсуждались и вопросы местного управления. Как известно, депутаты привезли с собой Наказы с мест. Естественно, в них, помимо пожеланий социальных реформ и преобразований центральных органов власти, были отражены и предложения преобразований местного управления.

В наказах, главным образом дворянских, как наиболее разработанных, четко прослеживается критика центральной власти при организации управления на местах. Во-первых, указывалось на медлительность власти по поводу решения местных проблем, а то и вовсе игнорирование их интересов¹⁴⁵. Во-вторых, жаловались на затягивание дел воеводами¹⁴⁶. В-третьих, много критики высказывалось в адрес местного судопроизводства, которое называли крайне медлительным. Указывалось, что годами разбирались судебные тяжбы, особенно по наиболее болезненным для дворян земельным делам. Наконец, особенно много высказывалось недовольства на отсутствие связи местной администрации с дворянством. Главным следствием этого депутаты считали полную безнаказанность «воров и грабителей»¹⁴⁷. Исходя из этих замечаний, суть предложений вышеназванных наказов можно свести к следующему. Фактически во всех наказах предлагалось ввести в местную администрацию органы дворянского самоуправления, что, по мнению авторов, восстановит согласие, миролюбие, тишину и справедливость¹⁴⁸. При этом высказывались предложения, чтобы выборные дворянские органы были независимы от местной администрации.

Помимо создания выборных органов дворянского самоуправления, предлагалось также создать «дворянский суд», в который необходимо передать «партикулярные ссоры, касающиеся до бесчестия и земельные дела», оставив при этом криминальные (уголовные) и иные дела в ведении коронного суда¹⁴⁹. В наказах встречаются рекомендации по усовершенствованию кадрового состава местной администрации. Высказывались предложения о необходимости назначения судьями только тех лиц, которые прошли обучение юриспруденции при Академии наук. Как минимум, просили запретить в судах «скверную брань и драки»¹⁵⁰.

В гораздо меньшей степени вопросы реформирования местного управления были рассмотрены в Наказах государственных учреждений. Во многом это естественно, так как высшие государственные учреждения занимались подготовкой и проведением преобразований в рамках своей ежедневной работы. В то же время в развернутом наказе Сената подробно рассматриваются вопросы и пути реформирования судопроизводства. Однако данные предложения носили «технический характер».

В наказе Герольдмейстерской конторы, которая при Сенате ведала вопросами замещения вакансий по областному управлению, содержался анализ именно этой проблемы. В документе вновь был поднят вопрос о том, следует ли назначать воевод на определенный срок или пожизненно¹⁵¹.

В работе Большой комиссии вопросы местного управления напрямую не обсуждались. Однако верховной власти была очевидна необходимость реорганизации управления на местах. По указанию Екатерины II 19 сентября 1768 г. генерал-прокурор А.А. Вяземский отправил по губерниям распоряжения об отправке в Комиссию сведения о своих нуждах и пожеланиях. Подобное предложение к местным властям уже поступало в 60-х годах XVIII в., во время работы елизаветинской комиссии, поэтому многие губернские власти, помня об этом, отправили «старые» предло-

жения. В документах «губернаторские пожелания» получили названия «пункты по материям». Эти пункты содержали в себе общий обзор экономических и социальных проблем, лишь изредка касаясь собственно вопросов реорганизации местного управления. Перед ними, по всей вероятности, и не ставилось такой задачи¹⁵².

Обобщая предложения с мест, можно выделить следующее: первое, представлены жалобы на громадность губерний, особенно на Севере, неурегулированность границ между некоторыми губерниями. Второе, почти все недовольны были организацией судопроизводства на местах. Третье, во многих «пунктах» рассматривались местные бытовые проблемы: обеспечение чиновников земельными участками, пенсиями и т. п.

Определенный интерес представляют записки, составленные самими губернаторами: воронежским генерал-майором Масловым, астраханским генерал-майором Бекетовым, слободско-украинским бригадиром Щербининым и др.¹⁵³. Во всех своих предложениях губернаторы хотели расширения своих прав и полномочий, «чтобы прямо мог назваться губернатор хозяином своей губернии и объезд его всем нахальным обидчикам устраним был»¹⁵⁴. Но более всего губернаторы жаловались на отсутствие кадров местного управления. Так, в донесении новгородского губернатора Я.Е. Сиверса от 18 августа 1765 г. сообщалось о полной невозможности справиться со своими обязанностями без увеличения состава канцелярии. Я.Е. Сиверс писал, что «с тех пор как дворянство освобождено от обязательной службы, губернское начальство очень затрудняется найти людей для нескончаемого числа поручений, которые приходится давать беспрестанно; а давать их, не вознаграждая за исполнение, значит мириться с лихоимством»¹⁵⁵. Кроме того, Сиверс указывал на сложность управления огромной Новгородской губернией. В одном из донесений, 13 декабря 1769 г., он писал: «Некоторые предложения касательно лучшего устройства управления этим огромным Новгородским уездом, который в иных местах достигает до 400 верст в диаметре. Прежде всего, предложил им [местному дворянству – Н. К.] разделить весь уезд «в комиссары», по пяти погостов в каждом, избрать комиссаров из своей среды и содержать их на свой счет, чтобы имелось наблюдение за порядком». Далее Сиверс доносит императрице, что «все единогласно приняли его предложение и согласились уплачивать комиссарам по копейке с души, что составляет приблизительно от 60 до 80 руб. в год»¹⁵⁶. На основании этого и других предложений с мест 11 января 1768 г. был составлен доклад императрице Екатерине II. В этом документе была отмечена необходимость уменьшения территории губерний с учетом числа жителей, реорганизация суда и полиции, а также высказывались предложения о введении особого чиновника по городским делам – будущего городского¹⁵⁷.

После завершения работы Большой комиссии отдельные проблемы местного управления стали предметом рассмотрения ряда частных комиссий: «О благочинии», «О размножении народа, земледелия, домостроительства, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах», «О правосудии», «О порядке государства» и других. Особое место в работе малых комиссий заняло обсуждение проблем судопроизводства и полиции на местах. При этом все предложения носили технико-организационный характер.

Итогом столь длительной подготовительной работы стала известная губернская реформа Екатерины II. Следует отметить, что побудительным шагом к реформированию системы губернского управления стала не Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева, а объективные требования преобразований местной власти.

Как бы Екатерина II ни гордилась «своей губернской реформой», подавляющее большинство идей, которые легли в ее основу, были почерпнуты из многочисленных предшествующих проектов. В этом была сила данных изменений, так как верховная власть максимально учла пожелания с мест.

В «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи», принятом 7 ноября 1775 г.¹⁵⁸, были обозначены три взаимосвязанные сферы реформирования: административно-территориальное деление империи, организация местной администрации и местных судебных органов. Для удобства и унификации управления вся страна была разделена на территориальные единицы, губернии и наместничества, по числу проживающих там людей, от 300 до 400 тыс. человек. Они, в свою очередь, делились на уезды или округа, тоже по количеству проживающих – от 20 до 30 тыс. человек. Провинции как лишнее, промежуточное звено между уездами и губерниями, были ликвидированы.

Губернатор (наместник) назначался, как и ранее, только императором, но его власть значительно расширилась. Он получал всю полноту управления в губернии, включая высшую полицейскую власть, обеспечение государственной безопасности, то есть получал статус военного губернатора. Иными словами, в его обязанности входило контролировать деятельность всех учреждений и должностных лиц, следить за выполнением законов. Губернатор имел право контроля над судебными учреждениями в губернии, он мог влиять на приговоры суда. Наконец, в его подчинении находились все воинские части и команды на территории губернии.

Реорганизована была и система управления в губернии. Высшим учреждением вместо губернской канцелярии становилось губернское правление, куда входили «государев правитель» или губернатор и два советника. Оно было непосредственно подчинено губернатору, но его члены назначались Сенатом. Для финансового управления в губернии была создана Казенная палата в губернии и казначейство – в уезде. В ведении данных ведомств находился достаточно большой круг вопросов: они заведовали сбором налогов и другими источниками доходов. В каждой губернии был создан приказ общественного призрения, который занимался устройством и контролем над школами, приютами, больницами, а также заведовал работными и смирительными домами.

Наконец, в рамках губернской реформы 1775 г. была создана целая система судов. Высшими судебными органами стали палаты уголовного и гражданского суда, а также сословные суды по незначительным искам и тяжбам: Верхний земский суд (для дворян), Губернский магистрат (для горожан) и Верхняя расправа (для однодворцев и государственных крестьян). Эти суды состояли из выборных представителей соответствующих сословий и носили коллегиальный характер. Формально суд был отделен от губернской администрации, что должно было обеспечить его большую объективность. Как известно, Екатерина II была поклонницей Ш. Монтескье и поддерживала его теорию разделения властей. В организации судебной системы на местах императрица сделала попытку воплотить данные теоретические размышления на практике.

Цель реформы местного управления – его унификация – была достигнута. Усилилась централизация, т. к. губернаторы оказались в непосредственной зависимости от монарха. В то же время в рамках губернии власть губернаторов увеличилась. Это было сделано для того, чтобы они могли оперативно решать текущие, насущные проблемы, в частности, по поддержанию спокойствия на вверенных территориях. Тем более, благодаря новому территориальному делению (по количеству проживающих),

число губерний увеличилось: с 20 (до реформы, т. е. 1775 года) до 51 к 1795 г., что несколько облегчало управление. Однако это имело и обратную сторону: при новом делении практически не учитывались национальные границы, что в дальнейшем привело к конфликтам и переделу границ губерний. Именно с этой реформы Екатерины II Российская империя стала складываться как унитарное государство.

Продолжением губернской реформы стала городская. Она проводилась на основе «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи»¹⁵⁹, которая стала первым в истории управления развернутым законом организации городского управления и сопровождалась позднее целой серией городских положений об устройстве городской жизни. По данной грамоте сохранялось ранее существующее городское управление, но в то же время был определен правовой статус городского населения; общественное городское управление, организация ремесленного, цехового устройства, подчиненность городского самоуправления правительственной администрации.

Согласно Жалованной грамоте городам «градское общество» должно было завести городскую обывательскую книгу, куда записываются все жители города, разделенные на 6 разрядов: 1. «Настоящие городские обыватели», т. е. лица, владеющие в городе недвижимостью. 2. Купцы первой, второй и третьей гильдий. 3. Ремесленники: «суть те мастера, подмастерья и ученики различных ремесел, кои вписываются в цех своего ремесла». 4. Иностранцы. 5. Именитые граждане. К ним в то время относились лица, занимающие второй раз выборные должности; ученые, т. е. люди с университетским образованием; художники, архитекторы, скульпторы, музыканты; банкиры; кораблехозяева и оптовые торговцы, не имеющие собственных лавок в городе. 6. Посадские, т. е. мелкие ремесленники, не входящие в городские цеха и др.

Все городские «обыватели» назывались мещанами или иначе – средний род людей. Это звание, как и дворянина, было наследственным. Особое внимание уделено правам купечества. Так, купцы первой и второй гильдий могли заводить «фабрики и заводы», освобождались от телесных наказаний.

Горожанам разрешалось избирать Городскую думу. Эта общая городская дума из своих членов должна была избрать шестигласную Городскую думу, куда должны были войти «по одному голосу» от всех 6 категорий городского населения. Возглавлял эту думу Городской голова. В обязанности думы входило: поддержание порядка в городе, контроль над соблюдением правил торговли и другие хозяйственные вопросы городской жизни.

В течение последующего времени постепенно проводились мероприятия по внедрению нововведений. Особую сложность представляло создание нового территориального деления, так как в стране не было достоверных карт. Также порой сложно было решить, куда определить тот или иной уезд, если исторически его следовало отнести к одной губернии, а численно – к другой. Кроме того, реформа требовала и больших денежных затрат, что замедляло ее осуществление. Окончательное оформление мероприятия по реформированию управления на местах получили после «Жалованной грамоты дворянству», по которой дворяне получили право создавать органы местного дворянского самоуправления. Несмотря на все сложности, к 90-м гг. XVIII в. основные мероприятия по реформированию местного управления были завершены.

Приход к власти Павла I вызвал «лавину преобразований», не оставив в стороне и местное управление. В этой сфере император Павел I был сторонником жесткой централизации и с неодобрением относился к выборным должностям. Рядом указов, первый из которых был издан 12 декабря 1796 г.¹⁶⁰, вводилось новое административ-

ное деление России. В результате этой реформы уменьшилось количество губерний (с 50 до 41), некоторым были заменены названия. Другим указом от 22 декабря 1796 г. все должности наместников и их правления упразднились в течение полугода¹⁶¹. Таким образом, император уничтожил институт генерал-губернаторов. Теперь бывший наместник стал единственным руководителем губернии и получил название «губернатора». Причем он не имел права управления расквартированными на его территории войсками. В случае особой важности были введены военные губернаторы в обеих столицах и некоторых иных территориях¹⁶².

Здесь нельзя не отметить стремление Павла I приуменьшить роль Екатерины II, исключая ее имя из названий губерний. Например, губерния Екатеринославская вошла в состав Новороссийской, а губернский город получил название Новороссийск. Но нелюбовь к Екатерине не была решающей в губернской реформе Павла I. Она преследовала две цели: создать более дешевый аппарат управления страной путем его максимальной централизации и искоренить взяточничество и казнокрадство чиновников. Последнее было, конечно, утопией. В течение всего царствования Павла I проводились расследования по доносам о взяточничестве. В 1799 г., в результате ревизии, проведенной Сенатом, были выявлены очень серьезные злоупотребления. Например, в Вятской губернии во время первой проверки в 1796 г. 95 чиновников были уличены в явном взяточничестве, 91 оказались под подозрением. Все эти 186 человек были отрешены от занимаемых постов указом 17 декабря 1796 г. Правитель губернии Желтухин был предан суду II департамента Сената. В 1800 г. была вновь проведена ревизия. Сенатор и известный масон И.В. Лопухин, который ее проводил, доносил императору, что «важнейшие злоупотребления примечаются, особенно по волостным правлениям». В заключение своего донесения Лопухин пишет, что единственный честный чиновник в губернии – ее губернатор Тютчев, но ему уже не меньше 80 лет и он «истощил все силы к наилучшему исправлению своей должности»¹⁶³. Изучив это донесение, Павел I принял следующее решение: губернатора уволить по возрасту с полным пенсионом, а всех остальных отрешить от их должностей и придать суду.

Во время правления Павла I стали очевидны недостатки губернской реформы, о которых сама Екатерина II даже не хотела слышать. К ним следует отнести излишне большое число судебных инстанций, что приводило только к волоките, и значительное увеличение штата чиновников, далеко не всегда подкрепленное соответствующими финансами. Наконец, по реформе Екатерины II одинаковое деление получили все территории без учета национальных и иных особенностей, в том числе, например, и только вошедшие польские земли.

От времени правления Павла I до нас практически не дошло проектов преобразований, в том числе местного управления, их просто не успели создать: в основном сохранились следственные деле о коррупции местных чиновников. Кроме того, император Павел I сам старался вникать во все сферы государственного управления. Все его преобразования можно свести к следующим мероприятиям: изменение административного деления страны; упразднение средних судебных инстанций; замена выборных от дворянства назначенными чиновниками; было возвращено прежнее деление южным, юго-западным и северо-западным губерниям. Наибольший интерес представляет реформа местного суда: палаты уголовного и гражданского суда были соединены в одно учреждение, получившее название «Палаты суда и расправы». Все это привело к сокращению расходов на организацию местного управления, а также объективно усилило личную власть губернатора.

С первых дней своего правления Александр I восстановил почти все учреждения местного управления, а также сословные органы, созданные реформами Екатерины II в 1775-1785 гг.: были возобновлены «Учреждения о губерниях», «Устав благотворения», «Жалованные грамоты» дворянству и городам. Указом от 16 августа 1802 г. – «О непреступлении Губернатором пределов власти, назначенным им законом», был определен ряд мер, направленных на ограничение губернаторских полномочий¹⁶⁴.

Активная подготовка реформирования местного управления началась после окончания наполеоновских войн. По всей вероятности, Александр I первоначально задумал привлечь к этой работе М.М. Сперанского, которого назначил 30 августа 1816 г. пермским, а затем 22 марта 1819 г. – сибирским генерал-губернатором. 22 марта 1821 г. Сперанский прибыл в Петербург. Среди прочего, 11 июля 1821 г. ему было поручено временно управлять Комитетом составления законов, Александр I предложил М. М. Сперанскому разработать проект местного управления. Данное предложение отчасти свидетельствует, что император Александр I по-прежнему ценил в Сперанском хорошего «канцеляриста», но более не склонен был допускать его «к политике». Причем М. М. Сперанский был «взят в помощь» А. Д. Балашеву, который уже занимался этим вопросом. С 1817 г. он участвовал в обсуждении проекта об учреждении генерал-губернаторских округов; и в качестве эксперимента 4 ноября 1819 назначен генерал-губернатором округа из Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. Однако данная реформа была явно недоработана, для чего и нужен был М.М. Сперанский, хотя ему, наверное, и сложно было работать с человеком, которого считали одним из инициаторов его опалы. М.М. Сперанский так писал об этом в своем дневнике: «1 сентября. Четверг. [1821 г. – Н. К.]. По утру свидание с Балашевым по высоч [айшему] повелению. Две мысли для Генер [ал] Губ [ернаторского] учреждения. 1) установить военные отношения на праве в [оенных] губернаторов, чтоб часть комедантская им была подчинена. 2) Комитет 18-го Августа, т. е. определение городничих должно быть совершенно представлено Генер [ал] Губ [ернаторам]»¹⁶⁵.

М.М. Сперанский со свойственной ему основательностью взялся за дело. В отделе рукописей РНБ в фондах К.Г. Репнинского сохранился перечень материалов и проектов Сперанского по данному вопросу¹⁶⁶: История дела об учреждении областного управления (документ не сохранился), Примечания к проекту учреждения наместничеств¹⁶⁷, Введение к наместническому управлению¹⁶⁸, Учреждение областного управления¹⁶⁹, Введение к проекту губернского учреждения¹⁷⁰.

М.М. Сперанский начал составление проекта реформ местного управления не с чистого листа: еще к 1816 г. под руководством А.Д. Балашева был подготовлен проект «Учреждения о наместничествах», который, прежде всего, и был подвергнут критике М.М. Сперанским в «Примечаниях».

Анализ существующего положения в области местного управления Сперанский начал с краткого исторического обзора «четырех главных эпох и в них четырех главных систем» – петровской, екатерининской, павловской и настоящей¹⁷¹. Особое внимание Сперанский уделил реформе 1775 г., в рамках которой по губерниям были размещены в виде палат коллегии, что позволило соединить управление воедино, «чтоб каждая губерния составляла одно целое – собою движущееся установление, в одних только высших отношениях зависящее от Сената»¹⁷². В то же время екатерининская реформа имела и ряд недостатков. Из наиболее существенных – неопределенность статуса генерал-губернаторов. По реформе 1775 г. они должны осуществлять надзор во вверенной территории. Однако какой надзор – не уточнялось. В теории надзор может быть

временным и постоянным: «первый может быть личным; но второй необходимо требует особенно публичного установления: ибо 1) одно лицо и лицо главное не может в двух или трех губерниях следовать за всеми делами посредством ведомостей и донесений; 2) самим надзором оно вовлечено будет в предметы управления»¹⁷³. На основании этого М.М. Сперанский задал ряд вопросов о прерогативах и объемах полномочий генерал-губернаторов. Однако преобразования 1797 г., проведенные Павлом I, в результате которых должность генерал-губернатора была упразднена, тоже не решили данную проблему; так как «губернские места остались уже без всякого главного местного надзора, кроме прокурорского, который и везде слаб, а в отдаленных губерниях почти ничтожен: ибо прокурор никакой власти в губернских местах не имеет»¹⁷⁴. Как уже говорилось, Александр I в начале своего правления «вернул» все учреждения Екатерины II, но это только усилило неразбериху в данном вопросе.

Решению проблемы упорядочивания системы местного управления был посвящен проект учреждения Наместничеств, по которому вновь устанавливался общий надзор Сената над местной властью. По мнению М.М. Сперанского, для доработки проекта следовало ответить на следующие вопросы: «1) В чем именно должна состоять власть, вверяемая наместникам, и до какой степени она необходима? 2) К какому роду установлений принадлежит звание наместников, к государственному [т. е. центральному – Н. К.] или у губернскому [т. е. местному – Н. К.]? 3) Какой будет образ их действий, личный ли или в виде публичного установления? 4) В чем состоит существенное различие между настоящим учреждением и общим учреждением генерал-губернаторов 1775 г.? 5) Удобно ли начать преобразования губернского правления, чтобы составить надзор сего управления тогда, когда самое управление за коим надзирать должно, еще не составлено?»¹⁷⁵ Отвечая себе на заданные вопросы, М.М. Сперанский указывал, что постоянный надзор, т. е. создание сети соответствующих учреждений, будет более действенным. При этом надзор следует четко отделить от управления, иначе с течением времени надзор должен будет сам надзирать за собой. По проекту об учреждении наместничеств, заметил Сперанский, вся власть в губернии фактически «замкнется» на совете наместника. Так, «по § 27 Наместник обязан по жалобам, к нему приносимым, давать защиту невинной стороне». Однако если все дела в губернии он сам и вершит, то оставит жалобу без движения.

М.М. Сперанский отметил, что проект не определил место наместников в системе государственных учреждений в Российской империи. В рамках предлагаемой реформы наместники, с одной стороны, должны были осуществлять надзор на местах как часть общего надзора Сената, и тогда они оказались бы равными министрам. С другой стороны, в проекте реформ указывалось, что наместничество – это часть губернского правления. В таком случае наместники оказывались напрямую подчиненными министрам. Много в тексте и других противоречий¹⁷⁶. Не ясна и функция Совета наместника, т. к. «если власть наместника ограничена будет одним надзором за движением дел; тогда совет сей останется почти праздным. Если же будет он входить во все части управления, ... тогда и 7 членов недостаточно»¹⁷⁷.

Исходя из всего вышеназванного, М.М. Сперанский пришел к выводу о неразумности нововведений. Он осторожно заметил, что «преобразования губернского правления нужно и даже настоятельно, ... но начинать преобразование с надзора, по меньшей мере, неудобно». На основании этого Сперанский предложил подготовить и провести полноценную губернскую реформу¹⁷⁸. Однако Александр I не захотел его услышать. Он призвал к себе на этот раз Сперанского не как советника, а как опытно-

го бюрократа. Михаилу Михайловичу ничего не оставалось делать, как подчиниться, и он приступил к доработке, а точнее разработке нового проекта, известного нам как «Введение к наместническому управлению». Создается впечатление, что «Примечания» Сперанский писал «для себя» или же для устного обсуждения с императором в приватном разговоре. По всей вероятности, такой разговор в 1821 г. состояться уже не мог. Поэтому Михаил Михайлович написал другой документ – «Введение», в котором юридически грамотно изложил основные идеи Александра I по вопросам местного управления.

Текстологически «Примечания» и «Введение» очень схожи, за одним принципиальным исключением – все, что в первом оспаривается, во втором – утверждается. В первом документе М.М. Сперанский указывал на необходимость специальной реформы органов губернского надзора. Следуя «заказу» императора, но желая обосновать и собственную точку зрения, Сперанский заявляет о необходимости пересмотра системы губернского правления, в том числе и надзора. Автор проекта подробно рассмотрел различные формы организации надзора: общий и местный, временный и постоянный, в рамках управления и самостоятельно. Далее он указывал на необходимость установления «надзора более определенного, нежели тот, который предписан в общем учреждении, более местного, нежели общий надзор Сената, более непрерывного, нежели сенаторские обозрения представляются необходимыми для губерний, как в виде настоящего их устройства, так и особенно в видах будущего их образования»¹⁷⁹. При этом необходимо учитывать, считал Сперанский, что должность генерал-губернатора в том виде, в котором она существует, необходимо реформировать, так как она не будет соответствовать новому надзору. Для решения данного вопроса следует учредить «главное губернное управление не в виде личной власти, в виде установления, действующее по правилам, для него определенным»¹⁸⁰. Это необходимо потому, что реформой 1775 г. генерал-губернаторский надзор введен как часть государственного управления, так как генерал-губернаторы по своему званию должны были присутствовать в Сенате. Поэтому и реформируемый надзорный орган, по мысли М.М. Сперанского, должен быть отнесен к центральным, а не местным органам управления, «тогда он станет ни чем иным, как министерством, действующим на месте и принадлежащим к общему для всех министерств составу, к Сенату. Таким образом, министерское установление будет иметь два вида: один общий, в коем все дела подразделяются по их предметам, другой местный, в коем дела подразделяются по округам»¹⁸¹. В данном случае М.М. Сперанский высказывал не столько свое мнение, сколько повторял идею, высказанную в письме В.П. Кочубеем. Обсуждая вопросы местного управления, В.П. Кочубей писал М.М. Сперанскому: «новые генерал-губернаторы думают, что они должны быть род министров в губерниях, кои должны повторять некоторым образом министров в столицах. ... Балашов мне сие сказал, как заключение, основанное на отзывах Его Величества»¹⁸².

Однако власть на местах должна носить более «частный» характер, чем центральная и заключаться во «власти исправления и власти надзора» в управлении. По мысли Сперанского, власть исправления должна включать: «движение дел ... образ их производства [т. е. судопроизводства – Н. К.] и существо решения. Помимо всего прочего, М.М. Сперанский предложил поручить генерал-губернаторам принимать оперативные меры на местах в случае «народных бедствий». Сперанский считал важным наделить генерал-губернатора правом самостоятельного рассмотрения вопросов

о коррупции среди местных чиновников и, соответственно, «устранять, удалять и отрешать» чиновников, уличенных в злоупотреблениях.

В завершении своей записки М.М. Сперанский очертил пределы власти «главного местного управления», которые он видел в том, чтобы на местах не вводились никакие новые постановления, не останавливались меры правительства по вопросам рекрутских наборов и податей; не требовали дополнительных денег и не отменяли решения по уголовным делам.

Составляя данный документ, М.М. Сперанский выполнил возложенную на него задачу, но очевидно, что представленный проект был далек от его собственных взглядов. Он пестрил противоречиями: его основная идея была скорее направлена на доказательство нецелесообразности таких нововведений на местах. Однако Александр I был непреклонен, и в октябре 1821 г. М.М. Сперанский взялся за разработку «Учреждения областного управления»¹⁸³. Для обозначения нового института, по всей видимости, Сперанский решил взять нейтральный термин – область. Новый проект областного управления состоял из двух частей или 190 параграфов: «Образование областного учреждения» и «Наказ областному управлению». Данный документ фактически являлся чистовым вариантом предыдущих проектов. Более того, для удобства чтения и корректировки напротив каждого параграфа «Учреждения областного управления» Сперанский поместил соответствующую информацию из «Учреждения наместничеств».

Вопросы организации областного управления без серьезной доработки были включены из «Введения к Наместническому управлению». Так, областное управление было определено «как часть министерского установления, действующая на месте» (§ 160). Сперанский указал, что советники областного управления должны определяться императором по два «по представлению министра внутренних дел и министра финансов» (§ 12). В совет при областном управлении должны войти также окружные начальники внутренней стражи и путей сообщения. Областное управление должно иметь канцелярию, которая есть вместе с канцелярией генерал-губернатора и областного совета. Она делится на отделения. Члены совета суть начальники сих отделений» (§ 20). По проекту областной совет должен быть совещательным органом. «Положения его без утверждения генерал-губернатора недействительны» (§ 31). Исполнительная власть целиком «по всем предметам областного управления вверяется генерал-губернатору» (§ 155).

Со свойственной ему тщательностью Сперанский в окончательном проекте обозначил, для каких целей учреждается областное управление: первое, чтобы местным надзором за действием подчиненных ему управлений установить сколь можно более правильными их движения и точность исполнения; второе, чтобы в случаях настоятельных и чрезвычайных доставить всем частям местного управления ближайшее и скорейшее разрешение и тем отвратить в некоторой мере неудобства дальних расстояний» (§ 84). Исходя из этой мысли, далее «Наказ областному управлению» разделен на два отделения: «Власть надзора» и «Власть разрешения». Надзор следовало осуществлять: «1) скорою проверкою течения дел; 2) особенными обозрениями», а также по необходимости «3) донесениями прокурора и стряпчих, яка местных наблюдателей порядка; 4) частными жалобами» (§ 87). Естественно, что по результатам проверок могут быть выявлены нарушения, поэтому далее в документе представлены меры исправления и взыскания. «Меры исправления или предупреждают беспорядок, постановляя благовременно правила к удобному и верному законов исправлению,

или же пресекают оный, отлагая и отменяя все, что к нарушению порядка было допущено» (§ 102). Иначе говоря, органы областного управления должны создать условия для нормального функционирования властей, что «учреждает токмо и предписывает образ и средства к удобнейшему их [порядков – Н. К.] исправлению». В чрезвычайных обстоятельствах «областное управление имеет власть, в делах полиции и хозяйства, остановить исполнение и отменить меры, принятые в местах губернских, когда меры сии, по жалобам или предьявлениям, в порядке для него установленном, поступив на его рассмотрение, найдены будут несогласие с законом» (§ 106-108). М.М. Сперанский подробно разработал и меры взыскания для чиновников, которые включали: «1) замечание, 2) выговор, 3) пеня, 4) перемещение, 5) устранение от должности, 6) удаление от должности, отрешение от должности» (§ 114).

Вторая задача местного управления состояла во «Власти разрешения» и по мысли автора проекта должна была способствовать решению «затруднения, возникающие не месте подчиненном, не от неудобства правил, но от недоразумения их» (§ 140).

Проект М.М. Сперанского так и остался на стадии разработки, а когда Александр I скончался, на некоторое время был отложен. Как уже говорилось, Сперанский считал, что реформирование местного управления необходимо проводить в ином направлении. Проекты и разработки различных преобразований, незавершенные при Александре I, были переданы в секретный комитет 6 декабря 1826 г. Николай I поручил сделать доклад о состоянии проекта М.М. Сперанского, который дал ему отрицательную оценку и предложил провести общую губернскую реформу, а не только местного надзора. Новый император поручил разработать новый проект реформы, уже сообразно его собственному плану.

Таким образом, реформы в области местного управления и самоуправления оказались самыми удачными и завершенными. На наш взгляд, причин здесь несколько. При подготовке данных преобразований власть выслушала мнения тех, для кого они предназначались, – представителей с мест. Преобразования в этой области постоянно корректировались, дополнялись с учетом времени. Тем не менее, на создание местного самоуправления в полном объеме, чего требовало провинциальное дворянство, власть пойти побоялась.

Проекты политических реформ, представленные общественными деятелями и политической оппозицией

Стремление Екатерины II усовершенствовать систему государственного управления, используя при этом философские и политические идеалы просветителей, не прошло даром. Считая себя ученицей французских просветителей, императрица пыталась приспособить их идеи к русской действительности. Поэтому составленный ею по произведениям этих мыслителей «Наказ» являл собой «*ce sont dex axiomen a renverser des murailles*»¹⁸⁴, а созыв «Комиссии для составления нового Уложения» и «Наказ», обращенный к ней, заметно повлияли на формирование общественной мысли. Если до этого времени проблема государственного переустройства касалась лишь лиц, непосредственно руководивших страной, то в последней трети XVIII в. вопросы реформирования страны начинают обсуждать люди, далекие от реальной политики, но не равнодушные к судьбе своей страны. Это проявилось в формировании общественного мнения, появлении политической и сатирической журналистики, становлении юриспруденции.

В 60-х и особенно в 70-х гг. XVIII в. в России одно за другим создаются «Вольные общества», свои взгляды в той или иной форме по вышеперечисленным вопросам высказывают профессора Московского университета, государственные и общественные деятели. В распространении просветительских идей в рамках руководства двумя Академиями связана деятельность Е.Р. Дашковой. С 1783 г. Екатерина Романовна руководила двумя академиями, вела издательскую деятельность.

Как общественная деятельность, так и личные взгляды Е.Р. Дашковой оказали влияние на развитие общественной мысли по вопросам необходимых преобразований. Идеалом государственного устройства для России Е.Р. Дашкова считала ограниченную, законную монархию английского или шведского типа: «Англия мне более других государств понравилась», так как «правление их ... превосходит усиленные опыты других народов в подобных предприятиях», государь подчиняется законам и в некотором роде отвечает перед судом общественного мнения». Несмотря на личную обиду и неприязнь к императрице, она всегда поддерживала курс Екатерины II в России и, что важнее, за границей. Размышляя о монархии, она писала: «Каждый благоумный человек, знающий, что власть, отданная в руки толпы, слишком порывиста или слишком неповоротлива, беспорядочна вследствие разнообразия мнений и чувств, желает ограниченного монархического правления с уважаемым монархом, который был бы отцом для своих подданных и внушал страх злым людям»¹⁸⁵. Е.Р. Дашкова одной из первых осудила некоторые мероприятия Петра I. По ее мнению, он менял законы так часто, что казалось, будто его единственная цель – утверждение своего права обращаться с законами как ему заблагорассудится. Самого Петра I кн. Дашкова назвала «блестящим деспотом» и «невежей», «пожертвовавшим полезными учреждениями, законами, правами и привилегиями своих подданных ради своего честолюбия, побудившего его все сломать и заменить новым, независимо от того, полезно оно или нет»¹⁸⁶.

Главной личной чертой «идеального» монарха, по мнению Е.Р. Дашковой, должна быть полная и совершенная приверженность общественному благу. Поэтому естественно, что государственные интересы правителя должны стоять выше личных. Екатерина II искренне заботилась о процветании Российской империи, а все недос-

татки ее правления она относила к интригам группировок вокруг трона. Е.Р. Дашкова была поклонницей политических идей Ш.Л. Монтескье. Она считала одинаково незаконными действия и деспота, и «разбушевавшейся толпы». В событиях французской революции Е.Р. Дашкова видела лишь «озлобление, борьбу партий и цинизма», приведших к крушению идеалов просветителей XVIII в. Поэтому она считала революционные преобразования бесполезными и вредными для общества. Единственным средством, которое может привести Россию к «всеобщему благоденствию», указывала Дашкова, является просвещение.

Екатерина Романовна поставила вопрос о значении независимости и самостоятельности личности. Причем одним из важнейших критериев такой независимости должна быть экономическая самостоятельность. Она считала, что законным путем получаемые доходы должны растрачиваться не на прихоти, а «на пользу себе и обществу»¹⁸⁷. Кроме этого, важна и самооценка личности, умение раскрыть свои внутренние способности, а не внешняя оценка окружающих, зачастую посторонних людей. «Кто исполнил долг свой по всей пространности одаренного ему понятия и все обязанности свои выполнил, того несправедливость людская возмутить не может...»¹⁸⁸. Для формирования личности, по мнению Е.Р. Дашковой, необходимо создать такую систему образования, которая совмещала бы обучение и воспитание. Несмотря на то, что сама Екатерина Романовна дала своим детям зарубежное образование, она считала, что обучение юношества должно совмещать европейский опыт и российские традиции, так как одна из главных задач – формирование национального достоинства. Е.Р. Дашкова писала: «Если мы сами себя почитать не умеем или не хотим, то мы не можем ожидать, а тем более еще требовать, чтобы нас почитали»¹⁸⁹. Сама до 16 лет почти не знавшая русского языка, Дашкова указывала на значимость его знания для действительно полного образования: «Русский язык красотой, изобилием, важностью и разнообразными родами мер в стихотворстве, каких нет в других, превосходит многие европейские языки, а потому и сожалительно, что россияне, пренебрегая столь сильный и выразительный язык, ревностно домогаются говорить или писать несовершененно, языком весьма низким для твердости нашего духа и обильных чувствований сердца. До какого бы цветущего состояния довели россияне свою литературу, если бы познали цену языка своего!...»¹⁹⁰.

Проблемы государственного устройства и пути реформирования страны нашли свое отражение в творчестве профессоров Московского университета, Академии наук и Академического университета в Петербурге: Я.П. Козельского, С.Е. Десницкого, И.А. Третьякова, А.А. Барсова, Д.С. Аничкова и др.

Большое значение имело творчество Семена Ефимовича Десницкого – основателя российской юриспруденции. Он первый переработал нормы русского законодательства в правовые определения или юридические конструкции и выстроил стройную систему русского государственного права. Вслед за А. Смитом и Дж. Милларом Десницкий считал, что власть и государство произошли не в результате «общественного договора», а из появления собственности и необходимости в ее защите – главной обязанности верховной власти. На основании этого он указывал, что права человека начинаются с прав обладания собственностью. Концепцию происхождения государства Десницкий обосновал, исходя из теории четырех состояний рода человеческого, из которых «первоначальным почитается состояние народов, живущих ловлей зверей и питающихся плодами, самородящимися в земле; вторым – состояние народов, живущих скотоводством и пастушеством, третьим – хлебопашеское, четвертым и по-

следним – коммерческое». Критерием деления у Десницкого выступает экономическое развитие: «по оным четверотям народов состоянием мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные представления в науках и художествах». В современном обществе большинство народов, как он считал, находятся «в коммерческом состоянии», так как «художества и рукоделия начали производиться особливými и нарочительными мастерами»¹⁹¹. На основании богатого фактического материала просветитель сделал вывод, что природа человека и его потребности остаются неизменными на всех этапах развития общества. В труде «Рассуждение о происхождении власти и старшинства в народах, от которого происходит правление» он выделяет три причины возникновения власти отдельных людей над остальными членами общества. Это «превосходство в физической силе, превосходство духа и превосходство в богатстве». Первое преобладало на заре человечества «в непросвященном веке», однако его можно встретить и сейчас, например, в школьных компаниях. Власть физически более сильного основывается не только на страхе, считает просветитель, но и на желании слабых найти выгоду и покровительство. По той же причине с древних времен имеют власть люди «превосходных душевных дарований». Однако ни того, ни другого недостаточно для постоянного властвования. «Единственно також посредством превосходного богатства и в нынешних народных правлениях правительствующие удерживают свое достоинство, величество и власть»¹⁹². Одновременно с властью возникают правовые нормы. На первых порах законы были простые и «немногие». Так продолжалось до тех пор, пока отдельные члены общества не сосредоточили в своих руках значительные богатства. За этим последовало появление законов, охраняющих собственность: «Как скоро польза и надобность вещей движимых и недвижимых стала народом столь чувствительна, что многие через потеряние оных в разорение приходять стали; то отсюда начали в обществе происходить тяжбы, ссоры и смертоубийства, для отвращения которых законы сысканы; показать в чем святость прав и в чем принадлежащая всякому собственность и наследие состоит»¹⁹³. Появление законов позволило закрепить власть одних членов общества над другими, что и привело к образованию государств.

В отличие от других просветителей, С.Е. Десницкий не просто критиковал правление Екатерины II, а разработал теорию государственных институтов, необходимых для нормального развития общества. В основу их классификации он положил «природные» права человека: право на жизнь, здоровье, честь и собственность, а также «приобретенные», связанные с особенностью государственного строя в конкретный исторический период. В связи с этим С.Е. Десницкий говорил о необходимости признания и охраны данных «природных» прав человека, реализация которых не должна зависеть от воли монарха. На основании этого он, как юрист, считал необходимым пересмотреть существовавшую классификацию преступлений по степени их тяжести, поставив на первое место преступления против личности и собственности, а не против религии и государства, как это было принято.

«Природные» права человека С.Е. Десницкий положил в основу классификации не только отдельных сословных групп, но и государственных учреждений, которые он разбил на следующие категории: публичные персоны в собственном смысле; политические корпорации; корпорации, преследующие специальные цели. В группу публичных персон С.Е. Десницкий отнес монарха и органы «совещательной» и исполнительной власти: Сенат, Синод и коллегии военную, адмиралтейскую и иностранных дел. Относя монарха к категории «публичных лиц», он тем самым причис-

лял императорскую власть к учреждениям, в рамках, а не вне системы государственного управления, что являлось шагом вперед по сравнению с господствовавшей в России в данный период точкой зрения. «Публичным лицам» Десницкий противопоставил корпорации или «корпуса», преследующие специальные цели и обладающие известной автономией, такие как университет, Академия наук, Академия художеств, коллегия медицинская, кадетские корпуса и «политические» корпуса. Он указал, что к таким корпорациям следует отнести традиционные сословия мещан и купцов, получившие некоторые зачатки самоуправления при Петре I, и только складывавшиеся во второй трети XVIII в. группы поставщиков, «кумпанейщиков» и откупщиков. По сути дела просветитель указывал на необходимость создания зачатков «гражданского общества» – институтов, независимых от государства.

При организации государственной власти просветитель-юрист предложил создать систему разделения властей. Свою концепцию он представил в «Представлении о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», ошибочно датированной 30 февраля 1768 г. «Представление...» оказалось столь радикальным для своего времени, что было напечатано только в 1905 г. Вероятно, данный документ был известен Екатерине II. Есть точка зрения, что источником XXII главы «Наказа», посвященной финансово-экономическим вопросам, были работы Десницкого: «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», «Третье отделение о нижнем роде», «Управление духовное», «Литера А второй части плана» и «Об управлении финансовом». Например, в ст. 588 «Наказа» мы читаем: «Считают пять предлогов, на которые обыкновенно делается накладка [то есть налог]: а) лица; б) имения; в) произрастания домашние, употребляемые людьми; г) товары отвозные и привозные; д) действия». У С. Е. Десницкого: «считают пять предлогов, на которые можно учинить накладку: 1) лица; 2) имения; 3) произрастания домашние, потребляемые народом; 4) товары отвозные и привозные; 5) действия. От чего истекает другое распределение податей на принужденные и добровольные»¹⁹⁴.

Основная теоретическая идея «Представления» сформулирована в предисловии к нему, где С.Е. Десницкий писал: «Законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение – они три должности составляют три власти, то есть законодательную, судительную и наказательную власть, от которых властей зависит все почти чиновположения и все главное правление в государствах». Просветитель выдвинул положение о первенстве законодательной власти и отметил, что в своем трактате он стремился учесть особенности политического строя России, главной из которых он считал полноту власти русского самодержца, а поскольку «...законодательная власть всех прочих высшею представляется, то и сей власти в Российской империи кроме монархов никто в полном значении не может иметь»¹⁹⁵. Организовать государственное управление автор предлагал следующим образом: превратить Сенат в однопалатное, представительное учреждение, состоящее из «шести или восьми сот человек». Сенаторы должны избираться от землевладельцев, купечества и «художественных» людей, из духовных и училищных мест с тем, чтобы всякая губерния, провинция и корпуса имели в законодательной власти своего представителя. Право избирать обуславливалось имущественным цензом. Более высокий ценз устанавливался для кандидатов в сенаторы. Они должны быть настолько обеспечены имуществом, чтоб могли выполнять обязанности сенатора «на своем иждивении». Данное положение должно было коснуться всех сенаторов: и дворян, и купцов, и представителей церкви, уни-

верситетов и разных корпусов. Избирать сенаторов С.Е. Десницкий предлагал на пять лет с правом переизбрания на второй срок. Ограниченность срока службы сенаторов автор проекта объяснял заботой об их материальном благополучии. Так как эта служба должна быть бесплатной, то при длительной работе сенаторы могли разориться. Переизбрание в третий раз он предлагал запретить, аргументируя это положение тем, что «...от такого запрещения та польза отечеству воспоследует, что многие, а не одни только люди будут иметь больше случаев оказать свои услуги отечеству и научиться правоправлению и законоискусству в сенаторской должности»¹⁹⁶. Внутри Сената все его члены, указывал Десницкий, должны пользоваться равными правами, независимо от сословной принадлежности, то есть и дворянство не должно иметь каких-либо преимуществ. Таким образом, автор проекта хоть и не говорил об этом прямо, но поставил вопрос об ограничении Сенатом власти монарха. Из записки видно, что гарантию законности С.Е. Десницкий усматривал не в принципе разделения властей, как он писал, а в ограничении верховной власти.

С.Е. Десницкий впервые в русской политической мысли высказался о необходимости не только отделения суда от администрации, но и установления принципа независимости и несменяемости судей. Он писал, что судьи должны быть относительно независимы от воли монарха, хотя право назначать судей должно остаться за ним. В то же время судья не может быть снят со своего поста и должен пребывать на нем пожизненно, «...притом ему полная власть дана...судить всякого без изъятия так, что и апелляции на него делать никому б не дозволялось, разве в случае, когда он явно против закона кого осудит»¹⁹⁷. Но и в этом случае монарх не решает судьбу нарушившего свой долг судьи, дело разбирается Сенатом, а монарху предоставляется лишь право в случае установления факта виновности подвергнуть судью штрафу и наказанию. Несмотря на то, что автор «Представлений» декларирует право монарха назначать судей, он в то же время стремится поставить это право в определенные рамки. Так, судьей может стать лишь тот, кто сдаст экзамен профессорам юридического факультета, а затем факультету адвокатов. После сдачи экзаменов кандидат в судьи должен еще не менее пяти лет практиковать в качестве адвоката. Дела рассматриваются судьей с участием 15 присяжных, которых Десницкий называл свидетелями. Таким образом, выработанные просветителем положения, касающиеся судебной власти, в случае их реализации могли способствовать превращению ее в институт, способный противостоять изменчивой воли монарха.

Основной задачей наказательной власти С.Е. Десницкий считал «...спокойство и тишину наблюдать в порученных себе местах, то есть воров, разбойников и подобных сим в тюрьму брать...», «осужденных в тюрьме содержать и приказанном судьями месте казнить», «собирать подушное и пошрины из земельных владельцев». На наказательную власть возлагаются также противопожарные мероприятия. По проекту Десницкого, ее следовало возложить на воевод, назначаемых монархом. За воеводами устанавливался строгий судебный контроль. Жалобы на действия воевод должны рассматриваться в Сенате, после чего воевода может быть подвергнут «...произвольному монарха штрафу или наказанию»¹⁹⁸.

Для охраны правопорядка С.Е. Десницкий разработал вопросы организации «полиции», которой следует «...показывать все то, что принадлежит до благоустройства и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних волнений и к защищению от неприятельских нападений»¹⁹⁹.

С.Е. Десницкий составил положения о необходимости введения местного самоуправления. «Сия власть поручена должна быть таким людям, которые в городе живут и у которых больше дел отправляется в городе. Следовательно, такую власть можно дозволить гражданам, а более еще купцам и художественным людям»²⁰⁰. Это представительство должно было в столичных городах состоять из 73, а в губернских и больших провинциальных – из 12 человек, избираемых на два года, но только из купцов и дворян. Десницкий в проектируемых им органах гражданской власти преобладающую роль отводил купечеству. Так, из 73 членов городского самоуправления в столицах на долю купцов приходится 55 мест, а на долю дворян только 18, в губернских и провинциальных из 12 членов – купцов 7, а дворян – 5. Характерно, что членами городского самоуправления как в столицах, так и в провинции, должны назначаться только купцы первой гильдии. Он полагал, что управление местными делами можно доверить только верхушке городского общества. Полномочия органов «общественного управления» ограничивались вопросами местного хозяйства (продовольственное дело, городское строительство, дорожное дело и местные финансы). На исполнительные органы этой гражданской власти возлагалась обязанность рассматривать дела об административных нарушениях, но под контролем суда. Обиженные могли жаловаться на постановления этих органов судительной власти. В целом реализация проектов С.Е. Десницкого способствовала бы формированию в России ограниченной монархии и началу становления правовых институтов.

Определенный интерес представляют взгляды Якова Павловича Козельского – просветителя и переводчика. Он был сторонником теории договорного происхождения государства и естественных прав человека. Целью договора об образовании государства, по его мнению, является достижение всеобщего блага. В том случае, если правители не соблюдают условий договора и не выполняют возложенных на них задач, народ имеет право на его насильственное расторжение, поскольку угнетенные могут бороться со своими угнетателями по естественному праву. «Власть в обществе есть не что иное, как право повелительства над ним, основанное на праведном договоре». Иначе говоря, потеряв «естественную свободу» в обществе, человек приобретает «гражданскую вольность и собственность мнения», то есть нравственное и юридическое равенство. В таком идеальном обществе законом жизни станет умеренность, трудолюбие, «равноценность» в отношениях. Гармоничному развитию общества должно способствовать внутреннее благосостояние и внешняя безопасность. Как сторонник просвещенной монархии, Я.П. Козельский высоко оценил заслуги Екатерины II и ее заботы о благополучии подданных и «возращение полезных знаний», выражая надежду, что при ней Россия будет жить «в тишине», «исчезнет имя нищеты и бедности». Отрывочно изложенная программа просветителя включала установление твердых законов, соблюдение правосудия, награждение по заслугам, а не по роду. Наиболее негативно Я.П. Козельский относился к деспотизму, характеризуя деспотов, как «забывших свою должность». Он восхвалял республику, правда не применительно к России, в которой «общая польза есть основание всех человеческих добродетелей и законодательств». По его мнению, просвещенная монархия должна основываться на «созидательных законах», где неравенство в собственности определяется достоинством и заслугами, а не только происхождением²⁰¹.

Несмотря на некоторую размытость формулировок в своих трудах, очевидно, что Я.П. Козельский считал необходимым обеспечить деятельность верховной власти на основании «добродетели» и закона. Его вера в возможности просвещенной монар-

хии отразилась в издании переводов книг Э. Шюффена «История славных государей...» и К.-Ф. Мозера «Государь и министр», снабженных обширными комментариями. Хотя Я.П. Козельский и не писал об этом напрямую, вероятно, в конце он разочаровывается в деятельности императрицы, поэтому возлагает надежды на осуществление своих проектов на великого князя Павла Петровича, в котором он хотел видеть второго Нуму Помпилия, соединившего «высочайшую власть с философией».

Большое значение для формирования общественно-политической мысли и представлений о путях развития государства имели взгляды и деятельность Н.И. Новикова. Он не писал специальных работ, посвященных истории образования государства, но размышлял об этом, анализируя природу человека. Н.И. Новиков считал, что в естественном состоянии человек был слаб и незащищен, скитался в страхе и грубости «подобно диким, рассеянным по лесам американским, спасаясь от жадности себе подобных, от свирепства диких зверей». Чтобы избавиться от этого состояния, люди образовали государство. Новиков, как сторонник договорной теории, писал, что «с течением времени опыт показал выгоды нечаянного соединения», так как «после опасного своевольтва следовала, по счастью, всеобщая тишина»²⁰². Наиболее приемлемым государственным устройством для России Н.И. Новиков считал истинную монархию во главе с просвещенным монархом, который должен править на основе премудрых законов, заботясь о народном благе. Только так он сможет управлять, обеспечив спокойное преемство своей власти. Напротив, «всякий государь, утверждающий власть свою на неправосудии, скрывает пропасть, которою он или его преемники поглощены будут. Самые великие и жесточайшие возмущения не от чего иного произошли, как от своевольтва и жестокостей государей». Он осуждал деспотизм в любых его проявлениях. «Если ж ... вместо пастыря народного ... сделается монарх расхитителем оного, то покорность сему тирану учинится изменою против рода человеческого»²⁰³. Николай Иванович в одном из своих произведений «Фортуна велика, да ума мало» рисует ужасные последствия нерадивого правления склонного к роскоши и удовольствиям правителя Лавида. Из-за собственной неграмотности, не думая об общественной пользе, он повелел «не мешаться родителям в дела детей, мужьям в дела жен, бедным искать у богатых покровительства и самим собой обидим не делать, впрочем, жить каждому по своей воле: почитать меня ... бояться и слушать. Кто сей закон нарушать станет, того лишать жизни, а имение взять на государя»²⁰⁴. Все эти распоряжения приводят к волнениям, и только смерть монарха спасает народ от разорения. Впоследствии, разочаровавшись в политике Екатерины II, Новиков стал более склоняться к конституционной монархии. Влияние идей Н.И. Новикова связано с его широкой журналисткой и книгоиздательской деятельностью, о чем подробно будет сказано в четвертой главе.

Во время правления императрицы Екатерины широкое распространение получило масонство. Оно оказало большое влияние на Н.И. Новикова и других государственных и общественных деятелей. На наш взгляд, в тот период, несмотря на религиозно-обрядовую оболочку, масонские идеалы носили просветительский характер. Именно масоны поддерживали книгоиздательскую и просветительскую деятельность Н.И. Новикова. Надо заметить, что в историографии существует и прямо противоположная точка зрения²⁰⁵, согласно которой масонство – антипод рационализму века Просвещения, так как оно стремилось увести современников от социально-политических вопросов, которые «ставила перед ними идеология молодой буржуазии». Дореволюционные историки-либералы, особенно П.Н. Миллюков, часто проти-

вопоставляли масонство «вольтерьянству», как тогда обычно называли философию Просвещения. Однако этому противоречит уже тот факт, что многие известные масоны были видными просветителями (например, Н.И. Новиков, М.М. Херасков и др.). Масонство не было враждебно философии Просвещения, так как проповедовало терпимость, «братство» людей, их равенство перед Богом (высшим законом). Очень схожи у масонов и просветителей идеи гуманизма, вера в собственные силы человека. И.Е. Шварц, один из руководителей масонства в России во второй половине XVIII в., считал, что перед масонами стоят три ближайшие задачи: 1) популяризовать правила хорошего воспитания; 2) издавать полезные книги; 3) выписывать способных педагогов из-за границы, а еще лучше – готовить своих русских преподавателей к роли распространителей просвещения (в широком смысле этого слова). Итак, формы деятельности у масонов и просветителей были различны, но основные цели – едины. Первоначально Екатерина II относилась к масонам равнодушно и лишь язвительно посмеивалась над ними. Но постепенно масонство стало самостоятельной общественно-политической силой. Под влиянием Французской революции императрица стала проводить курс на ужесточение контроля над просветительской и масонской деятельностью. Однако репрессии на масонов обрушились только после того, как Екатерина II заподозрила их в связях со своим сыном, великим князем Павлом Петровичем.

Большую роль в распространении просветительских идей сыграло творчество Дениса Ивановича Фонвизина. Как сторонник конституционной монархии во главе с просвещенным, добродетельным государем, к которым Фонвизин не относил Екатерину II, он полагал, что государство образовалось в результате «общественного договора», и поэтому «обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные, ибо не было еще в свете нации, которая насильно принудила бы кого стать ее государем»²⁰⁶. Исходя из этого, Фонвизин утверждал, что истинным государем может быть только добродетельный человек. Причем под «добродетельностью» монарха он понимал строгое соблюдение им условий общественного договора. «Он должен знать, что нация, жертвуя частью естественной вольности, вручила свое благо его попечению, его правосудию, его достоинству»²⁰⁷. Поэтому в управлении государством монарх должен опираться исключительно на законы, а не на случайных «любимцев» или собственные прихоти: он обязан управлять, исходя из интересов всего своего народа. Если же монарх не будет следовать условиям «общественного договора», то народ имеет полное право разорвать договор. Следовательно, делает вывод Фонвизин, «всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства и тиранства, есть власть не от бога, но от людей, коих несчастья времен попустили, уступая силе, унижить свое достоинство. В таком губительном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены и весьма умно сделает, если разорвет»²⁰⁸. Восхваляя выздоровление великого князя Павла Петровича, Фонвизин перечисляет истинные добродетели монарха: «Люби Россию», «буди правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей», «буди властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собой владеть не может»²⁰⁹.

Для успешного управления страной, считал Фонвизин, необходимо составить «фундаментальные» законы и строго соблюдать их: без непрременных государственных законов «не прочно ни состояние государства, ни состояние государя». Власть монарха, опирающегося на силу и страх, не может быть истинной, потому что «право деспота есть право сильного: но и разбойник то же право себе присваивает ... сила принуж-

дает, а право обязывает». Если же государь – тиран, то «право народа спасти свое бытие». Целью же истинного государя, делает вывод автор, должна быть «политическая вольность нации». Она должна быть основана, во-первых, на священных законах, определяющих устройство государства, которые «разумеем мы под именем фундаментальных». Во-вторых, на гарантии исполнения указанных законов и защите от произвола чиновников, «чтоб гражданин не мог страшиться злоупотребления власти». В-третьих, на гарантии прав собственности. «Оно есть не что иное, как право пользоваться; но без вольности пользоваться, что оно значит? Равно и вольность сия не может существовать без права, ибо тогда не имела бы она никакой цели; а потому и очевидно, – замечает Фонвизин, – что нельзя никак нарушать вольности, не разрушая права собственности, и нельзя никак разрушать права собственности, но нарушая вольности»²¹⁰.

Утверждая, что «верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных», Фонвизин считал необходимым усовершенствовать систему государственного управления²¹¹. Он предлагал учредить «верховный Сенат, часть несменяемых членов которого назначалась бы от короны, а большинство состояло из лиц, избранных дворянством из своего сословия лиц». Синод должен был войти в состав общего собрания Сената. Губернские, областные и уездные дворянские собрания получили бы право совещаться об общественных делах и личных нуждах, докладывать об этом Сенату и рекомендовать ему новые законы. Эти собрания должны были находиться «в иерархической постепенности» в отношении Сената. Выбор, как сенаторов, так и местных чиновников, должен был проводиться на этих собраниях. Сенат получал полную законодательную власть, а за императором оставалось право утверждать принятые законы и обнародовать их. Ему же принадлежала исполнительная власть. Учреждение верховного Сената, по мысли Фонвизина и его соавтора Н.И. Панина, дало бы «политическую свободу дворянству». После этого следовало приступить к освобождению крестьянства²¹².

Фонвизин никогда не идеализировал политику Екатерины II. В яркой сатирической форме он показал лживость и неискренность двора «Северной Семирамиды». В своей «придворной грамматике» Фонвизин недвусмысленно писал: «число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно». Истинных же служителей отечества власть не жалуется, раздавая чины не тем, кто истинно служит, а кто умеет льстить. Особо Фонвизин критиковал фаворитизм, считая его одним из главных зол в государстве: «Никто не намерен заслуживать; всякий ищет выслуживать ... Посвятив жизнь свою военной службе, лестно ль дослуживаться до полководства, когда вчерашний капрал, неизвестно кто и неведомо за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженным и ранами покрытым офицером?»²¹³

Таким образом, в период правления Екатерины II не только в правительственных кругах, но и в обществе начали активно обсуждаться вопросы наиболее оптимальных форм государственного устройства. Появился целый круг лиц, задумывающихся о проблемах и дальнейшем пути государственного и общественного развития. Конечно, просветители не составляли собственно проектов реформ и тем более не рассчитывали быть услышанными верховной властью. Но, в то же время, благодаря их просветительской, преподавательской, журналистской деятельности, начинает формироваться общественное мнение, с которым всё больше приходилось считаться монархам.

Непродолжительное время правления императора Павла I оказалось периодом широкого распространения политической оппозиции. С одной стороны, Павел I все-

ми силами стремился не допустить даже разговоров о реформах, запрещая, например, ношение круглых «французских» шляп или употребление слова «общество». С другой стороны, отчасти в пику политике Екатерины II, освободил Н.И. Новикова, Т. Костюшко и др. Но эти меры остались незамеченными, а вот непоследовательная внутренняя и внешняя политика вызвали широкое недовольство в обществе.

Во время правления Павла I усилилось проявление даже не самодержавия, а деспотизма. Император не был самодуром, все его жесты и мероприятия имели конкретную цель, которую можно назвать «реакционной утопией». Павел I стремился воплотить в жизнь систему и методы властвования, присущие Петру I. Это выразилось в сосредоточении в руках самодержца всех функций управления и контроля, а также в отрицании каких бы то ни было обязанностей монарха перед подданными. Всякое начинание, по его мнению, должно было исходить от государя и к нему возвращаться. Высшие учреждения и сановники призваны лишь помогать императору, исполнять его приказы. На деле это проявилось в усилении должности генерал-прокурора, в указах, заставляющих дворян служить и «всеобщей регламентации». Павел I считал необходимым расписать жизнь своих подданных по минутам, заставить, по крайней мере столичное дворянство, следовать во всем, до мельчайших деталей, его инструкциям. Например, проходя мимо караульного помещения, Павел I увидел, что офицеры сидели за столом в шляпах. В результате был издан указ, в котором говорилось, что «офицеры должны вести себя прилично и в шляпах не сидеть»²¹⁴. Павел I попытался регламентировать всю жизнь в Петербурге. Было четко расписано, как должны выглядеть кареты и ямщики, запрещалась быстрая езда по улицам. При встрече с членами императорской фамилии каждый человек должен был выйти из кареты в любую погоду и поклониться. Этот указ был встречен столичным дворянством с очень большим неудовольствием, оно отвыкло от раболепия перед монархом. Детально регламентировав военную и гражданскую службы, Павел I надеялся упрочить свою власть. Так в свое время сделал Петр I. Однако самосознание дворянина конца XVIII в. было принципиально иным. Петру I не составило большого труда «переводить» бояр в европейское платье, так как главным мотивом всех их поступков было желание угодить царю. Дворянство конца века (главным образом столичное), получившее европейское образование, считало, что у монарха не меньше обязанностей, чем у его подданных. Он должен соблюдать сложившиеся традиции. Павел I пренебрег этим правилом.

Другим элементом политики Павла Петровича, вызвавшим всеобщее недовольство, были частые кадровые перестановки. «Назначения на разные места и увольнения с них, – писала кн. Е.Р. Дашкова, – следовали друг за другом с такой быстротой, что не успевало появиться в газетах объявление о назначении на какое-либо место известного лица, как оно уже было смещено. Никто не знал к кому обратиться. Редки были те семейства, где не оплакивали бы ссыльного или заключенного члена семьи. Всюду царили страх и подозрительное отношение к окружающим»²¹⁵. Даже если принять во внимание, что кн. Дашкова изначально негативно относилась к императору Павлу, она достаточно точно определила атмосферу того времени. Очень неуверенно чувствовали себя и военные. Император Павел «отнял стыд у казни, у награды – прелесть»²¹⁶. Так, шведский посол Стединг, наблюдавший со стороны за преобразованиями Павла Петровича, изначально с большой похвалой отнесшийся к укреплению воинской дисциплины, рисует в письме к Густаву IV негативное влияние жестокого обращения с военными: «Павел I так бесцеремонно погоняет офицеров, как будто

имеет дело с лакеями. При таком положении дела исчезают остатки *esprit de corps*»²¹⁷. Нет смысла доказывать, что подобное отношение неодобрительно воспринималось офицерством, играющим в России XVIII в. активную политическую роль.

Павел I боялся, что «зараза» Французской революции распространится в России. Из страха перед революцией было запрещено ношение жилетов, круглых шляп, сапог с отворотами, отложных воротничков и т. д. Всем предписывалось употребление пудры для волос, сами волосы рекомендовалось зачесывать назад, а не на лоб. Эти указания были изданы 7 ноября, то есть на второй день его воцарения. Утром 8 ноября эти правила были обнародованы, и полиция принялась следить за их выполнением. Очевидец тех событий записал: «Человек двести полицейских солдат и драгун, разделенных на три или четыре партии, бегали по улицам и во исполнение повеления срывали с прохожих круглые шляпы и истребляли их до основания; у фраков отрезали отложные воротники, жилеты рвали по произволу... Кампания быстро и победоносно была окончена...»²¹⁸. Конечно, подобное мероприятие породило ропот недовольства в Петербурге. Политическую подоплеку этих мер мало кто понимал. Большинство усматривало в подобных распоряжениях нового монарха лишь неприятие всего, что связано с екатерининским царствованием или желание всем доказать собственную власть.

Важным обстоятельством, породившим нервозность в столичном обществе, стало сильное охлаждение императора в 1800 г. к своей семье. В 1799 г. в Россию приехал десятилетний принц Евгений Вюртембергский, который стал маленьким фаворитом императора. В конце 1800 г. император даже захотел его усыновить. Вероятнее всего, это был минутный порыв рыцарской души Павла I, но в Петербурге сразу же распространился слух, что император решил сделать принца Евгения наследником в обход сыновей. Были и другие версии, предсказывающие незавидную судьбу цесаревичу Александру. Например, подпоручик л.-гв. Семеновского полка М. Леонтьев так описывал циркулирующие слухи: «... Говорили, и с великой уверенностью, что Павел I намерен вскоре развестись с императрицей и жениться на Гагариной, что вся императорская фамилия развезется по монастырям, наследник посадится в крепость и объявятся наследниками трона будущие дети его и Гагариной»²¹⁹. Учитывая общий характер правления Павла I, эти слухи воспринимались достаточно серьезно и порождали недоверие к законотворчеству монарха.

Недовольство политикой императора Павла I высказывали не только приближенные к власти аристократы, но и люди, далекие от большой политики. В этот период значительно возрастает количество дел «об оскорблении величества» на рядовых граждан, тогда как в предыдущее царствование этого не наблюдалось. Нередко можно встретить такие резолюции на следственных делах того времени: «Приказ от 22 ноября 1796 г. Полковника Алексея Елагина за дерзкие разговоры повелеваем запереть в здешнюю крепость навсегда»²²⁰. Купца Анисима Смыслова, у которого нашли запрещенную книгу, сослали в Сибирь²²¹. Штабс-капитана Иванова, обвиненного в произнесении слов: «наш государь дурак, что меня к присяге не приводит», сослали на каторгу в Нерчинск²²². В 1797 г. по доносу ротмистра П. Бырдина было возбуждено дело против прапорщика Ивана Тихоновича Рожнова. Прапорщик обвинялся в произнесении в разговоре с секретарскою женой Смирновой дерзких слов: «1... Что все государи, тираны, злодеи и мучители, и что ни один совершенно добродетельный человек не согласится стать государем; 2. Что, быв на вахт-параде, смотрел на то, как на кукольную комедию; 3. Что люди по природе все равны и не имеют права наказывать других за по-

ступки, коим сами подвержены; 4. Что все иконы суть идолы, что поклоняются оным с отменным усердием все бесчестные люди»²²³. 28-летний офицер, сын священника, был, вероятно, знаком с произведениями французских просветителей и не боялся высказывать свои взгляды. Большое количество дел «об оскорблении величества», заведенных на низших и средних офицеров и даже купцов, свидетельствует о распространении недовольства политикой императора Павла I в широких слоях населения²²⁴.

Особый интерес при изучении идейной оппозиции императора Павла I представляют события, вошедшие в историю под названием «дело братьев Грузиновых». Ни до, ни после в Российской империи не было столь оригинальной оппозиции. Но применительно ко времени Павла I ее можно назвать характерной: опала Евграфа и Петра Грузиновых, приближенных великого князя, а затем императора Павла I, была по тем временам делом обычным. Но последовавшие за этим события потрясли даже привыкшее к высочайшему своеволию русское общество.

Евграф Грузинов пользовался большим доверием великого князя Павла Петровича. С первых же дней воцарения Павла он стал одним из приближенных нового императора, помощником в его первых преобразованиях. 10 ноября 1796 г. Е. О. Грузинов был произведен в подполковники. Он принимал участие в организации лейб-гвардии Казачьего полка и был назначен в него шефом второго эскадрона (шефом первого был сам император Павел I). 15 января 1797 г., по высочайшему указу императора, подполковнику Е. О. Грузинову всемилостивейше пожаловано 1000 душ в Московской и Тамбовской губерниях²²⁵. Донской казак стал российским помещиком. В марте 1797 г. в возрасте 27 лет Е.О. Грузинов получает чин полковника гвардии.

Однако столь быстрое восхождение по служебной лестнице вскоре обрывается. 18 апреля 1798 г. «за упущение по службе» Евграф Грузинов был письменно вызван Павлом Петровичем в Павловск, арестован и заключен в Ревельскую крепость. Через несколько дней к нему присоединился и Петр Грузинов. В июне их освободили, Евграф был даже зачислен в Свиту Е. И. В., но расположение императора оказалось переменчивым: как сказано в судебном деле, «за ложное рапортование себя больным» Евграф Грузинов вместе с братом был исключен из службы и сослан в Черкасск²²⁶. Головокружительная карьера закончилась не менее стремительным падением²²⁷.

Во время следствия у Е.О. Грузинова были найдены бумаги, в которых он излагал свои взгляды на образ правления. В этих бумагах, а также его ответах на допросах, представлены достаточно оригинальные взгляды на необходимые стране реформы. Евграф Осипович хотел «всеусилить и всеумножить счастье» людей казачьими методами: собрать войско и выгнать из Стамбула турок. Потом «основать» там столицу и учредить Сенат. Этот Сенат должен составлять законы «для всех под солнцем живущим людям» так, чтобы «оный [то есть закон] был всеми воспринят неоспоримо и чтобы все по оному поступали»²²⁸. Другими словами, Е.О. Грузинов, вслед за просветителями, верил во всеобъемлющую силу закона и способность «правильного» законодательства сделать людей счастливыми. На допросе Евграф Осипович утверждал, что «думал со временем все это произвести в действие». Нам представляется, что Е.О. Грузинов все-таки не собирался «действовать». В это время в философской литературе был очень распространен жанр утопии. Вполне возможно, что найденные в ходе следствия «бумаги» Е.О. Грузинова – наброски именно такой литературной «утопии». Более рельефно взгляды Евграфа Грузинова отражены в донесениях протопопа П.Ф. Волошевского, его исповедника. П.Ф. Волошевский сообщил, что его подопечный «не признавал себя в зависимости подданного», и казаки обязаны пре-

стола не «всеподданической присягой, а только службой». В заключение П.Ф. Волошевский писал, что «Евграф не раскаялся... лаская себя какой-то странной надеждой, а по замыслам его выходит уничтожение власти»²²⁹. Из материалов следствия видно, что сходных взглядов придерживался и Петр Грузинов. Таким образом, основу взглядов Евграфа и Петра Грузиновых составило неприятие деспотизма, желание установить верховенство законов в государстве. Причем оба офицера-казака желали по мере сил принимать в этом участие.

Дело братьев Грузиновых получило огласку и вызвало всплеск недовольства в обществе. Причин опалы не искали, но стало известно, что дворян и офицеров лейб-гвардии засекали кнутами. Значит, такая же участь за любую провинность могла постигнуть каждого офицера и дворянина.

Оппозиционные настроения против императора Павла I получили свое развитие и в провинции. Так, в Смоленске с 1796 по 1798 г. существовала тайная антиправительственная организация. Историю ее создания и деятельности можно узнать из следственного дела, переписки членов кружка и некоторых других документов. Организатором и вдохновителем этого кружка был Александр Михайлович Каховский. По матери, урожденной Давыдовой, и отчиму, статскому советнику П.А. Ермолову, он был в родстве с видными фамилиями. Каховский получил прекрасное образование и долгое время служил при штабе А.В. Суворова. В 1789 г. Каховский отличился при штурме Очакова, за что был награжден орденом Георгия. Суворов знал и выделял Каховского. К 1796 г. Каховский занимал должность обер-кригс-комиссара Инспекторской военной коллегии, в начале царствования Павла I он был отстранен от службы и в 1797-1798 гг. жил в своем смоленском имении.

Из офицеров воинских частей, расквартированных в Смоленске, а также отставных офицеров, А.М. Каховскому удалось создать тайный антиправительственный кружок. Первоначально был создан небольшой кружок, состоявший только из отставных офицеров, который назывался «Канальский цех»²³⁰. Позднее он стал ядром организации, большую часть которой составляли офицеры, находившиеся на службе. Точно установить численность этого кружка очень сложно, так как о существовании организации Каховского знало почти все смоленское высшее общество и офицеры находившихся здесь частей. Вследствие этого очень трудно отличить действительных членов кружка от «сочувствующих». Тем не менее, есть и прямые указания о членстве ряда лиц в этой организации: все, входившие в «Канальский цех», имели условные имена, клички. По переписке удалось установить таких десять человек; однако в ходе следствия выяснилось, что законспирировано могло быть 25-30 человек, потому что одну и ту же кличку имели два человека. Председатель следственной комиссии Линденер доносил П. В. Лопухину 24 ноября 1798 г.: «Из открывшихся обстоятельств видно, что есть еще подобные [арестованным в Смоленской губернии] в некоторых полках и губерниях под чужими именами»²³¹.

В кружок входили: исключенный из службы полковник А. М. Каховский (кличка «Молчанов»), брат его подполковник А. Ермолов («Ерошкин»), исключенный из службы полковник П.С. Дехтерев («Гладкий»), брат его майор Дехтерев, полковник Петр Киндяков, брат его Павел Киндяков, капитан Василий Кряжев («Отрубнов»), полковник Иван Бухаров («Бичуринский»), бригадир Ефимович, подполковник Михаил Тутолмин («Росляков»), полковник Тучков («Клочков»), полковник Михаил Зыбин, майор Гагарин (тоже «Росляков»), майор Потемкин, капитан Стрелевский («Катон»), капитан Виляев, Ломоносов («Тредьяковский»), Замятин. Из офицеров драгун-

ского полка членами кружка были: майор Волк, по словам Линденера, вольнодумец во всем пространстве; полковник Сухотин, «имеющий ненавистные мысли против правления», полковник Репнинский, полковник Стерлингов, полковник Хованский, поручик Огонь-Догановский²³².

По всей видимости, кружок был значительно шире, чем те 30 человек, фамилии которых фигурируют в следственном деле. Линденер писал в экстракте: «Каховский и прочие члены его шайки имеют связи в Москве, Калуге, Орле, Дорогобуже, Несвиже, Петербурге и прочих местах»²³³. Как пример связей кружка с рядом городов Смоленской губернии можно указать секретные поездки по воинским частям майора Павла Киндякова. Он служил в Петербурге, но приехал в Смоленск, к своему брату Петру Киндякову, и был отправлен им в Дорогобуж, Вязьму и другие города, где были расквартированы воинские части. А на допросе майор Киндяков показал, что из Петербурга он отправился в Симбирск, а в Смоленск заехал лишь для свидания с братом. На вопрос, почему это свидание затянулось почти на полгода, следователи ответа не получили и цели поездок не выяснили²³⁴. Кроме того, Линденеру казались подозрительными приезды офицеров из разных воинских частей в Смоленск, где они общались с Каховским, Киндяковым и Дехтеревым. Но на этом подозрении дело и остановилось, так как каких-либо документов в подтверждение своим мыслям Линденер не нашел.

Более того, возможно, что члены кружка были связаны с братьями Зубовыми. Генерал-майор Стахов на следствии упомянул, что полковник Дехтерев был любимцем князя П. А. Зубова. Косвенно данный факт подтверждают найденные у Дехтерева две золотые табакерки с портретами братьев Зубовых. Сам Линденер весь «Смоленский заговор» считал делом рук Платона и Валерьяна Зубовых, однако доказать это он не смог. Братья Зубовы не были привлечены к следствию по делу кружка Каховского, но за ними именно в это время было установлено наблюдение и взяты в казну все имения, кроме родовых²³⁵.

Несмотря на то, что кружок был офицерским, его члены поддерживали связи с окрестным дворянством и гражданскими чиновниками Смоленской губернии. Назначенный в начале 1798 г. Смоленским губернатором Тредьяковский Л.В. писал Линденеру, что чувствует себя иностранцем в городе, где все связано между собой и ни от кого нельзя получить верных сведений. Тесную связь с кружком поддерживало почти все многочисленное «смоленское гнездо» Каховских. По показаниям С.О. Шетихина, в доме Каховского часто происходили собрания, где «занимались не картежной игрой и пьянством». На этих собраниях, кроме А.М. Каховского и его товарищей, присутствовали Г.А. Каховский, Богдан и Иван Каховские. «Дружили» с Каховскими вице-губернатор И.Ф. Мезенцев, губернский прокурор А.С. Повало-Швейковский, губернский предводитель дворянства Н.В. Потемкин, председатель уголовного департамента палаты суда и расправы Т.Ф. Повало-Швейковский, советники той же палаты Баландин и Рындин, член губернского правления С.О. Шетихин, ассессор палаты Неклюев, провиантмейстер Рындин, майор Шуклин и другие. Больше всех отличился уездный предводитель дворянства Сомов, ему был поручен обыск в имении Каховского Смоляничи. Еще до своего приезда Сомов предупредил о намечающемся обыске управляющего имением, члена кружка, капитана Стрелевского. Когда же он сам приехал туда, то помог уничтожить и спрятать ряд документов. После чего он описал «лишь незначительные бумаги». Об этом стало известно при повторном обыске. Со-

мов был арестован, но по ходатайству Д.П. Трошинского и Г.Р. Державина вскоре отпущен²³⁶.

Местами собраний кружка были имение А.М. Каховского Смолянич, которое в кружке условно называли «Галерой»; село Котлин в 15 верстах от Дорогобужа, принадлежащее вдове полковника Розенберга Марии Ивановне и, кроме того, в самом Смоленске дома Каховского и Киндякова²³⁷.

Имел ли кружок Каховского программу, сказать сложно. Из сохранившихся документов, писем и т. д. можно установить, что главным элементом, который объединял членов кружка, была ненависть к деспотизму. Поэтому в кружке поднимался вопрос о цареубийстве – традиционном для Российской империи способе смены власти. На допросе майор Потемкин рассказывал об одном собрании в селе Котлин весной 1798 г. по случаю возвращения Дехтерева из Тайной экспедиции. Каховский читал вслух «Смерть Цезаря» Вольтера, и «все злобу свою изъевляли чтением вышеуказанной трагедии». А после чтения Каховский заметил: «Если этак нашего!..». На этом же собрании майор Потемкин заявил, что готов лично произвести покушение на Павла I: «Они совещали государеву смерть, а еще явно доказывает, что они злое намерение имели, и к производству его в действо единственно случая недоставало, что еще более подтверждает Каховский тем, что он отдавал свое имение Потемкину и отсюда видно, что совершение злодейского намерения, ежели б оно удалось, он имел бы надежду на приобретение другого имения и, следовательно, имел предмет таковой надежде!»²³⁸ Каховский распространял среди членов кружка слухи о том, что об их планах знает и им сочувствует сам А.В. Суворов, однако реальные факты это не подтверждают.

Члены кружка пытались настроить общественное мнение против Павла I. Они распускали различные слухи о реальных событиях, но несколько преувеличивая их, и даже выдумывали истории, компрометирующие императора. Обычно капитан Кряжев²³⁹ сообщал в письмах членам кружка, кто разжалован, кто арестован, кто уволен со службы и т. п., а те распространяли эти сведения среди офицеров. Говорили, например, что французская эмиграционная армия принца Конде принимается на русскую службу. Причем рядовые – офицерами, а офицеры – с повышением в чинах. Больше года по Смоленску выступал крестьянин Никифор Ерофеевич Медведевский, изображающий в карикатурном виде Павла I. По показаниям подполковника Энгельгардта, «Ерофееча» привез с собой генерал Тараканов. Полковник Дехтерев заметил в нем некоторое сходство с Павлом I, научил его подражать характерным жестам царя. Ерофееча нарядили в соответствующий наряд, после чего он, по приказу Тараканова и Дехтерева, давал представления на собраниях офицеров, называя себя «Бутовым из Гатчины» и карикатурно показывая приемы обучения войск «по-гатчински». На этих представлениях перебивали почти все офицеры из полка Киндякова и других воинских частей, а также множество гражданских чиновников. На допросе Медведевский заявил, что представления давал по приказу Каховского, Дехтерева и Тараканова, которые ему к тому же за это платили. Также члены кружка распространяли карикатуры, какие-то «дерзновенные изречения», написанные Каховским, стихи и песни о Павле I, которые писал майор Гагарин. Дехтерев вырезал на рукояти трости профиль императора Павла, которая, как зафиксировано в материалах следствия, «была показана в шайке со смехом и произнесением слов – вот какова его форма!»²⁴⁰

В 1798 г. поступил донос на деятельность смоленского кружка. Началось следствие, которому оказывалось явное противодействие из столицы, однако смоленский кружок был разгромлен. Его члены получили различные приговоры, главным обра-

зом лишены чинов и дворянства и бессрочно заточены в крепости. Из гражданских чиновников арестовали только уездного предводителя дворянства Сомова, но он был без последствий освобожден. Другие чиновники к следствию не привлекались²⁴¹. Между тем почти все эти лица по законам Российской империи подлежали смертной казни. После событий 11 марта 1801 г. все осужденные по смоленскому делу были освобождены.

Как известно, император Павел был убит в ходе заговора. При этом события, связанные с подготовкой этого заговора, несколько отличались от «традиционных» дворцовых переворотов XVIII в. Его организаторы предприняли попытку обосновать свои действия государственной целесообразностью и желанием ограничить самодержавие. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 г. были блестяще организованы и безупречно технически исполнены. В первую очередь потому, что его руководители скрыли от массы исполнителей, гвардейских генералов и офицеров, свои идеи об установлении «непременных законов» и уничтожении деспотизма.

Начало правления Александра I было встречено обществом с воодушевлением и ожиданием скорых и глубоких преобразований, в том числе среди представителей общественной мысли. В первые же дни после восшествия на престол Александр I получил анонимную записку, автором которой оказался В.Н. Каразин. В записке он отмечал, что новое царствование должно начаться с введения непременных законов, составленных «советом мужей мудрых, окружающих престол, и других, голос которых из отдаленных краев государства истину поведать может». При этом Каразин подчеркивал, что «мудрым мужам» следует составлять такие законы, которые были бы сходны «с обстоятельствами своего народа, с его нравами, обычаями, религией, с местным его положением, с просвещением истинным». Он предлагал императору создать высший государственный орган, избираемый (или назначаемый) от всех регионов страны. Тон всей записки был весьма восторженным и вполне монархическим. После получения этой бумаги император велел разыскать автора. Так как замыслы и проекты В.Н. Каразина касались, главным образом, вопросов просвещения, он в дальнейшем принял участие в реформировании этой сферы²⁴².

Записка В.Н. Каразина была не единственная. Кроме этого документа императором Александром было получено еще несколько бумаг такого рода, причем от людей, весьма далеких от реальной политики. Тогда же Александру I была передана записка некоего А.И. Арсеньева, в которой автор, восхищаясь молодым монархом, утверждал, что во всем, а тем более в управлении государством, необходимо строго соблюдать законность²⁴³. Другой автор анонимной записки пытался доказать Александру I необходимость скорейшего издания свода законов, а также создания системы контроля за его исполнением и надзора за правосудием²⁴⁴.

Свои размышления о государственном строе и политическом режиме высказывали представители общественной мысли и, прежде всего, преподаватели создаваемых тогда учебных заведений. Большое влияние на умы молодого поколения оказало творчество первого директора Царскосельского лицея В.Ф. Малиновского. Рассуждения о политическом строе он публиковал в журналах и даже некоторое время издавал свой собственный – «Осенние вечера». Значительное число его работ до сих пор осталось неопубликованным.

В.Ф. Малиновский был сторонником конституционной монархии и разделения властей. Во многом его взгляды были схожи со идеями М.М. Сперанского. Так, в «Размышлении о преобразовании государственного устройства России» он писал, что

«Россия велика, но не устроена, она не имеет уложения: управляется по случаю». Для искоренения этого зла «надлежит собрать депутатов для соображения недостатков и злоупотреблений всей империи ... для составления надлежащего правления и сообразных тому непрременных законов»²⁴⁵. Таким образом, именно создание представительного органа власти должно, по мнению Малиновского, стать основной гарантией от произвола. Он заметил, что монарху не стоит бояться такого собрания, так как у нас уже был положительный опыт – Уложенная комиссия Екатерины II. Тогда сами депутаты были еще не готовы к составлению нового закона. Впрочем, замечает Малиновский, дело не только в этом: «если б довольно было повелеть сочинение законов, то бы уже давно оные были составлены». На основании этих размышлений автор делает вывод, что «не составляются законы единым повелением», так как «закон есть изъявление общей воли»²⁴⁶. Сделать это проще всего, собрав депутатов «от каждой провинции». Таким образом, делает вывод Малиновский, только общее собрание депутатов сможет создать такие законы, которые действительно нужны нашей стране.

Профессор Московского университета по кафедре теории законов А.Л. Цветаев в своих трудах уделял большое внимание правам граждан²⁴⁷. В тот период изучалось, главным образом, римское право, но за «классическими» сюжетами можно было заметить и представления автора о современности. Он писал: «человек – гражданин есть цель и подлежащее всех прав и обязанностей; соединение людей дало бытие гражданскому обществу...». Целью создания государства, по мнению А.Л. Цветаева, была необходимость обеспечения безопасности лиц и их имуществ. Таким образом, профессор объяснял студентам неотчуждаемость таких прав человека, как свобода и собственность.

Размышления о наилучшем государственном устройстве представил в своих трудах профессор Царскосельского лицея, а затем главного педагогического института и созданного на его базе Петербургского университета, А.П. Куницын. В ряде своих трудов: «Право естественное», «О конституции»²⁴⁸ и, что не менее важно, в лекционных курсах²⁴⁹ А.П. Куницын изложил собственные взгляды на государство и образ правления. В целом придерживаясь теории общественного договора, А.П. Куницын разработал собственную оригинальную теорию. Он выступал противником деспотизма и указывал на важность установления ответственности монарха перед своим народом. Он писал: «когда монарх употребляет силы противно цели государства или подданных лишает первоначальных или производных прав, для сохранения коих учредилось общество, тогда образ правления называется деспотическим»²⁵⁰. Особое внимание А.П. Куницын уделил взаимным правам и обязанностям верховной власти и подданных. Он указал, что верховная власть должна действовать в государстве на началах права, «не принимая в уважение различных событий, в которых доказывается доброта того или другого образа правления»²⁵¹. Иначе говоря, власть должна действовать в рамках закона, а не прихоти отдельных лиц или же сиюминутных пожеланий монарха. Свобода человека должна согласовываться с волей властителя, но «только для цели государства, во всех прочих действиях он [человек – Н. К.] остается свободным и независимым, если оные не противны обязанностям его к обществу»²⁵².

В основе государственного управления, считал А.П. Куницын, должен лежать принцип разделения властей. Верховная власть, по мнению юриста, – это совокупность прав, принадлежащих правителю. Эта власть включает законодательную, исполнительную и блюстительную. Законодательная власть должна заботиться о равных правах и обязанностях всех граждан. Только «особые обязанности», по его мне-

нию, могут породить специальные права и привилегии для отдельных категорий населения. Исполнительная власть в теории составляет «право своевластителя приводить в исполнение средства, определенные законодательной властью, и заставляет исполнять то, что оною предписано». Иначе говоря, она должна устанавливаться законодательной властью и ей подчиняется. Власти блюстительной, по мысли А.П. Куницына, следует носить полицейский, карательный характер, то есть защищать от того, что может угрожать интересам государства. Здесь юрист размышлял о необходимости обязательно проводить предварительное расследование. Он писал, что изыскание подозрения, падающего на какое-либо лицо, состоит только в точном рассмотрении причин, к оправданию или обличению одного служащих... Подозреваемый в преступлении не есть еще преступник действительный»²⁵³. Правда, А.П. Куницын не объяснил, какие органы или государственные структуры должны представлять все эти ветви власти.

Интересен анализ А.П. Куницына форм правления, которые составляют «совокупность условий договора подданства». Среди них он выделил демократический (власть большинства), аристократический (власть определенной коллегии или сословия) и монархический (единовластие). Достаточно детально А. П. Куницын охарактеризовал и в печатном виде, и в лекционных курсах демократический или республиканский образ правления. Он заметил, что «в демократическом [государстве – Н. К.] верховная власть принадлежит всему народу... Собрание оных называется народным сословием... Голоса членов народного сословия равны: поэтому отправление дел и постановление законов должны быть производимы при общих сведениях об общественных делах, называемых народным собранием»²⁵⁴. Анализируя аристократический образ правления, А.П. Куницын указал, что власть здесь принадлежит верховному сословию», представляющему народ. Вне зависимости от формы правления, власть в стране должна определяться конституцией, под которой он понимал способ ограничения абсолютной власти. Наличие конституционного ограничения власти «служит залогом и безопасности подданных и величия трона... Никому не может оно внушить опасение; ибо оставляет каждого на своем месте и со всеми правами, которые только в обществе благоустроенном допущены быть могут»²⁵⁵. Для подтверждения своих мыслей А. П. Куницын сослался на «дарованную» конституцию Польше и выступление по этому поводу на польском Сейме императора Александра I.

Взгляды и идеи А.П. Куницына были широко известны в обществе благодаря не только его обширной педагогической деятельности, но и публикациям. Они оказали большое влияние на формирование общественно-политической позиции молодого поколения, становление общественной мысли по вопросам дальнейших преобразований в стране.

Другой профессор Петербургского университета, П.Д. Лодий, высказывал более сдержанные идеи об образе правления в России, чем А.П. Куницын. В своей работе «Теория общих прав»²⁵⁶ Лодий писал, что государства по числу правителей бывают монархические, аристократические и демократические. Далее он заметил, что, сколько людей требуется для «составления государства», точно определить нельзя, так как это зависит от множества фактов. Однако, писал Лодий, «люди при вступлении своем в государство должны быть свободны, то есть никому не подвластны и ни от кого не зависимы». Иначе говоря, только свободные люди могут создать государство. Подчиняться же верховной власти они должны на основании естественного закона для достижения общей безопасности. Таким образом, хотя П.Д. Лодий и не пи-

шет об этом напрямую, верховная власть в силу своей природы должна обеспечивать для жителей государства эту безопасность. А это, в свою очередь, составляет ответственность власти перед своими подданными, на основании чего они должны ей подчиняться.

Профессора и общественные деятели первой четверти XIX в. не составляли, собственно, проектов преобразований, считая, что вопросами государственного реформирования должны заниматься профессионалы. В то же время в лекциях и журнальных публикациях они открыто рассуждали о проблеме происхождения государства, допустимом или необходимом образе правления, а также указывали, в чем должны заключаться права и обязанности граждан и т. п. Безусловно, их мнение влияло на молодое поколение. В то же время власть особого внимания на их деятельность не обращала и к выработке проектов реформ не привлекала.

В начале XIX в. получили широкое распространение «вольные общества»²⁵⁷. Представители литературных, научных и дружеских обществ, особенно до военных событий 1805-1807 гг., активно обсуждали внутреннюю политику страны, размышляли о необходимых реформах. Конечно, далеко не все члены «вольных обществ» составляли проекты реформ, рассуждая о них на собраниях. В то же время некоторые общественные деятели сочли возможным и необходимым это сделать. Среди них следует выделить В.В. Попугаева. Он был сторонником конституционной монархии. В трактате «О твердости конституции и законов» он заметил, что именно от законов зависит стабильность общества и государства²⁵⁸. Для подтверждения своих мыслей Попугаев подробно проанализировал достоинства и недостатки республики и монархии. Прежде всего, он определился с понятиями. «Республики суть правления общественные, делами коих располагает воля многих». Однако далее Попугаев размышлял, что республики недолговечны, так как ими управляет «общество». В свою очередь «всякое общество заключает в себе две силы: физическую и политическую, то перевес на стороне политической силы производит утеснение, а на стороне физической – возмущение и кровопролитие». Поэтому республика, несмотря на народное правление, может легко превратиться в деспотию. Чтобы этого не произошло, республиканское правление требует граждан, имеющих более политического просвещения, нежели другие». Именно поэтому народы, будучи недовольны республиканским правлением, решили «соединить силу свою в одном лице» – монархе. Мудрые государи дали своим народам «сообразные их страстью законы и конституцию»²⁵⁹. Однако монархия может легко превратиться в деспотию. Чтобы не допустить этого, необходимо ограничивать власть выборным органом. В стране должна действовать конституция, «которая вращает, и так сказать, одушевляет все части государства». В то же время В.В. Попугаев понимал, что наличие конституции – не самоцель. Если страна или народ «присвоит» себе законы другой страны, едва ли будет в этом толк. С другой стороны, размышлял автор проекта, законы нельзя рассматривать как раз и навсегда составленные. Жизнь меняется, и законы тоже должны изменяться и совершенствоваться. Помимо «твердости законов», защитить от деспотического правления должно народное просвещение. В дальнейшем свои мысли В.В. Попугаев развил в трактате «О благоденствии народных тел»²⁶⁰.

Важное место среди авторов неправительственных проектов занимают декабристы. В рамках изучаемой темы, естественно, нет необходимости детально анализировать их взгляды, но и без учета их мнений картина мнений общественно-политических деятелей о необходимых политических реформах была бы не полной.

Декабристские организации начали появляться после 1812 г., когда представители образованного офицерства, разочаровавшись в своих ожиданиях реформ, стали задумываться, как следует решать стоящие перед страной насущные проблемы. Одним из первых декабристских проектов был составлен в «Ордене русских рыцарей». Этот кружок состоял из аристократов и был малочисленным по составу, что и отразилось в составленном гр. М.А. Дмитриевым-Мамоновым документе. Согласно проекту, высшая власть в государстве должна быть сосредоточена в руках «Народной воли», состоящей из двух палат. Первая – вельмож, состоящая из 663 человек, вторая – мещан, состоящая из 3000 человек²⁶¹. Автор проекта был противником монархического правления, считая, что российский монарх не сможет обеспечить выполнение конституции. Он писал, что «щадить тиранов – это значит готовить, ковать себе оковы, «более тяжелые, чем те, которые хотят сбросить»²⁶². Идеи М.А. Дмитриева-Мамонова не получили широкого распространения даже среди членов Ордена, а тем более других декабристов.

Наиболее яркое воплощение взгляды декабристов нашли в конституционных проектах П.И. Пестеля, Н.М. Муравьева и в манифесте С.П. Трубецкого. П.И. Пестель считал наиболее оптимальной формой государственного устройства республику²⁶³. Он писал, что необходимо ликвидировать не только самодержавие, но и сословное деление общества. Все мужчины, достигшие 20-летнего возраста, должны получить избирательные права. Высшим законодательным органом должно было стать Народное Вече, избираемое на 5 лет, при этом одну пятую часть Веча следовало переизбирать каждый год. Распустить Вече никто бы не имел права. Исполнительную власть должна была осуществлять Державная Дума, состоящая из пяти членов, избранных Народным Вече. Как и в Вече, одного из пяти следовало переизбирать раз в год. Председательствовал и в Народном Вече и в Державной Думе тот, кто находился там последний год. Для контроля над исполнением законов, а также над деятельностью законодательного и исполнительного органов власти следовало учредить власть блюстительную – Верховный собор, состоящий из 120 членов. Их следовало называть боярами и избирать пожизненно²⁶⁴.

«Конституция» Н. М. Муравьева предполагала сохранение ограниченной монархической власти в том случае, если монарх одобрит конституцию. Он был сторонником разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Император должен стать первым «чиновником» государства и возглавить исполнительную власть. Он возглавлял бы армию, но не мог начать войну. Монарху запрещалось бы покидать пределы страны. Законодательную власть должно было олицетворять Народное Вече, состоящее из двух палат: Верховная дума и Палата народных представителей. В Верховной думе должно было присутствовать 42 человека – по одному от каждой территории (державы). В компетенцию Думы входило назначение судей верховных судебных мест, верховного блюстителя и главнокомандующих войсками. Каждые два года следовало переизбирать одну треть ее членов. В Палату народных представителей необходимо было избирать по одному человеку от каждых 50 тыс. жителей мужского пола, то есть примерно 450 человек. В ее компетенцию входило, прежде всего, обсуждение законопроектов²⁶⁵.

Следует заметить, что конституционные проекты Пестеля и Муравьева не рассматривались и тем более не утверждались декабристскими организациями в качестве программных документов. Размышления о возможном (наилучшем) устройстве России встречаются во многих воспоминаниях декабристов, а также в материалах след-

ствия. При сравнении сохранившихся конституционных проектов, а также показаний декабристов на следствии можно выделить общие черты их представлений о наилучшем государственном правлении. Все они в целом были противниками самодержавной власти, и, в частности, очень невысокого мнения о личности и политических мероприятиях Александра I. Известно, что в декабристской среде активно обсуждался и вопрос цареубийства. Для управления страной следовало, по мнению декабристов, создать представительный орган, главным образом аристократический по составу. Декабристы были противниками крепостного права, аргументируя это недопустимостью владения людьми, но фактически не рассматривали экономическую сторону данной проблемы.

Почти век активных политических реформ системы государственного управления закончился убежденностью верховной власти в незыблемости самодержавия. Подобный результат был обусловлен тем, что представители власти фактически не отдавали себе отчета, ради кого или чего они, собственно, планировали и проводили реформы.

Анализируя подготовку и механизмы проведения политических реформ, исследователь задается вопросом: по какой причине правители, государственные и общественные деятели разрабатывали такие проекты, и почему, за редким исключением, они не были реализованы? Да и те исключения не имели принципиального значения.

Очевидно, что без поэтапного реформирования политической системы государство ждет стагнация, но вот направление этого процесса – одна из сложнейших задач власти. В нашей стране вопрос о направленности политических реформ в изучаемый период, как правило, включал в себя решение проблемы закрепления и обоснования легитимности верховной власти. Это решалось на фоне определения пути реформирования; ответа на вопрос: где искать «образцы» реформ – по линии традиционного развития или модернизации (европеизации). В то же время в европейских странах в XVIII в. уже начинают формироваться политические идеологии, и реформаторы спорят об их либеральной или консервативной направленности, что в России было невозможно.

Подавляющее большинство авторов проектов российских реформ были людьми высокообразованными, многие учились в европейских университетах, были знакомы с философскими и политическими идеями просветителей. Они прекрасно видели недостатки российской политической жизни, системы управления и в центре, и на местах. Однако в качестве «рецептов», по которым следовало трансформировать политическую систему, они брали отвлеченные философские идеи. Анализ этих проектов, представленных в рамках работы Уложенных комиссий, Негласного комитета или же в отдельных работах показывал несостоятельность большинства из них. Причем вне зависимости, предлагались проекты государственными деятелями или людьми, далекими от реальной политики.

Политическая оппозиция указанного периода была представлена в виде «заговорщических» организаций, участники которых и не пытались найти точки соприкосновения с властью. В стране не было «контрэлиты», которая могла бы выражать собственное мнение, не опасаясь быть обвиненной в «измене». Таким образом, легальной оппозиции в России быть не могло, а, следовательно, не могло быть и ее реального влияния на политические мероприятия.

Все представленные проекты можно разделить на несколько групп. В первую мы включили проекты реформ, способствующих укреплению верховной власти. Не-

обходимость обоснования законности власти монарха стала основой для обращения российской элиты к политическим реформам. Петровское определение самодержавия, что монарх ни перед кем, кроме Бога, ответа держать не должен, оказалось недостаточным. Объективные причины – повышение уровня образования, запросов и, как следствие, потребностей политической элиты и субъективные – отсутствие прямых наследников у российских монархов, привели к тому, что на протяжении всего изучаемого периода сохранялась неопределенность престолонаследия. Причем дело было не только в законодательном оформлении этого механизма, но и признании его «удобным», работающим в российских условиях. Напомним, что принятие закона о престолонаследии не спасло Павла I от цареубийства. Ограничение самодержавия, как показали проекты «конституционных» реформ, также не способно укрепить верховную власть. Оставался один путь – создание стройного бюрократического аппарата. Поэтому во вторую группу мы включили проекты административных преобразований, направленные на усовершенствование системы государственных органов. Данные проекты, представленные как общественными, так и государственными деятелями, в большинстве своем нашли отражение в реальном законодательстве. Третью, самую малочисленную группу, составляют работы российских общественных деятелей, где поднимался вопрос о первичной цели политических реформ – облегчении жизни населения, формировании работоспособного государственного аппарата, справедливого суда. Они были представлены, в основном, в работах профессуры в весьма завуалированной форме.

Укрепление верховной власти, по мнению ее представителей, возможно только путем ее усиления. Конечно, каждый правитель вкладывал в это свой смысл, но никто не хотел слышать мнение «народа». Иначе говоря, реформы не только планировались «сверху», но и предназначались для «верхов». Отсюда и жесткая борьба за повышение (либо понижение) статуса того или иного государственного органа. Так как в этом представители политической элиты видели закрепление собственного статуса – единственно возможный путь при абсолютном монархе. Поэтому большинство предлагаемых проектов преобразований являлись абстрактными, их авторы даже не пытались найти им социальную опору. Фактически политические реформы готовились ради «идей», а не для «людей». Отсюда и относительный успех преобразований чисто административных, которые необходимы, удобны и понятны чиновникам, и резкое отторжение любых попыток реформирования политического строя.

Примечание

- ¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VI. № 3006.
- ² Правда воли монаршей // ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VII. № 4870.
- ³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1994. Т. 26. С. 449.
- ⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 8544, № 8944.
- ⁵ Там же. № 9911, № 9912, № 10086, № 10306.
- ⁶ Мерво М. «Анекдоты о царе Петре Великом, Вольтера: генезис, источники, жанр // Вольтер и Россия. М., 1999. С. 69-70.
- ⁷ Финкенштейн фон Ф. Общий отчет о русском Дворе // Лиштенау фон Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740-1750. М., 2000. С. 291.
- ⁸ Большая часть интересующих нас документов опубликована: «Русский архив». 1867. № 1. Стб. 65-100.
- ⁹ Бумаги И.И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. С. 81-82.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 364. Л. 7об.
- ¹¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 10283.
- ¹² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. 1. Л. 3-395.
- ¹³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 62. Ч. 1. Л. 1-193.
- ¹⁴ Иванов П. К вопросу о «просвещенном абсолютизме» в России в 60-х годах XVIII в. // Вопросы истории. 1950. № 5; Белявский М.Г. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.М. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.
- ¹⁵ Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). Сборник статей. М., 1964; Троицкий С.М. Россия в XVIII в. М., 1982; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966; Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI-XVIII вв.) М., 1968.
- ¹⁶ Федосов И.А. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9.
- ¹⁷ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 100-102; Моряков В.И. Политические и социальные идеи консерватизма в «Наказе» Екатерины II // Вестник МГУ. Сер.8. История. 1995. С. 3-10.
- ¹⁸ Каменский А.Б. Под сенью Екатерины...: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992; Его же. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999; Медушевский А.Н. Абсолютизм // Общественная мысль России XVIII – начала XIX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 9.
- ¹⁹ Рэгсдейл Х. Просвещенный абсолютизм и внешняя политика России в 1762-1815 гг. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 3-5; Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 931.
- ²⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1989. Т. V. С. 63-65.
- ²¹ Мякотин В.А. Из истории русского общества. СПб., 1906. С. 105-109, 127, 146, 148, 153; Семевский В.О. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века // Былое. 1906. № 1. С. 10; Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 гг. СПб., 1906. С. 7, 10, 12; Покровский С.П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906. С. IX-XIX; Эйдельман Н.Я. Столетие безумно и мудро // Герцен против самодержавия. М., 1984. С. 98, 108; Грацианский П.С. Конституционные проекты в России второй половины XVIII века // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 81-90; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX веков. М., 1989. С. 37; Плотников А.Б. Политические проекты Н.И. Панина // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 74-84.
- ²² Чечулин Н.П. Проект Императорского Совета в первый год царствования Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Март-апрель. С. 67-68; Куплеваский Н.О. Рецензия на книгу Щеглова В.Г. Государственный Совет в царствование императора Александра I. Т. 2. // Записки императорского Харьковского Университета. 1896. № 4. Отд-ние 2. С. 3-5.
- ²³ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 242. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 315-472.
- ²⁴ Манифест об учреждении Императорского Совета и разделении Сената на департаменты // Сборник РИО. 1871. Т. 7. С. 210.
- ²⁵ Список с чернового собственноручного доклада графа Н.И. Панина // Сборник РИО. 1871. Т. 7. С. 202-203.
- ²⁶ Манифест об учреждении Императорского Совета ... // Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 211-214.
- ²⁷ Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1974. Т. VI. С. 261.
- ²⁸ Русская философия второй половины XVIII века. Свердловск, 1990. С. 185.
- ²⁹ Проект Н.И. и П.И. Паниных О фундаментальных правах, не прменяемых на все времена никакою властью. Сентябрь, 1784 г. // Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. Приложение I. С. 14.
- ³⁰ Екатерина II. Наказ комиссии для сочинения проекта нового Уложения // Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 75-76. Статьи 33, 42-43. Ссылки на отдельные статьи «Наказа» даны в тексте.
- ³¹ «Секретные наставления» генерал-прокурору А.А. Вяземскому // Сб. РИО. Т. VII. СПб., 1871. С. 346.
- ³² Там же. С. 348.
- ³³ Правила управления // Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 68.

- ³⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XVII. № 12801.
- ³⁵ Сб. РИО. СПб., 1869. Т. IV. С. 4.
- ³⁶ Там же. С. 47.
- ³⁷ Документ под названием «Положение об Управительном Сенате с проектом Указа императрицы Екатерины II» был обнаружен нами в делах Комитета 6 декабря 1826 года, который разбирал бумаги, оставшиеся после смерти императора Александра I. (РГИА. Ф. 1167. Т. XVI. Оп. 1. Д. 7. Л. 2-53).
- ³⁸ РГИА. Ф. 1167. Т. XVI. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.
- ³⁹ Там же. Л. 22 об.
- ⁴⁰ Массон Ш. Секретные записки о России во времена царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 87.
- ⁴¹ Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времен Павла I. Пг., 1916. С. 2.
- ⁴² Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1899. Т.1. С.220.
- ⁴³ Анисимов Е.В. Россия при Павле I // Власть и реформы. От самодержавия к Советской России. М., 2006. С. 177.
- ⁴⁴ ПСЗ-1. СПб. 1830, Т. XXIV. № 17910.
- ⁴⁵ См. об этом подробнее: Коршунова Н.В., Мамонов В.Ф. Цареубийство // Уржумка. 2000. № 1. С. 4-17; Сорокин Ю.А. Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 15-28.
- ⁴⁶ Речь идет о книге: Delolme. Constitution d'Angleterre. Geneve. 1787.
- ⁴⁷ Коцебу А. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 349.
- ⁴⁸ Цит. по: Бочкарев В.Н. Екатерина II и Франция // Отечественная война и русское общество (1812 - 1912). М., 1912. Т. 1. С. 60.
- ⁴⁹ Чарторижский А. Мемуары. М., 1912. Т. 1. С. 89.
- ⁵⁰ Цит. по: Шильдер Н.К. Александр I. Т. 1. С. 162.
- ⁵¹ Там же. С. 163.
- ⁵² В то время под «непременными» законами понимали не «конституцию», это слово вообще было запрещено. «Непременными считались законы, которые составляли главное и неизгладимое основание всех законов империи».
- ⁵³ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 299. Л. 60-63.
- ⁵⁴ Чарторижский А. Мемуары. Т. 1. С. 135.
- ⁵⁵ Там же. С. 136.
- ⁵⁶ Либеральными идеями – франц.
- ⁵⁷ В.Ф.Лубяновский – делопроизводитель при министерстве внутренних дел (1802-1807 гг.), потом – пензенский губернатор. [Лубановский Ф.П.] Воспоминания Федора Петровича Лубановского (1777-1834). М., 1872. С. 209-110.
- ⁵⁸ См.: Богданович М.И. История царствования императора Александра I и его время. СПб., 1869; Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I СПб., 1871; Шильдер Н.К. Император Александр I. СПб., 1891; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX века. М.-Л., 1957.
- ⁵⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXVI. № 19783, 19791, 19784, 19786, 19790, 19799, 19801, 19807.
- ⁶⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXVI. № 19782, № 19788.
- ⁶¹ Там же. № 19810, № 19815.
- ⁶² Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. С. II.
- ⁶³ Единственным, кто серьезно пострадал за участие в заговоре, был полковник князь В.М. Яшвиль. Он ненавидел Павла I и был непосредственным участником его убийства. После восшествия на престол императора Александра, отправляясь в деревню, он направил ему необычайно дерзкое письмо. В нем он напомнил Александру I, что его «руки обогрились кровью не из корысти... Пусть жертва не будет бесполезна». Далее, он прямо угрожал императору: «для отчаяния всегда есть средства, не доводите отечество до гибели». И в конце он фактически обвинил Александра в малодушии, нежелании признавать свое участие в заговоре: «...я более велик, чем вы, потому что ничего не жалею и, если бы даже нужно было для спасения вашей славы, которая так для меня дорога только потому, что она слава России». Вероятно, князь Яшвиль был сторонником ограничения самодержавной власти и провал планов заговорщиков о подписании документа, ограничивающего власть монарха, вызвал у него столь бурную реакцию. По приказу императора Александра кн. Яшвиль остаток жизни провел в своей деревне под строгим надзором полиции. Письмо Яшвиля опубликовано в журнале «Русская старина» за 1909 г. № 1. С. 212.
- ⁶⁴ Саблуков Н.А. Записки. Коцебу А. Из записок // Цареубийство. С. 96, 335-336.
- ⁶⁵ Чарторижский А. Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 2. С. 3-4; Архив кн. Воронцова. СПб., 1879. Т. 14. С. 389; Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб, 1871. С. 114.
- ⁶⁶ См. об этом подробнее: Сафонов М.М. Протоколы «Негласного комитета» // ВИД. Л., 1976. Т. VII. С. 191-209.
- ⁶⁷ Дело в том, что после проведения Сенатской и министерской реформ члены «Негласного комитета» обратились к вопросам внешней политики, поэтому, вероятно, и прекращаются записки Строганова. Так, Чарторижский применительно к 1804 году пишет в своих воспоминаниях: «...Это была трудная и деликатная миссия [речь идет о договоре с Англией о союзе против Наполеона – Н.К.]. Она была поручена Новосильцову, который, как член министерства и неофициального комитета, был в курсе всех наших воззрений и планов и, казалось, лучше, чем кто-либо другой, понимал и разделял их». Или же, говоря о подготовке кампании против Наполеона в 1805 году: «Общее направление умов в Европе отразилось и на России и увлекло за собой императора и его неофициальный комитет». См. об этом: Чарторижский А. Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т.1. С.335, 353.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф. 1278. Строгановых. Оп. 1. Д. (Тетрадь) 11. Л. 2.
- ⁶⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. (Здесь опубликованы его записки и протоколы заседаний «Негласного комитета» на французском языке). С. 10-11.

- ⁷⁰ Записка князя Безбородко о потребностях Империи Российской // Сб. ИРИО. Т. 26. С. 298-300.
- ⁷¹ Здесь мы не можем согласиться с распространенным в историографии мнением, что Александр I и П.А. Строганов ставили себе невысокие цели и задачи (см. об этом: Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX века. М.-Л., 1957. С. 96-99; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1988. С. 88-92). Они, на наш взгляд, пытались ставить себе реалистичные цели. Кроме того, император, а, следовательно, и Строганов не могли не учитывать позицию руководителей заговора против Павла I и «старой» российской аристократии.
- ⁷² De l'état de notre constitution // Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 40-42.
- ⁷³ Там же. С. 40.
- ⁷⁴ Там же. С. 41.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 13. Л. 62.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 1278. Строгановых. Оп. 1. Д. 13. Л. 62-63об.
- ⁷⁷ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.36. Воронцовых. Оп. 1. Д. 400. Л. 210-215. Опубликовано: [Первоначальная редакция Грамоты Российскому народу] // Радищев А.Н. Материалы и исследования. М.-Л. 1936. С. 77-81; Последняя публикация: Проект «Всемиловейшей Жалованной грамоты, российскому народу жалуемой» // Минаева Н.В. Век Пушкина. М., 2007. С. 150-160.
- ⁷⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 76-78.
- ⁷⁹ Проект «Всемиловейшей Жалованной грамоты, российскому народу жалуемой» // Минаева Н.В. Век Пушкина. М., 2007. С. 151.
- ⁸⁰ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 2. Стб. 46-50.
- ⁸¹ Э. фон Веделъ. Записки // Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725-1825. М., 1991. С. 435.
- ⁸² Здесь мы не можем согласиться с М.М. Сафоновым, который в своей статье «Указ о правах Сената 5 июня 1801 года» писал, что записка, поданная Трошинским императору Александру, была полностью составлена его тогдашним секретарем М.М. Сперанским. Нет необходимости преувеличивать роль и значение Сперанского, который тогда, в 1801 году, еще не был знаком со Двором. Кроме того, Трошинский не был новичком в составлении подобного рода документов, а вот откорректировать или переписать его бумаги вполне мог и секретарь.
- ⁸³ Указ императора Павла I: ПСЗ-1. СПб, 1830. Т. XXIV. № 17760.
- ⁸⁴ Там же. Т. XXVI. № 19908.
- ⁸⁵ Storch A. Russland unter Alexandr dem Ersten. Т. 1. S. 20. А. Шторх – немецкий исследователь, долгое время проживший в России, автор многоотомного статистического описания Российской империи
- ⁸⁶ П.В. Завадовский – с 18 апреля 1801 года член Непременного совета и сенатор; затем с 8 сентября 1802 по 11 апреля 1810 гг. – министр народного просвещения.
- ⁸⁷ Завадовский П.В. «О правах и преимуществах» // Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. Отд. II. С. 71.
- ⁸⁸ Там же. С. 78.
- ⁸⁹ Подлинник записки Г.Р. Державина хранится в РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Лл. 98-132об.; опубликовано: Сб. археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. С. 134-151. Также см. о нем: Сафонов М.М. Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина. // ВИД. Л., 1978. Т. X. С. 226-244.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 8. Л. 7, 10об, 18об-20.
- ⁹¹ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 2. Стб. 39-46.
- ⁹² Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1091. Т.3. С. 221-225.
- ⁹³ Записки бывшего статс-секретаря Новосильцова // РГИА. Ф. 1167. Оп. XVI. Ч. 1. № 9. Л. 11-20.
- ⁹⁴ Séance du 10 Février 1802 // Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 177.
- ⁹⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 20405. Тогда же 8 сентября 1802 г. был провозглашен манифест об учреждении министерств. Причем эта реформа действительно была подготовлена императором Александром I и его «молодыми друзьями» в «Негласном комитете» в относительной тайне.
- ⁹⁶ Державин Г.Р. Записки. 1743-1812. М., 2000. С. 235-236.
- ⁹⁷ Séance du 10 Février 1802 // Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 178; [А. Чарторижский] Таблица властей империи // Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. 1. Приложение. С. 98-99.
- ⁹⁸ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. (Тетрадь) 12. Л. 33. Истолкование перевода этой части протоколов «Негласного комитета» дано М.М. Сафоновым в источниковедческой статье «Протоколы «Негласного комитета». См.: ВИД. Л., 1976. Т. VII. С. 206-209.
- ⁹⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20406.
- ¹⁰⁰ Кочубей В.П. Об учреждении министерств // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90. С.203-209.
- ¹⁰¹ Основные взгляды М.М. Сперанского по указанным проблемам отражены во «Введении к Уложению государственных законов», «Проекте уложения государственных законов Российской империи» и некоторых других. Они находятся в РГИА. Ф. 1167. Оп. 28. Д. 65. Ч. 1. Лл. 9-206; опубликовано Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С.143-221.
- ¹⁰² Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 192-231.
- ¹⁰³ Там же. С. 166.
- ¹⁰⁴ Кочубей В.П. О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90. С. 5-26.
- ¹⁰⁵ ОР РНБ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 21. Опубликовано: сб. РИО. СПб., 1894. Т. 90. С. 58-102.

- ¹⁰⁶ Сб. РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 93-94.
- ¹⁰⁷ Сб. РИО. Т. 90. СПб., 1894. С. 78-79,98.
- ¹⁰⁸ Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского 1815-1881. Библиотека окраин России. № 5. СПб., 1907. С.41-63.
- ¹⁰⁹ Речь Александра I на польском сейме 15.03.1818 // Богданович М.И. История царствования Александра I СПб., 1870. Т. 5. С. 371.
- ¹¹⁰ Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб.,1905. Т. 4. С. 499-526.
- ¹¹¹ Так, назначенный в 1731 г. московским генерал-губернатором Г.П. Чернышев доносил в 1732 г. о невозможности исполнения инструкций по сбору налогов в связи с не укомплектованием штата кадрами: не успев создать властные структуры и принять на службу людей в рамках петровских реформ, приходилось все снова менять. См.: Донесение Г.П. Чернышева. Приложение к журналу Кабинета Е.И.В. 15 июня 1732 г.// Сб. РИО. Т. 54. С. 399.
- ¹¹² Камерир – должность в губернском правлении с 1719 г. и по начало XIX в. Лицо, в ведении которого находились сбор и учет денег. По высочайше утвержденному регламенту Камер-коллегии от 11 декабря 1719 г. было создано 5 камерных контор во главе с камериром, которые должны были быть «искусны в счетных делах». Камерир ведал всеми сборами в губернии или провинции, устанавливал и раскладывал подати. Камерир подписывал переписную книгу, которую вели земские комиссары, где отмечались все угодья, деревни, дворы. На основании этой книги камериры взимали соответствующие налоги. В компетенцию камерира входило также взимание арендной платы с государственных сел, мельниц и т.д.
- ¹¹³ Цит. По: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 1. С. 34.
- ¹¹⁴ Записка П.И. Шувалова // РГАДА. Ф. 248. Д. 2905. Л. 97-140об. Данный проект был опубликован: Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» / Сообщ. С.О. Шмидт. // Исторический архив. 1962. № 6. С.100-118. Однако автор не включил в публикацию некоторые данные, касающиеся вопросов местного управления, в частности, таблицу, поэтому мы ссылаемся на первоисточник.
- ¹¹⁵ Записка П.И. Шувалова // РГАДА. Ф. 248. Д. 2905. Л. 99-100.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 112-114, 138-140.
- ¹¹⁷ Записка П.И. Шувалова // РГАДА. Ф. 248. Д. 2905. Л.114-117.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 117, 118-129.
- ¹¹⁹ Записка П.И. Шувалова // РГАДА. Ф. 248. Д. 2905. Л.135-137.
- ¹²⁰ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.-Л., 1941. Т. II. С. 140.
- ¹²¹ РГАДА. Ф. 11. Д. 316.
- ¹²² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. 1. Л. 3.
- ¹²³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. III. Л. 375-376.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. III. Л. 23.
- ¹²⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XIV. № 10274.
- ¹²⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 2847. Л. 306.
- ¹²⁷ Там же. Л. 316.
- ¹²⁸ Ведомость, сочиненная в Комиссии новосочиняемого Уложения, кому велено пункты по материалам сочинять и от коих присутственных мест в коем числе прислано. // Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. Приложение. С. 537. Сами проекты хранятся в РГИА, фонде Комиссии 1754 г., их больше, чем по ведомости.
- ¹²⁹ Там же. С. 169.
- ¹³⁰ Шаховский Я.П. Воспоминания // Империя после Петра. М., 1998. С. 170.
- ¹³¹ РГАДА. Ф. 342. Д. 92. Л. 3. (Здесь находятся основные материалы по проекту Я.П. Шаховского).
- ¹³² Шаховский Я.П. Воспоминания // Империя после Петра. М., 1998. С. 168-171.
- ¹³³ РГАДА. Ф. 342. Д. 92. Л. 34.
- ¹³⁴ Там же. Л. 38.
- ¹³⁵ Там же. Л. 33.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф. Д. 92. Л. 34-49.
- ¹³⁷ Шаховский Я.П. Воспоминания // Империя после Петра. М., 1998. С. 168-169.
- ¹³⁸ Там же. С. 170-171.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 10. Д. 21. Лл. 1-10, 11-25.
- ¹⁴⁰ Готье Ю.В. История областного управления в России. Т. II. М.-Л. 1941. С. 175.
- ¹⁴¹ РГАДА. Ф. 10. Д. 4. Л. 66.
- ¹⁴² РГАДА. Ф. 10. Д. 4. Л. 67.
- ¹⁴³ Там же. Л. 70-71.
- ¹⁴⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XVI. № 11988.
- ¹⁴⁵ Наказ г. Зубова // Сб. РИО. СПб., 1875. Т. XIV. С. 318-321.
- ¹⁴⁶ Наказ г. Курска // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. LXVIII. С. 534-539.
- ¹⁴⁷ Наказ г. Переславль-Залесский // Сб. РИО. СПб., 1971. Т. VIII. С. 498; Наказ г. Владимира // Там же. С. 551; Наказ г. Олонца // Сб. РИО. СПб., 1775. Т. XIV. С. 265; Наказ г. Галича // Там же. С. 489; Наказ г. Пенза // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. LXVIII. С. 13-14 и др.
- ¹⁴⁸ Наказ города Костромы // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. IV. С. 248 и др.
- ¹⁴⁹ Камышинский наказ // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. IV. С. 459-478; Епифанский наказ // Сб. РИО. СПб., 1971. Т. VIII. С. 446-454 и др.

- ¹⁵⁰ Наказ г. Хлынова // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. IV. С. 103-105; Наказ города Дмитрова // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. ХСШ С. 95 и др.
- ¹⁵¹ Наказ Герольдмейстерской конторы // Сб. РИО. СПб., 1894. Т. ХСШ С. 144.
- ¹⁵² См. об этом Готье Ю.В. История областного управления в России. Т. II. М.-Л. 1941. С. 213-215.
- ¹⁵³ РГАДА. Ф. 16. Д. 374.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 45.
- ¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 16. Д. 374. Л. 14-15, 68-74.
- ¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 16. Д. 785. Л. 165.
- ¹⁵⁷ Сам доклад, представленный Екатерины II, не сохранился, но указания на данный материал в указе от 21 марта 1773 г. // ПСЗ-1. Т. XIX. № 13966.
- ¹⁵⁸ ПСЗ-1. СПб. 1830. Т. XX. № 14392.
- ¹⁵⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXII. № 16188.
- ¹⁶⁰ Указ императора Павла I от 12.12. 1796 г. // ПСЗ-1. Т. XXIV. №.17634. Т.24.№.17677.
- ¹⁶¹ ПСЗ-1. Т. XXIV. №.17677.
- ¹⁶² ПСЗ-1. Т. XXV. № 18633, 18663, 18882.
- ¹⁶³ Лопухин И.В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника сенатора И.В. Лопухина, сочиненные им самим. М., 1991. С. 96.
- ¹⁶⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXVII. №.20372.
- ¹⁶⁵ Дневник ОР РНБ. Ф. 731. (Сперанского) Д. 42. Л. 6.
- ¹⁶⁶ Данный перечень опубликован: Арутюнян В.Г. М.М. Сперанской о генерал-губернаторах в 1821 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2006. № 6. С. 40.
- ¹⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 637 (Репнинского). Д. 752,753.
- ¹⁶⁸ Там же. Д. 754. Опубликовано: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2003. Т. 2. С. 112-128.
- ¹⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 756,757; РГИА. Ф. 1167. Д. 141. Л. 110-210.
- ¹⁷⁰ Там же. Д. 762. Опубликовано: Сперанский М.М. Замечания о губернаторских учреждениях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. СПб., 1859. Кн. IV. Отд. 1. С. 92-104.
- ¹⁷¹ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 753. Л. 2.
- ¹⁷² Там же. Л. 5об.
- ¹⁷³ Там же. Л. 8об – 9.
- ¹⁷⁴ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 753. Л.12-12об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 19-20.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 29об, 30об-34.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 37об.-38.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 38-38об.
- ¹⁷⁹ Сперанский М.М. Введение к наместническому управлению // Калачев Н.В. Разбор сочинений г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах». СПб., 1867. С. 112.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 113.
- ¹⁸¹ Там же. С. 114.
- ¹⁸² Письмо В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому 3 апреля 1820 г. // В память графа М.М. Сперанского. СПб., 1872. С. 294.
- ¹⁸³ РГИА. Ф. 1167. Д. 141. Л. 135-155. Опубликовано: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2003. Т. 2. С. 129-154.
- ¹⁸⁴ «Это истины, способные разрушить стены» [здесь - государственные устои] (фр.). Слова Н.И. Панина.
- ¹⁸⁵ Дашкова Е.Р. Записки // Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 61.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 259-260.
- ¹⁸⁷ Дашкова Е.Р. Об истинном благополучии // Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. III. С. 23.
- ¹⁸⁸ Дашкова Е.Р. Отрывок записной книжки // Новые ежемесячные сочинения. 1792. Ч. 47. С. 17.
- ¹⁸⁹ Дашкова Е.Р. Письмо издателю // Друг Просвещения. 1804. Ч. 2. № 4. С. 39.
- ¹⁹⁰ Цит. по: Л.Я. Лозинская Во главе двух академий. М., 1979. С.81.
- ¹⁹¹ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1959. С. 244, 245, 257.
- ¹⁹² Десницкий С.Е. Рассуждение о происхождении власти и старшинства в народах, от которого происходит правление // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1959. С. 166, 170.
- ¹⁹³ Там же. С. 152.
- ¹⁹⁴ Чечулин Н.Д. Последнее слово об источниках «Наказа» // Сб. статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 22-25.
- ¹⁹⁵ Десницкий С.Е. Представление ... // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1959. С. 101-102.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 297, 298.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 111.
- ¹⁹⁸ Там же. С. С. 114-115, 113.
- ¹⁹⁹ Десницкий. С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению русской юриспруденции. // Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета. М., 1819. Т. 1. С. 241
- ²⁰⁰ Десницкий. С.Е. Представление... // Юридические произведения... С. 342.

- ²⁰¹ Козельский Я.П. *Философские предложения* // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М. 1952. Т. 1. С. 500, 528, 526, 530.
- ²⁰² Новиков Н.И. О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук // Н.И. Новиков и его современники. М., 1960. С. 231.
- ²⁰³ Московское ежемесечное издание. 1781. Ч. 3. С. 261–262.
- ²⁰⁴ Новиков Н.И. Избранное. М., 1983. С. 310-312.
- ²⁰⁵ Штранге М.М. *Масонство* // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. С. 570.
- ²⁰⁶ Фонвизин Д.И. *Рассуждение о непременных государственных законах* (документ, написанный совместно с Н.И. Паниным) // Фонвизин Д.И. *Собрание сочинений* в 2-х тт. М.-Л. 1959. Т. 2. С. 258.
- ²⁰⁷ Там же. С. 260.
- ²⁰⁸ Там же. С. 258.
- ²⁰⁹ Фонвизин Д.И. *Слово на выздоровление в.к. Павла Петровича в 1771 г.* // Фонвизин Д.И. *Собрание сочинений* в 2-х тт. М.-Л. 1959. Т. 2. С.192.
- ²¹⁰ *Рассуждение...* С. 263.
- ²¹¹ Фонвизин Д.И. *Рассуждение о непременных государственных законах* (документ, написанный совместно с Н.И. Паниным) // Фонвизин Д.И. *Собрание сочинений* в 2-х тт. М.-Л. 1959. Т. 2. С. 253.
- ²¹² Фонвизин Д.И. *Обозрение проявлений политической жизни в России* // Фонвизин М.А. *Сочинения и письма*. Иркутск, 1982. Т.2. С.127-128.
- ²¹³ Фонвизин Д.И. *Рассуждение ...* // Фонвизин Д.И. *Собрание сочинений* в 2-х тт. М.-Л. 1959. Т. 2. С. 258.
- ²¹⁴ ПСЗ-1. СПб. 1830. Т. XXV. № 19131.
- ²¹⁵ Дашкова Е.Р. *Воспоминания* // Литературные сочинения. М., 1990. С. 235.
- ²¹⁶ Карамзин Н.М. *Записка о Древней и Новой России*. М., 1991. С. 45.
- ²¹⁷ *Личной чести* (франц.). Цит. по: Брикнер А.Г. *Смерть Павла I*. М., 1909. С. 67 (Брикнер ссылается на Стокгольмский архив).
- ²¹⁸ Тургенев А.М. *Записки* // Русская старина. 1885. № 9. С. 381.
- ²¹⁹ Евгений Вюртембергский. *Юношеские воспоминания принца Евгения Вюртембергского* // Русский архив. 1878. № 1. С. 65; См.: Леонтьев М. *Мои воспоминания, или События в моей жизни* // Со шпагой и факелом. С. 488.
- ²²⁰ РГАДА. Ф. 7. Д. 2915. Л. 12.
- ²²¹ Там же. Д. 3169. Л. 2.
- ²²² РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 465.
- ²²³ РГАДА. Ф. 7. Д. 2916. Л. 1-1об; РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 29. Л. 9, 10 об.
- ²²⁴ РГАДА. Ф. 7. Д. 2907, 2915, 3169; РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 28, 327, 345, 489, 465.
- ²²⁵ РГИА. Ф. 1346. Оп. 43. Д. 264. Л. 1.
- ²²⁶ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 18 об.
- ²²⁷ Источники не дают ответа на вопрос, в чем была истинная причина опалы. В литературе существуют три версии. Так, официальной «Истории лейб-гвардии Казачьего полка» необходимо было не бросить и тени сомнения на величие и мудрость императора Павла I и не запятнать честь и благородство полковника Евграфа Грузинова и его младшего брата. «Жертвою интриг, свивших себе гнездо у подножия престола в первую же очередь падают одни из верных слуг Государя – лейб-казаки свиты Е.И.В. полковник Е.О. Грузинов и его брат подполковник и георгиевский кавалер Петр». Интрига состояла в следующем: Павлу I сказали, что готовят заговор на Дону и предложили проверить это. Император пригласил к себе Евграфа Грузинова и спросил: «хочет ли он съездить на Дон». Тот согласился, это и послужило подтверждением измены. Далее – следствие. Донос – вещь по тем временам обычная, но, как правило, их писали анонимно. Но в документах ничего подобного мы не находим. Не говорит о доносе в своих весьма откровенных показаниях и сам Евграф Грузинов (см.: Хрещавицкий Б. *История Лейб-Гвардии казачьего Его Величества полка*. СПб., 1913. С. 161-165). Совершенно иначе, со ссылкой на личные архивы, рисует причину опалы О. Гвинчидзе. «Разгневанный (за дерзость) Павел I, сказал Петру Грузинову, что велит снять его с лошади и прогонит в Черкасск нагайками подвязывать лошадям хвосты. На что Петр ответил: “Государь, в то время, когда Вы, Ваше Величество, еще потешались в Гатчине, я уже пролил кровь за отечество...”». Павел I велел арестовать его и сорвал ордена. На это Петр сказал, что орден ему дала Россия, а не он (то есть Павел – Н.М.). Евграф же навлек на себя гнев тем, что отказался принять дарованных ему 1000 душ крестьян. Эта версия выглядит наименее правдоподобно. Евграф официально от крестьян не отказывался, и документы это подтверждают. Рассказ о «дерзости» Петра Грузинова в материалах следствия тоже не встречается, хотя более тяжкого преступления против монарха придумать было бы трудно (см.: Гвинчидзе О. *Братья Грузиновы*. Тбилиси, 1963. С. 53-54). Третью версию опалы предлагает исследование в журнале «Русская старина». Эта статья весьма лаконична. Ее автор старается не выходить за рамки военно-судебного дела, не использует многие имеющиеся документы: «В августе 1800 года Грузиновы были отданы под суд: младший – неизвестно за что, но дело его не имеет никакой связи с делом старшего брата. Евграф же Грузинов – за непростительные отзывы о государе-императоре и за найденные у него бумаги с дерзновенными замыслами против Государя и Отечества» (см.: Евграф и Петр Грузиновы // Русская старина. 1878. № 10).
- ²²⁸ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 25об.-26об.
- ²²⁹ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 525. Л. 35-35об.
- ²³⁰ РГАДА. Ф. 7. Д. 3269. Л. 11.
- ²³¹ РГАДА. Ф. 7. Д. 3269. Л. 162 об.
- ²³² РГАДА. Ф. 7. Д. 3269. Л. 120.
- ²³³ РГАДА. Ф. 7. Д. 3269. Л. 156 об.

- ²³⁴ Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения. // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 123.
- ²³⁵ РГАДА. Ф. 7. Д. 3252. Л. 53; РГИА. Ф. 1345. Оп 98. Д. 260. Л. 4; Д. 516. Л. 4.
- ²³⁶ РГАДА. Ф. 7. Д. 3269. Л. 120, 176.
- ²³⁷ Там же. Л. 156-156 об.
- ²³⁸ Там же. Л. 301-310 об.
- ²³⁹ Василий Степанович Кряжев – отпущенный на волю крепостной крестьянин П.И. Панина. Он обучался в Московском коммерческом училище, затем служил переводчиком при штабе ген. Прозоровского. В 1791 г. был произведен в первый офицерский чин, в 1797 – начале 1798 г. занимал должность адъютанта и управляющего канцелярией смоленского военного губернатора М.М. Философова.
- ²⁴⁰ РГАДА. Ф. 7. Д. 3269. Л. 123, 249, 120 об.
- ²⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Д. 3269. Л. 365-370.
- ²⁴² См. об этом: ОР РНБ. Ф. 335. Каразина. Оп. 1. № 9. Ф. 391. Краевского А.А. №. 414. Л. 2; Шильдер Н.К. Александр I. Его жизнь и царствование. С. 324-330.
- ²⁴³ РГИА. Ф. 1167. Оп.2. Д. 267.
- ²⁴⁴ Там же. Д. 58.
- ²⁴⁵ Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958. С. 121.
- ²⁴⁶ Там же. С. 123.
- ²⁴⁷ Антология мировой правовой мысли. Т. 4. Россия XI-XIX вв. / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999. С. 451-455.
- ²⁴⁸ [Куницын А.П.] Право естественное, составленное проф. А. Куницыным. Введение. Книга I. Чистое право. СПб., 1818; Право естественное, составленное проф. А. Куницыным. Книга II. Право прикладное. СПб., 1820. (В работе использовано издание: «Русские просветители» (От Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 2. С. 204-359).
- ²⁴⁹ В лекциях А.М. Гончарова сохранились записки курса А.П. Куницына. Они опубликованы: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 598-631.
- ²⁵⁰ [Куницын А.П.] Право государственное // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 609.
- ²⁵¹ «Русские просветители» (От Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 2. С. 292.
- ²⁵² Там же. С. 303.
- ²⁵³ «Русские просветители» (От Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 2. С. 315.
- ²⁵⁴ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 627-628; «Русские просветители» (От Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 2. С. 330-332.
- ²⁵⁵ Куницын А.П. О конституции // Сын Отечества. 1818. № XVIII. С. 206-207.
- ²⁵⁶ Лодий П.Д. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном, всеобщем государственном праве. СПб., 1828.
- ²⁵⁷ См. об этом подробнее: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003.
- ²⁵⁸ Попугаев В.В. О твердости конституции и законов // Русские просветители (от Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 299.
- ²⁵⁹ Там же. С. 301, 302, 305-306.
- ²⁶⁰ Попугаев В.В. О твердости конституции и законов // Русские просветители (от Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 327-354.
- ²⁶¹ Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XVIII в. // Былое. 1906. № 2. С. 71-74.
- ²⁶² Из бумаг графа Мамонова // Из бумаг и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Березина. СПб., 1906. С. 153.
- ²⁶³ Основными конституционными проектами П.И. Пестеля были «Русская правда», сохранившаяся в нескольких редакциях, и ее кратное изложение – «Государственный завет».
- ²⁶⁴ Пестель П.И. Конституция Государственный завет // Красный архив. 1925. Т. 6 (13). С. 280-284.
- ²⁶⁵ Муравьев Н.М. Конституция // Программные документы политических партий и организаций России (XIX – начало XX вв.). Челябинск, 1991. С. 10-20.

Глава 3

Реформы в области экономики и социальной сферы

Экономические реформы

При проведении любых преобразований реформаторы всегда сталкиваются с проблемой их ресурсного обеспечения. Особенно это становится актуальным с середины XVIII в., когда экономическое направление в политике включается в общеполитическую доктрину, как в Европе, так и в России. XVIII столетие было временем создания макроэкономических теорий А. Смита, Д. Рикардо, физиократов, во многом определивших экономическое развитие ряда европейских стран, прежде всего Англии и Франции. Они оказали определенное влияние на экономическую мысль и политику России. Труды ее представителей практически не издавались в нашей стране, но многие российские аристократы были знакомы с ними, так как получали образование за границей.

Первоначально экономическая политика российского государства проявлялась в издаваемых властью торговых уставах и таможенных тарифах. Еще в середине XVII в., с принятием торговых уставов 1653 и 1667 гг., в которых были отменены торговые привилегии английских купцов и установлена единая пошлина с иностранцев в размере 5 %, впервые можно рассмотреть четкое направление в государственной политике: поворот к меркантилизму. Время Петра I стало периодом наибольшего воздействия государственной власти на экономику. Власть, несмотря на максимальное распространение всевозможных льгот для иностранцев, сделала попытку экономически поддержать собственных товаропроизводителей. Так, введенный в 1724 г. таможенный тариф поставил размер пошлин с иностранных товаров в прямую зависимость от способности отечественных производителей удовлетворить потребности внутреннего рынка. В том же году И.Т. Посошковым был создан первый известный трактат по экономике «Книга о скудности и богатстве»¹.

Реформы Петра I потребовали напряжения всех ресурсов страны, поэтому неудивительно, что его наследникам достались серьезные экономические проблемы. Несмотря на все попытки, стабилизировать финансовую систему в 30-х гг. не удалось: все проблемы достались «в наследство» Елизавете Петровне. Особенно остро в начале 40-х гг. стоял вопрос о совершенствовании монетной системы. Наличие на рынке большого количества легковесной монеты (медные деньги, чеканные по 40 руб. из пуда) вело к его дестабилизации. Более того, многие купцы отказывались принимать эту монету. С казной же все стремились расплатиться именно этими 5-копеечными монетами. В начале правления Елизаветы Петровны в Сенат был подан анонимный проект, в котором автор указывал на заметное падение вексельного курса: «вексель пришел в такое худое состояние, что никогда в 44, 5 штивера² не убывал, инако здешний рубль в переводе 89 коп. учинит, чрез что такое великое опасение и гибель сделаться может, что со временем всей золотой и серебряной лишиться можем, а на иностранные товары цены в три и более раза могут возрасти»³. Автор проекта для исправления ситуации предлагал изъять из обращения легковесную медную монету. Подобные проекты поступали в правительство и ранее, в частности, в середине 30-х гг. свой проект представил генерал-прокурор П.И. Ягужинский. Он и был

взят за основу при разработке реформы. В этом проекте предлагалось, начиная с 1744 г., в течение 4 лет, ежегодно уменьшать номинал 5-коп. монет на 1 коп., и таким образом довести их до прежнего номинала. 11 мая 1744 г. Елизавета Петровна подписала указ о снижении с 1 августа 1744 г. на одну копейку ежегодно номинальную стоимость 5 коп. медных монет. Далее, с 1 октября 1745 г., монета стала 3-х коп, с 28 августа 1746 г. – 2-х коп⁴. Завершающий этап реформы несколько затянулся, о чем в марте 1754 г. напомнила Сенату Монетная канцелярия, заявив, что по-прежнему сохраняется опасность фальшивомонетничества, «дабы время от времени сия язва втрое или вчетверо убытка России не принесла»⁵. Однако в течение десяти лет экономическая ситуация менялась к худшему, и было решено вновь вернуться к проблеме денежного обращения.

С началом правления императрицы в правительство стали поступать проекты с предложениями об усовершенствовании и налоговой системы. Не позднее 1743 г. в Сенат был подан анонимный проект, в котором автор предлагал увеличить доходы казны традиционным способом: за счет запрета частного винокурения и увеличения продажи вина «из казны»⁶. Кроме того, автор проекта предложил повысить таможенные пошлины на вывозимый за границу лес с 1 коп. до двух с сажени. Далее анонимный автор предложил несколько упорядочить налоги с горожан. Он заметил, что сбор «квадратных денег» (поземельный налог с владельцев домов) приносит мало дохода и предложил заменить его на сбор «во всем государстве» с печей: в столице – 1 руб., Москве – 50 коп, других городах – 25 коп. Сбор же денег «с наемных изб» не четвертую часть, а по 10 коп. с рубля, «как от продажи с письма крепостей берется»⁷. Достаточно традиционно и предложение автора об увеличении цены на соль. Анонимный автор предложил увеличить цену за пуд соли на 5 коп., что даст казне примерно 300 тыс. руб. в год дохода. Это в свою очередь позволит «по окончании войны и когда государственная казна умножится, оное число по расположению суммы убавить из подушных денек с крестьянства, дабы оные бедные люди могли хотя самое малое облегчение иметь»⁸. Данный проект отличается от других конкретикой предложений, что наводит на мысль, что автор был чиновником финансового ведомства и, вероятно, составлял данный проект (или доклад) по поручению верховной власти с указанием изыскать новые источники дохода во время русско-шведской войны.

Война закончилась, а облегчения казне это не принесло, о чем свидетельствуют записки, поданные президентом коммерц-коллегии кн. Б.Г. Юсуповым. В 1745 г., по всей вероятности в рамках своих должностных полномочий, он представил «Предложения» по совершенствованию внешней торговли со средиземноморскими странами. Для успешного развития торговых отношений Юсупов предложил выяснить, какие в прибрежных странах, главным образом в Турции, имеются фабрики на побережье, какое сырье требуется и т. п. А также считал нужным поручить выяснить послу в Константинополе А.А. Вешнякову, чем Турция торгует с Ираном, Индией, Венецией и др. странами⁹. К сожалению, о реализации данного проекта достоверно неизвестно. Однако, по всей вероятности, такие идеи «витали в воздухе». Так, в 1749 г. с запиской «О восстановлении коммерции» обратился к русскому правительству русский торговый агент фон Денбрух. Для активизации заграничной торговли он предложил понизить таможенные пошлины на некоторые русские товары до 2 %, так как это будет способствовать активизации торговли и приведет, в конечном счете, к увеличению, а не уменьшению доходов казны¹⁰.

В 1750 г. кн. Б.Г. Юсупов подал новый проект правительству Елизаветы Петровны, касающийся вопросов развития торговли: «О поправлении недостатка в серебре и ко умножению монет, к расширению процветающей коммерции Всероссийской империи». Свои предложения автор проекта начал с констатации факта, что «ныне наличие денег главною побудительною причинною коммерции бесспорно признается»¹¹. Далее Б.Г. Юсупов кратко описывает торговые успехи и, как следствие, богатство Англии, Голландии, Швеции, Пруссии. Этот успех, по мнению автора проекта, связан с появлением большого количества золота и серебра после открытия и начала освоения Америки. В связи с этим Юсупов предложил временно разрешить ввоз иностранного серебра в Россию, что, по его мнению, должно содействовать быстрому развитию торговли. Данный проект, как и предыдущие предложение Б.Г. Юсупова, не получил одобрения.

С конца 40-х гг. экономическая политика Российского государства начала приобретать «лицо»: автором практически всех проектов экономических реформ стал Петр Иванович Шувалов. Все экономические мероприятия П.И. Шувалова можно условно разделить на три группы: упорядочение системы налогообложения, изменения в системе таможенных платежей и создание кредитных учреждений. Естественно, все эти направления были тесно связаны между собой и в некоторых случаях находили отражение в одних и тех же записках и проектах.

Как и в предыдущие годы, одной из главных проблем был сбор налогов: подушной подати с крестьян и косвенных платежей. С середины 40-х гг., после окончания русско-шведской войны, в стране разразился очередной финансовый кризис. Повышение подушной подати, которая и так поступала с большими недоимками, ни к чему бы не привело. П.И. Шувалов придерживался той точки зрения, что от благополучия народа (крестьян) в конечном итоге зависит богатство и благосостояние всех остальных слоев населения: «всякого звания государственные чины, дворянство, духовенство и всякие владельцы пропитание и во всем содержание свое с них получают», поэтому важно «оный народ на план рассуждения себе представить и прилежно рассмотреть, дабы чрез что-либо не пришел в крайнюю слабость, отчего и нынешнее его состояние рушиться может»¹². П.И. Шувалов был сторонником повышения косвенных налогов, так как считал, что таким образом без существенного обременения народа можно решить финансовые проблемы. Он предложил повысить цену на соль 24 декабря 1745 г. до 35 коп. (с 21 коп.) и уравнивать цены на этот продукт по всей стране¹³.

31 июля 1747 г. П.И. Шувалов представил в Сенат записку «О способах умножения дохода казенного», в которой высказал свои предложения по вопросу изыскания денежных средств¹⁴. Автор проекта предложил действовать относительно проверенным путем, а именно: повысить цены на вино на 50 коп. за ведро и еще поднять цену на соль. Автор проекта объяснял необходимость такого повышения тем, что других способов пополнения казны просто нет. Иначе, чтобы ликвидировать брешь в бюджете и содержать «новоучрежденное» войско¹⁵, необходимо было бы поднять подушную подать на 31,5 коп., что совершенно не реально. В том же, 1747 г., была начата новая ревизия крестьянского населения, и П.И. Шувалов предложил производить сбор подушной подати по новому окладу, не дожидаясь ее окончательных результатов.

Реализация указанных мероприятий способствовала частичной стабилизации финансового положения, что позволило П.И. Шувалову выступить с новыми предложениями. 7 сентября 1752 г. он подал в Сенат записку «Облегчения ради народа», в

которой предложил отменить подушную подать, заменив ее соляным налогом; простить подушные недоимки в деньгах, рекрутах, лошадях и провианте до 1747 г., так как средств на их сбор уходит много, а отдача – минимальна; освободить крестьян, положенных в подушный оклад от взимания ряда пошлин (ящичных таможенных пошлин, мостовщины, перевозного, пролубного, с найма под извоз десятой доли); а также навести порядок в найме подвод¹⁶. В этом проекте П.И. Шувалов особый упор делал на отмену сборов, мешающих крестьянской торговле. Автор проекта указал, что они не только сами по себе без пользы обременяют крестьян, но и зачастую сопровождаются многочисленными злоупотреблениями, «чего предостеречь никак не можно, кроме того, что его отменить, а на такую вещь разложить, то которой тех приметок быть не может»¹⁷.

В части отмены подушной подати этот проект был отклонен, но послужил началом разработки новых правил таможенного обложения. Были собраны все необходимые ведомости таможенных и канцелярских сборов, после чего П.И. Шуваловым был представлен Сенату 16 марта 1753 г. новый проект, уже об отмене внутренних таможен, который дорабатывался до августа сего года. В рамках данного документа П.И. Шувалов предлагал отменить все внутренние таможенные пошлины и канцелярские сборы, а чтобы казна не оказалась в убытке, распределить ранее получаемую от данных сборов сумму на портовые и пограничные таможенные сборы. Автор проекта доказывал, что многие платежи собирать стало фактически невозможно. Так, по правилам требовалось записывать все товары ценой свыше 20 коп. и снабжать продавцов соответствующими выписками, собирая за это пошлину. Однако объем привозимых крестьянами товаров только на рынки Москвы стал столь велик, что делать это стало крайне сложно, а, следовательно, усиливалась коррупция, а не сборы казны. Не принесло бы облегчения и повышение этого сбора с товаров ценой выше 1 руб., так как крестьяне везут продавать собственные товары, и новая пошлина скажется на выплате подушной подати. То же самое касается и других мелочных сборов, которые не столь тягостны для крестьян суммами, сколько злоупотреблениями.

Сенат не согласился с доводами П.И. Шувалова, считая невозможным отмену пошлин для какой-либо одной категории населения. 16 марта 1753 г. П.И. Шувалов представил новый проект, в котором предлагал отменить «все сборы, кои во внутренних таможах и в губернских и воеводских канцеляриях канцелярские сборы собираются»¹⁸. После обсуждения и незначительной доработки 18 марта 1753 г. Шуваловым был представлен окончательный проект таможенной реформы. В рамках данного документа полностью отменялись все внутренние таможенные сборы. Чтобы казна не потеряла дохода, суммы всех внутренних сборов были перенесены на внешние таможенные тарифы¹⁹. Документ некоторое время обсуждался и дорабатывался в деталях, но общий принцип, заложенный автором, остался неизменным, и 18 декабря 1753 г. был подписан Елизаветой Петровной, а 20 декабря – обнародован²⁰. В дальнейшем также были ликвидированы таможенные границы с Украиной и Войском Донским²¹.

7 октября 1754 г. П.И. Шувалов представил Сенату обобщающий доклад «О разных государственной пользы способах»²². Публикуя данный проект, С.О. Шмидт заметил, что, судя по тексту, автор был знаком с законодательством Петра I, проектами 30-х гг. и записками А. П. Волынского²³. На наш взгляд, это доказывает тщательную подготовку Шувалова при составлении данного документа. Несмотря на витиеватость стиля, в своем докладе Сенату П.И. Шувалов представил обобщающую программу преобразований в экономической и социальной сферах. По мнению автора

проекта, главная «государственная польза» состоит в «умножении дохода». Движущей силой в достижении этого является народ, «положенный в подушный оклад». Именно податное население, по мнению П.И. Шувалова, «главная сила есть империи», так как оно составляет войско и платит налоги. Исходя из этого, рассуждал П.И. Шувалов, «вред империи» проистекает от следующих факторов: 1) от выбывания народа за границу; 2) «от небрежения солдатских детей», которые не поступают на службы и «скитаются»; 3) от сбора в зачет с обывателей провианта и фуража под квитанции, в результате чего армия не получает необходимого содержания; 4) от притеснений и обид, претерпеваемых поселянами от приходящих полков на постой; 5) от низких цен на хлеб; 6) «от неспособных правителей в губерниях, провинциях и городах и от оскудения чрез то правосудия»²⁴.

Проанализировав данные проблемы на большом количестве жизненных примеров, он предложил для их решения серию конкретных мероприятий. Для предотвращения «в сохранении уменьшения народа», Шувалов указал на необходимость учреждения надежных форпостов и «крепком» их смотрении, то есть нахождение на границе надежных воинских частей, которые должны исправно получать жалование. Реализация этих мероприятий сможет укрепить границы и пресечь побег крестьян. В рамках решения второй проблемы П.И. Шувалов затронул вопросы размещения армейских полков. Он считал необходимым построить при городах «солдатские слободы», где содержались бы, в том числе, дети и жены солдат. Фактически автор проекта предложил начать строительство казарм для солдат с отказом от системы постоя. Это, по мнению Шувалова, решило бы сразу две проблемы: принесло «облегчение крестьянству» и способствовало повышению дисциплины в полках²⁵. Для решения третьей проблемы, касающейся содержания армии, П.И. Шувалов предложил учредить магазины, «касающиеся до полков в содержании их провиантом и фуражом»²⁶. Последние «пункты» данной записки затрагивают вопросы реорганизации местного управления, о чем говорилось выше.

Чтобы выполнить поставленные задачи, П.И. Шувалов предложил учредить при Правительствующем Сенате «контору для Государственной экономии». В рамках данной конторы можно было решить ряд перспективных и текущих экономических проблем. По мнению Шувалова, Конторе государственной экономии следовало принимать и разбирать проекты от «всякого звания людей о внутренних государственных пользах». Именно этой конторе следовало передать «всю государственную неокладную казну», так как главным источником расходов была армия, а именно Контора государственной экономии должна была ее содержать.

Доклад П.И. Шувалова был заслушан в Сенате 1 февраля 1755 г., и после «довольного» обсуждения представлен на рассмотрение в особую комиссию. Однако в это время в правительственных кругах активно готовились материалы для открытия работы Уложенной комиссии, поэтому проект Шувалова был передан для дальнейшей доработки в эту комиссию.

Во второй половине 50-х гг. П.И. Шувалов представил ряд проектов, затрагивающих вопросы развития торговли и усовершенствования денежной системы в связи с готовящейся войной. В начале 1755 г. он выступил с проектом завершения реформы о замене 5-копеечной медной монеты. П.И. Шувалов предложил отчеканить 3 млн. руб. медных копеек по 8 руб. из пуда и выменять на них на оставшиеся у населения грошевики по их тогдашней номинальной стоимости, то есть по 2 коп., которые в свою очередь перечеканить в копейки. По расчетам Шувалова, прибыль от чеканки

новой монеты должна составить 750 тыс. руб., что позволит безболезненно провести вторую половину реформы, то есть перечеканить монету²⁷. Это предложение Шувалова было утверждено Елизаветой Петровной 7 марта 1755 г.²⁸. Реализация данных мер смогла на время стабилизировать финансовую ситуацию в стране.

Семилетняя война, начавшаяся в 1757 г., потребовала дополнительных ресурсов. В марте 1757 г. П.И. Шувалов представил в Сенат проект решения финансовой проблемы «старым» способом. Он предложил начеканить еще 7 млн. руб. медной монеты из расчета 16 руб. за пуд меди. Увеличение объема наличных денег, по мнению автора проекта, приведет к оживлению торговли и кредита. Когда же не будет столь острой потребности в деньгах, в течение 15 лет эту монету можно будет изъять²⁹. В данном проекте определенное внимание Шувалов уделил критике введения ассигнаций. Известно, что бумажные деньги уже имели хождение в Европе и, по всей вероятности, вопрос о возможном введении их в России обсуждался в верховных кругах. Его главным аргументом против введения ассигнаций была непривычность их для народа, а, следовательно, малая вероятность высокой доходности. Но этого явно было мало, поэтому Петр Иванович выступил инициатором создания первых банков в России. 23 февраля 1754 г. он представил Сенату проект, где указал проблемы в организации займов, а также на большое количество денег, лежащих без движения на монетном дворе. На основании этого он предложил воспользоваться этим капиталом в качестве основного капитала для купеческого банка. Обсудив предложение П.И. Шувалова, Сенат подал императрице Елизавете доклад об учреждении двух банков – дворянского с капиталом в 750 тыс. руб. и купеческого с капиталом в 500 тыс. руб. Императрица утвердила доклад своим указом от 13 мая 1754 г., в котором было объявлено о создании в России государственного банка для дворянства, точнее, Петербургского и Московского дворянских банков, находившихся в ведении Сената. Одновременно с Дворянским банком при Коммерц-коллегии был учрежден Коммерческий банк для купечества. Тем самым было положено начало созданию банковской системы в России.

Главной функцией Дворянского банка была выдача ссуд дворянам в сумме от 500 до 10.000 руб. при 6 % (т. н. указной процент), со сроком выплаты не более трех лет под залог имений, драгоценных металлов, бриллиантов, каменных домов (вклады банк не принимал). До 1786 г. оборотный капитал дворянских банков был увеличен почти на 6 млн. рублей. Деньги были отпущены из Главного Кригскомиссариата, в основном из Камер-коллегии. Источником формирования банковского капитала послужили доходы винной монополии – одной из наиболее прибыльных статей дохода этого ведомства. Размер ссуд, выдаваемых Дворянским банком «под имения», зависел от количества крестьянских душ у того или иного помещика (подобные условия просуществуют до 1861 г., т. е. до отмены крепостного права). Для ограничения кредита каждый крестьянин (душа) был оценен в 10 руб. Позднее цена возрастала: в 1766 г. – 20 руб., в 1786 г. – 40 руб., в 1804 г. – 60 руб. Кредиты в дворянских банках предоставлялись на срок не более года и могли продлеваться не более чем на три года. Однако дворяне не торопились расплачиваться с долгами, поскольку санкции по отношению к должникам были чрезвычайно мягкими. В 1759 г. по предложению графа П.И. Шувалова срок уплаты процентов был продлен до четырех лет, а в 1761 г. был издан указ о продлении срока погашения ссуд до восьми лет. По истечении этого времени продавались личные вещи должника, а если это не возмещало суммы креди-

та, то заложенное имение продавалось на аукционе. Однако последняя мера применялась в исключительных случаях.

Устройство дворянских банков было несложным: во главе каждого из них находился главный присутствующий в чине надворного советника, его заместитель, помощник, обычно он носил чин коллежского асессора. В руководство дворянских банков входили также секретарь, бухгалтер и кассир. Подчинялись банки напрямую Сенату. Важные дела банков обсуждались на его заседаниях под председательством главного присутствующего и его помощника. Решения заседаний записывались в особый журнал, как правило, это решения о выдаче ссуд. Банковские операции в дворянских банках осуществлялись в обычных домах, внешне напоминая богатые особняки. Обязательным условием был лишь вместительный каменный подвал или кладовая, где хранились денежная казна и вещевые залого, так называемая Казенная палата. Высокий статус банка в государственной кредитной системе России подчеркивался расположением его контор в центре столиц. Известно, что Московская контора Дворянского банка занимала одно из кремлевских зданий.

Открытие специальных банков не смогло решить проблему долгов дворянства. Объемы ссудных операций оставались незначительными по сравнению с запросами помещиков. В условиях Семилетней войны основная масса служилого дворянства, находясь в действующей армии, просто не имела возможности погасить долги. В 1761 г. правительство Елизаветы Петровны вынуждено было уменьшить ссудный процент с 6 до 4 %.

В 1758 г. по проекту П.И. Шувалова была учреждена «Банковская контора для обращения внутри России медных денег» (т. н. Медный банк), а в 1760 г. – «Банк Артиллерийских и Инженерных корпусов» (т. н. Артиллерийский банк). Медный банк (уставной фонд – 2 млн. руб. медными деньгами) был создан для привлечения в казну серебряной монеты. Ссуды выдавались под переводные векселя по вексельному уставу 1729 г. медной монетой из расчета 6 %, а возвращать следовало по следующей схеме: 75 % серебряной монетой, 25 % – медной. Ссуды выдавались под те же условия, что и в Дворянском банке. В уставе Медного банка впервые появляется очень важное положение – разрешалось отдавать деньги «в заем на векселя» купечеству, коммерсантам, фабрикантам и владельцам заводов (заводчикам).

В 1760 г. на казенные деньги был создан Артиллерийский банк. Целью создания банка явилось желание Шувалова «помочь» государству, «дабы впредь подобных прежним в деньгах недостатков последовать не могло» – перечеканить в монету старые медные пушки и на созданный капитал открыть банк. Доход банка предполагалось пустить на усовершенствование артиллерии.

Проведенные под руководством П.И. Шувалова преобразования имели успех и на время «заделали» брешь в бюджете. Однако набирающая обороты Семилетняя война требовала все более средств, и Шувалов 31 октября 1760 г. выступил в Сенате с новым проектом. Он предложил Елизавете Петровне, чтобы не прибегать к внешним займам, произвести чеканку медных монет по 16 руб. за пуд до 16 млн. руб. После чего еще увеличить вдвое номинал и далее чеканить монету, исходя из 32 руб. за пуд меди, и довести количество монет до 32 млн. руб. Общая прибыль от этой операции должна была составить 20,5 млн. руб. Причем из этих денег следовало выделить 6 млн. руб. в недавно созданный Медный банк. Таким образом, государство будет получать прибыль, в том числе серебряной монетой, что позволит постепенно изъять легковесные медные деньги. Кроме изменений в чеканке медной монеты

П.И. Шувалов предложил уменьшить пробу серебряной монеты с 77-й до 72-й, которая имела хождение в Европе. Это принесло бы прибыль примерно 2,4 млн. руб. и воспрепятствовало вывозу серебра за границу³⁰.

Результатом планируемых преобразований должно было стать, во-первых, покрытие расходов на Семилетнюю войну в сумме 6 млн. руб. Во-вторых, составить капитал Медного банка в такой же сумме, что позволило бы улучшить денежное обращение и кредит, а значит активизировать развитие торговли и промышленности. С получаемой прибыли следовало уменьшать подушную подать на 20 коп. с души ежегодно. Наконец, на 1 млн. руб., по мнению П.И. Шувалова, необходимо было учредить государственные хлебные магазины.

После первоначального обсуждения в Сенате П. И. Шувалов несколько доработал проект и 21 декабря 1760 г. подал его окончательный вариант. Проект Шувалова был подвергнут критике канцлером М.И. Воронцовым. Он представил свое «Рассуждение» 16 января 1761 г. для обсуждения в Сенате³¹. Надо заметить, что в это время произошел «бюрократический переворот», в результате которого позиции Шуваловых заметно ослабли. М.И. Воронцов в целом поддержал проект П.И. Шувалова, но заметил, что частые перемены в денежном курсе могут оказаться очень вредными для народа и для развития торговли и промышленности. Далее Воронцов указал, что за 15-20 лет финансовая ситуация может и не стабилизироваться. Особое опасение канцлера вызвало предложение чеканки большого количества легковесной медной монеты, что, по его замечанию, может привести к росту цен и разорению купцов и промышленников. Для решения проблемы нехватки средств во время войны, по мнению автора проекта, гораздо целесообразнее взять средства за границей, тем более что к этому прибегают и европейские страны: «такова почти вся система Европы, – кои суще стараются о коммерции, богатстве и могуществе»³². Воронцов предложил за нехваткой средств отложить вопрос о хлебных магазинах и уменьшении подушной подати. А вот идея передачи средств только что учрежденному Медному банку получила полную поддержку канцлера. Правда, он вполне резонно заметил, что ожидать слишком большой прибыли от этого едва ли возможно, так как дворяне, «шляхетство», беря ссуды, просто проматывают деньги. «Фабрикантов» же еще очень мало³³.

П.И. Шувалов учел замечания М.И. Воронцова и 20 марта 1761 г. представил окончательный вариант заявленной реформы. Он отказался от идеи создания хлебных магазинов и уменьшения подушной подати. Расходы на армию предположил сократить на 1 млн. руб. Капитал созданного банка уменьшался с 6 до 5 млн. руб., причем 1 млн. руб. следовало держать в резерве. Срок ссуды Шувалов предложил сократить с 10 до 3 лет. Проценты за первый год изымались при выдаче ссуды, естественно, медными деньгами, а далее их следовало платить серебром. По мнению автора проекта, это позволяло сократить выпуск легковесных денег с 32 до 24 млн. руб. Более осторожно Шувалов подошел к перечекевке серебряной монеты. Он предложил перечеканить в 72 пробу лишь монеты, выпущенные после 1731 г. В таком виде проект был принят и утвержден Сенатом 6 апреля 1761 г.³⁴.

Однако подписание данного проекта Елизаветой Петровной так и не состоялось, так как против него выступил генерал-прокурор кн. Я.П. Шаховской. Фактически все предложения П.И. Шувалова, даже в скорректированном варианте, вызвали возражения генерал-прокурора. В воспоминаниях Я.П. Шаховской достаточно красноречиво охарактеризовал свое отношение к этому проекту. «Граф Петр Иванович ... являлся ко мне ласковым, дабы я меньше его противу себя понимал и не столько ос-

терегался, более ж, как я после достоверно узнал, для того, чтоб склонить меня в согласие скорее и произвести в действо вторично вновь сочиненный в отмену прежнего, по его же проектам произведенного, план, который он прежде приватно мне в дружеское откровение читал и пользы того изъяснял; а потом, не приметя моего против его приуготовления, и Сенату предложил к решению... Оным его сиятельство домогался из пуда меди по шестнадцати рублей сделанные деньги еще вновь переделанием умножить до тридцати двух рублей и то, что первым своим проектом, по коему те деньги переделываны, доказал в лучшую пользу вторым своим проектом, по коему те деньги, якобы по самой практике достовернее узнав, в худшее превращал и сии последние легковеснейшие медные деньги, как помнится, через шестнадцать лет имея в своей дирекции, искусными в том плане учреждениями превратить в серебро обещал... В том же плане он еще и об умножении банковской суммы и о раздаче в займы с малыми процентами партикулярным людям, под его ж дирекцию, представлял. Итак, сколько тогда было желающих по модам и нежных роскошей вкусам расширить свои доходы, также обращающихся быть экономами и чрез такие займы лучшие себе доходы замысловатыми коммерциями получить льстящихся, только было хвалителей и прославителей оного называемого полезного для отечества плана. Но что до меня касалось, я с первого выслушания вопреки оный понял и день ото дня, по прилежным моим о том размышлениям и по советам и объяснительным беспристрастных в таких делах проницательнейших моих приятелей доказательствам более в нем сомнительств и собственных его сиятельства скрытных надобностей примечал, и для того не замедлил против каждого в том расположении пункта о встречающихся мне сомнительных и могущих обществу произойти вредностях написать мои возражения»³⁵.

Свое мнение Сенату Я.П. Шаховской подал 4 мая 1761 г. Он указал, что выпуск легковесной серебряной монеты приведет к ее массовой подделке и, как следствие, утечке серебра за границу. Особенно возмутила Шаховского мысль о том, что ссудный банк сможет принести прибыль. Он указал, что русские дворяне слишком любят роскошь и не смогут возратить деньги. Да и купцы склонны к тому же. Тех же, кто действительно занимается «промыслами, очень мало»³⁶. Однако средства необходимо было где-то изыскать, поэтому Я.П. Шаховской внес свои предложения. Вместо порчи монеты он предложил «учредить банковские цыдулы или билеты», то есть ввести в оборот бумажные деньги. Для немедленного же пополнения казны Шаховской предложил продать часть казенных земель. Наконец, автор проекта считал необходимым сократить расходы и создать специальную комиссию по борьбе с роскошью. Правда, в отличие от детально разработанного проекта Шувалова и конкретных рекомендаций Воронцова, предложения Шаховского были несколько размыты.

Следует помнить, что обсуждение проекта проходило в крайне сложной обстановке: уже тяжело болела Елизавета Петровна, шла затяжная война. Поэтому замечания Шаховского рассматривали в Сенате достаточно долго, и 7 января 1762 г., уже при Петре III, они были отвергнуты. 17 января 1762 г. Петру III был представлен доклад, в основе которого лежал согласованный проект Сената. Этот проект и был утвержден³⁷. Для проведения реформы была создана Главная экспедиция передела медной монеты под руководством бригадира М.А. Яковлева. В течение короткого правления Петра III достаточно быстро была осуществлена перечеканка монеты.

Одновременно с обсуждением названной реформы в Сенат 28 февраля 1760 г. поступил доклад и «Рассуждение о российской коммерции» секретаря Сената Ф.И. Сукина. Федор Сукин принадлежал к древнему дворянскому роду. Он получил

образование в Шляхетском кадетском корпусе. В 1760 г. он занимал должность секретаря Сената, а также возглавлял третью экспедицию Сената, ведавшую делами Коммерц-, Мануфактур-, и Берг-коллегий, Купеческого банка, Монетной канцелярии, Комиссии о пошлинах и Главного магистрата. Представленный в Сенате доклад был отчетом Ф. И. Сукина о командировке на территорию Восточной Пруссии, занятой русскими войсками. Эта поездка была предпринята для изучения местной торговли.

В «Рассуждении о российской коммерции» Ф.И. Сукин указал, что Россия – очень богатая страна. Она имеет выход к пяти морям, на ее земле произрастает «все нужное и необходимо потребное для человека»³⁸. Подобные условия являются лучшими для развития коммерции, которая «есть надежнейшее средство к обогащению государства!»³⁹ Елизавета Петровна хорошо это понимала, размышлял автор проекта, поэтому были отменены внутренние таможи, учреждены банки и проведены другие мероприятия, целью которых являлась поддержка коммерции. Ф. И. Сукин предложил продолжить начатые преобразования. Он считал, что для облегчения коммерции необходимо установление вексельного кредита или введение бумажных денег, которые были широко распространены в Европе. Далее автор проекта указывал на важность «бракования товара», под которым следует понимать требование соответствия товара неким образцам, качественным показателям. И, наконец, Ф. И. Сукин писал о необходимости сочинения устава о весах и мерах, то есть их унификации⁴⁰. «Рассуждение» Ф. И. Сукина было подано в сложное время: шла война, фактически находилась при смерти Елизавета Петровна, потому судьба данного проекта неизвестна.

В 1761-1762 гг. ряд предложений по вопросам реформирования экономической сферы государства был представлен Р. И. Воронцовым, братом канцлера. 5 февраля 1761 г. он подал в Сенат проект «Об увеличения населения России», в котором доказывал необходимость «сыскивать способы к умножению в России жителей», так как заселена только пятая часть страны⁴¹. Эта проблема стала актуальна из-за больших человеческих потерь во время Северной войны. Для ее решения Р. И. Воронцов считал необходимым «сколь возможно облегчить [положение – Н. К.] российского крестьянства». Одной из наиболее обременительных повинностей для крестьян является рекрутская. Именно ее исполнение, особенно во время войны, привело к массовым потерям русского населения. Чтобы избежать этого, автор проекта предложил разрешить дворянам, духовенству и купцам «доставать за деньги, увещанием, ласкою и прочими способы, кроме насилия, из иноверцев малолетних и рослых обоого пола в вечное услужение»⁴². Данный проект был в «английском» стиле, вполне характерном для рода Воронцовых. Однако он не отвечал реальным потребностям страны и был отвергнут.

5 октября 1761 г. Р.И. Воронцов представил Сенату новое «Предложение о сохранении крестьян как основного податного населения России». Как и в предыдущем проекте, автор указывал на растущее разорение крестьянства в результате больших податей и постоянных рекрутских наборов⁴³. Однако теперь автор проекта предложил проводить рекрутские наборы среди населения Лифляндии, Эстляндии и Украины, которое, по его мнению, пользуется преимуществами перед русским населением. Этот проект также не был реализован.

Кроме предложений о перекладывании тяжести рекрутской повинности на нерусское население, Р.И. Воронцов представил ряд проектов по развитию торговли, особенно с восточными странами. В проекте «Об улучшении торговли с Персией», который был представлен Сенату 21 июня 1762 г., автор доказывал, что «государство то всегда богато, которого жители богаты, и которые в случае необходимости, какие

бы ни возложены на них подати, заплатить бы могли без отягощения»⁴⁴. В свою очередь, богатство народа, считал автор, во многом зависит от удачной коммерции, особенно с другими странами. Р.И. Воронцов предлагал сенаторам обратить внимание на опыт Ост-Индской компании в Голландии. Автор проекта рекомендовал по ее образцу учредить российскую компанию для торговли с Персией. Существующую же компанию, которая имеет монопольные права на эту торговлю, ликвидировать. Кроме того, Р. И. Воронцов предложил расширять восточную торговлю, особенно за счет Индии и Турции. Монопольное право такой торговли должна иметь казна, чтобы увеличить ее доходы. В целом в своих проектах Р.И. Воронцов указывал на необходимость активно выходить на внешние рынки и развивать заграничную торговлю.

Кроме проектов и записок государственных чиновников, определенное внимание вопросам экономического развития уделил в своем творчестве М.В. Ломоносов. Его экономические воззрения противоречивы. Ломоносов осознавал, что главный источник могущества России – не в военных победах, не в силе политической власти, а в развитой экономике. В 1761 г. Ломоносов задумал серию работ по социально-экономической тематике. Ученому хотелось подытожить свои наблюдения и размышления в этой области. План не был реализован, Ломоносов успел написать лишь одну из задуманных работ, но любопытен сам перечень тем, намеченных автором: «1. О размножении и сохранении российского народа. 2. О истреблении праздности. 3. О исправлении нравов и о большем народе просвещении. 4. О исправлении земледелия. 5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств. 6. О лучших пользах купечества. 7. О лучшей государственной экономии. 8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира»⁴⁵.

Первая тема размышлений М.В. Ломоносова – «размножение и сохранение» народа. В народе он видел созидательную силу, источник «прибытков» и «изобилия». Восхваляя экономическую политику Елизаветы Петровны, он поставил ей в заслугу «сохранение народа» и строительство мануфактурных предприятий, «фабрик». М.В. Ломоносов искренне верил в творческие способности народа: «посмотрите... на все многообразные ремесленные искусства и фабрики ... на разных морях флоты и пристани, отменные гражданские учреждения и строения; посмотрите на сию новую Российскую столицу. Не ясно ли воображаете способность нашего народа, столь много преуспевшего во время, едва большее половины человеческого веку?» Многие доступно «российскому народу, народу острого понятия, поворотливостию членов, телесною крепостью, склонностью к любопытству, а паче удобностию к послушанию перед прочими превосходному»⁴⁶. Свои мысли по поводу «сохранения и размножения» народа Ломоносов изложил в письме к И.И. Шувалову, написанном 1 ноября 1761 г. В народе, писал ученый, «состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». Более того, он понимал, что исправить положение «непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вкоренившихся, истребить невозможно»⁴⁷. Тем не менее, он предложил некоторые конкретные мероприятия законодательного характера. Ломоносов считал необходимым разработать специальное законодательство о браке. По его мнению, следует законом отменить деревенский обычай женить «малых ребят» на взрослых девушках и женщинах ради привлечения в крестьянское хозяйство дополнительных рабочих рук. Необходимо запретить и браки пожилых мужчин и юных девушек. Проблемы крестьянского хозяйства нельзя разрешить матримониальными методами, для этого необхо-

димы экономические средства: «если кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот найму [найми – Н. К.] работников, прими третьчиков или половинников, или продай излишнее другому». Ломоносов указал на недопустимость насильственного супружества, не сулящего здорового и многочисленного потомства, и предложил разрешить четвертый и даже пятый брак мужчин в условиях высокой смертности женщин от болезней и патологических родов. Ломоносов даже считал возможным запретить раннее монашество для лиц, способных к деторождению⁴⁸.

Для сохранения здоровья населения ученый предложил изменить календарь церковных праздников, особенно великих – масленицы, святой недели (великого поста), пасхи. Он указал, что эти праздники, установленные в древности в соответствии с климатом Греции, формально перенесены в Россию без учета ее природно-климатических особенностей. Поэтому в пасхальное разговенье в России еще нет свежей растительной пищи, народу приходится есть после поста гнилые остатки пищевых запасов, что губительно сказывается на его здоровье. Масленица с обжорством и пьянством и сменяющий ее пост приводят даже к смертельным исходам. Церковные праздники надо перенести так, чтобы, например, пасха приходилась на разгар весенне-летних полевых работ и купеческих поездок, чтобы «для исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неровного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие». Ломоносов был уверен, что эти реформы будут «не более опасны, чем заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверцами, заставить матросов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо них учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу в пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!»⁴⁹ Он указал на необходимость широкого распространения акушерских и педиатрических знаний, открытие приютов для подкидышей и сирот за счет государства. Другим социальным злом, уносящим тысячи человеческих жизней, Ломоносов считал пьянство, немаловажную причину которого он видел в развращающем влиянии церкви и монастырей.

Для решения проблемы бегства крестьян Ломоносов, в отличие от государственных деятелей, предложил не ужесточать меры борьбы с побегами, а «лучше поступить с кротостью... мне кажется лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству». Кроме этого, он указывал, что нужно всевозможными льготами и «вольностями» привлечь в Россию иммигрантов для заселения обширных пустующих мест, что в дальнейшем воплотит Екатерина II⁵⁰.

М.В. Ломоносов не был противником крепостного труда, но он понимал его ограниченные возможности, особенно на фабриках. Ломоносов заботился о лучшей участи приписанных к фабрике крестьян, просил освободить их от почтовой повинности и других работ, оберегал от притязаний казны и соседних помещиков, требовал строгого размежевания крестьянских наделов и угодий от соседних владений. Наконец, одним из первых в России Ломоносов понял важность охраны труда.

Важнейшим средством приращения мощи страны Ломоносов считал развитие сельского хозяйства. Он содействовал распространению передовых для того времени агрономических знаний, пропагандировал в печати восхитившие его опыты царского садовника Г.Я. Эклебена, вырастившего в Петербурге кустистую пшеницу и рожь. Ломоносов утверждал, что «сей первый опыт доказывает, что и в наших северных краях

натура в рассуждении хлеба плодovitее быть может старательным искусством»⁵¹. Для развития сельского хозяйства Ломоносов предлагал учредить специальный государственный орган – «коллегию земского домостройства», целью которой должно стать развитие агрокультуры и земледелия, чтобы «смотреть о внутренних избытках в государстве». Проект Ломоносова не был осуществлен, но некоторые его идеи нашли воплощение в созданном в год его смерти Вольном экономическом обществе.

Определенное внимание Ломоносов уделил вопросам торговли, товарного обращения, финансов. Он приветствовал освобождение внутренней торговли от пошлинных ограничений, строительство каналов и других гидротехнических сооружений «для удобнейшего проходу российского купечества»⁵².

Окончание Семилетней войны и вступление на престол Екатерины II ознаменовали начало нового этапа экономического развития страны. Несмотря на все усилия государственных деятелей в предыдущие царствования, стабилизировать финансовую систему не удалось. Правительство Елизаветы Петровны постоянно занималось «латанием дыр» в бюджете, который был окончательно расстроен во время затяжной войны. В начале правления Екатерины II финансы находились в весьма плачевном состоянии. Сама императрица достаточно критично охарактеризовала финансовое положение страны в 1762 г.: «при вступлении моем на престол я нашла сухопутную армию в Пруссии за две трети жалования не получившую, в Штатс-конторе именные указы на выдачу 17 млн. руб. невыполненные. Сенат подал мне реестр доходов империи, по которому явствовало, что оных считали 16 млн. руб. По прошествии двух лет я посадила кн. Вяземского [тогда уже генерал-прокурора Сената – Н. К.] и Мельгунова, тогдашнего президента Камер-коллегии, считать доходы. Они несколько лет считали... Наконец сочли 28 млн. – 12 млн. более, нежели Сенат ведал»⁵³. Правда, реальные цифры, представленные Штатс-конторой, более скромные. По официальным данным дефицит бюджета составлял 2 млн. руб. Эти цифры вызывают большее доверие, так как весь бюджет на 1762 г. составлял около 17 млн. руб.⁵⁴ Более того, в начале правления Екатерины II доходы государства увеличились лишь за счет новых поступлений с бывших монастырских земель.

Новой власти необходимо было решить, как продолжать преобразования, начатые П.И. Шуваловым. В конце декабря 1762 г. Сенат представил Екатерине II доклад о необходимости завершения этой реформы и постепенном истреблении легковесной монеты. Для этого было решено перечеканить медную монету из 16-руб. в 32-х руб. стопу из пуда, то есть увеличить ее номинал в два раза. В дальнейшем слить ее в шутики и продавать за границу за серебряную монету.

Особое мнение о способе завершения реформы высказал генерал-прокурор А.И. Глебов. Он выступил против перечеканки монеты, так как это само по себе потребует больших затрат, а предложил из новой меди начеканить 5,5 млн. руб. монеты, исходя из 16 руб. за пуд и на эти деньги выменять всю «легкую монету». Все эти мероприятия можно было завершить, по мысли генерал-прокурора, за два года. Екатерина II одобрила мнение генерал-прокурора и указала выделить на чеканку монеты 343750 пудов меди. Кроме того, она запретила без специального разрешения покупать иностранное серебро, а также определила его стоимость при покупке монетными дворами в 19,5 коп. за золотник чистого серебра⁵⁵. Единственный, кто выступил против реформы, был Я.П. Шаховской. Он предложил без дополнительной чеканки монеты изымать медные деньги, переплавлять их в сырье и продавать за границу за серебро.

Однако императрица не сочла доводы Я.П. Шаховского убедительными. Действительно, 16-ти руб. медная монета вполне себя оправдала и просуществовала до 1796 г.

Решение оперативных вопросов с курсом монеты заставило правительство задуматься о необходимых глубоких преобразованиях в финансово-экономической сфере. Императрица Екатерина II обратилась в Комиссию по коммерции с указанием представить на ее рассмотрение предложения по увеличению государственных доходов. В 1763 г. «Мнение» по данному вопросу представил член Комиссии И.И. Неплюев. Он указал, что «главные государственные доходы» в стране проистекают в результате развития промышленности и торговли⁵⁶. Петр I, писал автор проекта, много сделал для умножения государственных доходов и строительства мануфактур, но в силу «краткости» человеческой жизни не смог завершить задуманное. При последующих правителях, вместо того, чтобы развивать дело Петра Великого, мануфактуры и фабрики раздали в частные руки; постоянно практиковался выпуск легковесной монеты и, «ежели в то вникнуть, то осязательно можно усмотреть, что более то делано в пользу партикулярных людей, а не казенную»⁵⁷. Для решения проблемы И.И. Неплюев предложил составить перечень всех государственных доходов, после чего «полезные умножить, а бесполезные оставить». В дальнейшем, считал автор проекта, необходимо создать максимально благоприятные условия для развития торговли, понизить таможенные пошлины и освободить купцов от казенных служб. Особенно важно, подчеркивал Неплюев, наладить торговые отношения со среднеазиатскими странами⁵⁸. Результаты рассмотрения данной записки в материалах дела не представлены.

Буквально сразу же после вступления на престол, 5 июля 1762 г., в качестве великодушной меры монарха, Екатерина II издала указ о понижении цены на соль с 50 коп. до 40 коп. за пуд⁵⁹. Это привело к увеличению потребления соли и, соответственно, повышению доходов от ее продажи, что возвело вопрос о продаже соли в ранг государственных.

В свете решения проблемы увеличения государственных доходов в 1763 г. в правительстве Екатерины II вопрос о соляной торговле вновь был поднят. Свое мнение по данному вопросу представил статский советник М.С. Козьмин, главный судья Соляной конторы. Он указал, что для сохранения доходов казны от продажи соли необходимо не уменьшать ее цену и оставить государственную монополию на продажу соли. В то же время М.С. Козьмин подчеркивал, что и увеличение цены недопустимо, так как она и так достаточно высока для крестьян. Наконец, автор проекта предложил поручить продажу соли самим крестьянам⁶⁰.

Обсуждение цены на соль получило продолжение в анонимной «Записке о соли»⁶¹. Автор записки указал, что стоимость соли при постоянной необходимости покупки ее населением является фактически всеобщим налогом, равным примерно 23 коп. с души. Однако мнение, «что будто для народа легче то, что соляную продажею прибыль в казну получать, нежели к подушным деньгам число той прибыли на душу приложить, однако для крестьянина, конечно, все равно есть, что на покупку соли деньги ему употребить или в казну при подушном сборе заплатить», является ошибочным. Во многих регионах крестьяне сами добывают соль и поэтому не покупают ее. Кроме того, государство тратит большие деньги на провоз и продажу соли и вынуждено постоянно бороться с контрабандой⁶². Предложение автора о замене косвенного налога прямым не было поддержано верховной властью. Тем более что в этот период уже стало известно, что понижение цены на соль способствовало значитель-

ному повышению спроса на нее. Это в конечном итоге вместо убытков стало приносить казне прибыль.

В 1764 г. помимо уменьшения налога на соль были изменены и некоторые другие косвенные государственные налоги. Отменена монополия на таможенные сборы. В этом же году указом 23 марта 1764 г. была учреждена особая комиссия для собирания сведений о состоянии соляного и винного сборов, чтобы они, «не отягощая народ, умножали доходы казны»⁶³.

Перед началом работы Уложенной комиссии власти вновь обратились к проблеме повышения государственных доходов. В феврале 1767 г. доклад о работе своего ведомства Екатерине II представил президент Камер-коллегии А.П. Мельгунов. Он писал, что основу государственных доходов составляет земля: «народ и хлебопашество яко главнейшие»⁶⁴. Успешному развитию сельского хозяйства и повышению государственных доходов мешают, считал А.П. Мельгунов, чрезмерно высокие подати. То есть и подушная подать, и соляной налог оказались разорительными для населения. Поэтому, по мнению автора проекта, государству необходимо искать такие доходы, «которые свойственны человечеству и чрез которые народ своего потомства не лишится и у бедноты последнее не отъемлется»⁶⁵. Такими сборами, по мнению А.П. Мельгунова, должны стать таможенный и питейный. Иными словами, он предлагал полностью перенести всю тяжесть налогового обращения на косвенные налоги, которые, как он полагал, платят далеко не только крестьяне. Однако было очевидно, что прямое налогообложение ничем не заменить, поэтому его предложение принято не было.

Проблема организации финансов и торговли в начале правления Екатерины II волновала не только государственных деятелей, но и непосредственных участников торговой деятельности, купцов и промышленников. В 1763 г. тульские купцы И.Ф. Владимиров, М. Грибанов, Л. Лугинин и М. Т. Пастухов обратились к императрице с просьбой организовать компанию с капиталом в 100 тыс. руб. для торговли через Петербург со странами Средиземноморья⁶⁶. Императрица не только одобрила создание такой компании, но и оказала ей поддержку. Компания получила два военных фрегата для охраны торговых кораблей. Кроме того, сама Екатерина II и руководитель Комиссии по коммерции Г. Н. Теплов стали соучредителями данной компании, внося в уставной капитал по 10 тыс. руб. каждый.

В том же 1763 г. в правительство Екатерины II поступила записка от заводчиков братьев И.Б. и Я.Б. Твердышевых и их компаньона И.С. Мясницкого с просьбой разрешить торговать через порты Черного моря, а не через Петербург, т. к. это гораздо выгоднее. Они размышляли, что отправка 20 тыс. тон железа им обойдется гораздо дешевле, так как в Черном море нет конкуренции английских и голландских купцов⁶⁷. Реакция Екатерины II на эту записку неизвестна.

Не менее сложную задачу, чем стабилизация финансового положения, для правительства Екатерины II составляла проблема создания системы управления данной сферой. По мнению историка финансов И.С. Блюха, существующие там порядки были «еще хуже положения самих финансов»⁶⁸. Решению этой проблемы, а также понимание общественного мнения по вопросам экономического развития страны, служат указы избирателей, присланные в Уложенную комиссию в 1767-1768 гг.

Основные экономические требования дворянства касались совершенствования взимания подушной подати. Дворяне Клинского уезда предложили отменить вообще подушный сбор «с одних только крестьян, что по земледельству их первое благополучие государству доставляющих». Для компенсации государству этого дохода авто-

ры наказа предлагали повысить косвенные налоги. Новым в данном наказе было предложение повысить цены не только на традиционные продукты (соль, вино, табак и др.), но и на некоторые предметы роскоши: «на кареты, на псовую охоту, на платья с золотом и серебром»⁶⁹.

Однако такие предложения были скорее исключением из правил. В большинстве проектов, наоборот, предлагались разные варианты повышения налогов, но не с помещичьих крестьян, так как это косвенно затрагивало и помещиков, а с других категорий населения. Например, дворяне Крапивненского уезда предлагали повысить оброк для однодворцев, государственных, дворцовых и экономических крестьян до 2 руб. с души⁷⁰. В ряде проектов указывалось на необходимость распространить повинности, налагаемые на российских крестьян, на население Малороссии, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии, так как, по мнению авторов данного наказа, «российское дворянство несет перед оным несравненную тягость»⁷¹.

В наказах дворянства отразилось их недовольство наличием большого количества канцелярских сборов, затрагивающих крестьянскую торговлю и некоторые промыслы дворян. В наказах Серпуховского и Михайловского уездов высказывалось предложение отменить ежегодную плату «за мельницы, бани, рыбные ловли, отдаточные земли и луга». Вместо этого установить единовременный взнос за аренду, который государство могло бы положить в банк и получать доходы в виде процентов⁷². Аналогичные предложения прозвучали в наказах дворянства Серпейского и Крапивненского уездов⁷³.

Определенное недовольство вызывала у дворян система откупов. По мнению дворян Ярославского и Кадыевского уездов, система винных откупов разоряет крестьян, поэтому целесообразно передать права торговли вином самим помещикам⁷⁴. Еще дальше в своих предложениях пошли дворяне Валуйского и Путивльского уездов, которые предложили отменить винную монополию и разрешить свободно торговать вином помещикам. В компенсацию же было предложено повысить подушную подать на 10 коп⁷⁵.

В наказах дворянства встречались единичные предложения по совершенствованию банковской системы в стране. Дворяне Крапивненского уезда предлагали властям продать помещикам бывшие монастырские земли из расчета 30 руб. за душу. После чего вырученные средства положить в банк и выдавать ссуды под проценты.

В целом анализ данных наказов в Уложенную комиссию показывает, что российское дворянство не отличалось особой дальновидностью в области решения экономических вопросов, однако его представители прекрасно понимали, что их собственное благополучие зависит от платежеспособности крестьянства.

Наиболее богаты на предложения по финансово-хозяйственным вопросам указы городского населения, среди которого было много купцов. Главное требование купцов – отмена различных казенных сборов и служб, например, по продаже казенного вина и соли. Такие требования встречаются фактически во всех городских наказах. При этом наиболее дальновидные авторы, понимая, что власти едва ли пойдут на ликвидацию повинности, ничем ее не заменив, предлагали вместо этого ввести специальный «купеческий оклад»⁷⁶. Особо следует отметить предложения, содержащиеся в наказе от города Рославля. Купцы, авторы наказа, сетовали, что они, как и крестьяне, платят подушную подать. Отсюда «в великом презрении купечество находится по состоянию его в подушном окладе и малости положенного бесчестия, так что иного звания не слышишь – мужик сорокаалтынный». Вместо подушной подати и других

сборов предлагалось учредить специальный купеческий «гражданский налог»⁷⁷. Подобное предложение свидетельствует о высоком уровне самосознания части российского купечества. Надо заметить, что власть прислушалась к позиции купечества, и ряд их требований в дальнейшем был удовлетворен.

В наказах крестьян содержались в большей степени не предложения, а жалобы: они высказывались против необходимости платить подушную подать за умерших, взятых в рекруты и других, не способных платить самостоятельно⁷⁸.

От финансовых ведомств в Комиссию поступили предложения, указывающие на существующие «неудобства» и пожелания о необходимых преобразованиях в хозяйственной сфере. От мануфактур-коллегии поступила жалоба на монополии, которые доставляют выгоду только одному лицу в ущерб обществу. Высказывалось рекомендации изменить положение приписанных к фабрикам крестьян, так как качество их работы крайне невысоко, а бунты и волнения – постоянны. Из камер-коллегии, которая должна была заботиться о приращении государственных доходов, была получена информация о том, что ее деятельность далека от совершенства. Так, в коллегии нерешенными оставались до 96000 дел. Особенно большие проблемы у камер-коллегии оставались со сбором крестьянских податей.

Таким образом, несмотря на различные требования и предложения, высказанные в наказах для Уложенной комиссии, очевидна заинтересованность населения в разработке целостной экономической, прежде всего финансовой, политики. Екатерина II и сама понимала, что одним из основных условий успешного реформирования является ресурсное обеспечение планируемых преобразований, поэтому решила на проведение достаточно радикальной для того времени реформы – введение ассигнаций или бумажных денежных знаков.

Реформа по установлению некоего денежного эквивалента назрела давно, по сути дела, все преобразования медных денег преследовали ту же цель. Однако Елизавета Петровна так и не решилась ввести бумажные деньги. Увеличение доли медных денег в общем денежном обращении внутри страны проявлялось все более негативно. Во-первых, медная монета была тяжелой. Так, сумма в 1000 руб. состояла из 20 тыс. пятаков и весила 62,5 пуда. Для того чтобы доставлять крупные суммы, требовались дополнительные деньги, кроме того, это было небезопасно. Во-вторых, фактически были исчерпаны все резервы преобразований в обращении медной монеты. От многочисленных перчеканок многие монеты стали «нечитаемыми», и поэтому негодными к употреблению.

Начало реформы по введению ассигнаций было положено еще при Петре III. 25 мая 1762 г. был подписан указ «Об учреждении Государственного банка» с целью введения бумажных денег, чтобы «хождение медных денег облегчить»⁷⁹. В рамках первого этапа реформы предлагалось ввести 5 млн. бумажных рублей, которые без особых затруднений могли быть обменены на медные монеты. Однако последующие события приостановили данную реформу. В начале правления Екатерины II введение бумажных денег было приостановлено и завершена перчеканка медной монеты, о чем уже говорилось.

В 1768 г. на имя Екатерины II поступила записка от новгородского губернатора графа Я.Е. Сиверса с предложением ввести в России бумажные деньги. Автор проекта указывал, что в качестве «разменной монеты» гораздо целесообразнее использовать бумажные деньги, а не легковесные медные. Я.Е. Сиверс указывал, что главной проблемой правительства при введении ассигнаций будет забота о доверии к новым

деньгам, для чего целесообразно было бы создать контору, которая бы без дополнительных условий меняла бумажные деньги на медные. Он писал, что «все и каждый своею и всего государства пользою обязаны тому по всей мере и возможности содействовать, чтобы число бумажных циттелей [от нем. бумажных денег – Н. К.] выпущено было сколько можно больше, чтобы положенные за них в казначейские конторы деньги оставались сколько можно дольше без недвижимости, и чтобы правительство скорее в состоянии нашлось [использовать – Н. К.] некоторую из них часть, оставляя другую на случающийся мелочный вымен билетов»⁸⁰.

Предложение графа Я.Е. Сиверса поступило как раз вовремя: Россия вступила в войну с Турцией, для чего крайне необходимо было изыскать средства. На основании этой записки Екатерина II поручила генерал-прокурору А.А. Вяземскому доработать проект по выпуску ассигнаций. За несколько месяцев он подготовил документ по «учреждению бумажных ассигнаций», по которому предлагалось создать специальный банк; собрать в Москве и Петербурге до 1 млн. медных денег; выпустить на такую же сумму ассигнаций и обменивать их во вновь созданном банке. В случае успеха операции довести сумму до трех млн. рублей.

Императрица Екатерина II одобрила реформу. 29 декабря 1768 г. был издан указ об учреждении банков, в котором изложен порядок их работы. «Ст.24. хотя банки получают государственные ассигнации от правления банков, за подписанием главного директора, однако ни одна ассигнация из банков выпущена быть не может, если под именем главного директора не подписано будет имя директора того банка, который выдает ту ассигнацию...» «Ст.38. Члены банков должны со всеми приходящими людьми, какого бы они звания ни были, обходиться вежливо и никогда презрения или грубости не оказывать, ибо от доброго поведения членов много зависимо благосостояние банков»⁸¹. Правительство Екатерины II хорошо понимало, что дополнительный выпуск ассигнаций может подорвать их покупательную способность и доверие к ним. Первые ассигнации были выпущены номинала 25, 50, 75, 100 руб. Правда, от ассигнаций номинала в 75 руб. пришлось быстро отказаться, так как их начали активно подделывать. На каждой ассигнации имелись 4 подписи: двух сенаторов, главного директора правления банка и директора местного банка.

Ассигнационные банки были учреждены в ряде городов с выделением каждому необходимых средств. Так, Петербургскому и Московскому банкам было выдано по 500 тыс. руб., при этом «денежную сумму, в банке находящуюся, ниже малейшую часть оной никакому правительству требовать или заимообразно брать не дозволялось». Для облегчения обмена ассигнаций открывались банковские конторы в Ярославле (1772), Смоленске, Астрахани, Нижнем Новгороде (1773) и т. д. Для каждой выдавалось ассигнаций на 150-200 тыс. руб., вскоре размер данных сумм увеличился. В Петербурге было учреждено центральное правление банков, во главе которого стоял директор, подчинявшийся, в свою очередь, только императрице. Первым директором правления банков был назначен сын П.И. Шувалова, Андрей Петрович Шувалов.

Успех реформы по введению ассигнаций во многом был обусловлен постепенностью вводимых преобразований. Первоначально ассигнации можно было обменивать на монеты только в Московском и Петербургском банках. Далее указами от 28 марта и 13 июля 1769 г. было утверждено правило равного хождения ассигнаций и монеты в государственных учреждениях, которым предписывалось принимать ассигнации «во все государственные сборы»⁸². Наконец, манифестом от 22 января 1770 г. были сняты все ограничения с обмена ассигнаций. Правда, при обмене ассигнаций на медные мо-

неты взималось 0,5 % от суммы. Установление данного платежа власти объясняли необходимостью покрыть расходы на транспортировку денег, поэтому в Москве и Петербурге обмен по-прежнему был бесплатный. Подобная ситуация привела к большому скоплению медных денег в Московском и Питерском банках, поэтому правительство Екатерины II решает отказаться от этой пошлины и открыть, как уже говорилось выше, банковские конторы в провинции. Всего за период с 1772 по 1782 г. их было учреждено 23⁸³.

Буквально сразу же после введения ассигнаций банки столкнулись с проблемой изъятия из обращения ветшавших купюр. Кроме того, стояла задача надежной пересылки денег и борьбы с их пропажей в пути. Доставка денег в разные районы империи производилась под воинским конвоем через почты, эстафеты и конторы. В 1777 г. директор Санкт-Петербургского почтамта предложил для удобства пользоваться специальными переводными билетами, «от правительства узаконяемыми». Он писал: «Купец здешний 5 тыс. рублей имеет платить в Москве или Ярославле тамошнему купцу, то, взяв из здешнего банка переводной билет на оную сумму, отправить может к своему корреспонденту для получения по оному платежу из банка того места, за которую выгодность, способность и безопасность никто не отречется по полу-проценту платить»⁸⁴. Предложение директора почтамта было одобрено в Сенате, результатом чего явился указ от 1 декабря 1777 г. о введении переводных билетов. Но уже 13 февраля 1778 г. он был отменен. Данное начинание не могло быть воплощено в условиях России с ее большими расстояниями и малой сетью банковских филиалов. 4 октября 1787 г. Сенат издал новый указ, согласно которому денежные суммы должны были пересылаться векселями. Однако на практике он выполнялся не всегда.

Реформу по введению бумажных денег можно считать вполне удачной. Ассигнации быстро завоевали популярность у населения удобностью в обращении. Доказательством здесь служит тот факт, что сумма обмена ассигнаций на медные деньги постоянно превышала обратный обмен. Так, с 21 июня по 2 августа 1769 г. в Московском банке обмен монет на ассигнации составил 138,5 тыс. руб., а обратный – только 49,5 тыс. руб.⁸⁵ Правительство Екатерины II первое время ревностно охраняло курс ассигнаций. В январе 1774 г. императрица издала указ о том, что власти не превысят уровень суммы выпуска ассигнаций в 20 млн. руб.⁸⁶ Однако свое обещание правительство не сдержало: постоянные войны, «дорогостоящие» реформы и освоение южных земель требовали постоянных средств.

В конце 1785 г. (или в начале 1786 г.) директор ассигнационного банка А.П. Шувалов представил императрице Екатерине II записку, в которой предложил увеличить сумму выпущенных ассигнаций до 100 млн. руб. Несмотря на обещания не печатать лишние денежные знаки, к этому времени ассигнаций уже было напечатано на 46,2 млн. руб. Автор проекта полагал, что из вновь выпущенных ассигнаций 17,5 млн. можно было бы предоставить для займов дворянам на 20 лет под 8 % годовых, и 11 млн. – горожанам на 22 года под 7 % годовых. По мнению Шувалова, это должно было принести казне около 19 млн. прибыли. Остальную сумму вновь напечатанных ассигнаций автор проекта предлагал распределить следующим образом: 4 млн. руб. для Кабинета Екатерины II, 2,5 млн. руб. для государственного казначейства, 3,8 млн. руб. в качестве резерва для обмена ассигнаций на монеты и 15 млн. руб. зарезервировать на случай войны⁸⁷.

Для рассмотрения проекта А.П. Шувалова 10 апреля 1786 г. была создана комиссия, в которую вошел он сам, А.Р. Воронцов, П.В. Завадовский, А.А. Безбородко

и А.П. Ермолов. Члены комиссии ободрили предложения автора проекта. В качестве главного аргумента в пользу увеличения числа ассигнаций они, ссылаясь на иностранный опыт, утверждали, что данная мера не повлечет роста цен и позволит избежать дополнительных налогов с населения⁸⁸. Далее доклад был передан генерал-прокурору А.А. Вяземскому, который высказался решительно против выпуска такого количества ассигнаций. Более того, опытный генерал-прокурор заметил, что свободные кредиты для дворянства в любом случае будут вынуждены выплачивать крестьяне, что приведет к разорению и тех и других. Однако аргументы членов комиссии в глазах Екатерины II оказались весомее, и решение в пользу дополнительного выпуска ассигнаций было принято. 28 июня 1786 г. был издан манифест об учреждении Заемного банка, через который предполагалось реализовать намеченную реформу⁸⁹. История показала, что А.А. Вяземский был прав. Уже к концу правления Екатерины II стал заметен дефицит бюджета: в 80-х – начале 90-х гг. он составил 9-15 млн. руб.⁹⁰ Справедливости ради надо заметить, что предложения А.П. Шувалова временно разрешили ряд проблем, связанных с недостатком наличности, особенно в провинции.

В результате проведенных преобразований был реорганизован Ассигнационный банк. Новый устав Ассигнационного банка был утвержден в декабре 1786 г. Согласно ему два эмиссионных банка – Петербургская и Московская конторы – были преобразованы в единый Государственный ассигнационный банк с наделением его большими правами. Он мог выпустить ассигнации на сумму до 100 млн. руб., но с учетом уже обращающихся бумажных денег. Кроме того, обновленный банк мог осуществлять и другие операции: учитывать векселя из 0,5 % в месяц, заниматься куплей-продажей меди (в том числе и продавать ее за границу), а также покупкой золота и серебра, чеканить на Монетном дворе в Петербурге золотую и серебряную монеты. Банк принимал вклады под более низкий, чем прежде процент, из расчета 4,5 % годовых⁹¹.

К деятельности Ассигнационного банка были допущены купцы. Директора столичных контор наблюдали за производимыми операциями и имели право подписывать ассигнации, что прежде дозволялось только сенаторам. Главное правление оставалось в Петербурге, состав которого был расширен до 10 человек. Каждый из советников главного директора отвечал за определенную операцию – по подряду и закупке меди, по деятельности Учетной (Экстной) конторы и др. Один из советников являлся заместителем главного директора. Эмиссионное право и право вести учет векселей делало Ассигнационный банк первым в ряду других государственных кредитных учреждений времен царствования Екатерины II.

Одновременно с преобразованием Ассигнационного банка в 1786 г. были утверждены новые образцы ассигнаций достоинством 100; 50; 25; 10 и 5 рублей. Впервые были выпущены ассигнации мелких номиналов – 5 и 10 руб., предназначенные для широких слоев населения. Императрица в своем манифесте декларировала «выгоду народную». В отличие от ассигнаций крупных номиналов, печатавшихся на белой бумаге, пятирублевые прокатывались на синей бумаге, а десятирублевые – на красной. Отныне данные цвета стали олицетворять бумажные деньги этого достоинства.

Как было официально объявлено в 1789 г., мелкие ассигнации были выпущены на сумму 10 млн. руб. вместо уничтоженных на такую же сумму старых ассигнаций 100-рублевого достоинства. При этом десятирублевых ассигнаций было выпущено на 5 млн. руб. и на эту же сумму – пятирублевых. С этого времени в России начался выпуск ассигнаций, не обеспеченных монетой. Если до 1786 г. биржевой курс ассигна-

ций был ниже их нарицательной стоимости на 1-3 копейки, и ассигнации свободно разменивались на монету, то во второй половине 1780-х гг. началось резкое понижение курса бумажных денег. К 1775 г. сумма выпущенных ассигнаций достигла 20 млн. руб., к 1787 г. в обороте имелось ассигнаций уже на 46 млн. руб., а к 1795 г. – на 145,5 млн. рублей. Курс ассигнационного рубля на Петербургской бирже в 1794 г. упал до 68,5 «серебряных» копеек.

Для реализации дарованных Жалованными грамотами привилегий дворянству и купечеству был создан на основе упраздненных в 1786 г. дворянских банков Заемный банк. Манифест от 28 июня 1786 г., объявлявший о создании Заемного банка, определил в качестве его главной цели долгосрочное кредитование дворянства и купечества. Кредиты выдавались банком под низкий процент, что должно было избавить заемщиков от произвола ростовщиков. Еще в процессе создания Заемного банка главный директор Ассигнационного банка А.П. Шувалов подсчитал, что Заемный банк принесет казне 19 млн. руб. чистого дохода. Однако эти расчеты не оправдались, поскольку они основывались на предположении, что весь оборотный капитал банка будет сразу выдан в ссуды, а погашение долгов и выплата процентов по ним будут производиться без промедления. Заемному банку предполагалось предоставить 22 млн. руб. для выдачи ссуд дворянам и 11 млн. руб. для кредитования городов. Однако хронический бюджетный дефицит не позволил осуществить намеченные ассигнования.

Заемный банк в Санкт-Петербурге должен был открыться 1 июня 1787 г.; но операции начали проводиться раньше – уже 11 января сего года. Банк выдавал ссуды дворянству и купечеству под 5 % годовых. Дворянам кредит выдавался на 20 лет под залог имений с крепостными. При этом размер ссуды должен был быть не менее 1000 рублей. Купцам ссуда выдавалась под залог домов и заводов сроком на 22 года на сумму не более 75 % оценки недвижимого имущества. Банк осуществлял также прием вкладов с выплатой 4,5 % годовых на срок не менее года. Хотя предполагалось, что новый банк будет кредитовать дворян и купцов по всей России, среди его операций преобладало кредитование столичного дворянства.

С момента своего основания Заемный банк находился в ведении императрицы и Сената. Возглавил новый банк сенатор Петр Васильевич Завадовский. Получив должность Главного директора Заемного банка, П.В. Завадовский внес в организацию этого кредитного учреждения некоторые новшества, главное из которых заключалось в формировании нескольких фондов для покрытия убытков. Кроме того, он тщательно следил за аккуратностью ведения банковской отчетности. При нем балансы составлялись регулярно и в соответствии с Манифестом об учреждении Заемного банка публиковались и обнародовались на биржах. Помимо П.В. Завадовского, в Правление Заемного банка входили пять советников, назначаемых императрицей. Главный директор не всегда председательствовал в Правлении, однако в случае решения особо важных вопросов он обязательно возглавлял его заседания.

В Заемном банке впервые стало действовать правило неприкосновенности вкладов частных лиц. Ни одно правительственное учреждение не имело права требовать выдачи денежных сумм вкладчиков, а также их конфискации. Это распространялось не только на российских подданных, но и на работавших в России иностранцев. На вклады банк выдавал вкладчикам «передаточные» банковские билеты, которые могли ходить из рук в руки как векселя. Если вкладчик хотел получить обратно вложенные в банк деньги, то он получал их сразу или по истечении определенного срока, в зависимости от величины суммы. По сохранившимся балансам Заемного банка вид-

но, что объемы его активных операций в конце XVIII в. составляли более 30 млн. руб., причем сумма актива была больше суммы пассива. Дело в том, что соблюдение «золотого правила» баланса, актив равен пассиву, в XVIII в. не было обязательным, хотя и считалось желательным. С другой стороны, такая ситуация говорила о долгосрочности выдаваемых банком ссуд и о накопившейся задолженности. Уже в 1789 г. Правление Заемного банка просило Сенат издать распоряжение о скорейшем возврате дворянских долгов. В 1804 г. Государственный совет разбирал вопрос о списании долгов, образовавшихся еще до 1786 г., то есть до реорганизации дворянских банков в Заемный банк⁹².

Со временем запросы дворянства возросли, и касса Заемного банка уже не могла их удовлетворить. Об одной из связанных с банком афер упоминает в своих «Записках» Г.Р. Державин. При поступлении прошений дворян о выдаче ссуд директора банка отвечали, что денег нет, и советовали просить купцов делать вклады в банк. Петербургские купцы, в основном иностранного происхождения, разумеется, не реагировали на такие просьбы и предлагали брать займы у них – но уже под 12-15 %, «которые и разделены были с теми купцами, маклерами и банком, или, лучше, с главным директором оного... Купцы, маклеры и банковские служащие имели свой корм, одни заемщики терпели»⁹³.

После смерти А.П. Шувалова 4 мая 1789 г. директором Ассигнационного банка был назначен бессменный генерал-прокурор А.А. Вяземский. Он уже был стар, война и хронический дефицит бюджета не позволили ему стабилизировать ситуацию. В 1792 г. А.А. Вяземский подал в отставку. Одной из причин этого (помимо преклонного возраста, а в то время ему было уже 65 лет) стало усиливающееся расстройство денежного обращения, вызванное проведением ряда осуждаемых им преобразований. В последующие три года правительство приняло меры по увеличению и стабилизации биржевого курса ассигнаций. В 1796 г. – в год смерти императрицы Екатерины II – в обращении находилось ассигнаций на 157,7 млн. руб., а их биржевой курс сохранялся на уровне 79 «серебряных» копеек за бумажный рубль.

Екатерина II в течение всего своего царствования стремилась к созданию системы управления финансами и централизации органов управления данной сферой. Для реализации этой задачи, начиная с 1769 г., начали составлять окладные книги. В 1773 г. была учреждена «Экспедиция государственных доходов», которой было поручено составление окладной книги, что и было сделано в 1773 г., 1776 г. и 1777 г.

Государственные доходы по окладным книгам⁹⁴:

год	поступило	недоимки
1769	16996000	983000
1773	26446000	8647000
1776	26390000	9865000
1777	26737000	8958000

В последние годы правления Екатерины II расстройство финансов стало очевидно. Это было еще более заметно на фоне достаточно сложной внешнеполитической обстановки: из-за неудачного сватовства назревала война со Швецией, в 1796 г. начался персидский поход. В 1781 г. была предпринята еще одна попытка решить проблему структуризации управления финансовой сферой. Согласно указу императрицы, Экспедиция о государственных доходах была разделена на четыре самостоятельных подразделения (экспедиции): первая должна была заведовать доходами; вто-

рая – расходами; третья – ревизией счетов; четвертая – взысканием недоимок. Все экспедиции были подчинены генерал-прокурору, который одновременно стал и государственным казначеем. Экспедиции должны были отчитываться перед генерал-прокурором за свои действия, представляя ежемесячные отчеты⁹⁵. Таким образом, в лице государственного казначея (генерал-прокурора) А.А. Вяземского оказались все сферы финансового управления.

По данному указу без ведома и согласия государственного казначея не должны были производиться никакие расходы. В свою очередь государственный казначей нес прямую ответственность перед императрицей. Он должен был представлять ежегодные ведомости Екатерине II. В них следовало указывать все доходы государства, сообщать о непоступивших сборах и недоимках и необходимых государственных расходах. Кроме того, государственный казначей должен был уведомлять императрицу об оставшихся излишках средств, сколько и где средств недостает. Составление таблиц с 1781 г., включавших доходы, расходы и «остатки», фактически стало прообразом государственного бюджета.

Несмотря на все принятые меры, финансовое положение оставалось очень сложным. 27 апреля 1796 г. фаворит Екатерины II князь Платон Зубов представил императрице подробный доклад с изложением собственных взглядов по финансовым вопросам и предложениями возможных вариантов исправления ситуации. Платон Зубов – последний фаворит Екатерины II, о котором известно больше анекдотов, чем реально известных фактов. Однако данный документ, а также некоторые проекты более позднего времени доказывают, что из этого «милого юноши» постепенно вырос талантливый грамотный политический деятель – чутье на одаренных людей не подвело Екатерину II даже на склоне лет.

Свой доклад кн. П. А. Зубов начал с анализа расходования средств. Он вполне резонно заметил, что «все департаменты без изъятия отягощены расходами, много превышающие их штатное положение, отчего и государственное казначейство до сих пор без чрезвычайных пособий государственным надобностям не в состоянии было удовлетворить. Последнее исследование об истинном положении казначейства открыло, что к 1 января 1797 г. старых внутренних долгов и невыполненных указов в разные годы и от одного к другому скопившихся – 32973711 руб. 97 коп». Именно по этой причине, по мнению автора проекта, в стране понижается платежеспособность населения. Образуется замкнутый круг: растет недоверие к бумажным деньгам, как следствие, поднимаются цены, а затем государственные учреждения вынуждены по высоким ценам покупать продукцию, в связи с чем выходят за рамки своих бюджетов, провоцируя инфляцию. Неоспоримо, писал П.А. Зубов, что «возвышение цен на все вещи есть одна из причин сверхштатных расходов, что более обременяет нуждами государство, департаменты и частных людей, тем самым еще более возвышая цены поставляемым в казну вещам, отягощают всех лишними долгами»⁹⁶. Чтобы предотвратить назревающую катастрофу, Платон Зубов предложил провести новую денежную реформу, но не бумажных денег, а медной монеты. Автор проекта указал на необходимость удвоить цену меди, то есть вернуться к чеканке монеты по 32, а не 16 руб. в стопе из пуда меди. Однако, в отличие от проводимой полвека назад реформы П.И. Шувалова, Зубов считал необходимым увеличить цену меди в монете на постоянной, а не временной основе. Установление такой цены, по его мнению, вполне оправдано реальной стоимостью меди. Таким образом, он предложил монеты всех номиналов: ¼ коп. (полушку), ½ коп. (деньга), 1,2 и 5 коп. просто удвоить в цене, а

затем вновь отчеканить полушку и пятикопеечную монеты. Подобная реформа есть способ, которым «не токмо без новых налогов и без отягощения всем временным государственным нуждам удовлетворить и от старых долгов очистить возможно будет, но и приведение в соразмерность достоинство монеты сей с торговой ценою меди», а также изъять из обращение «лишнюю монету»⁹⁷. По подсчетам автора проекта, общее количество находящейся в обращении монеты сократилось бы с 76 до 50 млн. руб. Отсутствие реального соотношения цены меди и номинала монеты, по мнению Зубова, препятствует нормальному развитию торговли и способствует понижению цены ассигнаций.

Реализация реформы, считал Платон Зубов, позволит решить сразу же несколько задач. Во-первых, будет значительно повышен курс ассигнаций, так как после преобразований цена меди станет реальной. П.А. Зубов указывал, что после окончания реформы избыточную часть ассигнаций следует уничтожить. «Все сие, равно как и доверие и польза государственная, не иначе восстановлены быть могут, как предполагаемую здесь операцию, ибо доколе не будет в обращении медных денег более 100 млн. руб., до тех пор доверие бумажных денег совершенно и повсюду восстановлено не будет, и до тех пор не пресекутся злоупотребления и не отнимут причины, побуждающие медных подельщиков истреблять медную монету». Во-вторых, значительно оживятся промыслы, рукоделия, хлебопашество и торговля, так как не будет стеснений «от недостатка в обращении наличных денег». Наконец, делает вывод Зубов, перечекалка монеты не должна привести к повышению цен. Он указывал, что именно «возвышение на все вещи цены имеет постоянную причину, недостаток в медной монете для повсеместного вымена бумажных денег; которую если умножить до соразмерного количества, а при этом как выше объяснено, привести в состояние все департаменты производить исправные платежи, не токмо не последует в ценах на вещи возвышение, но паче с вероятностью надеяться можно, что оные придут в понижение»⁹⁸.

Кн. П.А. Зубов был не единственным, кто видел выход из положения в новой реформе медной монеты. Так, в начале 1796 г. подобный проект подал майор Василий Багалдин-Таищев⁹⁹. Вероятно, Зубов был знаком с названным и другими проектами реформирования монетной системы и использовал эти данные в докладе. Учитывая положение кн. П.А. Зубова при Екатерине II, его проект фактически не вызвал критики. Сама императрица согласилась с доводами своего любимца, и 8 мая 1796 г. для реализации задуманной реформы был учрежден Комитет для погашения государственных долгов и утверждения государственного кредита¹⁰⁰. Сразу же была начата реализация данного проекта: определены нормы перечековки на каждый год, так как сама реформа должна была занять 4 года. Причем чеканить монету должны были все Монетные дворы государства. Преобразования начали осуществляться в последние месяцы жизни Екатерины II и завершились уже при Павле I. Как известно, этот император отменил очень многие распоряжения Екатерины II, но эту реформу он продолжил.

Во время правления Екатерины II вопросы развития торговли и промышленности впервые получили освещение в периодической печати. Новатором в этом был известный просветитель Н.И. Новиков. Масштабная книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова приоткрыла не только его просветительский и организаторский, но и предпринимательский талант. Работа большой типографии и создание сети книжных магазинов по стране требовали хозяйственно-экономических знаний и навыков. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется интерес Н.И. Новикова к вопросам торговли.

В начале 80-х г. в руководимой им типографии был издан ряд сочинений на эту тему: «Историческое описание российской коммерции», «История об английской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оныя в древние, средние, новейшие времена до 1776 года, с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке» и т. д. В издаваемой Новиковым газете «Московские ведомости» он стал постоянно публиковать информацию по торгово-экономическим вопросам: вексельный курс, сводку цен на продукты и товары в Москве, а также статьи о торговле в отдельных европейских странах.

В течение ряда лет, с 1780 по 1789 гг., Новиков дважды в неделю в приложении к «Московским ведомостям» издавал журнал «Экономический магазин», в 1783-1784 гг. «Прибавление к Московским ведомостям», где много внимания уделялось хозяйственным вопросам, «опыты» в сельском хозяйстве, наставления, рецепты, весьма полезные деревенским жителям». Редактором «Экономического магазина» и его главным автором был агроном А.Т. Болотов. Комплект «Экономического магазина» за время его издания составил сорок томов, и первые восемь вскоре были переизданы.

В первом номере «Прибавлений к Московским ведомостям» Новиков разъяснил, что «купечество российское от сих «Прибавлений» получить может пользу; ибо оно от сего чтения приобретает достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах получить их можно в большом количестве и с большими выгодами перед другими городами». Кроме того, Новиков сам написал большую программную статью «О торговле вообще», в которой размышлял «о полезном влиянии торговли в благосостояние государства». Судя по тексту, Новиков был знаком с известными произведениями XVIII в. по экономическим вопросам А. Смита, Рейнталя и др. и в целом разделял их взгляды.

Работа Н.И. Новикова состоит из четырех отделений. «В первом, – писал Николай Иванович, – будем говорить о происхождении торговли в политических обществах. Во втором определим понятие о торговле, различные рейды ее и учрежденный в оных распорядок. В третьем представим исторически выгодные действия торговли в знатнейших торговых государствах. В четвертом, наконец, покажем то, каким образом торговля, имея влияние во все средства пропитания и в совокупленное с ними упражнение граждан, приводит чрез то благополучие гражданское в государстве в цветущее состояние»¹⁰¹.

В первом отделении Новиков размышляет о происхождении торговли. Он считал, что первоначально в древнем обществе произошло разделение труда между земледельцами и ремесленниками. Обмен продукцией между ними происходил в результате мены, например, пропитание за одежду. Постепенно все основные потребности оказались удовлетворенными, но «скоро преступлены были сии пределы», и появилась потребность в роскоши. Все это привело к появлению денег, которые облегчили распространение товаров.

Н.И. Новиков одним из первых в России дал определение денег, которые он назвал «всеобщий масштаб цены товаров и замена всему, что продать можно». Кроме того, отметил Новиков, посредниками между производителями и потребителями товаров стали купцы, функция которых заключалась в том, чтобы, имея деньги, приобрести товар и поменять его на деньги: «вместо того, чтоб суконщику должно было разносить свои сукна ко сту человек, имеющих нужду в оных, дабы получить от них деньги или другие потребности, которые ему надобны или которые должен он равным образом паки променять на другие, вместо всего сего ходит он к купцу, который

принимает от него его товары на кредит или за наличные деньги гуртом и продает опять свои припасы порознь употребляющим оные»¹⁰².

Во втором отделении Новиков размышлял о природе торговли в целом. Под торговлей он понимал «упражнение, имеющее предметом выгодную мену всех потребностей». Суть любой торговли, по мнению Новикова, в том, чтобы рано или поздно получить прибыль. Далее, в третьем отделении, автор повествовал о выгоде «торгующих народов». На примере истории европейских и азиатских стран Новиков доказывал, что процветание многих государств было обусловлено активной внешне-торговой деятельностью. Наконец, в четвертом отделении исследователь подробно проанализировал, каким образом торговля «действует на благополучие государства». По мнению Н.И. Новикова, «всеобщее действие или следствие торговли в отношении государства» заключается: «1) в производстве кредита, 2) обращении денег, 3) относительного богатства; 4) в умножении процветания прилежания; 5) государственной экономии; 6) в роскоши; 7) во нравственном просвещении и утончении; 8) в упражнении граждан; 9) в умножении народа; и 10) в свободе»¹⁰³. Таким образом, размышлял автор трактата, для того чтобы торговля действительно приносила прибыль государству, необходимо создать соответствующие условия: систему банков и кредитов, урегулировать внутреннюю и внешнюю торговлю. Н. И. Новиков указывал, что следует развивать торговлю теми товарами, которыми богата наша страна: «в государстве, где граждане упражняются в земледелии, нужно привести в процветание сию ветвь торговли», как это делается в европейских странах. При этом Новиков подчеркивал, что любая роскошь вредна государству, так как ведет к разорению.

Кроме вопросов собственно хозяйственных, Новиков размышлял также и о наилучшей системе управления экономикой, которая необходима для процветания торговли. Как он писал, налоги в государстве должны быть соразмерны доходам, в противном случае население разорится. Новиков на различных примерах прославлял «торговые республики». Надо отметить, что в данной, достаточно объемной, работе он ни разу не упомянул о каких-либо особых правилах, а тем более привилегиях для дворян. Таким образом, Н.И. Новиков указывал, что для процветания государства властным органам следует больше внимания уделять хозяйственным вопросам.

Развитию экономики несколько статей посвятил и другой русский просветитель, Д.И. Фонвизин. Он считал, что только обладающий собственностью человек может быть истинно свободным. Он указал в статье «Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному...» на важность для государства заниматься коммерцией и посетовал, что «великое для коммерции несчастье то, что не рачат о ней те, кои в народных мыслях решительные голоса имеют», т. е. дворяне¹⁰⁴. Он доказывал, что в занятии коммерцией для дворян нет ничего предосудительного, т. к. это может сделать их независимыми от милостей верховной власти.

Существенный вклад в развитие экономической мысли внес профессор Московского университета И.А. Третьяков. Большой интерес представляет его работа «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения как у древних, так и у нынешних народов». По мнению автора трактата, к изобилию и обогащению государств может привести «дешевизна и довольство». Еще до выхода в свет книги А. Смита, он в своей работе писал о необходимости разделения труда для его усовершенствования и удешевления. Кроме того, для успешного экономического развития страны, утверждал Третьяков, необходимо налаживание и совершенствование банковской системы¹⁰⁵.

Итак, во время правления императрицы Екатерины II в стране в целом наблюдался экономический подъем. Не менее чем на 40 % увеличилось число фабрик; в торговле и промышленности были сняты стеснительные ограничения; экспорт возрос с 13 до 57 млн. рублей, импорт – с 8 до 39 млн. рублей, то есть в стране имел место активный торговый баланс¹⁰⁶. Иностранцы, работавшие или жившие тогда в нашей стране, отмечали достаточно высокий экономический потенциал России. А. Шторх, автор многотомного статистического исследования о России, писал, что «может быть в мире нет государства, где внутренняя торговля была бы подвержена меньшему числу ограничений и препон, чем в России»¹⁰⁷. В 1774 г. на заседании английской палаты общин было заявлено, что без русского полотна, ввозимого в Англию, бедные классы обойтись не смогут, и что сырые материалы, получаемые из России, «сущностно необходимы» для английского флота и английской торговли¹⁰⁸. Нуждалась в русских товарах и Франция. Посол этой страны Л. Ф. Сегюр приложил немало усилий, чтобы добиться составления договора о непосредственной торговле России и Франции без английского посредничества¹⁰⁹. Такой договор был подписан в конце 1786 г. Достаточно высоко иностранцы характеризовали и русскую промышленность. А. Шторх отмечал, что в XVIII в. «возникло множество новых фабрик и мануфактур, из которых многие превосходно процветают, дух индустрии распространяется повсеместно в самых отдаленных частях огромного государства»¹¹⁰. Весьма лестно о русской промышленности отзывался француз П.Ш. Левек, что особенно ценно при общем достаточно негативном взгляде этого автора на российскую действительность. Он писал: «... Русская шерсть была слишком груба, чтобы можно было фабриковать из нее тонкие сукна, но некогда [в России – Н. К.] получали все сукно для обмундирования войск, а теперь иностранцы начали сами получать его из фабрик этой страны»¹¹¹. Однако следствием этого благополучия было расстройство финансов и отсутствие понимания власти дальнейшего пути развития экономики в стране.

После смерти Екатерины II императору Павлу I досталось множество финансовых проблем. Правда, решать их новый монарх стал в привычном для него импульсивном стиле. Буквально с первых дней своего царствования Павел I начал отменять распоряжения Екатерины II. 4 ноября 1796 г. государственным казначеем был назначен Алексей Иванович Васильев, тем самым должности генерал-прокурора и государственного казначея были разведены. В ведение государственного казначея были переданы экспедиции о доходах, расходах, недоимках и разборе внутренних долгов. 19 ноября 1796 г. именным указом Сенату Павел I отменил ряд нововведений императрицы Екатерины II, вернув берг-мануфактуру и камер-коллегию в то состояние, в котором они существовали до реформы 1775 г.¹¹²

В 1797 г. указы Павла I по экономическим вопросам следовали один за другим. 16 февраля был издан указ о ликвидации главной таможенной канцелярии. Управление всем таможенным делом было передано президенту камер-коллегии¹¹³. 4 марта указом Сенату была учреждена «особая экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранцев и сельского домоводства»¹¹⁴. 31 марта к этой экспедиции было присоединено еще и управление лесного хозяйства¹¹⁵.

В целом финансово-экономическая политика Павла I отличалась хаотичностью и отсутствием внутренней системы. Еще в большей степени, чем в период правления Екатерины II, экономические мероприятия были подчинены политическим. Так указом 16 января 1797 г. было разрешено на нейтральных судах ввозить вина и прочие товары из Франции¹¹⁶. После разрыва отношений с Францией 3 мая 1798 г. купцам

было запрещено торговать трехцветными лентами, а 17 июня вышел указ об аресте всех французских товаров. И, наконец, 14 октября последовал именной указ директору Заемного банка о конфискации хранящихся там французских капиталов¹¹⁷.

После разрыва отношений с Англией, 22 ноября 1800 г., поступило распоряжение камер-коллегии «остановить платежи долгов англичанам и секвестрировать английские товары в лавках и магазинах». Для реализации этого указа 25 ноября была учреждена ликвидационная комиссия «для долговых между российскими и английскими купцами расчетов»¹¹⁸. Указами от 9 февраля и 11 марта 1801 г. был закрыт путь в Россию английских товаров из Балтийских портов и по западной сухопутной границе. Причем было запрещено провозить русские товары даже в Пруссию, чтобы «лишить Англию получать наши произведения даже через посредство другой страны»¹¹⁹.

Несмотря на постоянную критику финансовой политики Екатерины II, особенно выпуск ассигнаций, постоянная нехватка денег вынудила правительство Павла I прибегать к выпуску бумажных денег еще в большем объеме, чем при Екатерине II. За все время правления императрицы Екатерины II было выпущено 137700000 руб. ассигнаций, а за 4 года правления Павла I – 56237000 руб. ассигнаций¹²⁰.

Многие проблемы, стоявшие еще перед Екатериной II, Павлом I так и не были решены. Причины здесь следующие: постоянные войны, отсутствие единой политики в области экономики и, главное, непонимание необходимости специальной экономической политики. Единичные, бессистемные меры, предпринимаемые правителями России, зачастую просто не могли привести к какому-либо прогнозируемому результату.

В начале своего царствования Александр I отменил ряд ограничительных мер Павла I, в первую очередь, снял эмбарго и восстановил нормальные торговые отношения с Англией. В полном объеме был восстановлен запретительный тариф 1797 г. Благодаря этим мероприятиям курс ассигнаций заметно возрос: с 50, как был в конце правления Павла, до 80 копеек за серебряный рубль. 14 марта 1801 г. Александр I отменил указ Павла I о невыпусчении из портов русских товаров и снял все запреты по вывозной торговле. 13 апреля был издан именной указ главному директору государственного заемного банка кн. Г.П. Гагарину, в котором подтверждались права и преимущества Заемного банка¹²¹.

По мнению императора Александра и его ближайшего окружения, необходимо было упорядочить систему управления экономической сферой, что было важно для контроля над доходами и расходами. Реорганизация управления экономикой и финансами была проведена в рамках министерской реформы. По вопросу создания министерств в экономической сфере между Александром I и его окружением возникли определенные разногласия. Император предлагал создать три экономических министерства. В то время как члены «Негласного комитета» считали, что достаточно двух финансовых ведомств. Однако Александр I сумел убедить их в своей правоте, и из восьми учрежденных в 1802 г. Министерств три: финансов – во главе с Алексеем Ивановичем Васильевым; коммерции – во главе с Николаем Петровичем Румянцевым и частично министерство внутренних дел во главе с Виктором Павловичем Кочубеем. Они были призваны руководить экономикой страны. Правда, в дальнейшем выделение специального министерства коммерции себя не оправдало, и в преддверии реорганизации министерской системы в 1810 г. оно было ликвидировано, а его полномочия частично перешли министерству внутренних дел.

Согласно манифесту «об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г., в обязанности министра финансов вошло «управление казенными и государственными

частями, кои доставляют правительству нужные на содержание его доходы, и генеральное всех доходов ассигнование по разным частям государственных расходов». Для выполнения возложенной задачи министерству в подчинение были переданы следующие «места»: берг-коллегия, монетный департамент, мануфактур-коллегия, лесной департамент, государственный банк и казенные палаты. Несмотря на столь пестрое разнообразие структур министерства финансов, основу его деятельности должен был составлять контроль над государственными расходами: «в конце каждого года делать для наступающего подробный штат общих государственных расходов». При этом в документе четко указывалось, что министр финансов должен к ноябрю 1802 г. подготовить «таковой штат расходов и вместе с генеральной ведомостью о доходах следующего года представить на рассмотрение и утверждение» монарху. Для исполнения сей штат следовало отсылать государственному казначею. Государственное казначейство сохранило свою независимость и в новой структуре государственных органов. Однако по своим полномочиям казначейство было поставлено в подчиненное по отношению к министерству финансов положение. Казначей должен представлять министру финансов все ведомости о доходах, сведения, «сколько собранных доходов употреблено в расход, по каким частям, сколько за кем в остатке состоит и где оные остатки находятся». По сути дела, обязанностью казначея был сбор и сохранение государственных доходов¹²².

В ведение министерства коммерции были переданы вопросы торговли, а также таможенная часть. Как указано в примечании к докладу министра коммерции, составленному министром внутренних дел В.П. Кочубеем, «управление части коммерческой по настоящему ее составу включает в себя два главных рода дел: 1) дела собственно до управления администрации коммерческой принадлежащие; 2) дела торговые и судные»¹²³. Особый интерес представляет раздел, посвященный анализу «дел судных». Согласно положению о министерстве коммерции, в его составе создавалась «палата коммерческого суда». Необходимость создания такой палаты, по мнению В.П. Кочубея, была очевидна, так как это «предполагает новый и лучший обряд, удобнейшие способы производства в делах сего рода»¹²⁴. Однако созданная система крайне несовершенна, главным образом, вследствие отсутствия единообразия между центральными и местными органами «коммерческих палат». Не определены и частные вопросы, такие, как передача данным органам «ведение магазинов, охрану купцов на ярмарках и др.»¹²⁵. На основании анализа главных задач министерства коммерции, В.В. Кочубей выносит следующие предложения о совершенствовании деятельности данного органа: «1) Отделив от коммерц-коллегии¹²⁶ все дела, собственно до управления надлежащие, без сомнения полезно будет соединить их в один департамент и дать ему образование собственные цели, для коей он учреждается. 2) Из управления водяных коммуникаций и сухопутных сообщений, составив собственную экспедицию, дабы удобность к тому представится, отнести к составу того же департамента. 3) Часть судную из общего образования коммерческих судов оставить в коммерц-коллегии без переименования ее в палату. 4) Образование коммерческой судной части вообще предоставить комиссии о составлении законов, к коей дело сие, собственно, принадлежит, но которой, конечно, недостаточно по части сей в разных городах наших. Известны, которые занимались уже составлением коммерческого суда в Одессе, и без соображения коей с принятым в ней вообще на судную часть планом теперь, кажется, было бы неудобно делать какие-либо частные в сем роде дел по-

становления»¹²⁷. В тот период идея создания самостоятельных коммерческих судов не нашла отклика, они появились значительно позднее¹²⁸.

После ликвидации мануфактур-коллегии остро встал вопрос об управлении фабриками и мануфактурами, так как она «не токмо имела в ведении и покровительстве своем все фабрики и мануфактуры, но была хранилищем и блюстительницей всех касающихся до них законов». В связи с этим члены «Негласного комитета» задумались о необходимости составления специального Устава для фабрик и мануфактур. В документах «Негласного комитета» сохранилось подробное размышление, автором которого, вероятнее всего, был П.А. Строганов, что, в случае издания данного устава, губернаторы могли бы руководствовать им «в управлении фабриками, судные места – в суде и расправе, а фабриканты – в заведении и распоряжении оными. Мера сия много вспомошествовать будет к прекращению тяжб между фабрикантами и для объяснения и облегчения ходу фабрик к усовершенствованию»¹²⁹. Более того, по мнению членов «Негласного комитета», именно отсутствие современной законодательной базы было основной причиной постоянных тяжб между самими фабрикантами. В то же время, не имея четких законов, невозможно рассчитывать на рост фабрик и мануфактур, тем более, что подобная ситуация открывает широкое поле для злоупотреблений местных чиновников. Иными словами, члены «Негласного комитета» предлагали не просто реформирование системы управления, а создание законодательной базы для развития фабрик в России.

Несмотря на возникновение трех министерств, на которые было возложено решение экономических вопросов в стране, выработкой политики в данной сфере ведало министерство внутренних дел во главе с В.П. Кочубеем. Кроме того, вопросы экономического развития активно обсуждались на заседаниях «Негласного комитета». На очередном заседании он указал, что «земледелие в собственном смысле не может быть предметом управления. Приемля начало свое в необходимости и частной пользе, оно возникает, растет и усиливается теми же частными и личными побуждениями. Правительство не может действовать в сей части непосредственно: оно должно ограничить себя теми распоряжениями, кои вообще принадлежат к благоустройству, к удобствам сообщения и торговле и к ограждению собственности действием правосудия». Иными словами, Кочубей изначально подчеркнул, что правительству не следует напрямую вмешиваться в экономику. Однако оно должно «иметь об успехах земледелия сколь можно вероятнейшие примерные сведения, очищать с пути его все препятствия, ему представляющие, обращать внимание частных лиц на некоторые его отрасли, менее других известные, в сем состоят главные начала, принятые в управление сей части, и с сей только стороны земледелие относится к предметам экспедиции хозяйства». Далее министр внутренних дел развивает свои мысли совершенно в духе французских физиократов: «Пространство земли, несоразмерное числу жителей, и сравнительное состояние удобностей нашей торговли с другими народами, запрещает нам думать о предпочтительном благоприятстве фабрики над другими отраслями труда народного. Тщетны все умствования против истины сей от мнимого недостатка земли и прочих сообразностей заимствованные. Опыт всех государств доказывает, что фабрики, особенно фабрики роскошных и утонченных произведений, там только на твердом основании существовали, где был избыток рук. Россию природа и все обстоятельства призывают предпочтительно к земледелию»¹³⁰. Все эти выводы поддерживал и одобрял император, однако и Александр I, и Кочубей прекрасно понимали, что успехи в сельском хозяйстве не смогут напрямую способствовать экономической

стабилизации. Для этого необходимо поддерживать курс рубля и стимулировать развитие торговли, особенно внешней.

Программа правительства по вопросам внешней торговли была представлена тогда же министром коммерции Н.П. Румянцевым. В своем докладе он указал, что «три правила входят в попечение об избытке торгова: 1) уменьшение числа привозных товаров не запрещением или стеснением каким, а выделением того же рода оных внутри государства; 2) умножение товаров отпусковых, чего иначе и достичь невозможно, как отвращением внутренних неудобств и помех, и разведыванием, в какой чужой стране можно им открыть новое поприще; 3) распределение транзита». Румянцев предлагал пересмотреть таможенный тариф 1797 г. в сторону снижения пошлин на ввозимые товары¹³¹. То есть он считал необходимым ослабить государственное вмешательство в экономику в духе фритредерства. Однако он не учитывал, что в Российской империи наибольшую выгоду от уменьшения таможенных пошлин получили бы помещики, которые экспортировали за границу зерно и другие продукты сельского хозяйства, а не промышленники и мануфактуристы. Кроме того, таможенные платежи были достаточно весомой частью бюджета страны, поэтому любые изменения в этой сфере требовали тщательной подготовки. Вполне логично, что после представленного доклада анализ тарифной политики и был поручен Н.П. Румянцеву.

Министр коммерции в течение двух лет собирал материал по вопросу таможенного тарифа и 30 сентября 1804 г. представил Александру I записку «О разуме тарифа». В этой записке Румянцев указал два возможных направления реформирования таможенного тарифа. В рамках первого предполагалось увеличить государственный доход без дополнительных затрат на развитие торговли. По второму – отрегулировать импорт товаров в зависимости от потребностей внутреннего рынка «в виду прямого государственного расчета, когда привозные вещи, будучи необходимы и никем не заменяемы, или становясь со своими в соперничестве, стесняются налогом»¹³². Таким образом, в представленном документе Н.П. Румянцев предложил значительно снизить таможенные пошлины и установить единую для всех товаров тарифную ставку в 20 %. Это при том, что на ряд товаров в то время пошлина была 50 %, 100 %, а на некоторые предметы роскоши – 130 %. Министр коммерции считал, что тариф в 20 % был бы вполне достаточен для нормального развития отечественной промышленности. При этом он подчеркивал, что если некоторые предприятия не выдерживают конкуренции, то и охранять их деятельность не имеет смысла.

Для рассмотрения и подробного анализа записки министра коммерции Н.П. Румянцева была созвана «Особый комитет по рассмотрению нового тарифа» в составе А. Б. Куракина (председателя), самого Н.П. Румянцева, министра финансов А.И. Васильева, министра внутренних дел В.П. Кочубея, товарища министра внутренних дел А. Чарторижского, члена Непременного совета А.Я. Будберга¹³³. Члены комиссии в общих чертах согласились с предложениями Румянцева. Было решено товары и сырье, которые имелись в стране в достаточном количестве, обложить высокими пошлинами; товары и сырье, которых в России мало или нет совсем – низкими; а для машин и различных механических приспособлений установить и вовсе беспошлинный ввоз.

Таким образом, названный комитет подошел к проблеме тарифа «по-европейски». Фактически его члены, за исключением председателя, предлагали провести в России таможенные преобразования в духе Адама Смита и фритредерства. Однако данные меры, проповедовавшие свободу торговли и низкие таможенные по-

шлины, в нашей стране были не выгодны мануфактуристам, которые не могли на должном уровне конкурировать с Западом. Объективно подобный таможенный тариф был выгоден, главным образом, помещикам, экспортирующим за границу продукты сельского хозяйства. Тем не менее, власть тогда больше доверяла европейским теориям, чем реальной практике, поэтому новый тариф в 1805 г. был утвержден. Правда, он так и не начал свое действие, так как Россия вступила в войну. Более того, правительство сразу же вынуждено было принять ряд мер по поддержке отечественных купцов и промышленников, а права иностранцев – урезать. 20 июля 1806 г. был разрешен беспошлинный ввоз машин для сельского хозяйства и промышленности; 16 января 1807 г. принят указ о льготах для промышленников, занятых на выплавке чугуна и меди; 1 июня и 23 июля указами предоставлялись денежные ссуды купцам при основании суконных фабрик. В свою очередь иностранным купцам было запрещено записываться в российские купеческие гильдии и заниматься на территории Российской империи розничной торговлей.

Одной из самых важных проблем в России в начале XIX в. оставалась нехватка финансов. Финансовые кризисы случались и ранее, но в начале XIX в. проблема финансовой стабильности становится не только внутривнутриполитической, но и приобретает международный акцент. В XVIII в. и ранее статус того или иного государства на международной арене определялся, главным образом, его внешней политикой, победой в войнах, иными словами, военной мощью государства. В начале XIX в., особенно после наполеоновских войн, положение в этом вопросе начинает меняться. Все большую роль в определении мирового статуса той или иной державы играет ее экономическое благосостояние, финансовые возможности правительств, развитие производства и техники.

В начале правления Александра I финансовое положение в целом было достаточно стабильным. Несмотря на то, что в годы правления Павла I было выпущено много ассигнаций, начатые в конце правления Екатерины II и продолженные в дальнейшем реформы дали свои положительные результаты.

Данные о выпуске ассигнаций¹³⁴:

Годы	Выпущено ассигнаций	Всего ассигнаций в обращении	Курс ассигнаций к серебру в коп.
1801	8 799 000	221 488 335	71 2/3
1802	8 976 090	230 464 425	80
1803	19 535 575	250 000 000	79 1/3
1804	10 658 550	260 640 550	77

Курс российского ассигнационного рубля был высоким по отношению к западноевропейским валютам. Так, в 1803 г. ассигнационный рубль был равен: в Амстердаме – 32 штиверам, в Лондоне – 34 пенсам, в Гамбурге – 28 шиллерам¹³⁵. Вполне положительно оценивал состояние российских финансов и канцлер А.Р. Воронцов. Анализируя доклад министра финансов о бюджете на 1804 г., А.Р. Воронцов указывал на хорошее, по его мнению, «состояние капиталов и денежных сумм, в банках находящихся». Вполне разумными сочтены и предлагаемые расходы «на полезные извороты ... в размере 5 млн. ассигнаций». Канцлер писал: «Избыточное состояние, в котором находятся капиталы банков, понудили министра финансов к предмету весьма полезному и, конечно, честь ему, министру, приносящему, чтобы часть сих капиталов употреблялась по мере их вступления на разные к пользе государства служащие

извороты»¹³⁶. Иначе говоря, Воронцов утверждал, что банки все-таки начали приносить прибыль, которую вполне можно использовать на государственные нужды для создания необходимых запасов. Однако эти запасы могут быть недостаточны в свете усложняющейся международной обстановки. В связи с этим он предложил выпустить ассигнаций еще на 10 млн. руб., но не пускать их в свободный оборот, а употребить их не иначе, «как по особым указам Его Величества на нужные закупки для комисариатской и провиантской части и на другие необходимые государственные надобности, которые, так сказать, неминуемы могут быть по причинам критическим нынешних обстоятельств Европы»¹³⁷. Чтобы вновь напечатанные ассигнации не вызвали инфляции, А.В. Воронцов предлагал постепенно изымать их из прибыли, получаемой банками. Предложения канцлера были приняты, но изъять напечатанные ассигнации оказалось гораздо сложнее, чем их выпустить.

Большой интерес для анализа планируемых экономических реформ представляют взгляды Н.С. Мордвинова. Несмотря на то, что Н.С. Мордвинов всегда служил по морскому ведомству и стал первым морским министром, его заслуги в организации Российского флота менее всего известны. В начале правления Александра I Мордвинов выступил с целой серией проектов по экономическим и социальным вопросам. Взгляды Н.С. Мордвинова на экономику сложились под влиянием учения А. Смита. Поэтому главным источником народного богатства Мордвинов считал труд. «Первое богатство государства должно состоять в числе народа», следовательно, власти должны в первую очередь заботиться о народонаселении¹³⁸. Не менее важным источником богатства Мордвинов считал разделение труда, которого в России фактически не было. Однако, в отличие от западных экономистов, он указывал, что для процветания и повышения экономического благосостояния страны она не должна участвовать в международном разделении труда. Участие России, страны сельскохозяйственной, в этом процессе только усилит ее отставание от западных держав. По мнению исследователя, народ, обреченный на узкую специализацию, «шествоует к благосостоянию самыми медленными шагами, коснеет в бедности и всякого рода недостатках, и, что важнее всего, не может быть народом свободным, ибо зависит от других держав по удовлетворению первейшим его нуждам... Не пользуется политической свободой [здесь: политическим суверенитетом – Н. К.], нужную всякому народу, желающему быть властелином и независимым на своей земле; лишен той степени уважения от иных земель, на которой каждый независимый народ имеет право; подчиняет своей воле соседей своих, и должен нередко угождать прихотливым требованиям союзным с ним держав». На основании этого Мордвинов сделал вывод о том, что России необходима покровительственная или протекционистская таможенная политика. Для подтверждения своих взглядов он противопоставил особенности развития передовых стран Англии и Франции и относительно отсталой Испании: «должна ли Россия подражать Испании, содержащей порты свои около ста лет открытыми для неограниченного привоза в оные иностранных всякого рода изделий, или следовать примеру удерживающей постоянно через два столетия строгую воспретительную систему Англии и другим процветающим в Европе народам»¹³⁹. В то же время автор проектов указывал, что внутреннее разделение труда в России крайне необходимо.

Как уже говорилось, Мордвинов во многих своих заметках и письмах подчеркивал, что Россия – аграрная страна, а «народ просто земледельческий всегда бывает беден»¹⁴⁰. Поэтому верховная власть в России должна предпринимать активные шаги,

направленные на поощрение развития фабрик и мануфактур, чтобы «переменить систему внутреннего в России хозяйства, то есть вывести Россию из земледельческого хозяйства в рукодельное и промышленное»¹⁴¹. Для реализации данного замысла в России есть необходимые природные условия, так как наша страна богата полезными ископаемыми. Для создания фабрик необходимо поощрение частной инициативы со стороны властей. В качестве механизма поощрения Модвинов предложил на рассмотрение императору Александру I проект «Трудопоощрительного банка».

По мнению Мордвинова, для процветания государства необходимо, чтобы «труд находился в цветущем состоянии», а также «количество денег» было «соразмерно количеству выработанных в оном ... произведений». Таким образом, он одним из первых среди представителей российской экономической мысли высказал идею, что «цена монеты» зависит от «трудолюбия народного и благоуспешности в производстве веществ, к естественным потребностям и услаждению человеческому относящихся». Для реализации задуманного автор проекта рекомендовал учредить специальный «трудопоощрительный банк». Цель банка: «поощрять и возбуждать охоту к трудолюбию, яко источнику, из которых протекает богатство, изобилие, шло и благоденствие народное»¹⁴². Для этого банк должен иметь пять отделений для поощрения земледелия, скотоводства, рукоделия, рудопромышленных заводов и рыбной ловли. Однако, размышляет Мордвинов, ремесла могут быть общепользовными и малопользовными. Конечно, государство должно поощрять только полезные.

Далее Мордвинов подробно разработал механизм предоставления ссуды. Он писал, что «желающие сделать какое-либо полезное заведение и получить помощь банка» должны составить подробный план своего предприятия: обозначить место, где собираются заниматься своим делом; определить, сколько потребуется времени до начала производства; какую прибыль собирается получить и т. п. При этом, чтобы банк не терпел убытков, поддерживая нереальные проекты, Мордвинов предусмотрел механизм проверки предоставляемых документов. По его замыслу, они должны быть заверены «губернатором и знаменитейшими той округи дворянства двумя или тремя особами в том, что все сказанное им о местном положении, також о ценах и обо всех обстоятельствах того края есть бесприметная и точная истина»¹⁴³.

После получения подтверждения банк может принять решение о ссуде, которую следует выдавать по частям. Ссудополучатель при этом должен отчитываться перед банком о целевом использовании средств. Процент, под который выделяется ссуда, может быть различен в зависимости от полезности организуемого дела. Мордвинов писал, что правление банка «дает заемщику разные льготы и получает с данной ему суммы различные проценты, а именно: полагает льготных, то есть таких годов, в которые ничего не платится, один, два, три, четыре, пять и восемь процентов». То есть если банк сочтет, что предпринимаемое дело имеет самую большую пользу для государства, то заемщику дается льгота на 4 года и взимается самый малый платеж в размере 3 %. Выдавать денежные ссуды планировалось под залог земли и «состояние в столицах и во всех городах каменные дома и лавки, також заводы каменные и фабрики». У кого нет залога, то для получения ссуды необходимо заручиться «верным поручительством»¹⁴⁴.

Чтобы взять ссуды могли все желающие, правления банка должно способствовать открытию вольных трудопоощрительных обществ во всех губерниях. Мордвинов считал, что правлению банка следует поддерживать отношения с Академией наук и Вольным экономическим обществом, способствовать распространению идей ра-

ционального ведения хозяйства. Для этого при правлении банка желательно иметь типографию и библиотеку, а также «равным образом обязанностью главного правления будет заведение кабинетов: 1) натуральной истории; 2) истории рукоделий тех провинций, на которые поощрение банковые простираться будут»¹⁴⁵. Кроме всего прочего, Мордвинов считал возможным учреждение при правлении банка училища, где следует преподавать различные искусства и художества. Таким образом, Мордвинов писал, что Трудопоощрительный банк должен стать не только ссудо-финансовым, но и научным центром.

Проект Н.С. Мордвинова о Трудопоощрительном банке был с благодарностью принят Александром I и передан в дальнейшем в министерство финансов графу А.И. Васильеву, который, в свою очередь, вынес его в сентябре 1803 г. на рассмотрение Государственного совета. Проект неоднократно обсуждался, но члены Совета так и не вынесли по нему окончательного решения.

Серия реформ, прежде всего в сфере просвещения, открытие новых университетов, участие России в войне против Франции и континентальная блокада окончательно расстроили финансовую систему нашей страны. Так, в 1808 г. доходы казны были равны 111 млн. рублей ассигнациями, а расходы – 248 млн. рублей ассигнациями. Дефицит покрывался исключительно выпуском новых ассигнаций, что привело, естественно, к резкому падению курса. К 1809 г. дефицит бюджета достиг 157 млн. руб.¹⁴⁶ Страна оказалась на грани банкротства. Незаметный доселе за грозными внешнеполитическими проблемами вопрос о реформе финансовой системы встал очень остро.

Для решения насущных экономических проблем в 1809 г. под руководством императора Александра I был организован Финансовый комитет. Членами комитета стали: товарищ министра финансов Д.А. Гурьев, товарищ министра юстиции М.М. Сперанский, государственный казначей Б.Б. Кампенгаузен и М.А. Балугьянский. Кроме того, «вне штата» в работе комитета приняли участие Ф.А. Голубцов и Н.С. Мордвинов.

В день открытия Государственного совета 1 января 1810 г. М.М. Сперанский представил императору подготовленный Комиссией план финансовых преобразований. Несмотря на то, что данный документ был написан непосредственно по поручению императора, сам Сперанский давно задумывался о необходимости экономических реформ как важнейшего условия успешности политических преобразований. Сохранилось несколько черновых набросков М.М. Сперанского, посвященных экономическим проблемам. Он одним из первых заметил, что существует прямая связь между «силой правительства» и финансовой стабильностью в государстве¹⁴⁷. Чтобы этого достичь, необходимо проводить продуманную государственную политику в сфере торговли и промышленности. В ряде набросков Сперанский выстроил модель экономического развития. Он писал, что «потребляемый товар самим потребителем его производит новую потребность, следовательно, рождает новый труд, питает промышленность»¹⁴⁸. В свою очередь, «дух промышленности есть дух предприятий, основанных на расчете вероятностей [т. е. прибыли – Н. К.]. Он причастен к расчету и нечувствительно вдается во все классы, во все соображения жизни. Расчет становится постоянным, и, понятно, постепенно объемлет весь уровень состояний»¹⁴⁹. Отсюда суть экономического развития заключается в том, чтобы происходило накопление капитала, «когда нация, покупая на деньги в одном месте, продает на деньги же, но с большей выгодой [в другом – Н. К.]», образуя, таким образом, прибыль¹⁵⁰.

По результатам работы комиссии был подготовлен «План финансов», идейным вдохновителем которого стал М.М. Сперанский. При позднейшей публикации данного плана его автором был назван именно Михаил Михайлович¹⁵¹. «План финансов» состоял из двух частей: характеристики финансового положения на 1810 г., схемы необходимых действий для стабилизации этого положения, а также программы долгосрочных мероприятий. Во введении к первой части документа М.М. Сперанский подробно анализирует причины финансового кризиса в стране. Они довольно очевидны: резкое падение курса ассигнаций и невыгодный торговый баланс. Он писал: «государство наше вступает в 1810 г. с 577-ю млн. внутреннего долга, составлявшегося в ассигнациях. Присоединив к сему около 100 млн. долгу иностранного, масса долгов наших составляет около 677 млн. рублей. Расходы наши в 1810 г. составят не более 193 млн. рублей, а все доходы простираются с предлагаемыми налогами до 127 млн. рублей. Недостаток составляет более 65 млн. рублей»¹⁵². Выпуск новых ассигнаций для покрытия этого бюджетного дефицита только увеличит финансовую проблему, а не решит ее. Поэтому необходимо прекратить выпуск ничем не обеспеченных бумажных денег, а уже выпущенные ассигнации официально признать государственным внутренним долгом. После чего следует принять серию мер по их постепенному выводу из оборота. Главная проблема здесь заключалась в том, что для этой операции необходимы были немалые средства. М.М. Сперанский предложил следующие финансовые источники реформы. По его мнению, необходимо было до минимума сократить государственные расходы, в том числе, например, воздержаться от строительства новых школ. Далее, он считал необходимым произвести внутренний заем под залог государственных имуществ и рассмотреть возможность продажи его части, главным образом, казенных земель. Однако эти меры были явно недостаточны, да и результаты их внедрения в жизнь не могли проявиться сразу, поэтому Сперанский предложил ввести целевой временный налог, собираемый специальной комиссией, исключительно для выкупа излишних ассигнаций, а также произвести единовременный сбор с помещичьих и удельных имений по 50 коп. с души. Наконец, чтобы все предложенные меры привели к положительным результатам, необходимо было установить должный контроль над денежными потоками, а также над целевым использованием дополнительно полученных средств. Для этого Сперанский предложил сделать открытой финансовую политику государства. Другими словами, установить строгую отчетность и гласность ведения государственного хозяйства.

М.М. Сперанский понимал, что падение курса ассигнаций было лишь одной из причин финансового кризиса. Второй причиной стали последствия континентальной блокады и невыгодный для российской экономики таможенный тариф. Сперанский заметил, что, предлагая России континентальную систему, Наполеон хотел разорить Англию, а не Россию, поэтому они вместе с Н.С. Мордвиновым разработали концепцию нового таможенного тарифа, который был введен в 1810 г. По новым правилам русские гавани объявлялись открытыми для всех судов под нейтральными флагами, вне зависимости от того, товары какой страны они привозили. Естественно, одними из первых этим воспользовались англичане, отправив свои суда под tenerифским флагом. Кроме того, по новому тарифу был запрещен ввоз в Россию предметов роскоши, а многие иностранные промышленные изделия были обложены высокими таможенными пошлинами.

Ряд финансовых мероприятий, разработанных комиссией, был проведен. 2 мая 1810 г. был принят указ о продаже части казенных имуществ для покрытия ассигна-

ционного долга¹⁵³. 20 июня 1810 г. был издан манифест «О новом устройстве монетной системы», на основании которого серебряный рубль был объявлен «законной единицей всех монет, обращающихся в государстве»¹⁵⁴.

В рамках стабилизационных мер М.М. Сперанский предложил организовать центральный акционерный банк с правительственной долей акций не менее 1/3. Целью деятельности данного банка должно было стать кредитование для содействия развитию торговли и промышленности, а также для перехода к серебру, как основному монетному обращению. Причем Михаил Михайлович указывал, что поддерживать необходимо частные промышленные предприятия, а казенные, особенно малоприбыльные, продать в частные руки. Министр финансов Д.А. Гурьев, недолюбливавший лично Сперанского, высоко оценил предложенные им мероприятия: «План финансов, ... заключающий в полном виде все части, до сего предмета относящиеся, основан на совершенной теории экономии политической и может служить верным руководством к введению правильной системы управления нашими финансами»¹⁵⁵.

2 февраля 1810 г. был издан указ «О мерах к уменьшению государственных долгов; о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнаций и о возвышении некоторых податей и пошлин»¹⁵⁶. По этому указу было уничтожено 5 млн. ассигнаций, что несколько стабилизировало финансовую ситуацию. Также свою роль сыграл покровительственный таможенный тариф 1810 г.

Выпуск ассигнаций и их курс¹⁵⁷:

Годы	Выпущено ассигнаций	Всего ассигнаций в обращении	Курс ассигнаций к серебру в коп.
1809	55 832 720	533 201 300	43 1/3
1810	46 172 580	579 373 880	25 2/5
1811	2 020 520	581 394 400	26 2/5
1812	64 500 000	645 894 400	25 1/5
1813	103 440 000	749 334 400	25 1/5
1814	48 791 500	798 125 900	20
1815	27 697 800	825 823 700	20
1816	5 600 000	831 423 700	25 1/3
1817	4 576 300	836 000 000	25 1/6

Предложенные М.М. Сперанским меры были направлены на достижение немедленных результатов по стабилизации экономики, что. Тем не менее, эти успехи не снимали потребности в разработке долговременной экономической программы, определяющей экономическую доктрину страны в целом. Несоразмерность доходов и расходов, отсутствие экономических приоритетов в деятельности государства, а также осознание необходимости долговременной экономической программы для стабильного развития государства – все это и породило кризис. В целях стабилизации положения необходимо было создать максимально благоприятные условия для развития отечественной промышленности. Для обеспечения этого в 1810 г. правительство Александра I устанавливает запретительный, протекционистский таможенный тариф, по которому резко повышались пошлины на ввозимые в Россию товары. Инициатором введения данного тарифа был Осип Петрович Козодавлев, товарищ министра внутренних дел, возглавивший с 28 января 1811 г. это министерство. Свою позицию по вопросам экономического развития России О.П. Козодавлев высказал в составлен-

ном им в 1810 г. по поручению императора Александра I проекте учреждения Министерства внутренних дел и наказе этому министерству.

По мнению Козодавлева, главной задачей Министерства внутренних дел должно быть распространение «поощрения в земледелии и промышленности», потому что экономическое процветание России, как он считал, возможно лишь при постоянной и энергичной поддержке правительства в этой сфере. Поэтому основными департаментами при данном министерстве должны стать хозяйственный, департамент мануфактур и внутренней торговли. Главной заботой хозяйственного департамента должна быть разработка системы мер для стимулирования развития сельского хозяйства. В первую очередь следует бороться с невежеством, распространяя просвещение по сельскохозяйственным вопросам. Департамент мануфактур и внутренней торговли обязан вести учет действующих в Российской империи мануфактур, собирать данные и информировать промышленников о новых изобретениях и открытиях, а также, в случае необходимости, субсидировать их сырьем и деньгами. При этом Козодавлев подчеркивал, что правительство ни в коем случае не должно строго предписывать, как необходимо вести хозяйство или руководить мануфактурой, а только лишь рекомендовать, как лучше получить хорошую прибыль. Автор проекта подчеркивал, что излишний и мелочный надзор и контроль могут только повредить экономике.

Введение в 1810 г. покровительственного таможенного тарифа оказалось весьма своевременным. В результате колоссальных затрат, потребовавшихся на Отечественную войну и заграничные походы в 1812-1813 гг., финансовая ситуация в стране оказалась в крайне плачевном состоянии. Краха удалось избежать во многом благодаря тому, что все это время во внешней торговле сохранялся активный торговый баланс: ввозили товаров на 88700 тыс., а вывозили – на сумму 147 млн. рублей. Так, в середине 1812 г., весьма сложного в политическом положении для России, когда шла Отечественная война, русско-английская торговля набирала обороты через порты Архангельска и Петербурга, кроме того курс рубля на лондонской бирже неуклонно рос в течение всего года, причем был особенно высок во время вступления Наполеона в Москву¹⁵⁸.

Именно эти успехи позволили правительству Александра I задуматься о возможном возвращении к свободному таможенному тарифу. Инициатором этого, а также главным оппонентом Козодавлева, был Дмитрий Александрович Гурьев. Он был сторонником свободы торговли и фритредерства, поэтому он выступал против покровительственного таможенного тарифа. Однако в 1813 г. это было явно преждевременно, и вопрос был отложен. К нему вернулись вновь в 1815 г.: год триумфа России на международной арене, финансовой стабилизации и начала реального выхода из экономического кризиса, вызванного войной.

14 сентября 1815 г. Александр I подписал акт об образовании «Священного союза», ставшего своего рода итогом наполеоновских войн. Внешняя политика опять отошла на второй план, обнажив проблемы внутренней политики. Подготовка плана преобразований была поручена министру финансов Д.А. Гурьеву, что было вполне оправдано, так как он сразу по окончании войны в 1814 г. составил примерный план оздоровления финансов. Однако тогда план оказался невостребованным. Летом того же года была создана комиссия по разработке нового таможенного тарифа. В этой комиссии разгорелись нешуточные споры между министром финансов Гурьевым и министром внутренних дел Козодавлевым.

О.П. Козодавлев представил обстоятельную записку «Мнение министра внутренних дел о проекте нового тарифа». Он напомнил, что введение протекционистско-

го таможенного тарифа в 1810 г. было вызвано не только негативными последствиями континентальной блокады, но и рядом глубинных причин, корни которых уходят в экономическую политику России еще начала XVIII в. Он подробно рассказывает, что со времен Петра I тарифная политика царского правительства строилась на системе ограничения ввоза зарубежных товаров: «запрещение [ввоза] иностранных мануфактурных изделий было издавна принято правительством за постоянное правило» и «следственно не есть ложное начало, противное здравой теории и опытам... А здравая теория принимает за неоспоримое начало, что чем менее государство принуждено для удовлетворения своих потребностей заимствовать оные у других и чем более, следственно, необходимых вещей производить собственным трудом, тем оно богаче и независимее». Далее Козодавлев по пунктам доказывал крайнюю невыгодность введения свободного таможенного тарифа. Первое, он подчеркнул, что Европа не представляет собой «одно государство», как это многим могло показаться в свете достаточно слаженной коалиции против наполеоновской Франции. В реальности же «каждое государство находится в непосредственной или относительной противоположности с другими». Второе, «величайшее благо государства есть его независимость», которая должна обеспечиваться не столько военной силой, сколько развитием промышленности. Третье, все государства стремятся обеспечить независимость своей промышленности и «наше правительство с древних времен поступало так же». Четвертое, глубочайшим заблуждением является утверждение, что «наша промышленность разовьется в конкуренции с иностранной». Иностранные изделия, как известно, дешевле и выше качеством. Пятое, высокие пошлины не остановят полностью ввоз зарубежных товаров, а сделают его тайным, что не раз уже бывало. С этим бороться пока не получается, поэтому конкуренция все равно будет существовать. Шестое, Россия является земледельческой страной и поэтому развитие промышленности для нее жизненно необходимо. Последнее, седьмое, запрещение ввоза иностранных товаров послужит стимулом для накопления капиталов в стране, которые в дальнейшем, возможно, будут использованы для развития отечественной промышленности¹⁵⁹. Именно исходя из этих соображений, Козодавлев настаивал на запретительном таможенном тарифе.

В пользу его предложений говорили, прежде всего, реальные цифры развития экономики страны и темпов роста производства. Например, в 1804 г. в стране было 7 сахарных заводов, в 1812 – 30, в 1814 – 51. Кроме того, Козодавлев напомнил, что условия развития промышленности во всех государствах различные. На развитие российской экономики, безусловно, влияет крепостное право и, как следствие, практически полное отсутствие рынка рабочих рук. Поэтому нельзя ставить русского и, например, английского мануфактуристов в равные условия при реализации товаров, так как у них изначально неравные условия производства. Тем не менее, аргументы Козодавлева были далеко не бесспорны, чем и воспользовались его оппоненты.

Против запретительного тарифа в то время оказались два весомых фактора. Во-первых, на Венском конгрессе император Александр I фактически пообещал союзным державам открыть границы своей страны для иностранных товаров. Во-вторых, ярким сторонником свободного тарифа был Д.А. Гурьев, пользовавшийся тогда поддержкой всесильного А.А. Аракчеева. Тем не менее, позиция и аргументы О.П. Козодавлева были учтены, и в 1816 г. принят компромиссный вариант таможенного тарифа. В первую очередь были снижены пошлины на ввоз сырья, которое не вырабатывалось в России, были отменены все существующие запреты на ввоз ино-

странных товаров. Первоначально данный тариф не отразился на развитии отечественной промышленности, поэтому правительство пошло на еще большую либерализацию внешней торговли. В 1819 г. принимается новый таможенный тариф, существенно снизивший пошлины на ввозимые товары и сырье. Это сразу сказалось на развитии фабрик и мануфактур. Так, из существующего 51-го сахарного завода 22 были закрыты. Поэтому уже в 1820 г. вновь были введены некоторые ограничения: повышены пошлины на шелковые и набивные ткани, сахар и некоторые другие товары. В 1822 г. был снова введен запретительный тариф.

Несмотря на то, что тарифная политика во многом определяла направление в развитии экономики, необходима была программа, нацеленная на развитие промышленности. Еще в 1811 г. на заседании Государственного совета императором был поставлен вопрос о необходимости увеличения капиталовложений в эту область. Исполняя поручение императора, О.П. Козодавлев высказал предложение об отделении капиталов, направляемых на поощрение развития производства, от денежных средств, предназначенных для других целей. Напомним, что отечественная промышленность во многом создавалась за государственный счет или для обслуживания государственных нужд. Государственный совет поддержал О.П. Козодавлева и согласился с необходимостью выделить капиталы для поощрения развития промышленности. 27 января 1811 г. Александр I своим указом утвердил предложение Государственного совета¹⁶⁰.

Этого было явно недостаточно. Следовало разработать программу или план как текущего, так и перспективного экономического развития страны. Тогда, в 1811 г., а тем более во время Отечественной войны, внутривнутриполитические и внешнеполитические проблемы заслонили вопросы реформирования в экономической сфере. Государственные деятели, прежде всего О. П. Козодавлев, задумывались об этом. Он не составил единую программу по вопросам экономического развития, но представление о его взглядах можно составить по дошедшим до нас работам публицистического и юридического характера. Тем более что, занимая в течение многих лет высшие государственные посты, в том числе, будучи министром внутренних дел, он имел возможность реально участвовать в формировании правительственного курса и воплощать в жизнь свои идеи. Его взгляды нашли свое отражение в газете «Северная почта», официальном органе Министерства внутренних дел, бессменным редактором которой он был с 1809 г. и до смерти, а также в ряде проектов государственных преобразований.

О.П. Козодавлев считал, что правительство не должно пускать на самотек развитие промышленности в стране, тем более что большая часть мануфактур обеспечивает государственные нужды. Однако поддерживать и поощрять в развитии необходимо только те предприятия, которые работают на отечественном, а не на привозном сырье. К таким предприятиям он в первую очередь относил суконные, кожевенные, канатные, красочные и другие мануфактуры. Прежде всего, следует определить некие рычаги воздействия на предприятия для поощрения их развития или же наоборот, сдерживания в зависимости от государственных надобностей. Такими рычагами могли стать государственные субсидии конкретным предприятиям, а также создание системы льгот и привилегий. Козодавлев предложил учредить особые почетные награды для фабрикантов, такие, например, как пожалование звания мануфактур-советник, дарование ценных предметов мануфактуристам за наиболее успешное развитие соб-

ственного предприятия и т. п. Много внимания было уделено необходимости поощрения разного рода изобретениям, пригодным для улучшения производства.

Автор проекта обратил внимание на проблему обеспечения фабрик и мануфактур как казенных, так и частных, рабочей силой. В свое время, в начале XVIII в., Петр I создал институт приписных крестьян, что первоначально сняло проблему обеспечения предприятий работниками при отсутствии рынка рабочей силы. Однако позднее, на рубеже XVIII-XIX вв., стало ясно, что это порочная практика, и предприятия, на которых трудились приписные «рабочие», работали хуже, чем предприятия с вольнонаемной силой. Конечно, Козодавлев ни в коей мере не посягал на институт крепостничества, однако он указывал на необходимость расширения применения вольнонаемных рабочих на фабриках и мануфактурах. Он всегда поддерживал помещиков, желавших освободить своих крестьян по указу «О вольных хлебопашцах». Более того, он предлагал расширенно толковать данный закон. По его мнению, правительство не должно препятствовать помещикам, желающим освободить крестьян, даже если конкретная ситуация несколько выходит за рамки закона. Правда, его предложение в этом вопросе осталось неуслышанным¹⁶¹. Министр внутренних дел проявлял заботу и о вольнонаемных рабочих. В 1818 г. предложил на рассмотрение в Государственном совете проект закона, предусматривающего освобождение рабочих от обязанности записываться в цеха. Он указывал, что это правило скорее стесняет рабочих, а не защищает их. В этом Государственный совет его поддержал: 31 августа 1818 г. императором был издан соответствующий указ¹⁶². Для более полного и беспрепятственного обеспечения предприятий рабочей силой Козодавлева предложил заменить для «фабричных крестьян» рекрутскую повинность денежным взносом.

Выше уже говорилось, что Козодавлев был активным сторонником помощи отечественным промышленникам и некоторого ограждения производства от зарубежной конкуренции. При этом он считал, что внутри страны не должно быть никаких преград для торговой и промышленной деятельности. Причем это должно было касаться всех аспектов хозяйствования: отсутствие внутренних преград в торговле, право беспрепятственно продавать частные предприятия, сдавать в аренду посессионные, а также приобретать и основывать фабрики помещичьим, казенным, удельным крестьянам и вольным хлебопашцам. Предложенный Козодавлевым проект предусматривал ряд правил для крестьян, желавших стать мануфактуристами. Во-первых, согласно данному документу организовать предприятие крестьяне могли не иначе, как с согласия помещика или контролирующих их чиновников. Во-вторых, они должны были получить специальные торговые свидетельства. Кроме того, крестьянам предоставлялась льгота по выплате пошлин: в течение 4-х лет после начала деятельности они освобождались ото всех платежей в казну. Этот проект получил силу закона 28 декабря 1818 г.¹⁶³. Итак, программа О.П. Козодавлева была направлена на создание системы оказания максимально возможной помощи со стороны правительства отечественным промышленникам.

В 1815 г. с рядом политических проектов вновь обратился Н.С. Мордвинов. После отставки М.М. Сперанского Мордвинов, который выступал в качестве его активного сторонника, ушел с политической сцены. Вновь обратиться к анализу экономического положения страны его заставила вышедшая в 1815 г. книга А. Шторха по вопросам экономического развития России, где автор указывает на необходимость закрепления свободной торговли¹⁶⁴. Не соглашаясь со Шторхом по ключевым вопросам, Мордвинов высказал «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о

тарифе». Мотивируя необходимость издания своей работы, в письме Александру I автор проекта указал, что «в недавних числах вышла книга, которая привлекла на себя общее внимание... В оном много хорошего и основательного, но и много ложного и вредного в отношении России. Сочинитель, предаваясь отвлеченным рассуждениям, забыв сопричастные и нераздельные от тарифа виды и обстоятельства, проповедует неограниченную свободу внешней иностранной торговле и советует российскому народу не заниматься иным, кроме земледелия, уступив право заниматься торговлей и развивать промышленность богатейшим соседям»¹⁶⁵.

Свои доводы о необходимости развития в России мануфактур Н.С. Мордвинов начал с общепринятого тогда утверждения, что «политическое усовершенствование каждого народа состоит в том, чтобы число людей, оный составляющее, так было разделено, дабы все совокупно могли себя пропитать, одеть, обувать, обустроить...»¹⁶⁶. Для достижения этой цели необходимо разделение труда, так как одно земледелие «не может даже достичь высших степеней распространения и усовершенствования своего без ремесел и фабрик». Да и само создание фабрик «не умаляло нигде количества посевов»¹⁶⁷. Иными словами, Мордвинов указал, что именно создание собственной промышленности должно максимально способствовать укреплению национальных интересов страны, так как «народ, имеющий у себя в совокупности земледелие, мастерства, фабрики, заводы и торговлю, процветает, благоустраивается и обогащается вернее и скорее, нежели народ, имеющий одних только земледельцев да купцов, покупающих необработанные произведения». Именно развитие промышленности, по мнению Мордвинова, должно стать основой для процветания Российского государства, так как без этого «народ не может быть ни просвещен, ни богат, не может ни процветать, ни пользоваться политической свободой [здесь: национальной самостоятельностью – Н. К.]»¹⁶⁸. Делая подобный вывод, Мордвинов размышлял о том, откуда фабриканты возьмут рабочую силу. Как реалист, он не призывал к немедленной отмене крепостного права, хотя сам Мордвинов был противником крепостничества. Он заметил, что погодные условия Российской империи позволяют шесть месяцев в году даже земледельцу работать на фабрике. Кроме того, в центре России наблюдается малоземелье, и поэтому сами помещики могли бы создавать промышленные предприятия и использовать на них труд крепостных. Рабочие руки можно набрать «из дворовых людей, ... малолетних, престарелых, увечных и вообще не способных для полевых работ», а также разночинцев и мещан в городах¹⁶⁹. Таким образом, никаких реальных препятствий к заведению в России фабрик и заводов нет. Создание же их – необходимое условие для успешного развития страны.

Вторая часть трактата Мордвинова посвящена анализу тарифной политики правительства. В 1811 г. в России был введен протекционистский, покровительственный таможенный тариф и даже запрещен ввоз некоторых товаров. Анализируя курсы валют тех стран, с которыми у России шла активная торговля (Англия, Голландия, Пруссия), Мордвинов сделал вывод, что подобная тарифная политика привела только к повышению цен, но мало способствовала развитию промышленности. Главная причина – порожденная высокими тарифами дороговизна при широком распространении дешевых контрабандных товаров, которые составляют весомую конкуренцию российским товарам. В свою очередь понижение курса национальной валюты – рубля – не позволяет активно импортировать традиционно российские товары: зерно, пеньку и т. п. Итак, делает вывод Мордвинов, «за двойное количества хлеба Россия никак не получает двойное количество денег»¹⁷⁰. Поэтому для повышения торгового баланса

необходимо, указывал автор проекта, не повышать таможенные тарифы, а проводить мероприятия по стабилизации денежного курса. Это возможно «во-первых, в ревностном принятии усиленных и непрерывных мер к постепенному уменьшению ажио¹⁷¹ и иностранного курса; во-вторых же, в рачительном усилении внутренних рукоделий, обеспечением капиталов, на оные употребляемых, и напоследок в законоположениях, к естественным правам собственности и к законной свободе торговли относящихся»¹⁷². При этом важно, чтобы тарифы были относительно постоянны и не менялись часто. Тарифная политика, по мысли Мордвинова, должна быть максимально гибкой, ориентированная не на экономические теории, а на российскую действительность. Он указал, что «соревнование» между русским и англичанином не может существовать, так как последний пользуется «превосходнейшими капиталами, опытностью, приобретенным чрез долгое время искусством», чего нет у русского. В Англии развитие промышленности шло постепенно, что необходимо обеспечить и в России. Поэтому Мордвинов предложил создать специальную тарифную систему: запретить ввоз товаров, которые производятся нашими фабриками, а на остальные, наоборот, максимально снизить тариф. Все это, по мнению Мордвинова, должно привести к процветанию Российского государства.

Александр I одобрительно отнесся к работе Мордвинова и передал ее министру финансов Д.А. Гурьеву для дальнейшей публикации, что и было сделано¹⁷³. Правда, тогда какой-либо реакции на публикацию не последовало. Уже в 1825 г. император Александр I через министра финансов предложил Н.С. Мордвинову разработать серию мер по оздоровлению финансового положения страны. Свои взгляды по данному вопросу Мордвинов изложил в официальном письме монарху, так как направление предложений в промежуточные инстанции, по его мнению, только затянуло бы процесс.

Свое «письмо» Мордвинов начал с обозначения мысли, которая проходит красной нитью фактически через все его экономические работы: единственные источники повышения благосостояния государства – это народное обогащение. Так как «скудность и истощение» народное, которое продолжается «уже 15 лет», и стало основой для финансовых проблем в стране¹⁷⁴. Мордвинов вывел четыре причины такого положения: «По пространству империи Российской настоящие доходы ее не соответствуют потребным для всеобщего благоустройства расходам. С другой [стороны – Н. К.], что при таковом недостатке, испытуемом ежегодно, источники доходов чувствительно приходят в упадок. С третьей, что чрез сии два обстоятельства государственное казначейство находится во всегдашнем недостатке таковых способов, кои бы оное могло обратить на другие источники. С четвертой, что по сделанным в чужих краях долгам государственное казначейство приходит в великое расстройство»¹⁷⁵. Итак, главным источником дохода в государстве остаются сборы с народа, который беден. Поэтому необходимо обратить взор казначейства на другие категории населения, прежде всего, дворянство. Правда, понимая сложность поднимаемого вопроса, Мордвинов не детализировал эту мысль. Он, скорее всего, ставил себе цель обозначить проблему невозможности решения финансового вопроса исключительно за счет платежей с крестьян. Монаршей реакции на записку Мордвинова не последовало.

Проблемы выхода из финансового кризиса и увеличения государственных доходов интересовали не только представителей верховной власти, но и рядовых чиновников. В этом отношении любопытен проект чиновника министерства финансов надворного советника М. Карлевича, который обратился с письменным предложени-

ем к императору Александру I об увеличении доходов. О самом Михаиле Карлевиче мало что известно. Службу он начал в 1797 г. в Минской губ. Как деятельного чиновника, его перевели в Петербург в министерство внутренних дел, где он получил чин надворного советника 24 января 1811 г. Во время Отечественной войны 1812 г. он состоял сначала при кн. Б.А. Голицыне, а затем при принце Е. Ольденбургском в ополчении. Затем служил в министерстве финансов¹⁷⁶.

Прежде чем приступить к анализу способов увеличения доходов, М. Карлевич обозначил основные статьи государственных доходов: «Не касаясь подушной подати, гласные доходы в казну поступают: 1 – от винных откупов; 2 – таможенные; 3 – монетной системы; 4 – продажи соли; 5 – разных других статей государственных имуществ». Далее в проекте М. Карлевич начал по порядку анализировать, как увеличить каждый из названных доходов. Размышляя о системе винных откупов, автор проекта указал на их малую эффективность. Он считал возможным полностью от них отказаться и разрешить всем помещикам свободное производство и продажу вина, при этом обложив торговлю большим налогом. Чтобы испытать действенность данной меры, автор проекта предложил испытать ее на нескольких губерниях, «где есть большие недоимки, ибо здесь уже верно казна ничего не теряет»¹⁷⁷.

Весьма любопытны размышления М. Карлевича по вопросам регулирования таможенных пошлин. Автор проекта изначально поставил себе вопрос: «должен ли по политическим обстоятельствам существовать долго тариф 1810 г. или нет». Он не дает однозначного ответа на вопрос, указывая, что «в первом случае суммы таможенные могут увеличиваться конфискациями и пенями, но за то должно правительство облегчить жребий некоторых состояний внутри [страны – Н. К.]». Иначе говоря, М. Карлевич считал, что не столько важен размер таможенных пошлин, сколько способность властей использовать преимущество того или иного тарифа. Для совершенствования сбора таможенных платежей М. Карлевич предложил учредить специальный банк, «который мог бы, с одной стороны, служить обеспечением ассигнаций и облигаций, нежели продажа казенных имуществ, а с другой – быть защитой самой торговле от временных на ее счет претензий»¹⁷⁸. Основным капиталом данного банка должны стать таможенные сборы.

От идеи создания нового банка для гарантии сбора таможенных платежей и организации честной торговли М. Карлевич перешел к предложению об учреждении «коммерческого совета или комиссии из купцов всех знатнейших городов и ... исправление банковского устава». Как известно, при Екатерине II и Павле I существовали советы из купеческого сословия, однако они были недолговременными и, тем более, не имели права «исправлять» законодательства, что предлагал поручить новому коммерческому совету М. Карлевич. Далее он проанализировал целесообразность так называемого «соляного налога». Он выступил против высоких цен на соль. Обращаясь к опыту Австрии, он предложил оставить «запасы для понижения вольных цен». Вырученные же средства направить для разработки соляных месторождений, тем самым увеличивая объем продажи соли, что, в свою очередь, неизбежно повлечет увеличение доходов казны»¹⁷⁹.

Не оставил М. Карлевич без внимания и развитие монетной системы. Он заметил, что «до 1810 г. [медная монета – Н. К.] была почти в несколько крат ниже металла», поэтому ее переплавляли и вывозили за границу. Он предложил «усилить ее ценз». Карлевич подчеркивал, что даже после увеличения «цены обеих [медных и серебряных – Н. К.] монет в меди «она, кажется, еще далека от правильного уравне-

ния». Одним из первых он заметил, что для увеличения курса монеты недостаточно реформировать только ее номинал, а необходимо принимать меры, способствующие развитию торговли, повысить таможенные тарифы и обязать иностранных купцов производить «покупку товаров для выпуска за границы не иначе как за металл», то есть серебряную и медную монету. Наконец, М. Карлевич обратил внимание на еще один вид государственных доходов в сфере управления государственными имуществами. Прежде всего, автор проекта указывал на необходимость более рационального управления государственными крестьянами. М. Карлевич писал, что следует отказаться от «кругового счета повинностей»¹⁸⁰. Однако, понимая щепетильность темы, автор проекта ограничился лишь общими замечаниями о необходимости реформ.

По всей вероятности, предложения Михаила Карлевича не стали известны Александру I и руководству министерства финансов¹⁸¹. Однако многие его мысли оказались созвучны тем вопросам и проблемам, которые обсуждались в руководстве страны, в частности, изменения в таможенной политике, реформы денежной системы и т. п. Этот проект показывает, что даже люди, далекие от большой политики, видели явные финансовые затруднения властей: в качестве побудительного мотива к составлению данной работы М. Карлевич указал, что уже девять месяцев он не получал жалования¹⁸². Конечно, нет оснований полагать, что большинство чиновников были столь же образованы и активны. Но создание даже единичных проектов свидетельствует о появлении «думающих чиновников», часть из которых в дальнейшем станет декабристами, так и не создав бюрократическую элиту.

В первой четверти XIX в. экономическая мысль приобретает все более тесную связь со свободомыслием. Как писал Н.И. Тургенев, декабрист и автор экономического трактата «Опыт теории налогов», наука о финансах и политическая экономия «родились вместе с конституционной свободой народов Европы»¹⁸³. В 10-20-х гг. XIX в. экономические идеи проникают в российское образованное общество. Так, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина «Бранил Гомера, Феокрита, // Зато читал Адами Смита // И был глубокий эконом, // То есть умел судить о том, // Как государство богатеет // И чем живет, и почему // Не нужно золота ему, // Когда простой продукт имеет». Поэтому не случайно, что наиболее яркий трактат по экономическим вопросам написан декабристом. В конце 1818 г. Тургенев издал свою книгу «Опыт теории налогов». Придерживаясь теории фритредерства, автор советует стремиться к полной свободе торговли, он выступал против высоких таможенных пошлин, утверждая, что правительство должно стараться, насколько возможно, уменьшать тяжесть налогов на «простой народ». Тургенев предложил возложить налоговое бремя и на дворянство. По его мнению, налог должен быть взимаем с чистого дохода, а не с рабочей платы. Подушные подати – «следы необразованности предшествовавших времен». Кроме того, он указал, что желательно освобождение первых потребностей от обложения налогами. Неисправные плательщики не должны быть подвергаемы телесным наказаниям, так как налоги следует брать «не с лица подданного, а с его имени»; следует избегать при этом и лишения свободы, как совершенно нецелесообразного средства. При введении перемен, касающихся благосостояния всего государства, следует, по мнению Тургенева, более сообразоваться с выгодами помещиков и земледельцев, чем купцов. Зажиточность народа, а не существование множества фабрик и мануфактур, составляет главный признак народного благосостояния. Успешность взимания налогов, кроме народного богатства, зависит и от образа правления государства и «духа народного»: «готовность уплачивать налоги всего

более видна в республиках, отвращение к налогам – в государствах деспотических». Тургенев завершает свою книгу следующими словами: «Усовершенствование системы кредита пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием представительства народа». Книга Тургенева имела в России большой успех, редкий для таких серьезных сочинений: она вышла в свет в ноябре 1818 г., а к концу года была почти вся распродана, в мае же следующего года появилось уже второе ее издание¹⁸⁴.

В историографии достаточно живуч миф о том, что Россия всегда была и оставалась экономически отсталой страной, фактически при полном отсутствии какой-либо экономической политики. Изучение конкретных фактов финансово-экономического развития показывает, что это было далеко не так. Развивалась денежная система, строились фабрики и мануфактуры. В то же время, в отличие от Европы, в нашей стране самостоятельная, имеющая политический вес торгово-промышленная элита окончательно сформировалась уже во второй половине XIX в. Поэтому господствующий на Западе веком ранее идеал свободы торговли, фритредерства, не мог быть применим в России. В нашей стране изначально доля участия государства в экономике была очень велика. Достаточно большое количество частных фабрик и мануфактур работали только на обеспечение государственных, прежде всего военных, заказов; не мал был и собственно государственный сектор в экономике. Кроме того, отечественные товары и на внутреннем, и, тем более, на внешнем рынках с начала XIX в. не могли конкурировать с западноевропейскими. Причиной тому было гораздо более медленное развитие техники. В Англии в это время уже завершался промышленный переворот, тогда как в нашей стране он только начинался. В России отсутствовал рынок рабочей силы, а дефицит квалифицированных рабочих был очень высок.

Все эти факторы доказывают, что без государственной помощи отечественное производство не могло бы развиваться, а тем более выдержать конкуренцию с западом. Просвещенные государственные деятели понимали, что необходимо поддерживать отечественную промышленность, но не напрямую, как это делалось, например, при Петре I, а путем регулирования налогообложения и таможенных тарифов.

Другой проблемой в формировании экономической политики оказалась ее слабая связь с другими направлениями государственного реформирования. Власти, конечно, понимали, что без финансирования невозможно реформирование ни в одной сфере, в то же время затраты на планируемые реформы не учитывались. Отсюда и постоянная нехватка средств. Несмотря на то, что большинство авторов проектов преобразований обращали внимание власти на необходимость выработки продуманной и «прозрачной» экономической политики, это так и не было сделано. Причина не только во взяточничестве и казнокрадстве, которые так и не были изжиты в нашей стране. Монархи сами были заинтересованы в закрытости бюджета. Известно, что именно введение и использование налогов было главным предметом рассмотрения европейских парламентов, фактически, одним из инструментов ограничения власти, так как принятый бюджет необходимо было исполнять и правителю. На наш взгляд, поэтому большинство предлагаемых проектов реформирования финансово-экономической системы так и остались на бумаге. Это, в свою очередь, привело к тому, что в начале XIX в. начинается и постепенно усиливается экономическое отставание нашей страны от ряда западных стран, причем не только по производству товаров на душу населения, но и по развитию техники и новых технологий.

Социальные реформы

Эволюция социальной структуры российского общества в XVIII – первой четверти XIX вв.

Движение Российского государства по пути модернизации и европеизации политических и социальных структур, начавшееся в XVIII в., потребовало создания новой социальной структуры, которая могла бы служить опорой трону. Поэтому основным направлением социальной политики всех сменявших друг друга монархов было создание нового правящего слоя – дворянства, впитавшего в себя предшествующие привилегированные слои, но отличавшегося от них большей унификацией, степенью связанности с государственной службой.

Дворянство как единое сословие образовалось в результате реформ Петра I из боярства, «служилых людей по отечеству» и пожалованных в это состояние монархом. В становлении дворянства как единого сословия на первоначальном этапе принципиальную роль сыграли указы 1714 г. о единонаследии, 1719 г. о закреплении персонально за каждым землевладельцем крестьян, проживающий на их земле, а также установление обязательной для всех службы согласно «Табели о рангах». Первоначально новое сословие получило наименование «царедворцев», а затем шляхетства. Официально данный термин держался до 1762 г. – выхода в свет «Манифеста о даровании вольности и свободы российскому дворянству».

23 марта 1714 г. с изданием указа о единонаследии фактически отменялись юридические различия между двумя видами собственности – поместьем и вотчиной¹⁸⁵. Вместо этих старинных названий вводилось новое понятие «недвижимого» имени. Во избежание дробления землевладений указом разрешено было передавать их по наследству лишь одному сыну, движимое имущество делилось между остальными наследниками. Традиционность в системе дворянского землевладения сохранялась в виде неразрывной связи землевладения с дворянским званием и службой. Государство сохранило за собой и право конфискации у дворян имений в случае их нерадения по службе, совершения преступления и т. д. В 1730 г., в соответствии с интересами дворянства, Анна Иоанновна отменила указ о единонаследии. В декабре 1736 г. вышел указ, ограничивающий срок обязательной службы дворян 25 годами. Указы Анны Иоанновны оказали благотворное воздействие на упрочение дворянского самосознания, складывание подлинно сословных представлений российского дворянства о своем месте в обществе.

Важным шагом в развитии правового регулирования сословий имела работа Уложенной комиссии, работавшей во время правления Елизаветы Петровны. 11 марта 1754 г. на заседании Сената, на котором присутствовала сама императрица, П.И. Шувалов поднял вопрос о необходимости составления Уложения. На основе его доклада от имени Елизаветы Петровны было вынесено решение приступить к составлению Уложения. В решении указывалось: «1) О преимуществе перед прочими делами сочинить ясные законы и в том начало положить; 2) О временах и в них применениях людей во обычаи и правах, по которым необходимо и перемена законов быть должна; 3) В рассуждении о том, что никто один есть таков, дабы всех департаментов гласящих наших указ, так тонок, что все излишки отвратить в состоянии был, разве быть человеку ангельского понятия»¹⁸⁶. Протокол был подписан императрицей 25 июля 1754 г., а через два дня Сенат вынес решение о формировании Уложенной Комиссии и утвердил ее состав: при Сенате должна была работать Главная комиссия

и 35 комиссий при отдельных ведомствах и учреждениях. Подготовка специальных материалов была возложена на местные власти. При комиссии сформировалась своя канцелярия со штатом вспомогательных сотрудников. Хотя номинально руководитель комиссии не был определен, в правительственных кругах таковым однозначно считался П.И. Шувалов¹⁸⁷.

Для того чтобы успешно выполнить задуманное, члены Уложенной комиссии принялись за разработку плана нового Уложения. В достаточно короткие сроки план работы был составлен и обнародован в сенатском указе от 24 августа 1754 г. По этому плану новое Уложение должно было состоять из четырех частей: «Первая часть. Содержит в себе все то, что надлежит до суда и судебных мест и в каких случаях письменные и словесные суды производить и по ним решения чинить. Вторая часть. Гласит о таких правах, которые подданным в государстве по разному их состоянию персонально принадлежат. Третья часть. Содержит в себе все то, что до движимого и недвижимого имущества и до разделения оного принадлежит и по каким крепостям и случаям оные кому и каким образом крепки быть должны. Четвертая часть. Показывает, каким образом и в каких случаях розыски и пытки производить и какие за разные преступления казни, наказания и штрафы положены»¹⁸⁸.

Члены комиссии довольно активно принялись за дело. Уже к лету 1755 г. были разработаны две части нового Уложения. Первая часть – «О суде» – определяла общие основы судостроительства и судебного права и не предусматривала каких-либо принципиальных новшеств и четвертая (по плану) часть проекта Уложения – «О розыскных делах», которая, по сути дела, представляла собой Уголовное уложение¹⁸⁹. Так как общие основы судостроительства и судебного права были установлены в первой части, четвертая была посвящена также и регламентации уголовного процесса¹⁹⁰. Работа над второй (по плану) частью «О разном состоянии подданных вообще»¹⁹¹, в которой предполагалось законодательно определить сословный строй общества, велась медленнее, так как она имела не только юридическое, но и политическое значение. Именно из-за данной главы, а точнее, из-за проблемы распределения прав и привилегий между дворянством и купечеством, разгорелась борьба политических группировок П.И. Шувалова, с одной стороны, и Р.И. Воронцова и Я.П. Шаховского – с другой.

К осени 1760 г. первый (шуваловский) вариант второй (по плану) части был завершен, о чем даже составлен специальный протокол¹⁹². Но это вариант не был представлен на подпись Елизавете, так как сразу его начали редактировать новые члены Уложенной комиссии – Р.Л. Воронцов и князь М.И. Шахновский, назначенные в нее 29 сентября 1760 г. П.И. Шувалов же фактически потерял влияние, а вместе с ним и А.И. Глебов, один из авторов «шуваловской» редакции данной части Уложения. К сентябрю 1761 г. работа была завершена, и Сенат постановил созвать депутатов для согласования проекта Уложения с «желанием общества» – по два от дворянства и по одному от купечества из каждой провинции¹⁹³. С марта 1762 г. депутаты начали съезжаться в Петербург. Однако после смерти Елизаветы Петровны 24 декабря 1761 г. политическая ситуация изменилась. Благодаря фаворитке Петра III, Р.Л. Воронцов не потерял власть, но все же ближайшим советником нового императора по государственным вопросам оказался А.И. Глебов. Затем снова последовал дворцовый переворот. В 1763 г. деятельность комиссии была приостановлена, хотя формально она просуществовала вплоть до декабря 1766 г. Все материалы комиссии впоследствии поступили в Уложенную комиссию, созванную Екатериной II в 1767 г.

Изучение архивных материалов позволяет нам сделать вывод о том, что за время деятельности Комиссии было создано три, а не две, как принято считать, редакции второй (по плану) части Уложения «О состоянии подданных вообще»¹⁹⁴. В фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) сохранились три редакции этой части¹⁹⁵. Первые две редакции были созданы в период царствования Елизаветы Петровны, а третья – в период короткого правления Петра III. Все редакции имели ряд концептуальных отличий.

Первая редакция создавалась под руководством П.И. Шувалова и была окончательно завершена к началу 1760 г. Она состояла из 19 глав. В первой же главе, одноименной названию самой части, утверждалось, что «все подданные в российском Г [осу] д [а] рстве по размышлению разнствуют друг от друга различным своим состоянием...», которое «происходит от различия веры, полу, лет рождения, разума и чинов». Далее в этой же главе перечислялись все те категории российских подданных, права которых предполагалось рассмотреть ниже: православных и иноверцев, родителей и детей, «приспевших до совершенного возраста» и малолетних, «разумных и дураков», законнорожденных и незаконнорожденных, дворян, купцов, крестьян, а также иностранцев, не состоящих в российском подданстве. В последующих главах в той или иной мере рассматривались права всех вышеперечисленных категорий населения. Глава 2 была посвящена православным иноверцам; глава 3 – раскольникам; глава 4 – обязанностям родителей; глава 5 – малолетним, дуракам и мотам; главы 6-14 – различным аспектам попечительской деятельности; глава 15 – дуракам; глава 16 – незаконнорожденным; глава 17 – иностранцам.

Сословным отношениям были посвящены главы 18 и 19. В главе 18 речь шла «о власти дворянской, архиерейской и протчих духовных чинов и фабрикантов над людьми и крестьяны». В первой статье главы обозначалось право дворян распоряжаться зависимыми крестьянами, людьми и их имуществом по своему усмотрению, «кроме отнятия живота и наказания кнутом и произведения ... пыток». «Духовным чинам», фабрикантам и заводчикам свободное распоряжение крестьянами и людьми (продажа, заклад, отпуск на волю, закрепощение) запрещалось (ст. 2,3), тем самым подчеркивалось исключительное право дворянства владеть крепостными. Тем не менее, ряд статей (ст. 5-15) были посвящены механизму отпуска крестьян на волю и их последующей жизни уже в некрепостном состоянии. В статьях 16 и 17 рассматривался вариант отпуска крестьян на время для «прокормления и промысла». Остальные статьи были посвящены положению вдов и девок (ст. 18-20) и тем обязательствам, в которые «люди и крестьяны вступать могут» (ст. 20-28).

Таким образом, из 28 статей 18-й главы «власти дворянской, архиерейской и протчих духовных чинов и фабрикантов над людьми и крестьяны» посвящено было всего четыре статьи (ст. 1-4). Такое невнимание к владельческим правам дворянства и духовенства, и при этом детализация тех прав и состояний, в которые могут вступать крестьяне, находясь в крепостной зависимости, а также после освобождения от нее, свидетельствует о том, что П. И. Шувалов рассматривал крестьянство не столько как собственность помещиков, сколько как податное сословие государства.

В последней, 19-й главе, первой редакции речь шла «О посадских и о расписании их по гильдиям и цехам». Здесь устанавливались определенные права для купечества и определялись некоторые правила, регламентировавшие торговую деятельность. В купцы мог записаться любой свободный, не беглый и обладающий соответствующими документами человек (ст. 24). Знатные и зажиточные купцы получали право выставлять

вместо себя на службу «достойного и беспорочного человека» (ст. 16). Запрещалось купцам торговать крестьянами (ст. 22, 23), а заводчикам и фабрикантам заниматься розничной торговлей, «дабы лавочным торговцам обиды не было» (ст. 18). В последней, 31-й статье, было зафиксировано положение, запрещавшее «разорительные монополии», способствующие «общенародному отягчению». Определялась в 19-й главе также внутренняя структура цехов (ст. 28), а магистратам повелевалось «учинить цехи», куда надлежало записывать мастеровых людей и ремесленников (ст. 25). В целом, «шуваловская» редакция второй (по плану) части Уложения «О разном состоянии подданных вообще» стала первым документом в истории российского законодательства, в котором была предпринята попытка зафиксировать «состояния» таких категорий населения как дворянство, духовенство, крестьянство и купечество. Именно этот проект стал основой для создания двух последующих редакций.

Появление второй редакции части «О разном состоянии подданных вообще» было связано, как уже говорилось, с событиями «бюрократического переворота» августа 1760 г., в результате которого позиции П.И. Шувалова были значительно подорваны, и произошли также кадровые перестановки в Комиссии по составлению нового Уложения. Главой Комиссии, вместо П.И. Шувалова, был назначен Р.А. Воронцов. Новый глава комиссии начал с проверки имеющихся материалов, после чего им было санкционирована работа над редактированием и составлением новых частей Уложения. Результатом этой работы стало появление новой редакции второй (по плану) части Уложения, получившей название «О разном состоянии подданных в Государстве» и состоявшей уже из 22 глав. В основу редакции Воронцова была, естественно, положена редакция П. И. Шувалова, трансформации подверглись именно те статьи, которые не соответствовали взглядам Р.А. Воронцова и его соратников по тем или иным вопросам сословной политики. Первое принципиальное расхождение касалось проблемы, связанной с тем, как поступать с имеющимися мечетями иноверцев и с упорствующими в вере раскольниками. В редакции Шувалова предписывалось мечети ломать (гл. 2 ст. 9), а упорствующих в вере раскольников «писать в солдаты и матросы и в гарнизонные школы, ...а жен [ский] пол на прядильные дворы» (гл. 3 ст. 2). В редакции Воронцова рекомендовалось и в том, и в другом случаях ограничиваться регулярным денежным сбором (гл. 2 ст. 9; гл. 3 ст. 2), тем самым декларировался принцип веротерпимости и право на отправление неофициальных религиозных обрядов, правда, не безвозмездно.

Следующим моментом, отличавшим вторую редакцию от первой, стала 22 глава «О дворянах и их преимуществе», в которой декларировались определенные права и привилегии дворянства. Изложение дворянских преимуществ начиналось еще в главе 18, состоявшей из 6 статей и определявшей, «каким людям собственных себе людей и крестьян крепить не позволено». К таковым были отнесены иностранцы, не являвшиеся российскими подданными, мещане, купцы, раскольники, новокрещенные, то есть практически все категории населения, за исключением дворянства и купцов, имеющих в своем распоряжении корабли. В следующей, 19-й главе, речь шла «О власти дворянской над людьми и крестьяны». Эта глава во многом соответствует главе 18 первой редакции. В ней устанавливался запрет для церкви осуществлять какие-либо манипуляции с крещеной собственностью (ст. 2), тогда как этим правом обладало исключительно дворянство. В главах 20-й и 21-й рассматривались вопросы, касавшиеся поимки беглых крестьян и суда над ними.

Глава 22, посвященная непосредственно определению дворянских привилегий, состояла из 16 статей. В первой же статье давалось обоснование тем преимуществам, которые имеет дворянство, поскольку «всех чинов в государстве дворянство есть первейший и главнейший», на том основании, что предки нынешних дворян заслужили честь и достоинство благодаря защите государства, и теперь их «достоинство и до потомков их в вечную память отцовских заслуг распространилось». Во втором пункте расшифровывалось, кто может быть причислен к дворянству. Прежде всего это те, кто «...знатных российского государства древних фамилий произошли или в древние времена из Польши или других государств... в Россию пришли», а также те, «которые доказать могут, что отцы и деды их уже с 1700 г. в дворянской службе всегда неотменно находились». В третьей статье подтверждались положения «Табели о рангах» для тех, кто до издания нового Уложения, по достижении обер-офицерского чина и чина коллежского секретаря, получили наследственные «дворянские преимущества». Но уже в следующей редакции были внесены коррективы. Было установлено, что получение дворянства за выслугу не действительно без диплома, подписанного императрицей. Получивший подобный диплом не может передать дворянство по наследству своим детям (ст. 4).

В седьмой главе фиксировалось очень важное положение, а именно, что все дворяне, независимо от титулов и классов, имеют равные преимущества, то есть права. Далее идет перечисление следующих прав: право на государственную службу и ее оставление (ст. 8); право на выезд за границу и переход на иностранную службу (ст. 9, 10); право на титул, герб, печать (ст. 13, 14); право не подвергаться телесным наказаниям и аресту без наличных доказательств и без суда (ст. 15); право заводить в вотчинах промышленные производства (ст. 17); монопольное право на винокурение (ст. 20); право организовывать съезды в провинциях (ст. 22); самостоятельно решать вопросы, касающиеся наследства (ст. 23); исключительное право владеть деревнями с крестьянами (ст. 16). В своем имении дворянину разрешалось «...делать все, что законам нашим не противно и не было бы соседу вреда» (ст. 18). Оговаривался в 22 главе и запрет для дворянства на определенный род деятельности – розничную торговлю (ст. 21). Эта статья была заимствована из первой редакции, где данное ограничение распространялось на всех заводчиков и фабрикантов.

Наряду с правами дворянства, во второй редакции второй (по плану) части Уложения «О состоянии подданных в Государстве» оговаривались сословные права купечества. Торговлей и промыслами разрешалось заниматься лишь тем разночинцам, которые записаны в купечество, или же с разрешения купцов. Купцы освобождались от подушной подати и рекрутской повинности. Им разрешалось иметь дом в городе, с определенными ограничениями содержать заводы и мануфактуры, приобретать землю в собственность.

В целом вторая редакция второй (по плану) части Уложения «О разном состоянии подданных в государстве» стала новым этапом в длительной борьбе дворянства за свои сословные привилегии и представляла собой попытку законодательным путем зафиксировать права и преимущества дворянства в ущерб всем остальным сословиям. Однако красной линией проходит идея о необходимости установить равные права внутри дворянского сословия, а также обеспечить реализацию данных прав.

С момента вступления на российский престол Петра III начинается новый этап деятельности Комиссии по составлению нового Уложения. Документом, в котором от имени государя даровались определенные «вольности и свободы» российскому дво-

рянству, стал Манифест от 21 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству»¹⁹⁶. В Манифесте содержалась программа, аналогичная той, что была выработана Уложенной Комиссией 1754-1766 гг. Связано это было с тем, что в основу Манифеста была положена несколько трансформированная 22-я глава третьей части Уложения «О состоянии подданных вообще». Переработка главы была осуществлена в основном с точки зрения «штиля».

Так же, как и в 22-й главе второй (по плану) части Уложения, в Манифесте рассматривались по существу два вопроса, касавшиеся основ взаимоотношения власти монарха и дворянского сословия и конкретных прав и привилегий последнего. К числу привилегий относилось право дворянина оставлять государственную службу в любое время (кроме военного для офицеров) и не служить вовсе (п. 1). Дворяне, продолжающие служить, получали преимущества в чинопроизводстве перед неслужившими (п. 2-3). Декларировалось право дворян беспрепятственного выезда за границу с условием обязательного возвращения только в случае особого «обнародования» от имени верховной власти (п. 4), право поступать на иностранную службу (п. 5), обучать своих детей дома (п. 7). Новым, по сравнению со второй (по плану) части Уложения, стала возведенная в закон мера по консолидации дворянского сословия. Для этого в Манифесте оговаривалось, что все предусмотренные в нем привилегии не распространяются на однодворцев, свободных владельцев одного и двух крестьянских дворов, которые ранее определялись как служилое дворянство (п. 7). Еще одной характерной особенностью Манифеста стала статья 8-я, в которой утверждалась дворянская вольность «на вечные времена». В целом же можно говорить о том, что Манифест узаконил основные требования дворянства, касавшиеся неприкосновенности правового статуса дворянского сословия, что, в свою очередь, гарантировало ему независимость как от администрации, так и от правительства. Таким образом, впервые в России появилась действительно свободная социальная категория, не связанная какими-либо формами зависимости с государством.

Наконец, к эпохе правления Петра III относится появление третьей редакции второй (по плану) части Уложения «О состоянии подданных вообще», о чем свидетельствует черновой текст преамбул к главам, где неоднократно используется формулировка «наш любезный дед Г [осу] д [а] рь император Петр Великий»¹⁹⁷. В качестве «любезного деда» Петр Великий выступал по отношению к Петру III, от имени которого в третьей редакции и устанавливались законы.

В связи с этим примечательным становится тот факт, что текст именно третьей редакции, с момента его опубликования В.Н. Латкиным в 1893 г.¹⁹⁸, рассматривается специалистами в качестве основного и активно используется как источник для изучения деятельности елизаветинской Уложенной комиссии¹⁹⁹. На этот парадокс указывал в своей работе Н.Л. Рубинштейн еще в 1938 г. Он отмечал, основываясь на собственных изысканиях, что следует признать «...так называемую III-ю редакцию просто досужим творчеством архивного чиновника, ... механической комбинацией отдельных глав, взятых из I или II редакций»²⁰⁰.

Сравнительный анализ текстов всех трех редакций показал, что третья редакция действительно представляет собой компиляцию глав из первой и второй редакций, но далеко «не механическую», как полагал Рубинштейн. Неизвестный автор третьей редакции руководствовался при ее создании собственными представлениями о том, каковым должно быть содержание «Прав подданных вообще». С одной стороны, автор явно придерживался прошеваловских взглядов и за основу своей редакции взял текст

первой, с другой стороны, он заимствовал из редакции Воронцова то, что, по его мнению, недостает первой редакции, а именно положений, касающихся исключительных прав и привилегий дворянства – гл. 18, 20, 21, 22. В то же время автор третьей редакции этим не ограничился. Он переработал главу 19-ю первой редакции в две главы: 24-ю – «О расписании купцов по гильдиям и записании разночинцев в купечество» и 25-ю – «О цехах»; и создает новую, 23-ю главу, которая получает название «Право купеческое»²⁰¹. Таким образом, третья редакция второй (по плану) части Уложения включала в себя уже 25 глав.

Особый интерес в данной редакции представляет «Право купеческое». 23 глава, посвященная данному вопросу, сама состоит из 24 статей. Автор третьей редакции, вслед за Воронцовым, определяет, кого «купцами почитать» следует. Таковыми полагается считать тех, чьи предки издавна «гостем пожалованы и в гостинные... и черные сотни и слободы и посадские записаны были». Далее декларировались права купечества: исключительное право на торговую деятельность (ст. 3, 5); иметь дом в городе «без платежа» (ст. 4); иметь лавки, амбары и прочее в портах и около границ государства (ст. 6); содержать заводы и мануфактуры, но без сбора оброков и без использования крестьянского труда (ст. 7, 19); получать правительственные подряды (ст. 8); строить корабли (ст. 11); обучать детей за границей, правда, только «коммерческому делу» (ст. 12); иметь собственный магистратский суд, но только в имущественных делах (ст. 13); избирать из своей среды бургомистров и ратманов в Магистраты (ст. 22); право на замену телесных наказаний для купцов первой гильдии штрафом (ст. 15); право купцам первой гильдии носить шпаги (ст. 16). Все виды сборов с купцов заменялись трехрублевым ежегодным налогом (ст. 18). Таким образом, автор третьей редакции как бы восстанавливал утраченную в редакции Воронцова справедливость. В третьей редакции наравне с правами дворянства утверждались и права купечества, причем в гораздо большем объеме, чем в первой редакции и вообще когда-либо в истории российского государства. Разработанные документы обнародованы не были.

«Золотой век» дворянства пришелся на последнюю треть столетия – екатерининскую эпоху. 21 апреля 1785 г. Екатерина II подписала Жалованную грамоту дворянству. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»²⁰² окончательно закрепила права и привилегии этого сословия. В Грамоте было указано, что никто не может лишить дворянина этого состояния, если только сами они не лишатся «оного преступлением». Причем круг таких преступлений был строго ограничен. Оговаривалось, что ни жизни, ни дворянского достоинства, ни имущества «благородный» не может лишиться без суда равных. Подтверждались такие права дворян, как добровольность службы, исключительное право владения землями и крепостными душами, а также право заводить в имениях фабрики и «рукоделия». Жалованная грамота устанавливала дворянское самоуправление в губерниях и уездах. Т. е. дворяне одной губернии (уезда) составляли дворянское общество, могли избирать губернского (уездного) предводителя дворянства. Это собрание дворянства должно было представлять губернатору сведения о своих и общественных нуждах, а в случае необходимости подавать жалобы вплоть до монарха.

Российское дворянство получило такие права, которые просветители считали «правами человека», за исключением, конечно, бывшего у русских дворян права владения крепостными. По замыслу Екатерины II значение этого закона было в том, что теперь положение дворянина не должно было зависеть от прихоти конкретного монарха, хотя жизнь в дальнейшем это не подтвердила.

Согласно данному закону дворянство окончательно было оформлено как привилегированное и достаточно замкнутое сословие. Однако роль Жалованной грамоты дворянству оказалось двойкой. С одной стороны, в ней были закреплены основные права и свободы человека, которые до того вообще не признавались властью. С другой – консервация дворянского сословия тормозила эволюцию российского общества. Однако, оценивая значение данного документа в целом, стоит отметить, что в нем впервые на законодательном уровне, пусть для одного сословия, были закреплены основные права человека.

При Александре I дворянам было разрешено обзаводиться в городах фабриками и заводами, заниматься торговлей, создавать предприятия в деревне. В основу наследования дворянских имений при Николае I положен майорат. По указу от 16 июня 1845 г. имения, насчитывавшие более 1000 душ, могли переходить к старшему сыну без дробления между другими наследниками. К середине XIX в. дворянство численно увеличилось, но в нем обозначился процесс дифференциации – усиливалось крупное помещичье дворянство, а мелкопоместное разорялось. Отмена крепостного права нанесла удар по дворянскому землевладению. Самодержавная власть пыталась поддержать помещиков: принимались различные законы, учрежден Дворянский земельный банк для оказания финансовой помощи помещикам в новых условиях капиталистического развития. Но, несмотря на все усилия правительства, экономическая мощь постепенно таяла. Вслед за утратой экономического могущества дворянство теряло и монополию на власть. Но процесс этот шел медленно – дворяне по-прежнему пользовались огромным влиянием в органах местного управления – губернских и уездных земствах, городских думах, назначались руководителями губерний и уездов. Они сохранили корпоративные организации – губернские и уездные дворянские собрания.

Отношение власти к податному сословию в целом и к крестьянству в частности всегда являлось важнейшим элементом внутренней политики правительства страны. Повышение в XVIII в. политической роли и значения дворянства заставило верховную власть более четко определиться со статусом крепостного крестьянства. Согласно определению, вошедшему в Свод Законов, «к крепостному состоянию принадлежали: 1) крестьяне помещичьи; 2) дворовые люди»²⁰³. По законам Российской империи конца XVIII в. положение крепостных крестьян было следующее: они во всем, что не противоречило законам, обязаны были повиноваться своему владельцу; они не могли переселяться в другое место, к другому владельцу или записываться в иное состояние без специального разрешения их владельца; не могли также вступать в брак. Крепостные не могли иметь в собственности недвижимое имущество. Помещик же, в свою очередь, мог переселять и продавать своих крестьян как целыми селениями, так и по одиночке; наказывать провинившихся, но не причиняя им увечья и безопасно для их жизни. Кроме того, помещику предоставлялось право отдавать своих крепостных в рекруты, отправлять в Сибирь и на каторгу, а позднее и в смирительные дома. Единственное, что обязаны были помещики по отношению к крестьянам, так это заботиться об их пропитании в голодные годы²⁰⁴. Иными словами, положение крепостных крестьян в конце XVIII в. мало чем отличалось от рабства. Долгое время такое положение считалось нормой. На протяжении двух первых третей XVIII в. только в работах И. Посошкова мы встречаем некоторые намеки на недопустимость существующего положения крестьян. Он писал, что «крестьянам помещики не вековые владельцы». Он первый отметил, что от богатства крестьян зависит богатство государст-

ва, а, следовательно, необходимо на государственном уровне регламентировать их повинности.

Не имея объективной возможности в начале своего царствования даже затрагивать крестьянский вопрос применительно к великорусским землям, императрица Екатерина II обратила свой взор на Остзейский (Прибалтийский) край. Эта территория вошла в состав Российского государства после завоеваний Петра I, поэтому местные феодалы обладали большими, по сравнению с русскими, правами²⁰⁵. В свое время шведы принимали энергичные меры для ограничения в этом крае крепостного права, которого не было в самой Швеции. Российские власти, естественно, перестали уделять этому вопросу внимание, и в первой половине XVIII в. в Остзейском крае происходит значительное усиление крепостного гнета. Такое положение уже при императрице Елизавете Петровне начало вызывать раздражение русского дворянства, не имевшего всех привилегий остзейского. Поэтому желание Екатерины II несколько ограничить права дворян в Прибалтике встретило одобрение российского правящего сословия.

Во время путешествия по России в 1764 г. Екатерина II посетила и Остзейский край. После этой поездки императрица направила лифляндскому генерал-губернатору графу Броуну записку, в которой требовала поставить на открывающемся ландтаге вопрос об ограничении помещичьего произвола. Броун составил документ для ландтага, который начал работу во второй половине января 1765 г. Третий пункт был посвящен крестьянскому вопросу. Он указал, что крестьяне живут «в великом угнетении», что наносит ущерб не только им самим, но и доходам государства. Броуном, вероятно по прямому указанию императрицы, были сформулированы предложения для решения этого вопроса, которые затем вошли в постановление ландтага, опубликованное 12 апреля 1765 г. Они заключались в следующем: крестьяне, исправно платящие подати и не должные помещику, вправе самостоятельно распоряжаться своим имуществом (кроме продажи крупнорогатого скота и лошадей); помещики, в свою очередь, однажды назначившие крестьянам норму работы, не должны ее увеличивать. Броуном также была предпринята попытка регламентировать наказания крестьян: за легкие проступки можно было наказывать плетью, за тяжкие – не более 10 пар розог, по три раза каждой. Но, по сути дела, все эти требования так и остались на бумаге. Единственным достижением стало предоставление крестьянам права, хотя и не полного, распоряжаться своим движимым имуществом.

Попытка регламентации отношений помещиков и крестьян вызвала резкий отпор среди остзейского дворянства. Екатерина II столкнулась с довольно жестким, хотя и пассивным сопротивлением и вынуждена была отступить. Реформа крепостного состояния в Прибалтике, пусть и не совсем удачная, не прошла даром. Во-первых, она наглядно показала императрице, насколько сложно поднимать крестьянский вопрос и регламентировать отношения помещиков и крестьян. Стало очевидно, что любую, даже самую незначительную меру в этой области необходимо тщательно готовить и очень осторожно проводить. Во-вторых, попытка ограничить права остзейских дворян нашла полную поддержку и понимание среди дворян великорусских и увеличила популярность самой Екатерины II. Остзейцев не любили, их даже не считали равными российским дворянам по происхождению.

Столь же большую проблему, как и крепостничество, правда, без политического подтекста, представляло правовое положение государственных крестьян. Конечно, их состояние было гораздо лучше крепостных, поэтому вопрос о реформировании в этой сфере стоял менее остро.

Окончательно государственные крестьяне были выделены в самостоятельную сословную группу при Петре I. Не будучи лично зависимы, как помещичьи крестьяне, они в то же время изначально не обладали какими бы то ни было гражданскими правами. Они были связаны круговой порукой по выплате подушной подати, что находилось, в свою очередь, под бдительным контролем местной администрации. Переход государственных крестьян в другие сословия был крайне затруднен. Чтобы перейти в купечество или мещанство, государственным крестьянам было необходимо освободиться ото всех долгов и недоимок, дожидаться очередной ревизии, чтобы подтвердить это, после чего получить разрешение на переход в иное сословие от губернатора, а затем Правительствующего Сената. При этом государственным крестьянам необходимо было доказать, что они «не оставляют впусе» землю и выплатить так называемый залог, равный трехгодичной подати. Иначе говоря, государственные крестьяне заключали своего рода договор с органами государственной власти, которые, кстати, могли отказать крестьянам перейти в иное сословие и требовали за это выкуп. Очень ограничено было передвижение государственных крестьян по стране²⁰⁶. Наконец, государственных крестьян монарх мог пожаловать в частное владение и «вернуть» в казну, а позднее еще и обратить в военных поселян.

Повинности государственных крестьян мало чем отличались от повинностей крестьян помещичьих. Они платили государству продуктовую, отработочную или денежную ренту. Правда, первые две повинности к началу XIX в. в великорусских губерниях уже практически не встречались. На крестьян данной социальной группы были возложены и иные обязанности, такие как дорожная повинность по проведению и ремонту дорог, подводная – по перевозке казенных грузов и даже чиновников, строительная – по строительству всевозможных казенных зданий, постоянная и другие. Более того, на государственных крестьян была возложена обязанность по конвоированию пересылаемых арестантов по территории их уезда. Наконец, они исправляли наряду с другими податными сословиями рекрутскую повинность. Для этого были созданы специальные рекрутские участки сначала по пятьсот, а потом по тысяче ревизионных душ²⁰⁷. Правда, государственные крестьяне могли почти официально откупиться от рекрутской повинности: крестьянин, у которого подошла очередь отбывать рекрутчину, мог купить так называемую зачетную квитанцию или выставить вместо себя «добровольца», тем самым освободившись от рекрутчины.

Итак, повинности государственных крестьян были достаточно велики и разнообразны, как и у крестьян помещичьих. Главное отличие состояло не в этом – они не находились в личной собственности частных лиц. Управляло и контролировало исправление государственными крестьянами их повинностей государство в лице своих чиновников. Несмотря на существующий в разных губерниях в разной степени произвол чиновников, личная жизнь государственных крестьян не подлежала мелочной регламентации, как помещичьих.

К началу XIX в. управление государственными крестьянами было довольно сложным. По губернской реформе 1775 г., проведенной Екатериной II, полицейская, хозяйственная и судебная функции власти формально были разделены. Хозяйственные вопросы были отнесены к ведению Казенной палаты, которая назначала особых «директоров домоводства» для непосредственного управления на местах. Контрольно-полицейские функции были возложены на Нижний земский суд. Он избирался местным дворянством и был непосредственно подчинен губернатору и губернскому правлению. Этот орган должен был наблюдать за добросовестным исполнением кре-

ствиями их повинностей, следил за их благонадежностью. Судебные функции были переданы вновь созданным особым крестьянским выборным учреждениям: Верхней земской расправе в губерниях и Нижней земской расправе в уездах. Эти суды имели право решать мелкие имущественные споры и мелкие кражи. Таким образом, на жизнь государственных крестьян очень большое влияние имело местное дворянство. Эти три «сферы управления» государственными крестьянами между собой практически не взаимодействовали. В силу чего крестьяне, по сути дела, оказались под двойным контролем: государственных чиновников и местного дворянства. Павел I сделал попытку это исправить: в 1797 г. была учреждена при Сенате «Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранцев и сельского домоводства»²⁰⁸. В ее задачи вошло комплексное развитие всех отраслей государственного хозяйства. Однако функции нового органа четко прописаны не были, и все осталось по-прежнему. Наконец, с учреждением министерств функции Экспедиции в 1810 г. были переданы в особый департамент Министерства внутренних дел, а в 1811 г. в Министерство финансов, департамент государственных имуществ.

Таким образом, мы видим, что положение государственных крестьян было более выгодным, чем крепостных. Это, кстати, не было аксиомой для современников. Так, один достаточно образованный человек искренне полагал, что «крестьяне считали милостью и преимуществом переход в частное владение»²⁰⁹. В то же время управлению государственными крестьянами было далеко до совершенства. Чиновники, как правило, мало заботились о процветании государственной деревни и всеми силами стремились улучшить свое материальное положение. Власти понимали, что платежеспособность государственных крестьян существенно влияла на состояние финансового благополучия страны. Именно эта мысль и заставляла монархов, государственных деятелей задуматься о необходимости изменения положения государственных крестьян.

Екатерина II готовила проект реформирования статуса свободного сельского населения, одновременно с Жалованными грамотами дворянству и городам в 1785 г. планировалось издать и Жалованную грамоту русскому народу. Она так и осталась в проекте, хотя ряд положений и нашли отражение в законодательстве конца XVIII – начала XIX вв.²¹⁰. В этом документе были обозначены личные права государственных крестьян, упорядочена (по образцу городского уложения) структура этого сословия, а также определены общесословные, корпоративные права. Согласно екатерининскому проекту, отменялись все прежние разделения государственных крестьян на сословные группы, и вводилось деление на 6 разрядов: 1. «настоящие сельские обыватели», то есть держатели земли; 2. статейные – сельские жители, обладавшие капиталом свыше 500 рублей; 3. ремесленники; 4. «чужеродные» или переселенцы; 5. остальные сельские жители. В зависимости от причисления к той или иной категории, варьировались личные и хозяйственные права крестьян. Правда, таковыми обладали, главным образом, сельские жители, отнесенные к первому и второму разрядам. В проекте провозглашалось право сельских обывателей владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, отказываться от незаконных податей и нарядов. В дополнении к этому статейным поселянам дозволялось заводить «рукодельные станы», содержать постоянные дворы, харчевни, а также предоставлялось право торговли не только в деревне, но и в городах. Для нормального осуществления торговли крестьяне могли вступать в откупа и подряды, а также заниматься торговлей оптом. Кроме того, статейные крестьяне освобождались от натурального несения рекрутской повинности (они могли купить рекрутскую квитанцию или найти за себя охотника) и от телесных наказаний.

По сути дела, статус статейных сельских жителей приближался к статусу купечества. Наконец, наиболее значимым положением этого проекта было предоставление гарантии государственным крестьянам сохранения их положения. По екатерининскому проекту доброе «состояние поселянина» сообщалось его жене и детям, и лишить его крестьянина мог только суд за ряд уголовных преступлений (измена, нарушение присяги, разбой и др.). Как известно, данный проект не был реализован. Тем не менее, его появление имеет большое значение: Екатерина II в указанном документе впервые достаточно четко обозначила проблемы, стоявшие перед казенной деревней.

Император Павел, раздавший за четыре года своего правления около 400 тыс. государственных крестьян в частные руки, был убежден, что крепостное состояние крестьян гораздо выгоднее и государству и им самим. Поэтому, естественно, и не пытался реформировать казенную деревню.

Сразу же после вступления на престол, 2 апреля 1801 г., Александр Павлович издал ряд манифестов, в том числе и манифест, обращенный к «народу», в котором он торжественно пообещал прекратить раздачу государственных крестьян в частные руки, что и выполнил. Кроме того, были расширены права крестьян в сфере торговли. В том же 1801 г. крестьянам было разрешено наравне с купцами торговать «с заморскими странами». Позднее, в 1808 г., последовало разрешение вести в Москве и Петербурге не только мелкую торговлю, но и открывать торговые заведения, например, харчевни, блинные, постоялые дворы и тому подобное. Позднее это разрешение было распространено и на другие города²¹¹.

В рамках плана экономических преобразований, составленного в 1810 г. М.М. Сперанским, в качестве одной из мер, должных способствовать стабилизации финансов в стране, было предложено частично распродать казенные земли. Естественно, подобное предложение поставило вопрос о статусе государственных крестьян, населяющих эти земли, на повестку дня. Первым обратил на это внимание князь А. Чарторижский. На заседании Государственного совета он напомнил членам Департамента государственной экономии, что, вступив на престол, Александр I в одном из манифестов публично отказался от раздачи государственных крестьян в частные руки. Поэтому Чарторижский предложил перед продажей земель определить «право крестьян и охранить их свободу». Государственный совет проигнорировал его мнение, что и понятно, так как создание особого статуса для какой-либо категории крепостных крестьян поставило бы под угрозу весь институт крепостного права. С другой стороны, изначальное ограничение прав помещиков над покупаемыми у государства крестьянами могло бы стать хорошим началом для появления «особого» крепостного крестьянства. Поэтому император Александр с помощью ближайших советников начал составление манифеста, гарантирующего продаваемым крестьянам личную и хозяйственную свободу²¹². Вероятнее всего, что инициатором написания данного документа был сам царь, хотя точных данных, подтверждающих этот факт, у нас нет. Не исключено, что первоначальный текст был составлен М.М. Сперанским, как раз начавшим тогда свое стремительное восхождение. Возможно и другое – Александр I мог диктовать данный проект своим секретарям – документ составлен как бы частями, сам текст несколько размыт.

Начало документа, посвященного проблемам государственных крестьян, покупаемых частными лицами, было прописано достаточно основательно, как будто начисто. Но, как уже говорилось, текст был не только не завершен, но и ни разу не выносился на обсуждение Государственного совета. «Нашим намерением всегда было

установить основы правильного управления, первое условие которого было определено законом, и чтобы оно [управление, или, иными словами, власть помещиков над крестьянами – Н. К.] меньше всего зависело от произвола частных лиц...». Так торжественно монарх начинал проект документа, провозглашая общий принцип будущего построения отношений между помещиками и приобретенными ими государственными крестьянами. Каждому бывшему государственному крестьянину выделялся участок земли, который мог бы обеспечить пропитание его семье и возможность платить налоги. При этом устанавливалось, что повинности, которые должны были отбывать крестьяне в пользу помещиков, не должны превышать трех дней.

В проекте четко разъясняется, что следует понимать под законодательным распределением обязанностей, а именно: «покупатели не приобретают сеньориальные права на крестьян». Государственные крестьяне, попадая в частные руки, сохраняли бывшие у них гражданские права и обязанности. Они продолжали пользоваться правами и свободами, которые имели до продажи их в частные руки. Сюда относятся такие права, как свобода в заключении брака, право на передвижение и смену состояния при условии выплаты вознаграждения своей общине. В свою очередь помещики не имели права переводить крестьян в дворовые и продавать другим лицам. Единственное, что полностью оставалось за помещиком, – это вотчинная полиция. Однако крестьяне из выборных от общин составляли суд по гражданским и уголовным делам. Более того, все разногласия между помещиками, собственниками земли, и крестьянами должны были разрешаться особыми судами под председательством правительственного комиссара²¹³. К сожалению, данный документ, как уже говорилось, так и не был завершен. Рядом положений он напоминал Положение о лифляндских крестьянах 1804 г., особенно в части предоставления личных прав.

Не до конца удачной оказалась и задуманная реформа по продаже части казенных земель в частные руки. Для ее проведения в том же 1810 г. были образованы специальные губернские комиссии. Однако уже в ходе первых проверок государственных земель выяснилось, что эти земли не межеваны, не имеют планов, и, соответственно, они не были оценены. Членам комиссий было дано указание – назначать максимальные цены. Однако дворяне-помещики, будучи гораздо опытнее государственных чиновников в деле покупки и продажи земли, умудрились за бесценок скупать казенные земли. Потому подобные сделки нередко отменялись министерством финансов, контролирующим продажу земель. В целом опись государственных земель и выставление их на продажу проводились вплоть до 1816 г. Всего было продано 37 имений, с ними 11686 ревизионных душ на сумму 1033490 рублей серебром и 757155 рублей ассигнациями. Из них позднее 1278 ревизионных душ вернулись в казну из-за отказа покупателей от сделки²¹⁴.

Таким образом, продажа казенных земель не принесла планируемой финансовой выручки. Правительство все больше приходило к выводу, что выгоднее оставить все в прежнем положении. Помимо малой экономической выгоды от продажи земель, против данной операции активно выступили крестьяне, населявшие эти земли. На имя монарха посыпались жалобы государственных крестьян, как на неправомерные действия чиновников, так и помещиков, нередко самовольно захватывающих крестьянские земли. Поэтому в 1817 г. продажа казенных земель была прекращена.

В следующем, 1818 г., Александр I дал официальное поручение министру финансов Д.А. Гурьеву составить проект масштабной реформы государственных крестьян и положение по отмене крепостного права. Еще 23 декабря 1811 г. Д.А. Гурьев

выступал в Государственном совете с проектом закона об учреждении особой категории населения «торгующих крестьян», естественно, речь шла о черносошных крестьянах. В этом документе он доказывал, что многие крестьяне активно занимаются торговлей и заводят мануфактуры. «Они [крестьяне] занимаются всякого рода торгами во всем государстве, вступают под именем и по кредиту купцов или по доверенности дворян в частные и казенные подряды, постоянные дворы и торговые бани, имеют речные суда и производят рукоделия и ремесла наемными людьми»²¹⁵. Однако, так как по закону им это делать запрещено, они не платят тех налогов, которые наложены на купцов и мещан, что могло бы стать ощутимым дополнительным доходом казны. Гурьев предлагал отказаться от сословных ограничений в торговых отношениях. Он одним из первых стал развивать и пропагандировать идею, что нельзя проводить четкой границы между крестьянской и купеческой торговлей. Государственный совет тогда этот проект не поддержал. Однако ряд предложений Д.А. Гурьева был учтен. 29 декабря 1812 г. именным императорским указом Сенату были введены «Дополнительные правила для дозволения крестьянам производить разными торгами торговлю с получением на сие право свидетельств и с платежом определенных пошлин»²¹⁶. По этим правилам крестьянам было разрешено самостоятельно, без каких-либо посредников, заниматься торговлей после получения специальных торговых свидетельств, стоимость которых колебалась от 40 до 2500 рублей. Несмотря на довольно высокие пошлины, указ имел прогрессивное значение: теперь крестьяне могли продавать значительно больше товаров, которые ранее вынуждены были перепродавать. Расширились и способы крестьянской торговли, по указу крестьяне могли «во время больших городских ярмарок в городах нанимать лавочки и шалаши и продавать в них мелочные товары и покупать оные для отвоза в селение».

Несмотря на первый неудачный опыт, Д.А. Гурьев продолжил подготовку крестьянской реформы. Для написания проекта он привлек двух специалистов: юриста М.А. Балугьянского и директора Департамента государственных имуществ Я.А. Дружинина. Им было поручено собрать необходимые материалы и разработать текст предполагаемого закона. Они выполнили лишь часть возложенной на них задачи, подготовив для министра финансов материалы для составления проекта документа, названные ими «Очерк о законах, относящихся до земледельцев и крестьян в Западной Европе и России». Гурьев очень долго работал над проектом, а, вероятнее всего, просто отложил его в сторону после 1820 г. – восстания Семеновского полка и сворачивания Александром I курса реформ. Однако император, отставляя 22 апреля 1823 г. его от должности министра финансов, но сохраняя за ним должность управляющего Кабинетом Е. И. В. и министра уделов, напомнил ему о поручении и велел завершить работу по составлению проекта реформы государственных крестьян. Д.А. Гурьев в июне 1824 г. закончил указанный проект закона и предоставил его императору. Тогда же, летом 1824 г., проект Гурьева был вынесен на обсуждение в Государственный совет. Правда, смерть императора Александра I не позволила продолжить начатое дело и данный проект не получил дальнейшего развития, хотя некоторые идеи Д.А. Гурьева были использованы его последователями в деле реформирования в данной области.

Итак, Д.А. Гурьевым был представлен развернутый план реформирования статуса государственных крестьян. Указанный документ, достаточно логичный, последовательный и, можно сказать, безупречный с юридической точки зрения, содержал в себе пять разделов: «1. Учреждения для управления государственными имуществами

и казенными поселянами; 2. Постановление о казенных поселянах и государственных имуществах; 3. Устав экономический для управления государственными имуществами; 4. Устав судебный по делам государственных имуществ и казенных поселян; 5. Сельский полицейский устав»²¹⁷.

Первым делом в представленном документе определялся правовой статус государственных крестьян. По мнению составителя данного проекта, необходимо было «даровать их сословию [то есть, государственным крестьянам] твердое гражданское бытие, подобно как таковое установлено для дворянства грамотою, всемилостивейше оному пожалованною, а для среднего состояния Городовым положением». Другими словами, Гурьев предлагал законодательно закрепить права государственных крестьян, предварительно соединив различные категории этого сословия в категорию «казенных поселян». Новому гражданскому сословию, казенным поселянам, предполагалось предоставить следующие права: свободный переход в другие сословия, право собственности на движимое и недвижимое имущество, свободу передвижения, полную свободу в частной жизни, при заключении брака и тому подобное. Но самое главное, данный документ гарантировал строгий запрет на передачу казенных поселян в частное владение.

Для обеспечения этих прав, прежде всего, права собственности на землю, необходимо было изменить систему общинного землепользования, заменив его «бессрочным содержанием» земельного надела. В проекте было подчеркнуто, что сегодня все земли казенных поселян «под их усадьбами, дворами и всякими сельскими устройствами, а также под пашнею, сенокосами, лугами, оставались по-прежнему собственностью казны». После утверждения же предлагаемого постановления пашня должна была перейти в потомственное владение отдельных домохозяев. Остальные земли могли либо использоваться совместно общиной, либо быть разделены, как и пашенные земли. По мнению Гурьева, прекращение общинных переделов есть главное условие для «усовершенствования нашего земледелия», потому что «одна только полная уверенность в нерушимом и спокойном пользовании полем навсегда или надолго может заставить земледельца употребить значительный капитал и труды на усовершенствование пашни и отправлять свой промысел на истинно хозяйственных правилах, без чего никогда не достигнет полного успеха земледелие»²¹⁸. Для обеспечения подобной уверенности крестьянина в его праве использования земли, в документе дается четкое определение, что такое «бессрочное содержание» казенной земли, которая должна быть предоставлена казенным поселянам. Проект закона под бессрочным содержанием земли понимает «наследственное право владеть, распоряжаться и пользоваться недвижимым имуществом, казне принадлежащим». Однако не каждый казенный крестьянин, имевший земельный надел, мог быть переведен в бессрочное содержание. В проекте устанавливалось четкое требование – такой надел не мог быть менее 20 десятин. Кроме «бессрочного содержания» казенной земли, государственные крестьяне могли купить незаселенные земли в полную собственность. Строго запрещалось дробить наделы как арендуемые, так и купленные при наследовании имущества, они должны передаваться старшему сыну, а при отсутствии сына – дочери. То есть младшие сыновья не получали земельного надела, что, безусловно, предполагало в будущем масштабное расслоение казенной деревни.

Д.А. Гурьев прекрасно понимал, к чему может привести планируемое им разрушение общинного землепользования и системы наследования земель. Более того, он считал такое расслоение необходимым и стремился законодательно его закрепить.

В предложенном проекте закона государственные крестьяне разделены на две категории: «хозяев», владеющих землей на правах собственности, и «работников», не имеющих собственного земельного надела или не занимающихся промыслами и торговлею. Такое четкое разделение было необходимо для решения вопросов управления казенными крестьянами.

В своем проекте Гурьев предложил довольно стройную, хотя и несколько громоздкую систему управления казенными поселянами. Во главе управления казенными крестьянами предлагалось по-прежнему оставить Департамент государственных имуществ при Министерстве финансов, а на уровне губерний – Казенную палату. Правда, последняя должна быть несколько реорганизована. Хозяйственная экспедиция, непосредственно ведавшая государственными крестьянами, должна быть упразднена, а вместо нее образовано особое отделение из нескольких чиновников: советника, руководителя отделения, фортшмейстера, землемера, заведующего лесами и поверенного или юриста. Данное отделение получало название Окружного правления и возглавлялось окружным начальником. На уровне волости для непосредственного управления казенными крестьянами на местах создавалась еще одна структура, названная автором проекта Волостной приказ. Он должен был состоять из трех человек: председателя, обязательно дворянского происхождения, и двух его заместителей, чтобы реально руководить казенными поселянами конкретной волости. Как размышлял Гурьев, «вследствие определения управителя в казенную волость, правительство приобретает местного начальника, посредством которого может иметь лучший надзор над имуществами своими, сохранить безопасность и благополучие казенных поселян и надеяться скорейшего, порядочнейшего и точнейшего отправления со стороны поселян государственных, земских и мирских повинностей. Но дабы волостной управитель не мог неограниченную властью угнетать казенные поселения, для сего даны ему для совета два заседателя из поселян, с которыми он решает дела и принимает всякого рода меры по единогласию или большинству голосов»²¹⁹. На местах органами управления по-прежнему должен был остаться мирской сход и вновь образованный Сельский приказ, состоящий из выборных от крестьян. Таким образом, главной задачей в рамках предлагаемой системы управления государственными крестьянами было «повышение уровня доходности казенных поселян» и наиболее оптимальный сбор податей.

Однако Гурьев подчеркивал, что для решения поставленной задачи недостаточно было только создания стройной и взаимоконтролируемой системы управления казенными крестьянами. Требовалось реформировать принципы налогообложения, а также организовать охрану государственных имуществ, которые не арендованы крестьянами: лесов, пашен, лугов, рыбных ловель и тому подобное, что и было предложено в проекте. Гурьев предлагал вместо подушной подати ввести уравнительное по земельное обложение, то есть налог необходимо взимать не с человека, а с земли, исходя из ее качества и количества. При этом особое внимание автором проекта в этой части документа было уделено вопросам контроля над сбором, хранением и расходованием получаемых от крестьян средств. Не менее важен был контроль над государственными имуществами. Еще при рассмотрении вопроса о продаже части казенных земель выяснилось, что они зачастую даже не имеют внешнего и внутреннего межевания. А как можно охранять собственность, точное количество которой неизвестно? Поэтому Гурьев предложил провести ревизию казенных земель, включающую их межевание, измерение и описание, нанесение на планы. Только это позволило бы соз-

дать эффективную систему охраны этих земель, в первую очередь, от самовольных захватов. Кроме того, государство могло бы организовать передачу в аренду, продажу таких земель, что было бы выгодно как самой власти, так и крестьянам, постоянно страдающим от малоземелья.

Таковы основные положения проекта реформирования государственных крестьян. Конечно, в рамках своего проекта Д.А. Гурьев не предлагал наделить казенных крестьян гражданскими правами в полном объеме. Крестьяне не могли передать в аренду, подарить или заложить участки земли «бессрочного содержания»; несмотря на предлагаемый слом общины, сохранялась круговая порука. Сугубо сословный характер носил Сельский полицейский устав. По нему строго регламентировался порядок жизни казенных крестьян. Сельский приказ в рамках полицейского устава мог осуществлять судопроизводство по незначительным делам, назначать и исполнять телесные наказания (от 1 до 20 ударов розог). Однако надо учесть, что все эти «пережитки» были естественны для того времени и многие дожили до конца XIX в. Куда важнее было то, что государственным крестьянам предоставлялась гарантия от закрепощения, передавался в аренду участок земли, не подлежащий общинному переделу.

Проект графа Д.А. Гурьева стал своеобразным итогом реформаторской деятельности во времена императора Александра I по крестьянскому вопросу. К сожалению, сам Александр уже не успел провести намеченные преобразования. Основные идеи этого проекта были учтены в дальнейшем П.Д. Киселевым при проведении реформирования положения государственных крестьян.

Проекты отмены крепостного права

Вопрос о крепостном праве как этическая, социально-экономическая, и, отчасти, политическая проблема, возник в последней трети XVIII в. В 60-х гг. XVIII в. произошли события, поставившие крестьянский вопрос на злобу дня. Во-первых, с этого времени в России появляется, а затем получает достаточно широкое распространение, философия Просвещения. Напомним, что это философское направление базировалось на следующих основных принципах: ответственность власти перед обществом после заключения «общественного договора», в котором обозначались неотъемлемые (т. е. определяемые фактом рождения) права человека. Во-вторых, в указанный период повышается уровень образованности среди дворянства, особенно аристократии. После указа 1762 г. «О вольности дворянства» многие представители этого сословия предпочитали после нескольких лет службы, получив офицерские звания, выйти в отставку. При этом дворяне не только предавались праздности, но и занимались самообразованием. Поэтому к концу XVIII в. общий уровень образованности среди правящего сословия заметно вырос. В-третьих, значительно увеличилось количество издаваемых книг, начали появляться периодические журналы, в которых высмеивалось невежество. Конечно, это были лишь «первые ласточки» просвещения, но здесь важен сам факт. Наконец, значительно расширились отношения с Европой. Представители российской элиты отправляли своих детей учиться в европейские университеты, в Россию чаще стали приезжать образованные иностранцы.

Достаточно бурное экономическое развитие страны и, в то же время, постоянные финансовые проблемы, с которыми сталкивалось правительство Екатерины II, заставили власть задуматься о создании своего рода экономической программы развития страны. Тем более что к этому времени в России начали распространяться философско-экономические идеи А. Смита и физиократов. Русским последователем учения физиократов был Дмитрий Алексеевич Голицын, екатерининский посол в Париже. Свои идеи он изложил в письмах кузену вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну. Несмотря на специфичность жанра, в этих посланиях содержалась вполне стройная программа реформ. Достоверно известно, что Екатерина II читала и даже рецензировала письма своего французского посла, поэтому десять ответов вице-канцлера А.М. Голицына можно считать отчасти мнением и самой императрицы. Переписка велась с 1765 по 1771 г. – время написания «Наказа» и работы Комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Мнение одного из образованных людей своего времени не могло быть безразлично Екатерине II. К тому же императрица, которая не скрывала своего участия в переписке, стремилась таким путем донести свои идеи до парижских салонов, куда был вхож ее посол.

Взгляды Д.А. Голицына на закономерности экономического развития любого, в том числе и Российского государства, нашли отражение в капитальном труде, названном автором «О духе экономистов, или экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу Французской революции»²²⁰. Название данной книги явно подсказывает, что Голицына побудило написать этот труд желание опровергнуть начавшее распространяться тогда мнение, что именно учение физиократов (или экономистов, как они сами себя называли), стало причиной Великой Французской революции. Естественно, он не ограничился только доказательством этой идеи, но и высказал собственное мнение о необходимом для процветания страны пути эко-

номического развития. Кроме бушевавшей во Франции революции написать данную книгу Голицына заставило сложное экономическое положение в России.

По мнению Голицына, для процветания страны, роста ее богатства и культуры, необходимо всячески поддерживать земледелие. Для этого следует повысить производительность труда, что возможно сделать только предоставлением личной свободы и права собственности непосредственному производителю. Причем наиболее важным здесь является именно собственность. «Свобода распоряжаться избытками или, точнее, богатством, является движущей причиной плодородия полей, разработки недр, появления изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию цветущей»²²¹. Голицын советовал четко определить, что такое «собственность» и в обязательном порядке закрепить это право за непосредственными землепользователями, то есть государственными и крепостными крестьянами.

Основная идея программы Д.А. Голицына по решению проблемы крепостничества – необходимость правового регулирования отношений между помещиками и крестьянами, что можно было достигнуть дарованием крестьянам собственности, под которой он понимал: «1) их освобождение, то есть право собственности на свою личность, без которой немислимы все другие виды собственности; 2) собственность движимую, то есть пожитки и пр.; 3) позволение тем, кто в силах, покупать землю на собственное имя и владеть ею подобно нам, господам, что со временем образовало бы их поземельную собственность. Однако при существующих законах и порядках в России невозможно защитить крестьянина от тирании помещика, собственность первого осталась бы призрачной даже в случае ее признания. Потому, – размышлял Голицын, – за дарованием права собственности должно последовать учреждение контролирующего института «странствующих судей», обязанности которых будут состоять «единственно в том, чтобы защитить крестьян от тирании помещика». Д.А. Голицын задумывался и о практической реализации своих идей. Правда, он считал, что для успеха начинания пример должна подать сама императрица, освободив своих собственных крестьян. Тогда и многие дворяне, по различным причинам, за ней последовали бы²²².

Итак, Голицын предлагал безземельное освобождение крестьян с тем, чтобы они, арендуя землю, которую собственно и обрабатывали до того, продолжали работать на помещика или платить ему арендную плату, бывший оброк. Екатерина II, устами вице-канцлера, усомнилась в практической осуществимости этой идеи. Она высмеяла своего посла, предложив осуществить подобные преобразования на его собственных землях. Д.А. Голицын отвечал, что в одной частной вотчине невозможно произвести серьезные изменения, а тем более освободить крестьян. Он видел этому три препятствия. Первое – необходимость отменить взыскания беглых у такого помещика. Второе – освобождение от поставки рекрут. И третье – предоставление возможности расширения свободы торговли произведениями такой земли. Он заверил своего кузена, что постарается сделать так, чтобы его крестьяне могли не только обеспечивать себя и исправно платить подати, но и получать с земли прибыль. И он, Голицын, был бы счастлив, если бы разбогатевшие крестьяне выкупились на волю. Конечно, программа преобразований Голицына едва ли была приемлемой для России. Скорее, это не более чем размышления образованного русского аристократа, почти всю жизнь прожившего в Париже. В дальнейшем проекты безземельного освобождения крестьян получили развитие и рассматривались как одно из возможных направлений преобразования крепостного состояния.

Обсуждение проблем крепостного права в России началось в образованном в июне 1765 г. гр. Р.И. Воронцовым, гр. Г.Г. Орловым и другими приближенными ко двору людьми Вольном экономическом обществе²²³. Государыня взяла Общество под свое покровительство. Первоначально Вольное Экономическое общество поставило себе целью изучить положение крепостного крестьянства в России. Однако Екатерина II направила его деятельность в другое русло: она анонимно обратилась к членам Общества с предложением объявить конкурс по написанию работы на тему: «В чем состоит собственность земледельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или другое для пользы общественной иметь может». Для организации конкурса и на призы она прислала 1000 червонцев.

В Общество поступило 162 сочинения, из которых всего семь было на русском языке. Все представленные проекты были тщательно изучены, и часть из них была опубликована в «Трудах» общества в переводе и в оригинале. Конечно, все публикации осуществлялись только с разрешения императрицы, но все-таки это была попытка публичного обсуждения крестьянского вопроса, что не прошло даром. Большой интерес представляет работа А.Я. Поленова. Он выставил на конкурс свое сочинение «О крепостном состоянии крестьян в России». Его работа получила вторую премию, а сам А.Я. Поленов – золотую медаль «с прописанием на оной имени автора». Однако даже сокращенная цензурой редакция работы не была тогда напечатана. Впервые трактат Поленов был опубликован в 1865 г. в журнале «Русский архив» его внуком, а следующая публикация датируется 1952 г.

Свою работу А.Я. Поленов начал с анализа происхождения крепостничества. По мнению автора проекта, рабство не могло возникнуть при образовании государства. Так как невозможно, заключал Поленов, «чтоб люди ... добровольно на то согласились и подвергли бы себя столь жесткому жребию». Он сделал вывод, что действительной причиной происхождения государства и возникновения «рабского состояния» были постоянные войны, которые вели «российские прародители», «собрав в них великое множество пленных, которые, по принятому издревле обыкновению, будучи приведены в рабское состояние, причислялись к прочей добыче». В то же время Поленов, как хороший знаток истории, не отрицал и добровольного обращения свободных в рабов, которые хотя и «по природе вольные, думая кончить свои бедствия и надеясь сыскать себе защиту, предпочли рабское состояние благородной вольности и тем вечно себя посрамили, а потомство сделали несчастным». Такое обращение в итоге оказалось невыгодным ни самим крестьянам, ни государству, а лишь тем, кто жаждет «удовольствия и роскоши»²²⁴.

Как ярый противник крепостного права, А.Я. Поленов в своей работе разработал целую программу его ликвидации или «поправления». Все мероприятия автор проекта разделил на три части: организовать учреждения «крестьянского воспитания»; определить «крестьянам собственности в землях с надлежащим ограничением и об уступлении им полной власти над движимым имением и другими выгодами; создать «для защищения крестьян отличных судов». Поленов указал на меры предосторожности при организации всего вышеназванного.

Прежде чем предпринимать меры по освобождению крепостных крестьян, их необходимо подготовить к этому «через воспитание» под «покровительством благонравных церковников». Поленов писал, что «непростительное в наши времена в рассуждении общественного воспитания примечаемое нерадение» является причиной «великих бедствий». Между тем как народное просвещение («воспитание»), по мне-

нию автора проекта, является основой народного благополучия: «почти невероятным кажется, сколь много воспитание способствует к благополучию каждого общества, и для того оно первое место здесь занять должно». Поленов понимал, что может возникнуть много препятствий на пути к просвещению, так как простой народ «великим порокам подвержен»: «невежество, суеверие, невоздержанность, леность, легкомыслие». При этом, размышляя просветитель, некоторые думают, что бороться с такими пороками можно только строгостью и жестокостью, но это, указывал Поленов, приведет только «к растравлению, нежели к исцелению ран»²²⁵. Исходя из этого, он считал, что есть только один путь – воспитание, с помощью которого можно изменить человека. В подтверждение своим размышлениям Поленов разработал программу воспитания крестьян. По мнению автора проекта, обучать и воспитывать крестьянских детей следует с десятилетнего возраста. При этом, учитывая особенности крестьянского труда, делать это необходимо в зимнее время, чтобы они «не имели никаких препятствий в работе». Для реализации этого в каждой деревне необходимо учредить школу. Обучать в таких школах должны грамоте и «первым основаниям веры». Для облегчения обучения следует подготовить специальные учебные книги для крестьян: «сочинить азбуку, где была бы церковная и гражданская печать, также прежняя российская и ныне употребляемая цифирь, и присоединить к оной самый простой катехизис». Причем первоначально раздавать книги следует бесплатно, а затем «по самой малой цене». Учителями в таких школах могут выступить дьячки. Правда, при этом следует повысить требования к самим сельским священникам. Они должны, с одной стороны, «разуметь домостроительство»; а с другой – «учить крестьян божьему слову, искоренять в них суеверия, внушать почтение, любовь и верность к государю, усовещивать к добродетельному житию и трудолюбию». Иначе говоря, одновременно проводить обучение и нравственное воспитание. Для того чтобы в полной мере выполнить возложенную на сельских священников задачу, Поленов указывал на необходимость повышения их материального благосостояния: «для честного пропитания священнику и дьячку дать довольно земли и выгодный дом со всем, что принадлежит к домостроительству». Главная же трудность для исполнения задуманного, по мнению автора проекта, заключается в сложности поиска способных и «исправных в своей должности людей»²²⁶.

Вторым шагом к решению крестьянского вопроса должно было стать наделение крестьян землей и закрепление за ними недвижимого имущества. Конечно, Поленов не посягал на земельную собственность помещиков. По его проекту помещики должны наделить крестьян «довольно земли для сеяния хлеба и паствы скота». Причем «пока крестьянин исправно наблюдает свои должности», помещик не должен иметь права отнимать эту землю. В свою очередь и крестьянин не мог бы «продавать свою землю или дарить, или закладывать, или разделять между многими детьми, но по смерти отца один из сынов будет оною владеть». Фактически Поленов предложил прекратить переделы крестьянской общиной земли и закрепить за каждым домом достаточный участок. Естественно, при реализации данного замысла быстро возникнет недостаток земель. В этом случае он указал на необходимость «немедленно выселить с прежнего места несколько семей и поселить на пустом месте, а разразнивать семьи или брать одних холостых не должно». Кроме того, по предложению Поленова, не имеющие достаточно земли могут быть отправлены в город для обучения ремеслу, «с которым они бы в деревне могли найти пропитание». Что же касается движимого крестьянского имущества, «состоящего в скоте и получаемых от земледелия плодах»,

то над ним «должно дать полную власть и волю». Причина такого решения, по мнению Поленова, состоит в том, что «ежели господину оставлена будет над каким-нибудь родом крестьянского имения полная власть, то крестьянство никогда не может подняться»²²⁷. Это в конечном итоге приведет к разорению и помещиков, и государства.

По замыслу Поленова, крестьяне по-прежнему должны оставаться основной «тягловой силой» и платить подати или налоги. Кстати, он впервые в литературе употребил термин «налог». Автор проекта выступал против какого-то фиксированного налога, так как доходы от земледелия в разных землях могут сильно отличаться. Он предложил введение податей согласно доходам крестьян «десятой или другой части во всех от земледелия происходящих плодов». Поленов считал необходимым регламентировать и «требуемые от крестьян в пользу господина службы, ... чтобы крестьянин один день работал на своего господина, а прочие на себя»²²⁸. Более того, в неурожайные годы крестьян следует вообще освобождать от податей.

Для решения возможных споров между помещиками и крестьянами следует учредить двухуровневые крестьянские суды. Для решения малозначимых споров крестьянам из своей среды следует избрать старосту и придать ему трех или четырех человек. Они могли бы решать «например, словесные обиды, драки, малые тяжбы и прочие»²²⁹. Для решения важных споров необходимо создать высшие крестьянские суды «под началом таких людей, которых бы искусство и знание российских законов не было подвержено никакому сомнению». При организации работы данных судов следует разработать регламенты или инструкции «дабы богатый бедному, сильный немощному предпочтены не были».

Все мероприятия по решению крестьянского вопроса должны были пойти во благо как самим помещикам, так и государству в целом. По мнению Поленова, очевидно, что «такие люди, не видя конца своим бедствиям, приходят в отчаяние и преступают к опасной для каждого общества крайности. Что некоторые государи для поправления бедственного состояния таких крестьян уступали им с пользою собственность в имении или облегчали способ к получению свободы»²³⁰. Поэтому, считал Поленов, дворян не следует принуждать к проведению подобных мероприятий, а, полагаясь на их добрую волю, предложить ввести у себя подобные учреждения.

Нет никаких указаний, что взгляды Поленова по крестьянскому вопросу были известны современникам. Однако в «Наказе» Екатерины II можно заметить некоторое влияние идей Поленова касательно движимого имущества крестьян. Екатерина II самыми общими фразами обозначила в «Наказе» существующие проблемы крепостничества. Императрица восхваляет труд на земле, указывая, что «земледелие есть самый большой [то есть важный] труд для человека; чем больше климат приводит человека к избежанию сего труда, тем больше законы к оному побуждать должны». Соответственно, государство должно заботиться о своих земледельцах: «не худо было бы дать награждение земледельцам, поля свои в лучшее пред прочими приведшими состояние»²³¹. Для иллюстрации своего отношения к крепостничеству Екатерина II обращается, как было принято в то время, к опыту античности. «У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо». Однако она понимала, что какие-либо изменения в этой области необходимо проводить осторожно, потому и советует будущим составителям Уложения действовать очень осмотрительно, так как «не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных». Но все эти соображения, считала Екатерина II, не должны стать препятствием для каких-либо

изменений вообще, поэтому следует «учредить нечто полезное для собственного рабов имущества», так как «не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного»²³².

Призыв императрицы Екатерины II был услышан рядом депутатов Большого собрания Уложенной комиссии. 5 мая 1768 г. собственное мнение о правах крепостных крестьян было представлено депутатом от Козловского дворянства Г.С. Коробьиним. Как он сам указал, выступить его побудило обсуждение проблемы бегства крестьян. По его мнению, единственной причиной бегства крестьян, бросающих на произвол свой дом и семью, является неумеренная эксплуатация их помещиками. «Увидев своего крестьянина трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, – говорил депутат, – лишают вдруг всех плодов его старания, ... и погружаются паки паче прежней в горестную бедность»²³³. Более того, такое положение вредит не только самим крестьянам, но и государству, так как бедное население не сможет платить и государственные налоги. Конечно, Г.С. Коробьин никоим образом не считал, что все представители дворянского сословия сознательно ведут себя так расточительно. По его мнению, многие это делают в силу отсутствия знаний и опыта управления хозяйством. Поэтому необходимо «предписать законами, какую власть имеют помещики над именьями своего крестьянина». Чтобы такие законы могли работать и привести «землепашцев» в цветущее состояние, необходимо часть земли передать крестьянам в собственность, которую они могли бы «без опасения пустить в обращение, как-то: заложить, продать, подарить и оставить по себе, кому хочет, не думая, что оное когда-нибудь отнято будет его помещиком»²³⁴. Если исполнить задуманное, подвел итог Г.С. Коробьин, то выгоду получают все: крестьяне, которые будут богатеть, а, следовательно, их помещики и государство, которым крестьяне смогут исправно платить. Каждое свое предложение автор проекта снабдил цитатами и ссылками на «Наказ» Екатерины II, подчеркивая, что он лишь выполнял волю государыни.

Предложения Г.С. Коробьина, содержащие в себе скорее идею, чем собственно план преобразований, вызвали бурную дискуссию – четыре депутата его в целом поддержали, а не менее восемнадцати выступили против его идей. Фактически, это было первое публичное обсуждение вопросов крепостного состояния через проблему бегства крестьян. Оппоненты Г.С. Коробьина обвинили его в незнании жизни в силу молодости и отсутствия опыта²³⁵. По их мнению, главной причиной бегства крестьян была «развращенность их нравов», а не чрезмерные подати. Кроме того, они указывали на невозможность законодательного определения размера крестьянских податей, так как земля везде разная. Что же касается страха крестьян перед разорением, то, по мнению А. Похвиснева, они боятся не отцов-помещиков, а своих же беглых сородичей, ставших ворами и разбойниками²³⁶.

Но были и те, кто поддержал депутата Г.С. Коробьина. Депутат от пахотных солдат Иван Жеребцов к основным причинам, по которым происходит «упадок ... земледелия», отнес «нерадение хлебопашцев» и «чрезмерно наложенные подати». Второе происходит вследствие «роскоши помещиков» и «жадности к сребролюбию управителей или приказчиков». Искоренить это зло, по мнению И. Жеребцова, можно только введя «законом ежегодную им [помещикам – Н. К.] от земледельцев подать»²³⁷.

В поддержку позиции Г. Коробьина выступил депутат от черносозных крестьян Иван Чупров. Выразить собственное мнение его заставило выступление депутата от дворянства Григория Бровцына, который подверг резкой критике Коробьина, ука-

зывая, что государственные крестьяне, хоть и свободны, живут хуже господских. Возражая ему, И. Чупров заметил, что хлебопашество черносошных крестьян развито гораздо лучше: «в июне месяце ... у государственных крестьян земли к посеву ржи переораны и взборонены по большей части в два ряда, а у помещичьих еще и однажды не ораны»²³⁸. На предложение Г. Бровцына нерадивых помещиков отдавать под опеку, он задался вопросом, а как же будет управлять опекун, если нет соответствующих правил? Следовательно, крайне необходимо принятие такого закона, который бы четко определил права помещиков.

Полностью поддержал позицию Коробьина по крестьянскому вопросу депутат от однодворцев Андрей Маслов. Он высказался за необходимость регламентации при сборе крестьянских податей в пользу помещиков. Кроме того, он обратил внимание еще на одну актуальную проблему того времени – судебный произвол. Понимая, что реформирование судебной системы процесс очень длительный, А. Маслов предложил учредить «особую коллегия или контору», которая бы взяла крестьян под свою опеку²³⁹.

Разделяя мнение Г. Коробьина, депутат от дворянства Яков Козельский предложил свой вариант регламентации труда крепостного крестьянина: «справедливее и человеколюбивее сего не может быть, когда шесть дней в неделю разделены будут таким образом, что крестьянину два дня на исправление государственных податей, другие два дня на содержание помещика, а два дня на исполнение собственных нужд, седьмой же день на богослужение»²⁴⁰. Кроме того, Я.П. Козельский предложил отказаться от подушной системы налогообложения и вернуться к подворной. Такую необходимость депутат объяснял отсутствием должной информации о реальном количестве ревизионных душ. Но даже и на работающих на земле крестьян подушная подать налагается крайне неравномерно, так как у одних может быть большая семья взрослых работоспособных людей, у других – одни старики и дети, а подать для всех одна. Я.П. Козельский обратил внимание на необходимость усовершенствования права пользования имуществом крестьян. Правда, в отличие от других, он не предлагал выделение крестьянам участка в собственность, но указывал на необходимость закрепления за ними в потомственное держание их движимых и недвижимых имений.

Таким образом, в речах депутатов постоянно, пусть нечетко и неосознанно, всплывала проблема царившего в стране беззакония, правовой анархии, требующей немедленного вмешательства властей, что, как показала история, было весьма актуально накануне грандиозного выступления Емельяна Пугачева.

В период правления Екатерины II проблема крепостничества впервые прозвучала в российской журналистике. Издавать журнал «Трутень» Н.И. Новиков вдохновил официальный журнал «Всякая всячина», в котором впервые в печати прозвучало моральное осуждение жестокого обращения с крепостными. Трутень у Новикова – это крепостник-помещик. Эпиграфом для этого журнала Николай Иванович избрал фразу из притчи Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите», так как одной из главных тем издания он считал обсуждение вопроса о превращении крепостного права в систему личного рабства.

Н.И. Новиков был ярким противником крепостного права. Он подчеркивал его бесчеловечность, экономическую нецелесообразность. Новиков писал, что подавляющее большинство помещиков не заботится о своих крестьянах, в деревнях и в поместье нет идиллических патриархальных отношений, какие представлялись официальной пропагандой, так как крестьяне – это «питатели России», а помещики Змеяны,

Безрассуды, Злорады и т. п. – «изверги человечества». Новиков с горестью восклицал по этому поводу: «О господство! Ты тиранствуешь над подобными себе человеками!»²⁴¹. По мнению Н.И. Новикова, помещикам нет ни малейшего дела до благосостояния крестьян.

Н.И. Новиков не единожды в своих сатирических журналах приводил бытовые зарисовки благородства крепостных крестьян и абсолютного равнодушия помещиков к их судьбам. Так, в «Отписках крестьянских...» Новиков от имени деревенского старосты писал о проблемах помещику: «С Филаткой, Государь, как повелишь? Денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки ... Подушные деньги за него заплатил двор, ... а за твою недоимку продано две клетки, ... корова, ... другая корова оставлена для робятишек»²⁴². На просьбу освободить Филатку на год от оброка помещик ответил отказом, но милостиво разрешил оставить у Филатки корову и взять за нее деньги с мира. Еще более жестко Новиков критиковал крепостное право в «Отрывках путешествия в*** И*** Т***»²⁴³: «В три дня путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречались со мной в образе крестьян». При этом крестьяне не требуют много от помещиков. Он сравнил их с младенцами, которые «спокойно взирают на оковы свои и требуют только «пропитания, ... чтобы не отнимали у них жизнь, ... чтобы не мучили»²⁴⁴. Главная причина такого обращения помещиков с крестьянами, считал Новиков, в том, что они как Безрассуды «больны мнением, что крестьяне не суть человеки». Новиков подчеркивал, что крестьяне такие же люди, как и дворяне. Более того, помещикам экономически выгодно заботиться о крестьянах, так как чем богаче крестьяне, тем богаче будет и их хозяин. И хотя Новиков не писал о необходимости кардинальных перемен в этой сфере, у него нет ни одного образа «благоразумного» помещика. Основная мысль, которую отстаивал Н.И. Новиков, заключалась в том, что все люди от природы равны, и помещики, и крестьяне. Однако изначально помещики-дворяне были поставлены надзирать за определенной частью людей, а в итоге превратились в «трутней». Новиков писал: «Мнится, что похвальнее [быть – Н. К.] бедным дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливреи». Сам Новиков быть таковым не хотел. Так, в «Рецепте для г. Безрассуда» Новиков писал: «Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки; а что такое крестьяне, о том знает только по тому, что они крепостные его рабы». Чтобы излечить Безрассуда, Николай Иванович предложил следующий рецепт: «Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, пока не найдет он отличия между господством и крестьянством»²⁴⁵. Таким образом, Новиков считал, что необходимо заниматься просветительской деятельностью, чтобы сами дворяне поняли абсурдность своего отношения к крестьянам.

Журналы Н.И. Новикова были очень популярны: журнал «Живописец» был переиздан пять раз. Вместе с его изданиями тиражировались и взгляды о вреде (экономическом, морально-этическом) крепостного права.

Противником крепостного права был и другой российский просветитель и драматург – Д.И. Фонвизин. Он одним из первых попытался взглянуть на проблему крепостного права с правовой точки зрения. Д.И. Фонвизин полагал, что право собственности в целом не может включать право владения крепостными крестьянами. Он указывал, что крепостное право, сложившееся в определенных исторических условиях, изжило себя с тех пор, как крестьяне перестали быть прикрепленными к земле, а пре-

вратились в абсолютно зависимых от своих хозяев рабов. Фонвизин писал, что «государство, которое силой и славою своей обращает на себя внимание целого света, и в котором мужик одним видом человеческим от скота отличается, ... где люди составляют собственность людей, ... пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства»²⁴⁶. Такое положение крепостных аморально и экономически невыгодно. Так, устами героев Стародума и Правдина своей комедии «Недоросль» Д.И. Фонвизин размышлял, что «угнетать рабством себе подобных незаконно», и какое удовольствие для государей управлять свободными душами. В отличие от своих современников, таких как Н.И. Новиков, А.Я. Поленов, Фонвизин считал, что «рабство» развращает не только помещиков-крепостников, но и самих «рабов». В том же диалоге он с горечью заметил, «сколько отцов-дворян, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин»²⁴⁷. Для искоренения этого зла, по мысли Фонвизина, необходимо больше внимания уделять народному просвещению и воспитанию добронравия.

Противниками крепостного права были и другие общественно-политические деятели, профессора и преподаватели Московского университета. С.Е. Десницкий считал вредным крепостное право в силу его экономической нецелесообразности. Он не писал о необходимости немедленной отмены крепостничества, однако указывал, что следует ограничить личное рабство крестьян. Екатерине II С. Е. Десницкий предлагал принять законы, запрещающие продажу крестьян без земли и разрушение крестьянских семей. Правда, исполнение всех своих проектов Десницкий ожидал от просвещенных помещиков в добровольном порядке. Главным шагом к освобождению крестьян должно было стать предоставление им права собственности на орудия их труда.

В проекте реформирования финансового законодательства «Об узаконении финансов» С.Е. Десницкий предложил постепенно перейти от подушной подати, налагавшейся только на крестьян и посадских людей, к косвенным налогам, которые, как он говорил, «более касаются для всех вообще государственных жителей»²⁴⁸. Это позволило бы облегчить положение беднейших граждан страны, более справедливо перераспределив налоговые тяготы, лишив необоснованных преимуществ высшие слои общества.

В то же время подавляющее большинство дворян, в том числе и достаточно образованных и просвещенных, считали отмену крепостного права большим злом, чем его существование. Например, «директор двух Академий» Е.Р. Дашкова признавала ненормальность положения, когда один человек владеет другим, однако считала, что отменять крепостное право в России преждевременно. Хрестоматийно известен записанный в мемуарах Дашковой спор на данную тему между ней и Дидро. В идеале, считала Е.Р. Дашкова, если между помещиками и крестьянами установятся отеческие отношения, «так как благосостояние наших крестьян увеличивает наши доходы; следовательно, надо быть сумасшедшим, чтобы самому искушать источник наших доходов». Она считала, что существует прямая зависимость между решением крестьянского вопроса и проблемой реализации политических прав дворянства. «Если б государь, разбив цепи, приковывающие крепостных к их помещикам, в то же время ослабил кандалы, наложенные его деспотической волей на дворянское сословие, я первая бы подписала этот договор своею собственною кровью»²⁴⁹. Е.Р. Дашкова была убеждена в том, что «помещики образуют переходную власть между престолом и крепостным сословием». Поэтому, если прекращается власть помещика над крестьянином,

то «начинается произвол правительства, или, лучше, самоуправство мелкого чиновника». Исходя из этого, гораздо рациональнее, писала Дашкова, заинтересовать помещиков в улучшении благосостояния своих крестьян. Екатерина Романовна в целом не отрицала необходимости в будущем отменить крепостное право, но прежде следует заняться народным просвещением. Иначе из-под власти помещиков крестьяне попадут еще в большую зависимость от местных чиновников. Перед тем, как освободить крестьян, необходимо их просветить, чтобы они могли достойно воспользоваться этой свободой. Дашкова одной из первых в русской общественной мысли поставила вопрос об ответственности, в том числе нравственной, чиновников на местах.

Сторонником крепостного права, как незыблемой основы принципа «естественного неравенства», исторически сложившегося сословного деления общества, был И.В. Лопухин, друг Н.И. Новикова. Он осуждал крепостничество с морально-этической точки зрения, однако считал невозможным его ограничение, т. к. это подорвало бы основы российской государственности. И.В. Лопухин писал, что желает, «чтоб не было на русской земле ни одного несвободного человека», однако для самих же крестьян, да и для государства, нет «надежнее полиции, как управление помещиков». Поэтому «по сие время в России ослабление связей подчиненности помещикам опаснее нашествия неприятельского». Правда, Лопухин отмечал, что губернаторов, под строгим контролем верховной власти, следует наделить правом наказывать помещиков-тиранов²⁵⁰.

Таким образом, в конце XVIII в., при Екатерине II, в правительственных сферах был, хотя и неоднозначно, поставлен вопрос о вреде крепостного права. До «Наказа» Екатерины и дискуссий на заседаниях Уложенной комиссии не подвергалось сомнению повсеместно принятое тогда убеждение, что крестьяне всегда были за помещиками и иного сами не мыслят. Императрица очень осторожно попыталась провести в общественное сознание мысль о ненормальности такого положения. «Помог» ей в этом Е. Пугачев. Крестьянская война под его предводительством очень напугала и власть, и дворянство, но, в то же время, наглядно показала, что крепостничество – это «пороховая бочка» под государственным строем Империи, хотя очень многие дворяне далеко не сразу осознали это.

Одним из немногих, кто отчетливо увидел опасность крепостного права, был А.Н. Радищев, автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». Не претендуя на полное освещение данного антикрепостнического произведения А.Н. Радищева, которое в свете отказа от идеологических догм, безусловно, требует самостоятельного исследования, необходимо отметить следующее. Как ярый противник крепостного права, А.Н. Радищев показал крестьян честными, порядочными, трудолюбивыми и преданными людьми, способными на истинные и высокие чувства. В отличие от инсказательного шутивого тона Н.И. Новикова, Радищев писал прямо и эмоционально. Он четко обозначил, что всем мучениям крестьяне подвергаются по закону²⁵¹. При этом Радищев никак не связывал освобождение крестьян с их просвещением. Практически все крепостные – сильные духом и благородные люди, в отличие от их помещиков, многие из которых «произошед из самого низкого состояния», считали себя «повелителями нескольких сотен себе подобных»²⁵². Помещики мучили, а порой и убивали своих крестьян. Поэтому нет ничего удивительного, что крепостные выступали против своих хозяев. И Радищев оправдывал такой бунт. Сам А.Н. Радищев как юрист наиболее приемлемым считал реформаторский путь отмены крепостного права. В главе «Хотелов. Проект в будущем» А.Н. Радищев представил собственное видение проблемы

крепостного права и программу его ликвидации. Прежде всего, он кратко показал незаконность крепостничества. «Право естественное показало нам человекoв, мысленно вне общества, принявших одинаковое от природы сложение и поэтому имеющих одинаковые права, естественно, равных во всем между собой и единые другим не подвластные. Право гражданское показало нам человекoв, променявших беспедальную свободу на мирное оныя употребления... Властитель в обществе есть закон; ибо он один для всех»²⁵³. Исходя из этого утверждения, Радищев сделал вывод, что «порабощение есть преступление», и поставил вопрос: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частью в законе мертвы, называться блаженным?» Далее Радищев представил свой проект освобождения крестьян. «Первое положение относится к разделению сельского рабства и рабства домашнего. Сие последнее уничтожается, прежде всего, и запрещается поселян и всех, по деревням в ревизии написанных, брать в дома. Буде помещик возьмет земледельца в дом свой для услуг или работы, то земледелец становится свободен. Дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводные деньги²⁵⁴. Второе положение относится к собственности и защите земледельцев. Удел в земле, ими обрабатываемый, должны они иметь собственностью; ибо платят сами подушную подать. Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать долженствует; никто его оно-го да не лишит самопроизвольно. Восстановление земледельца во звание гражданина. Надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян. Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю. Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму. Запретить произвольное наказание без суда. «Исчезни варварское обыкновение, разрушья власть тигров! вещает нам законодатель... За сим следует совершенное уничтожение рабства»²⁵⁵. Как мы видим, в проекте А.Н. Радищева не было ничего излишне радикального, что не предлагалось бы другими просветителями. Он едва ли стремился призвать народ к бунту. Он скорее предупреждал власть об опасности такого положения крепостных, напоминая о недавно прошедшей крестьянской войне.

Многие мысли Радищева были созвучны с «Наказом» самой Екатерины II, однако форма их изложения в корне отличалась. Именно поэтому императрица сделала вывод, что он «бунтовщик, хуже Пугачева»²⁵⁶. Произведение Радищева, хотя и было опубликовано, не оказало большого влияния на его современников. «Путешествие» оказалось известно образованным современникам, так как помимо продажи Радищев сам разослал его известным ему литераторам, в частности, Г.Р. Державину. Тираж был изъят, да и весьма длинное, написанное довольно тяжелым слогом произведение могло заинтересовать лишь его друзей. Арест и уничтожение тиража книги способствовали, скорее, ее популярности. Позднее о Радищеве и его «Путешествии» весьма не лестно отозвался А.С. Пушкин²⁵⁷. Пушкин критиковал Радищева за выступление против общего порядка, против самодержавия. Эмоциональное описание бедствий крестьян оказались более заметными и выпуклыми в произведении А.Н. Радищева, чем его собственная позиция по крестьянскому вопросу. И эта эмоциональность испугала современников, поэтому у него в то время действительно не было последователей.

Итак, проблема крепостничества, крепостного права была одной из ключевых в российской истории императорского периода. Как сказано выше, особенно остро она встала в 70-х гг. XVIII в., в период восстания Е. Пугачева и после него. Отношение к крепостным крестьянам с этого времени стало своего рода лакмусовой бумагой, по

которой можно было определить истинные политические взгляды того или иного общественного или государственного деятеля. В конце XVIII в. в среде прогрессивно настроенных людей постепенно укреплялось мнение, что крепостничество – зло, с которым необходимо бороться. Они называли такое состояние «рабством» и считали, что для России оно вредно как с морально-этической, так и с экономической точки зрения. Поэтому монарх просто обязан изменить данное положение, конечно, постепенно и поэтапно, но не отказываться от реформирования крепостного состояния вообще. Консерваторы утверждали, что государственная, императорская власть не должна касаться такого вопроса, как взаимоотношения помещиков и крестьян. С их точки зрения, регламентация этих отношений есть проявление тирании, с которой необходимо бороться. На помещиков, которые не исполняют свои обязанности по отношению к крестьянам, необходимо воздействовать исключительно моральными методами.

Великий князь, а затем император Александр Павлович был противником крепостного права в целом. Однако он всегда понимал сложность даже обсуждения данного вопроса, хотя при этом не отказывался от попыток решения проблемы в течение всего своего правления. Затрагивать ее было куда опаснее, чем даже говорить о конституции. В одной из секретных записок, обнаруженных после смерти императора, он размышлял, что «ничего не может быть унижительнее и бесчеловечнее, чем продажа людей... К стыду России рабство в ней еще существует»²⁵⁸. Во время коронации Александр I заявил о прекращении раздачи крестьян в частные руки.

Буквально сразу по восшествию Александра I на престол, 6 мая 1801 г., генерал-прокурор А.А. Беклешов по повелению государя внес на рассмотрение только что созданного Непременного Совета записку, в которой предлагалось рассмотреть четыре варианта проекта указа о запрещении продавать крестьян без земли. В ней указывалось, что, восстанавливая Жалованные грамоты дворянству и городам, «государственное благо» должно быть утверждено «попечением и о состоянии крестьян», так как в задачу верховной власти должна входить охрана «помещичьих крепостных людей ... от злоупотребления над ними власти господской, не только противного человечеству, но и общей пользе». Помещики обращаются с крестьянами как с вещами, публично продавая и покупая их в розницу или переводя в разряд крепостных, что приносит большой общественный вред. Другими словами, император мотивировал необходимость проведения реформ не стремлением правительственными мерами ограничить власть помещика, а экономической целесообразностью, так как в результате розничной продажи «земледельцы от семьи и домов их отлучаются и обращаются со всем последующим родом их в состояние людей, большею частью бесполезных, а праздных и развратных». Необходимость этой реформы Александр I подкрепил выдержками из Соборного Уложения 1649 г., формально следуя декларированным принципам строгого соблюдения законности²⁵⁹. Данное предложение встретило жесткое сопротивление членов Непременного Совета, которые, благосклонно выслушав записку и приложенные к ней проекты указа, сочли принятие их несвоевременным. Они не выступали против самой идеи подобного закона, однако напомнили императору, что в начале всех царствований, например, при вступлении на престол Екатерины II и Павла I резко увеличивалось число крестьянских волнений в связи с надеждами на скорое освобождение от крепостной зависимости, хотя правительство и не давало поводов к таковой реакции. Поэтому, утверждали члены Совета, существует реальная опасность, что «толпы праздных и по большей части буйных и развратных

дворовых людей, приняв установление сие за уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих, не возмечтали, что сим сделались они вольными». Был приведен и еще один аргумент против принятия подобного указа: запрещение продавать крестьян без земли может сильно затормозить процесс колонизации и переселения на окраины, что уменьшало земельный голод в центре страны. Поэтому императору было высказано предложение, если он все-таки решит принять подобный указ, исключить из общего правила покупку крестьян по одному для переселения на окраины.

Конечно, после такой реакции, сразу после вступления на престол, Александр Павлович не мог своим волевым решением принять этот закон, однако от намеченной реформы он не отказался. Император посетил следующее заседание Совета 16 мая 1801 г. (что он делал крайне редко), для которого подготовил новый вариант указа по данному вопросу. В нем, как вероятно казалось монарху, были учтены все пожелания членов Непременного совета. Александр I предложил издать указ о запрещении продавать людей без земли за исключением тех случаев, когда это требовалось для переселения крестьян на окраины. Причем для этого необходимо было требовать специальное разрешение губернской администрации.

По проекту предлагаемого императором указа вновь разгорелись жаркие споры. Как указал А.Р. Воронцов в письме к своему брату, «дебаты носили бурный характер и можно с уверенностью утверждать, что ничего подобного не было в России со времен Петра I»²⁶⁰. От членов Совета к заседанию тоже была подготовлена записка, в которой доказывалась преждевременность и неразумность принятия подобного указа. Вероятно, ее обсуждали на заседании Совета, хотя протокол об этом и молчит²⁶¹. Автор записки утверждал, что введение в действие обсуждаемого указа не только будет сопровождаться «некоторым неудобством для дворян», но и может принести вред самим крестьянам. Во-первых, зажиточные крестьяне (основные налогоплательщики) не смогут вместо своих детей покупать рекрутов. Во-вторых, крестьяне не способны понять истинную цель этой реформы и вообще перестанут повиноваться помещикам. Настоящим бедствием этот указ, по мнению автора записки, обернется для тех дворян, которые владеют очень малым количеством земли или не имеют ее вовсе, ибо, продавая «неугодного слугу», они вынуждены будут продать и свой дом²⁶².

Главным аргументом Александра I за принятие названного указа было возвращение к историческим традициям, восстановление справедливости, но российские аристократы остались глухи к этим призывам монарха. Таким образом, несмотря на все приведенные аргументы, члены Непременного совета остались непреклонны. Александр I вынужден был отступить, на что сухо указано в протоколе того заседания: «вновь рассуждаемо было по сему предмету с подтверждением прежнего о нем положения»²⁶³. Через 12 дней после заседания император дал именное указание президенту Академии наук барону Николаи о запрещении печатать в газетах объявления о продаже людей. Даже эта мера, которая больше походит на жест отчаяния монарха, к сожалению, своей цели не достигла. Предложения продажи были заменены объявлениями об «отдаче в услужение». В дальнейшем Александр I издал указ от 1808 г. о запрещении продавать крестьян на ярмарках и с публичного торга.

Итак, обсуждение и подготовка указа о запрещении продавать крестьян без земли наглядно показали, что реформирование крепостного состояния в России было делом очень сложным и даже опасным: ни генерал-прокурор, ни император не смогли поколебать мнение дворянской аристократии по этому вопросу. Более того, многие сановники рассматривали попытки монарха законодательно вмешаться в систему

взаимоотношений помещиков со своими крестьянами как ограничение прав собственности и проявление деспотизма.

Неудача с принятием указа о запрещении продавать крестьян, отрывая их от семьи, показала императору Александру, что любое, даже самое незначительное преобразование в рамках данной проблемы необходимо тщательно готовить, планировать и только тогда выносить на обсуждение Непременного совета или Сената. Причем к подготовке проекта реформы по крестьянскому вопросу император вынужден был подключить верховных сановников империи.

После образования «Негласного комитета», личного, доверенного «правительства» Александра I, рассмотрение крестьянского вопроса и обсуждение проектов его реформирования было перенесено на его заседания. После 16 мая в «Негласном комитете» постоянно обсуждались проекты по крестьянскому вопросу, причем первоначально – проекты представителей российской аристократии, а уже затем «молодых друзей» императора.

Одним из первых был зачитан и обсужден проект князя П.А. Зубова, названный им «Манифест по крестьянскому вопросу». Источники не дают ответа на вопрос, что побудило Платона Зубова составить этот документ, действительно ли он был его единственным автором. «Крестьянский проект» князя Зубова был подан на Высочайшее рассмотрение не позднее 23 июля 1801 г.²⁶⁴. Его трудно назвать цельным, логически стройным документом, скорее он представлял собой перечень мер по облегчению положения крестьян. В небольшой преамбуле Зубов разъясняет, что он в своем проекте ни в коей мере не собирается затрагивать «священное право собственности владетелей» крепостных крестьян, но законы должны ограждать каждого от произвола. Крестьян, по его мнению, следует прикрепить к земле, а не человеку. Отрыв крестьянина от земли, перевод в дворовые и порождает рабство. Поэтому Зубов разработал ряд мер по сокращению данного сословия. В первой статье своего проекта он предложил разрешить помещикам, живущим в городах, продавать [Государству – Н. К.] имеющихся у них дворовых, которые должны быть причислены к сословию мещан и расписаны по цехам. Подати за них следовало взимать как с цеховых мещан по городскому положению Екатерины II. Данная статья носила рекомендательный характер и со временем, по мнению автора проекта, должна была остановить продажу крепостных по одному без земли. Для того чтобы ограничить, а затем и полностью пресечь появление дворовых, то есть безземельных крестьян, во второй статье Зубов предложил просто запретить помещикам под любым видом переводить крестьян в дворовые. Этот пункт серьезно затрагивал интересы дворян, но был вполне оправдан с экономической точки зрения. Кроме того, наиболее просвещенные помещики, особенно аристократы, понимали необходимость подобной меры. В третьей статье Зубов считал возможным установить порядок распределения крестьян при разделах и продажах имущества помещиков: «не токмо дворы и семьи при наследственных разделах не делить и не дробить меж собой, но и при продажах делить строжайше запрещается. Если двор или семья достаются двум или более наследникам, то старший обязывается удовлетворить прочих из своих доходов, полагая по 5 рублей с каждой наличной мужской души. Но, тем не менее, без прочих старшему запрещается продавать или закладывать крестьян». В случае достижения соглашения о продаже, выручка делится между всеми наследниками. На вид эта гуманная идея, на наш взгляд, совершенно утопична для российской действительности. Во-первых, Зубов ни слова не пишет, как

проверить исполнение этого указа; а во-вторых, он должен был понимать, что дворяне-помещики будут оказывать всяческое сопротивление такому правилу.

В следующем, пятом пункте, автор проекта предлагал запретить покупать и продавать дворовых, «расписанных по цехам». Здесь же Зубов указывал, что когда помещик решит продавать свое имение и крепостных, то их должно покупать государство. Н.Н. Новосильцов, которому Александр I поручил охарактеризовать этот проект, отмечал, что исполнение одного этого пункта потребует от государства огромных затрат. В статьях шестой и седьмой Зубов предлагал разрешить крестьянам приобретать личную свободу за выкуп, но без земли, что имело место в России и без указов и постановлений. Нововведением было предложение автора проекта в том, что согласие помещика в данном случае было не обязательно. Сама сделка совершалась через губернское правление. Однако подробно механизм данной операции, например, как преодолеть сопротивление помещика, если он не захочет отпускать крестьянина, Зубов не указал. Какого-либо общего вывода, заключения документ не содержал.

Проект кн. П.А. Зубова любопытен как попытка урегулировать отношения между помещиками и крестьянами. Он, на первый взгляд, не затрагивает основ крепостного права, а пытается исключить из этих взаимоотношений те элементы (причем, далеко не все; например, в проекте ничего не сказано о запрещении ссылать крестьян или посылать их на каторжные работы), которые делали положение крестьян фактически рабским. В целом, в этом проекте «манифеста» нет ничего, что бы противоречило законодательной деятельности Александра I в это время. Умелый царедворец тонко уловил настроение императора и старался следовать в русле его политики, чтобы удержаться у власти. При этом по ряду вопросов в нем предлагались гораздо более радикальные меры, чем в предложениях самого Александра I. Император благосклонно отнесся к инициативе князя Зубова, но это не спасло последнего от отставки. На заседаниях «Негласного комитета» были высказаны замечания к этому проекту, например, о колоссальных затратах, которые может повлечь его реализация. Дальнейшая судьба проекта неизвестна.

Помимо проекта П.А. Зубова, в «Негласном комитете» на обсуждение был вынесен проект Н.С. Мордвинова. Его автор осуждал крепостное право и с морально-этических, и с экономических позиций. Он считал, что крестьяне доведены до самого «ничтожного состояния» и не имеют никакого гражданского существования. Однако любые преобразования, по его мнению, необходимо проводить постепенно. Появление и развитие крепостного права соответствовало во многом объективному ходу исторического процесса. Поэтому и отмирать оно должно таким же способом – медленно и постепенно. Тем не менее, ряд мер, считал Н.С. Мордвинов, следует принять незамедлительно. По его мнению, первым шагом к освобождению крестьян должно было стать позволение недворянам покупать ненаселенные земли. Монополия дворянства на земли экономически не выгодна, так как, владея плодородными землями, которые к тому же им обрабатывают крестьяне, они совершенно не заинтересованы в усовершенствовании земледелия и, тем более, в обработке пустынных земель. В то время как даже в центральных губерниях скопилось немало земель, «требующих несколько лет приуготовления к употреблению для хлебопашества, скотоводства и прочего». По сути, эти земли не нужны дворянам, поэтому, разрешив их покупать купечеству, мещанам и черносошным крестьянам, правительство ни в коей мере не ущемит права правящего сословия. Более того, и им, и государству это должно быть вы-

годно, так как «когда право покупать земли распространено будет и на другие состояния податные, цена оных в пользу казны и дворянства вознесется много»²⁶⁵.

В рамках аграрного вопроса Н.С. Мордвинов предлагал постепенное безземельное освобождение помещичьих крестьян за выкуп и немедленное освобождение казенных крестьян. Он считал, что крепостное право отомрет естественным путем с развитием «буржуазных» отношений в деревне. Однако идеалистом он не был и прекрасно понимал, что покупательная способность этой категории населения достаточно низка. Для поддержки при покупке земли необходимо создать Трудопоощрительный банк, о котором говорилось выше. Мордвинов достаточно четко выделил главное: необходимо максимально поощрять деловых и предприимчивых людей не из дворян. Он считал, что помещики, увидев процветающие хозяйства, основанные на наемном труде, отпустят своих крепостных. Несмотря на всю наивность этой идеи, в ней было рациональное зерно: дворянство беднело, и для нормального развития экономики его монополию на землю необходимо было ликвидировать. Поэтому предложение Мордвинова было одобрено императором и его «молодыми друзьями»: 12 декабря 1801 г. Александр I издал указ Сенату «о предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам права приобретать покупкою земли»²⁶⁶.

Указ о праве покупать незаселенные земли вызвал общественный интерес. Доказательством тому служит полученная на имя императора Александра I анонимная записка по поводу совершенствования данного закона. Неизвестный автор заметил, что было бы вполне разумным разрешить недворянам не только покупать земли, но и переселяться туда. Кроме того, автор записки предложил использовать этот же механизм для отпуска крепостных крестьян на волю. Он писал, что монарху следует эту «милость распространить и на помещичьих крестьян: то есть позволить помещикам выпускать крепостных своих крестьян и дворовых людей на волю с землею, продавая им оную добровольною ценой»²⁶⁷. Так как данная записка находилась в бумагах кабинета Александра I, вероятно, он был с ней знаком. Более того, известно, что идея о добровольном отпуске крестьян на волю с землей нашла в дальнейшем отражение в указе «О вольных хлебопашцах».

Проект о вреде крепостного права представил В.Ф. Малиновский, генеральный консул России в Яссах. В конце 1802 г. он направил В.П. Кочубею письмо с приложением «Записки об освобождении рабов». В самом письме В.Ф. Малиновский пояснил, что побудило его взяться за составление данного проекта. Он писал Кочубею: «Во время служения моего здесь Генеральным консулом [т. е. в Яссах – Н. К.], препроводив в отечество более трех тысяч человек беглых, большею частью помещичьих крестьян, я испытывал каждого о причинах бегства и нашел оные общими и с состоянием рабства в России неразлучными, как-то: тягостные работы сверх определенного числа дней, большие оброки, недостатки угодий, побои и другие самовольные поступки помещиков и приказчиков»²⁶⁸.

Главная причина, по которой правительство должно непременно провести крестьянскую реформу, – это наличие реальной опасности повторения пугачевского бунта. Он предложил монарху довольно замысловатый план: пожаловать казенные земли в собственность помещикам с тем, чтобы они, отказавшись от прежних методов управления (то есть, вмешательства в личную жизнь крестьян и снятия всех повинностей), заключили с ними договор аренды земли, переселив частично на бывшие казенные земли. Такое освобождение, по его мнению, решило бы и проблему малоземелья, периодически всплывающую в центральной России. При этом «для сего великого

предприятия» должна быть учреждена специальная комиссия, которая будет призвана наблюдать за соблюдением установленного порядка заключения договоров и не допускать злоупотреблений. Таким образом, В.Ф. Малиновский фактически предлагал проект безземельного освобождения крестьян, да еще и через «передачу» крестьян помещикам. Проект был отвергнут правительством Александра I, хотя заставил задуматься о необходимости предоставления крестьянам достаточного для пропитания количества земли, и вопрос о массовом переселении периодически поднимался реформаторами.

В рамках «Негласного комитета» среди «молодых друзей» Александра было решено, что каждый из них, а также бывший наставник Александра Павловича Ф.Ц. Лагарп, выскажет свое мнение по крестьянскому вопросу.

Развернутая программа действий по вопросам реформирования крепостного состояния была предложена П.А. Строгановым. Свое мнение он высказал на заседании «Негласного комитета» 18 ноября 1801 г. Павел Александрович начал с утверждения, что нынешнее дворянство не представляет той политической силы, с которой монарху стоило бы считаться. «Оно составилось из множества людей, приобретших дворянство только службою и не получивших никакого воспитания, которых все мысли направлены к тому, чтобы не постигнуть ничего выше власти императора; ни право, ни закон, ничего не может породить в них идеи о самом малейшем сопротивлении... Чего не было сделано в прошедшее царствование [при императоре Павле I – Н. К.] против этих людей, против их личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся повод бояться чего-либо, то именно в эту эпоху. Пришло ли им это на мысль? Напротив, всякая мера, клонившаяся к нарушению прав дворянства, выполнялась с изумительной точностью, и именно дворянин приводил в исполнение меры, направленные против его собрата, противные выгоде и чести сословия»²⁶⁹. Такое достаточно пренебрежительное отношение аристократа к среднему и мелкому дворянству в целом было характерно для России того времени. Точно так же к этому сословию относился Александр I, да и возможно некоторые члены Непременного Совета и Сената. Правда, Строганов как будто забыл о судьбе императора Павла I, чего не мог себе позволить Александр Павлович, особенно если учесть, что в Непременный (Государственный) совет тогда входили П.А. Пален, П.А. Зубов и другие участники заговора против императора Павла. Гораздо разумнее другой аргумент Павла Александровича – о необходимости немедленно приступить к крестьянской реформе. Он утверждал, что если государю и нужно чего-либо опасаться, так это крестьянского бунта. Крестьяне «с самого детства преисполняются ненавистью к помещикам, своим притеснителям». Вместе с тем русские крестьяне, по мысли Строганова, наделены достаточно предприимчивым умом. Однако они не могут его реализовать во благо увеличения своих доходов, поэтому «они везде одинаково чувствуют тяжесть своего рабства; везде мысли о неимении собственности подавляют их способности». Другими словами, Строганов прежде предлагал наделить крестьян собственностью, владение которой не зависело бы от помещиков, а затем уже заняться постепенной разработкой реформы об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Эта мысль была не нова, она достаточно детально разрабатывалась еще при Екатерине II, о чем говорилось выше. Новизна идей Строганова заключалась, пожалуй, в самом подходе к проблеме крепостничества. В отличие от большинства своих предшественников, Павел Александрович мотивировал необходимость проведения реформ экономической целесообразностью и опасностью крестьянских выступлений: «Их [т. е. крестьянская –

Н. К.] промышленная деятельность для народного благосостояния ничтожна, [поэтому] их способность не получает должного развития, но дает им чувствовать вполне тяжесть бремени, их гнетущего»²⁷⁰. То есть для дальнейшего спешного развития страны, по мысли Строганова, необходимо дать крестьянам возможность богатеть, умножая свою собственность. От этого большая польза будет и владельцам крестьян, помещикам, так как состоятельные крестьяне смогут платить больше. Причем данная мера должна была стать лишь первым шагом к дальнейшим преобразованиям в этой сфере. Напомним, в екатерининское время главным аргументом в пользу необходимости реформирования крепостного состояния крестьян были соображения морали.

К сожалению, кроме программы Строганова, довольно схематичной, мнения других членов «Негласного комитета» не были отражены в протоколах. По имеющимся данным можно сказать, что все члены этого комитета достаточно негативно относились к существующему положению крестьян. Однако Н.Н. Новосильцов указывал, что регламентировать отношения помещиков и крестьян едва ли своевременно. Он был против даже такой меры, предлагаемой другими членами «Негласного комитета», как планомерный выкуп дворовых в казну. Он считал, что это может породить необоснованные надежды всех крепостных на скорое освобождение. Поэтому он предлагал пока ограничиться мерами морального характера, а именно: запретить присутствовать на дворянских собраниях помещикам, которые жестоко обращаются со своими крепостными. Правда, он не уточнил, кто будет это определять.

Князь Адам Чарторижский никогда не составлял собственной программы по крестьянскому вопросу. Однако он всегда был противником крепостного права, считая, что «право помещиков на крестьян столь ужасно», поэтому не следует «ничем удерживаться при нарушении его, да и все опасения по этому предмету неосновательны».

В.П. Кочубей по крестьянскому вопросу сходил в мнениях с императором. Свою позицию он изложил в письме С. Р. Воронцову (ноябрь 1801 г.). Он писал, что по проблемам государственного реформирования, в том числе по вопросам крепостничества, он во многом согласен со своим дядей, А. А. Безбородко. Поэтому он считал необходимым повсеместно «запретить продажу крестьян без земли, запретить обращение крестьян в дворовые; дозволить купцам, мещанам и казенным крестьянам приобретение ненаселенных земель, а помещикам – дозволить покупать земли целыми обществами с тем, чтобы помещик не мог эти земли отчуждать; дворовых оставить пока в прежнем положении, чтобы не вызывать жалоб со стороны дворян»²⁷¹. Кочубей понимал, что все преобразования необходимо проводить «с надлежащей осторожностью», но в то же время не откладывая надолго.

Кроме «молодых друзей» свое мнение по крестьянскому вопросу высказал бывший учитель Александра Павловича, Ф.Ц. Лагарп. Он прибыл в Россию по приглашению своего бывшего ученика и пробыл здесь с августа 1801 по май 1802 гг. Прекрасно понимая разницу между обучением великого князя и консультированием императора, Лагарп советовал Александру I не торопиться с проведением каких-либо реформ, особенно в отношении крепостных крестьян. Лагарп считал, что любые преобразования в этой сфере не должны затрагивать право собственности дворян на землю. В то же время очень опасно и едва ли целесообразно готовить безземельное освобождение крестьян. Поэтому на тот момент проведение масштабной крестьянской реформы ему не представлялось возможным. Тем не менее, начинать реформировать эту сферу необходимо. Как считал Лагарп, нужно ввести в ранг закона существующее

на практике право крестьян самостоятельно выкупаться из крепостной зависимости. Кроме того, вполне допустимо, по мнению Лагарпа, разрешить недворянам, исключая крепостных крестьян, покупать ненаселенные земли.

Итак, Лагарп и «молодые друзья» с теми или иными оговорками поддержали императора Александра I в его начинаниях по крестьянскому вопросу. Были определены основные стратегические направления реформирования этой сферы. Во-первых, было решено, что нельзя предпринимать каких-либо кардинальных мер, к которым тогда относились любые, даже самые незначительные ограничения власти помещиков над крестьянами. Во-вторых, несмотря на достаточно негативное и пренебрежительное отношение к дворянскому сословию императора Александра и его «молодых друзей» (по крайней мере, П. Строганова и А. Чарторижского), они считали, что все мероприятия по крестьянскому вопросу должны проводиться с согласия помещиков. То есть вводимые меры не должны жестко требовать от землевладельцев облегчения положения крепостных, а лишь побуждать их к этому. Тем не менее, Александр I был убежден, что все эти весьма разумные соображения не должны стать препятствием для реформирования этой сферы вообще. Для проведения более-менее серьезной реформы нужен был толчок, хотя бы минимальная инициатива «снизу», от помещиков.

В ноябре 1802 г. С.П. Румянцев, сын известного фельдмаршала, подал императору записку с предложением мер, которые могли бы привести «к постепенному уничтожению рабства». Сергей Петрович Румянцев был весьма образованным для своего времени человеком. Он получил образование в Германии, в Лейденском университете, по направлению «история и право». Был знаком с бароном Гриммом, одним из корреспондентов Екатерины II. Румянцев указал Александру I, что «многие помещики находят выгодным для себя давать свободу некоторым крестьянам за известную плату; они охотно уволили бы целое селение, если бы это оказалось выгоднее продажи крепостных. Поэтому можно было бы дозволить помещикам освобождать целые селения, утверждая крепостным порядком участки или угодья за каждым крестьянином особливо, или же всю дачу за обществом на условиях, согласных с государственными узаконениями и обоюдною пользою».

Нельзя сказать, что до обращения Румянцева не было практики освобождения помещиками крестьян от крепостной зависимости как по ряду условий, так и без них. Однако, как правило, это касалось выслужившихся дворовых, которых, естественно, освобождали без земли. Были случаи, крайне редкие, если не сказать единичные, самовыкупа крестьян. Причем выкупали себя разбогатевшие или так называемые капиталистские крестьяне, которые либо отходили к моменту выкупа от сельского хозяйства и занимались промышленным, мануфактурным производством, либо через помещика уже прикупили себе землю. То есть их освобождение не ставило вопроса: выделять ли им землю и, если это делать, то каким образом. Среди помещиков практиковался также отпуск крепостных на волю по завещанию, то есть объявление, что после смерти владельца крепостные получают свободу и перейдут в разряд черносошных крестьян. Однако на законодательном уровне данная проблема не была решена, и судебные учреждения и Сенат были завалены просьбами об отмене завещаний. Кроме того, при отсутствии общего правила освобождения крестьян ничто не мешало им снова попасть в крепостную зависимость при очередной раздаче земли. С.П. Румянцев же предложил издать указ, который позволял узаконить и упорядочить отпуск и самовыкуп крепостных на волю. В проекте, представленном С.П. Румянцевым императору, предлагалось ввести следующие меры. Во-первых,

Румянцев счел необходимым подчеркнуть, что только благородному дворянству принадлежит исключительное право владения крепостными крестьянами. Во-вторых, он указал, что «людям благородным [следует] отпускать крестьян на волю целыми селениями, заключая с ними крепостные условия». В-третьих, напоминая, что указом от 12 декабря 1801 г. землей владеть было дозволено не только дворянам, Румянцев предлагал утвердить «за каждым уволенным» участок земли по выбору помещика. Благодаря выполнению всех этих условий, «селения могут выкупаться на свободу, внося требуемую господином сумму». Далее автор записки приводит некоторые меры, которые можно было бы применить к той или иной стороне в случае неисполнения обязательств.

Император Александр отнесся к записке С.П. Румянцева весьма внимательно. Уже 12 января 1803 г. проект указа по записке Румянцева рассматривался на заседании Государственного совета. Несмотря на то, что законопроект был предложен человеком, не входящим в близкий круг Александра I, он во многом перекликался с предложениями членов «Негласного комитета».

Члены Государственного совета настороженно встретили проект. Однако они не отвергли его с порога, а решили детально разобраться и утвердить предложенные меры в наиболее выгодном для всех варианте, т. к. «издание общего закона об освобождении крестьян по условиям может произвести превратные толки, и многие помещики усмотрят в нем первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе». Другими словами, члены Государственного совета поддерживали императора и занялись подготовкой предложенного законопроекта.

Согласно разработанному и принятому 20 февраля 1803 г. указу, помещикам разрешалось освобождать своих родовых и благоприобретенных крестьян по одному или целыми селениями с обязательным закреплением за ними земельного участка или «целой дачи». Помещик, желавший освободить своих крестьян, заключал с ними договор о механизме освобождения и сумме, которую крестьяне должны были ему заплатить. Договор с этими условиями через губернского предводителя дворянства и министра внутренних дел предоставлялся государю на утверждение. После чего он вступал в законную силу. В указе было отмечено, как поступать в том случае, если одна из сторон нарушит взятые на себя обязательства. Так, «крестьянин или целое селение», не выполнившие своих обязательств, например, не выплатившие к установленному сроку сумму выкупа, возвращались обратно помещику. Что же касается ответственности помещика, то она четко прописана не была. Однако предполагалось, что каждый случай отпуска крестьян должен быть доложен императору, и он лично, а также министр внутренних дел, будут контролировать подобные сделки и наказывать провинившихся помещиков.

После освобождения бывшие крепостные крестьяне могли записаться в другие сословия (мещанство, купечество) или остаться земледельцами, составив «особое состояние свободных хлебопашцев». Если же волю в рамках данного указа получал дворовой крестьянин, не имевший ранее земли, то после приобретения земельного надела он также становился «вольным хлебопашцем». Главное отличие освободившихся по указу крестьян было в том, что они никогда не могли быть переданы в частные руки. «Вольные хлебопашцы» должны были платить подушную подать наравне с помещичьими крестьянами (естественно, исключая оброк помещику). Продолжали они нести и рекрутскую повинность как казенные крестьяне. Земля, которая выделялась «вольным хлебопашцам», переходила в их полную собственность. Они могли

использовать ее и распоряжаться ей по своему усмотрению. Было лишь одно ограничение: запрещалось дробить участок менее восьми десятин земли. «Вольные хлебопашцы» получали также право переселяться из одной губернии в другую, продавая и покупая земли, уведомив при этом губернское начальство²⁷².

Кроме непосредственно самого указа 20 февраля 1803 г. «О вольных хлебопашцах» императором были утверждены правила, регламентирующие порядок действия этого указа. Они предназначались для министра внутренних дел, который непосредственно рассматривал все подобные сделки, после чего они для окончательного утверждения попадали на стол к императору. По этим правилам законными признавались договоры, непременно содержащие три условия. Согласно первому, помещик за определенную сумму денег, которую крестьянин выплачивал сразу же, предоставлял ему личную свободу, с закреплением в собственность земли. Вторым вариантом условий предусматривал заключение договора между помещиком и крестьянином о выплате определенной суммы в течение длительного срока, то есть нескольких лет. Во время этого периода крестьяне, согласно правилам, должны были выполнять прежние повинности. Наконец, третий вариант правил возможного освобождения крестьян предусматривал, что при любом механизме выплаты отпускной суммы крестьяне получали свободу только после смерти их помещика, а при его жизни продолжали нести прежние повинности. Эти правила снимали главный вопрос, который встал после издания указа: с какого момента считать крестьян свободными, когда они только начнут выплачивать деньги для освобождения или с момента окончания выплат. Если крепостные оказывались неплатежеспособными, они теряли право на освобождение.

Названные правила возлагали на министра внутренних дел контроль над ходом подобных сделок. Он должен был следить за тем, чтобы помещики не отрезали землю крепостных в пользу выкупающихся на волю, что легко было сделать, так как в то время господствовало общинное землевладение. Были и другие требования, которые сводились к контролю над тем, чтобы не происходило обезземеливание крестьян при выкупе.

В период царствования Александра I была совершена 161 сделка по освобождению крестьян, при этом 17 помещиков отпустили своих крепостных без всякой платы. Всего было освобождено около 47 тыс. душ мужского пола²⁷³. Это, конечно, ничтожно мало, но здесь важнее официальное признание власти необходимости реформировать крепостное состояние и начало этого процесса.

В 1804 г. правительство Александра I провело крестьянскую реформу в Лифляндии. Проведенные еще в 1765 г. изменения в сфере взаимодействия прибалтийских помещиков и крестьян исполнялись довольно плохо и заставляли последних постоянно жаловаться на своих владельцев. Поэтому еще в конце правления Екатерины II Фридрих Сиверс,²⁷⁴ с согласия императрицы, на очередном Ландтаге в 1795 г. предложил создать комиссию по рассмотрению крестьянских жалоб, что и было сделано. Был даже составлен проект нового указа «об улучшении быта крестьян». Со смертью Екатерины деятельность комиссии была приостановлена. Правда, Павел I, узнав из дошедших до него жалоб о жестоком обращении прибалтийских помещиков со своими крестьянами, издал в 1800 г. указ о запрещении требовать с крестьян выплаты податей более чем это следовало по указу 1765 г., под страхом конфискации имений. Но и это грозное распоряжение не принесло желаемого результата.

В самом начале правления Александра Павловича Ф. Сиверс через В.П. Кочубея, с которым он был лично знаком, передал императору записку с пред-

ложениями по улучшению крепостного состояния. Кроме того, вопрос о необходимости проведения преобразований в сфере взаимодействия помещиков и крепостных крестьян был поставлен на Ландтаге 1803 г. Он вызвал много споров: горячую поддержку одной части лифляндского дворянства и не менее горячее негодование другой. Поэтому Александр I счел за благо учредить в Петербурге особый комитет для выработки положения о лифляндских крестьянах. Комитет возглавил В.П. Кочубей, его членами стали П.А. Строганов, О.П. Козодавлев и другие. От лифляндского дворянства вошли члены Ландтага Анрепа и Буденброк. Почему членом этого комитета не был назначен Сиверс, не до конца ясно, тем более что Кочубей часто советовался с ним по вопросам реформирования положения лифляндских крестьян.

В результате работы этого комитета было выработано «Положение для поселян Лифляндской губернии»²⁷⁵, утвержденное указом императора Александра I Сенату 20 февраля 1804 г. Согласно этому Положению, крестьяне без своего согласия не могли быть лишены земли и переведены в дворовые. Правда, владельцы могли переселять их в рамках уезда и своего поместья. Запрещались продажа, заклад и уступка (т. е. дарение) крестьян без земли. Было введено ограничение на продажу дворовых людей, их разрешалось продавать только один раз и только дворянам, имеющим земельное владение. Крестьянам предоставлялись некоторые гражданские права. Им было дано самоуправление, утверждено право собственности и наследования: крестьяне могли быть лишены своего хозяйства только по приговору суда за долги и «дурное поведение», то есть поведение, ведущее хозяйство к разорению. При этом управление хозяйством передавалось старшему сыну или ближайшим родственникам.

Расширялись личные права крестьян: было отменено требование обязательного письменного согласия помещика на брак его крепостных крестьян. Правда, последние были обязаны поставить в известность своего владельца о предстоящем браке. В рамках крестьянского самоуправления был создан специальный крестьянский суд, которому передано право суда над крестьянами-домохозяевами и назначения в рекруты. Сами же крестьяне-домохозяева от этой повинности были полностью освобождены. Поэтому по новой системе рекрутчина легла на плечи главным образом батраков и бобылей. Господская барщина была строго ограничена двумя днями в неделю. Причем крестьяне-домохозяева могли нанимать за себя батраков. Поэтому относительно состоятельные крестьяне, имеющие достаточные земельные наделы, вообще не несли этой повинности, а батраки работали по шесть-семь дней в неделю. Помещики были ограничены в наказаниях своих крепостных крестьян. По новым правилам они самостоятельно могли наказывать только безземельных крестьян: дворовых, батраков и бобылей. Причем и здесь вводились ограничения: крестьян в случае пьянства, грубости, ослушания и лености допускалось наказывать до 15 ударов палками или розгами, арестовать и держать на хлебе и воде до двух дней. Более того, в названных правилах оговаривалось, что самих жестоких и четыре раза уличенных во взыскании податей свыше установленной меры помещиков отдавать под опеку. Крестьяне-домохозяева полностью выходили из помещичьей юрисдикции.

Одним из наиболее значимых нововведений по реформе 1804 г. в Лифляндской губернии было учреждение крестьянского суда, о чем уже говорилось. Его первую инстанцию составлял сельский или низший суд. Он состоял из трех судей-крестьян: одного из них назначал помещик, второго избирали крестьяне-домохозяева, а третьего – батраки. Этот суд призван был разрешать вопросы, возникающие среди крестьян. Все его решения в обязательном порядке утверждались помещиком. Судом второй

инстанции был приходской суд. Председательствовал в нем один из местных помещиков, а его членами были трое крестьян по выбору.

Проблема реформирования крепостничества обсуждалась не только в правительственных кругах, но и интересовала передовых представителей российской общественной мысли. В иносказательной форме, как это было принято в тот период, она находила свое отражение в периодической печати, записках общественных деятелей.

Одним из трактатов, посвященных проблеме крепостного права, заслуживающим интерес, является работа А.С. Кайсарова. Свой обширный проект «Об освобождении крепостных крестьян в России» он посвятил обоснованию необходимости, а не способу освобождения крепостных. Сам процесс ликвидации крепостной зависимости Кайсаров считал прерогативой исключительно монарха. Он полагал, что главной задачей верховных властей является максимальное распространение и популяризация в печати мнения о разумности и целесообразности отмены крепостного права, чему он и посвятил свою работу.

Размышляя о пагубности крепостного права, А.С. Кайсаров указал на неестественность личной зависимости или рабства крестьян, так как «человек рождается свободным и никому не дано права быть господином над другим». Далее автор проекта кратко обратился к истории закрепощения крестьянства. На примере Судебника Ивана Грозного он показал, что исторически крестьяне были свободными. Таким образом, делает вывод А.С. Кайсаров, «крепостное право не опирается ни на какое законное обоснование». Автор в своей работе объясняет, насколько лучше работает и чувствует себя крестьянин, «побуждаемый сознанием, что он вольный», значительно увеличивается производительность его труда и, как следствие, урожайность²⁷⁶.

Кайсаров хорошо понимал, что все эти аргументы едва ли станут определяющими в решении крестьянского вопроса. Поэтому он обозначил причины невыгодности крепостничества для государства и самих помещиков. При этом он заметил, что монархическая форма правления в России не может являться тому препятствием. А. С. Кайсаров писал, что «в республиках отдельным личностям почти вовсе не дается свободы», взять хотя бы пример Польши. Если же посмотреть на порядки монархической Англии, то становится ясно, какой защитой у них пользуется «свобода и собственность»²⁷⁷. Он указал, что именно люди есть главное богатство любого государства, причем не только дворяне, но и крестьяне, и купцы, и др. «Издrevле мнят о себе дворяне, что в них сосредоточена сила и цвет нации, однако последние двадцать лет дали множество доказательств тому, что силу и цвет нации составляет весь народ, а дворяне были признаны почти не имеющими значение и всецело зависящими от народа»²⁷⁸. Поэтому, делает вывод Кайсаров, именно в благополучии и процветании народа заключается благополучие всего государства. Причем заботиться об этом государство должно повсеместно, в том числе заботясь об увеличении численности населения.

А.С. Кайсаров представил и еще один аргумент в пользу отмены крепостного права. Стране необходимо развитие не только сельского хозяйства, но и «фабричной промышленности». Автор проекта справедливо замечает, что, кроме как из крестьян, взять рабочих неоткуда. Фабрики же, основанные на крепостном труде, уже показали свою малую эффективность. Кроме названной, есть и другая сторона проблемы плохой развитости промышленности и торговли в России: покупателей мало. По мнению А.С. Кайсарова, только появление «известной степени роскоши» позволит свободным

крестьянам стать активными покупателями. Что, в свою очередь, приведет и к развитию банковской системы²⁷⁹.

О том, как следует освобождать крестьян, А.С. Кайсаров не писал. Он не допускал мысли о каком-либо насильственном способе решения данного вопроса, считая, что дворянство само должно подойти к осознанию необходимости освобождения крестьян, а государство помочь ему в этом.

Противником крепостного права был В.В. Попугаев. Крепостное право или, как он писал, «рабство земледельца» было препятствием для развития государства. Попугаев в иносказательной форме предостерег читателей от опасности такого положения крестьян. Он размышлял, что лошадь, глаза у которой завязаны, может затянуть в пропасть и всадника, сама того не желая. Таким образом, рабство крайне опасно для правителя, оно разлагающе действует как на господина, который, превращаясь в тирана, «забывает свое человечество», так и на раба, который «в своем унижении теряет все чувства». Поэтому где «рабство, там нет патриотизма, разность интересов родит одно корыстолюбие»²⁸⁰. Между тем, делает вывод Попугаев, от природы все люди равны, но понять и оценить это может только народ просвещенный. Правда, он не указал, с чего следует начать: с освобождения крестьян или их просвещения.

Не мог оставить в стороне проблему крепостничества и такой государственный деятель как М.М. Сперанский. Он никогда не занимался специально разработкой проектов по крестьянскому вопросу, однако ряд его программ государственных реформ прямо или косвенно этот вопрос затрагивали. Правда, Сперанский не связывал политические преобразования с реформированием, а тем более отменой крепостного права. Однако полностью обойти в своих работах эту проблему он не мог. Свою позицию по крестьянскому вопросу Сперанский изложил, анализируя понятие «гражданская свобода». В своем трактате «Введение к уложению государственных законов», а также в некоторых других документах Михаил Михайлович выступает как сторонник постепенного ограничения, а затем отмены крепостного права. Первоначально автор определил, что он понимает под крепостным правом или «рабством». По его мнению, «рабство» бывает двух родов: политическое и гражданское. Крепостные в России пребывают во втором положении, ибо они «не только не имеют никакого участия в силах государственных», но и «не располагают лицом [то есть, своей личностью – Н. К.] и собственностью». Такое состояние крепостных – безусловное зло, которое необходимо искоренять. Правда, освобождать крестьян от крепостной зависимости необходимо крайне осторожно и постепенно. Причина этой осторожности кроется в понятии «гражданская свобода», которую необходимо будет предоставить крестьянам. По мнению Сперанского, гражданская свобода человека должна включать личную и вещественную свободу. Первую, то есть свободу личную, крестьянам вполне можно даровать немедленно: «без всякой постепенности и отлагательства». Далее необходимо «установление четкого законодательного определения размера крестьянских повинностей и объявления крестьянам разрешения на приобретение недвижимой собственности». Сам процесс освобождения крестьян, по терминологии Сперанского, требуется разделить на «две эпохи». В первой нужно четко определить количество крестьянских повинностей. При этом одновременно «установить какую-либо судебную власть между ними [то есть, помещиками – Н. К.] и земледельцами ... Таким образом, и без особого формального закона крепостных или рабов, каковы они теперь, сделают только прикрепленными к земле крестьянами. Это будет первая степень их освобождения. Во вторую эпоху, то есть во время полной отмены крепостни-

чества, крепостным крестьянам будет возвращено их древнее право перехода от одного земледельца к другому»²⁸¹.

Таким образом, его концепция решения крестьянского вопроса сводилась к признанию необходимости четкой регламентации повинностей, отмены помещичьего суда над крепостными крестьянами, что должно было исключить возможность первых вмешиваться в личную жизнь вторых. Наконец, итогом реформы должно было стать возвращение крестьянам права менять своих владельцев. Сперанский однозначно выступал против безземельного освобождения крестьян и идеи, что освобождению крепостных должно предшествовать их просвещение.

Важным фактором, ставшим катализатором в критике крепостничества и подготовке проектов реформы крепостного состояния крестьян, стала Отечественная война и заграничные походы 1812-1813 гг. Непосредственное знакомство с западно-европейской жизнью, а также героизм народа заставляет многих дворян задуматься о положении российских крепостных крестьян. Поэтому увеличивается число противников крепостного права, как, впрочем, и их оппонентов. На период 1815-20-е гг. XIX в. приходится новая волна преобразований. Ее началом условно можно назвать дарование Польше конституции, одной из самых либеральных в Европе, и выступление императора Александра I на польском сейме в марте 1818 г. о проведении преобразований, аналогичных польским, в России. Несмотря на то, что речь шла, главным образом, о реформах политических, крестьянский вопрос, как один из основных, обойти было нельзя. В это время составляется большое количество проектов реформирования крепостничества как по заданию императора, так и по собственной инициативе.

О том, что император Александр I не оставил идеи реформировать крепостное право, стало ясно уже из манифеста, провозглашающего победу над Наполеоном. Дело в том, что на оккупированных землях Наполеон отпустил крестьян на волю (правда, без земли). Поэтому необходимо было в достаточно деликатной форме, чтобы не вызвать бунта, заявить о возврате к прежним порядкам. Проект манифеста составил государственный секретарь адмирал А.С. Шишков, известный своими консервативными взглядами. Он писал о незыблемости крепостного права в хвалебных тонах: «Существующая между ними [помещиками и крестьянами – Н. К.] на обоюдной пользе основанная, русским нравам и добродетелям свойственная связь ...»²⁸². Император Александр I был возмущен данной формулировкой. Он указал, что никакой «взаимной пользы» во взаимоотношениях между помещиками и крестьянами не существует, а также подчеркнул свою готовность продолжить реформирование и в данной сфере.

Первоначально была завершена реформа в Остзейском крае, на основании указов «Об эстляндских крестьянах» 25 мая 1816 г., «О курляндских крестьянах» 25 августа 1817 г. и «О ливонских крестьянах» 26 марта 1819 г.²⁸³. Основой проведенных преобразований являлись два главных постулата: во-первых, все крестьяне получали личную свободу без какого-либо выкупа; во-вторых, земля полностью оставалась за помещиком. Указами устанавливался 14-ти летний переходный период, во время которого крестьянин должен был либо полностью отказаться от земледелия и записаться в мещане, либо просто наняться на работу к землевладельцу батраком, либо арендовать землю у бывшего помещика, либо купить земельный участок в свою собственность. Иными словами, реформа в Остзейском крае была проведена по европейским образцам: крестьяне получили свободу без земли. Правда, они еще долго, гораздо более официально отведенных 14-ти лет, фактически находились под властью бывших по-

мещиков в связи с тем, что реально могли поменять место жительства только в том случае, если «удовлетворят всем требованиям, какие мирское общество, в коем он состоял, и прежний помещик к нему имеют». И все-таки, несмотря на все оговорки, прибалтийские крестьяне были освобождены от крепостной зависимости.

Проведение крестьянской реформы в Остзейском крае стало важным шагом по пути реформирования крепостничества в целом. Эти мероприятия не вызвали сколько-нибудь значимого недовольства в дворянской среде: ни среди великорусского, ни среди прибалтийского. На прибалтийцев в стране всегда смотрели как на «иностранцев» и ни в коей мере не допускали, что проведенные в Остзейском крае преобразования каким-то образом отразятся на центральной России. Нельзя забывать, что здесь сохранились многие традиции дворянского самоуправления. Впрочем, и сами прибалтийские дворяне не ассоциировали себя с великорусскими, они всегда испытывали на себе достаточно сильное влияние Запада. Поэтому проведение преобразований в крестьянском вопросе встретили с пониманием.

В результате проведения вышеназванных преобразований были отработаны те теоретические постулаты, которые обсуждались и прорабатывались в «Негласном комитете». Очевидно, что преобразования были выгодны прежде всего тем землевладельцам, которые вели хозяйство на «новый лад», и крестьянам-домохозяевам, собственникам земли. Поэтому, несмотря на территориальную ограниченность, проведенная реформа была необходима и прогрессивна. Император Александр I придавал большое значение проведенным преобразованиям. Доказательством может служить тот факт, что и после реформы образованный для ее проведения так называемый Лифляндский комитет не был упразднен.

Несмотря на успех реформы, проведение аналогичных преобразований в великорусских землях было невозможно. Тем не менее, эти преобразования подтолкнули государственных и общественных деятелей на составление проектов реформ. Одним из первых после Отечественной войны проект освобождения крестьян составил Павел Дмитриевич Киселев, тогда полковник и флигель-адъютант императора Александра, в будущем при Николае I – министр государственных имуществ. Этот проект, названный им «О постепенном уничтожении рабства в России», он представил Александру I в 1816 г.

Киселев начал с утверждения, что «гражданская свобода есть основание народного благосостояния». Далее он продолжал: «истина сия столь мало подвержена сомнению, что излишним считаю объяснять здесь, сколько желательно было бы распространение в государстве нашем законной независимости на крепостных земледельцев, неправильно лишенных оной». Однако автор проекта, повторяя своих предшественников, предостерегает от скоропалительной реформы крепостного права, так как это небезопасно и для помещиков, и для самих крестьян, которые могут «захлебнуться свободой». Поэтому Киселев предложил следующий план освобождения крестьян. Во-первых, «дозволить капиталистам всякого звания покупать от дворян поместья, с тем, чтобы в таких имениях права и обязанности как крестьян, так и новых помещиков были определены законом»²⁸⁴. Во-вторых, необходимо коренным образом изменить положение дворовых крестьян. Киселев предлагал окончательно запретить помещикам брать во двор из земледельцев, а из нынешних дворовых создать «особое сословие, которое приписать к домам или поместьям и обязать владельцев платить за них подати: это приведет постепенно к их уменьшению, а затем и к совершенному уничтожению дворовых». В-третьих, по мнению автора проекта, необходимо допол-

нить указ «О вольных хлебопашцах» тем, что разрешить создание майоратов помещикам, крестьяне которых становились вольными хлебопашцами. Это должно, по его мнению, уменьшить число мелкопоместных дворян, «от скудности и невежества отягощающих непомерным образом рабов, им принадлежащих». В-четвертых, правительство должно активно влиять на процесс постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости. В связи с этим Киселев предлагал официально определить, какое количество крестьян объективно необходимо для обработки помещичьих земель, а, следовательно, определить количество «лишних» крестьян, которых правительство Александра I должно постепенно, по мере возможности, выкупать в казну с обращением их в вольных хлебопашцев и переселять на малонаселенные земли. При этом деньги, истраченные на выкуп и переселение, взыскать позднее с самих крестьян-переселенцев. Наконец, Киселев предлагал даровать «некоторую независимость» тем крепостным, которые работают на фабриках и заводах помещиков. К сожалению, он не конкретизировал, что здесь имел в виду.

Конечно, проект П.Д. Киселева не является цельной программой решения крестьянского вопроса. Скорее, перед нами набор неотложных мер по данной проблеме, которые облегчили бы положение крепостных, не меняя коренным образом существующего порядка вещей. При этом автор проекта подчеркивал, что проведение предложенных им мероприятий необходимо самим помещикам, так как доведенные до разорения непомерными податями крепостные очень опасны. Он напомнил, что крестьяне вполне могут за себя постоять, как это было во время пугачевщины и героического сопротивления французам во время войны 1812 г. Кроме того, он доказывал, что крепостное хозяйство экономически не выгодно для страны. Он, да и другие участники заграничного похода русской армии, смогли воочию в этом убедиться²⁸⁵.

Тогда же, в 1816 г., 65 достаточно богатых и знатных помещиков Петербургской губернии составили петицию на имя императора Александра I. В этом документе они просили императора, зная его заботу и стремление к улучшению быта крепостных крестьян, разрешить провести в их землях некоторые преобразования в этом направлении и «обратить их крестьян в «обязанных поселян» на основании существующих тогда по этому предмету постановлений». Эта петиция была вручена Александру I князем И. В. Васильчиковым. Встречена она была императором с явным неодобрением, что заставило дворянство Петербургской губернии отказаться от своей идеи²⁸⁶. Не до конца ясно, на основании какого закона и какие именно преобразования хотели провести в своих землях помещики Петербургской губернии. Если речь шла об указе «О вольных хлебопашцах», то не было смысла просить какое-либо дополнительное разрешение монарха, да еще и в рамках коллективной петиции. Нам представляется вполне вероятным, что помещики названной губернии предложили императору распространить на нее изменения, проведенные в 1804 г. в Лифляндской губернии. Текст петиции до нас, к сожалению, не дошел, однако территориальная близость Петербургской и Лифляндской губерний, общность терминологии говорят в пользу данного предположения.

Вполне понятно, почему монарх столь негативно отнесся к инициативе петербургского дворянства: кардинальные изменения в одной российской губернии неумолимо повлекут взрыв недовольства в других губерниях государства. Кроме того, наученный горьким опытом неудачи первых реформ по крестьянскому вопросу, император Александр I решил действовать иначе. Как и прежде, он поручил составление проектов освобождения крестьян от крепостной зависимости своим доверенным ли-

цам. Причем такой проект освобождения помещичьих крестьян по указанию императора должен был «не заключать в себе никаких мер, стеснительных для помещиков и, особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного со стороны правительства. Напротив, чтобы они сопряжены были с выгодами помещиков и возбудили бы в них самих желание содействовать правительству в уничтожении крепостного состояния». Иными словами, почти через 15 лет после начала реформирования крепостничества, император Александр пришел к выводу, что внедрение нововведений в этой сфере возможно путем добровольных соглашений помещиков и крестьян, без каких-либо жестких законов со стороны власти.

Есть и другая точка зрения по данному вопросу. Размышляя об истории с данной петицией, С.В. Мироненко²⁸⁷ указал, что, вероятнее всего, рассказ И.В. Васильчикова, переданный Ф. П. Лубяновскому, не что иное, «как сильно искаженный отзвук более позднего события – попытки группы петербургских дворян в 1820 году» создать общество по освобождению крестьян. Подобное общество под названием «Общество для изыскания способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению от рабства, как их, так и дворовых людей, принадлежавших помещикам, в сие общество вступающим»²⁸⁸ существовало. И.В. Васильчиков был членом этого общества, однако нет никаких достоверных данных для того, чтобы связать события 1816 и 1820 гг.

Разработку правительственного проекта по освобождению крестьян монарх доверил графу А.А. Аракчееву, как одному из наиболее доверенных лиц монарха. Он, как верный слуга императора, добросовестно выполнил возложенную на него задачу. Проект Аракчеева, составленный в 1818 г., не отличался принципиально от предшествующих документов по крестьянскому вопросу. Согласно данному документу, крестьяне должны были получить свободу в результате кредитной операции. Любой помещик, абсолютно добровольно, мог обратиться к правительству с требованием выкупить у него крестьян с наделом по две десятины на ревизскую душу (то есть на мужчину). Для этого выкупа необходимо было провести оценку поместья. Этим должна была заниматься специальная комиссия, состоящая из уездного предводителя дворянства, трех помещиков из этого уезда и двух уполномоченных от правительства. Оценке подлежала земля в имении, если крестьяне находились на барщине либо оброке. После установления суммы, которую должны были заплатить крестьяне за свою личную свободу и за две выделяемые им десятины земли, государство уплачивало за крестьян эту сумму помещикам, а они потом должны были расплачиваться с государством. Для этих целей Аракчеев предлагал выделять ежегодно 5 миллионов рублей. В том случае, если у правительства не окажется требуемой суммы, что было вероятнее всего, то следует расплачиваться с помещиками выпущенными специально для этих целей особыми билетами государственного казначейства, которые бы приносили помещикам прибыль в 5 % годовых.

Таким образом, мы видим, что Аракчеев куда более осторожен, чем его предшественники. Во-первых, он предлагал не готовить никаких мер правительственными указами, а лишь разработать программу добровольного соглашения помещиков и крестьян, причем только по инициативе первых. Во-вторых, он прекрасно понимал, что выделенной земли крестьянам явно будет мало, помещики же полностью сохранят и даже приумножат «барскую распашку», поэтому многие крестьяне вынуждены будут арендовать помещичьи земли либо продавать свои наделы и наниматься батраками. Конечно, это учитывало начинающуюся имущественную дифференциацию в

деревне, однако Аракчеев предложил данную меру как наиболее выгодную для дворян, так как, «уплатив полученными деньгами свои долги, не перестанут быть помещиками: в их владении останется более половины земель и угодий, которые крестьянам придется арендовать»²⁸⁹.

Конечно, проект А.А. Аракчеева нельзя назвать полным и законченным. Аракчеев не был реформатором. Весьма вероятно, что его проект – это изложение позиции Александра I по крестьянскому вопросу в 20-е г. XIX в. По мнению монарха и его чиновника, отмена крепостного права должна быть длительным процессом, исключаящим любое насильственное воздействие на помещиков, которые сами поймут экономическую невыгодность крепостного права.

Кроме Аракчеева, в том же 1818 г. проект освобождения крестьян было поручено составить Е.Ф. Канкрину, позднее последнему министру финансов Александра I. Занимаемые им высокие должности были сопряжены с многочисленными поездками по стране, что дало ему возможность реально увидеть положение крестьянства в различных регионах. Канкрин нашел это положение совершенно ужасным и с морально-этической, и с экономической точек зрения. Канкрин писал, что «естественное последствие крепостного состояния, по самому свойству своему ничем не ограниченного, роскошь и разные другие причины, в особенности же не по силам предпринимаемые помещиками винокуренные операции, необдуманное устройство разного рода фабрик, тягот подворной повинности, привели, наконец, нашего крестьянина в ужасное положение». Однако проводить какие-либо преобразование в этой области необходимо крайне осторожно. При этом, по мнению Канкринина, нельзя опираться на западный опыт. Для доказательства этой мысли автор записки провел обзор процессов освобождения крестьян в странах Европы. Как известно, там это произошло единовременно и без наделения крестьян землей, что не столько улучшило, сколько ухудшило положение некоторых категорий крестьян. Подробного разъяснения этого факта потребовало то обстоятельство, что многие офицеры и одновременно русские помещики, вернувшиеся из заграничного похода, взялись за составление проектов освобождения крестьян по западноевропейскому образцу: сразу и без земли. По мнению Канкринина, это «несправедливо, неосторожно и даже невозможно», так как внезапный переход крестьян из одного состояния в другое «расстроил бы крестьянскую производительность», что негативно отразилось бы на государственной политике. Не следует брать за образец и реформу в Остзейском крае, подчеркивал Канкрин, так как русские и остзейские традиции весьма сильно отличаются друг от друга.

Е.Ф. Канкрин еще в начале своей записки подчеркнул, что освобождение крестьян от крепостной зависимости не должно стать самоцелью, так как неизвестно, какие могут быть последствия этого. Необходимо проводить постепенные преобразования в русле облегчения положения помещичьих крестьян, «подрывать и разрушать мало-помалу крепостное право, так как здесь речь идет не о том, чтобы определить меру зла, но чтоб вырвать его с корнем». Иными словами, подготовку и проведение реформы необходимо строить не на базе морально-этического отношения к крепостному праву, а исключительно на социально-экономической основе. Руководствуясь этими идеями, Канкрин и составил собственный проект ликвидации крепостничества, рассчитанный на несколько десятилетий. Данную реформу он предлагал разложить на три этапа. Первый этап начинался в следующем за написанием проекта 1819 г. и заканчивался в 1825 г. Первоначально было необходимо императору учредить специ-

альный секретный комитет по разрешению крестьянского вопроса. После чего через этот комитет назначить «тайных попечителей» над крестьянами во всех губерниях. Данный институт создавался с целью организации контроля со стороны правительства за помещиками, чтобы воспрепятствовать нарушению прав крестьян. Тайну же необходимо было соблюдать с той целью, чтобы не вызвать волны возмущения со стороны дворянства, и в то же время не дать повода крестьянам думать о скором освобождении. После этого в 1820 г. предлагалось предпринять следующие шаги: объявить через Сенат и широко распространить сведения, что в России нет закона, запрещающего крестьянам приобретать собственность. Дом и все движимое имущество уже принадлежат крестьянам, поэтому их владельцам и «землепашцам» ничего не мешает приобрести в собственность еще и землю, которую они обрабатывают. Конечно, такого права в Российской империи не было, и Канкрин фактически предлагает принять соответствующий закон. Итак, после оглашения вышеназванного положения крестьяне, по мнению автора проекта, начнут скупать земли, и через два года общинное землепользование превратится в подворное. После этого необходимо запретить переделы земли, так как земля стала бы собственностью конкретной крестьянской семьи. После этих изменений подушный налог следовало заменить подворным²⁹⁰.

Следующий этап должен начаться в 1825 г. и продлиться 25 лет, то есть до 1850 г. Главная задача в этот период – четко обозначить и определить повинности крестьян относительно помещиков. Контроль над исполнением этих мер возложить на «тайных попечителей», которые с этого времени смогут действовать открыто. Необходимо принять серию законов по крестьянскому вопросу: закрепить за крестьянами право наследования их дворов, урегулировать положение дворовых, определить размер выкупа крепостных на волю и некоторые другие. Третий этап начинался, соответственно, в 1850 г. и заканчивался в 1880 г. Начало этого периода знаменуется объявлением, что земельные наделы крестьян являются их собственностью «при условии оплаты соразмерной повинности». Всем крестьянам вновь возвращается «древнее право перехода» от одного помещика к другому. Крепостные выводятся из под юрисдикции помещиков – впредь судить их должны только правительственные чиновники²⁹¹.

Таким образом, несмотря на то, что Канкрин критикует западную модель освобождения крестьян, представленный им проект показывает, как мало он понимает общинные традиции русского крестьянства. Вероятно, Александр I отверг этот проект, так как мы не встречаем указаний на его использование или хотя бы доработку. Использована, пожалуй, только главная идея проекта: освобождение крестьян должно быть длительным и экономически обусловленным процессом. Канкрин в своей записке ясно объяснил и показал, что отмена крепостного права повлечет за собой изменения во всех, абсолютно во всех, сферах жизни государства. Поэтому такая реформа должна сопровождаться преобразованиями по иным направлениям государственной политики, и, следовательно, менее чем за пятьдесят лет освободить крестьян не представляется возможным. Кроме того, Канкрин заявил, что подготовка такой реформы должна проводиться в тайне, дабы не волновать излишне общество. Мы не знаем, как оценил данную записку Александр I, но очевидно, что его преемник, Николай I, воспользовался советами министра финансов своего предшественника²⁹².

В 1820 г. крестьянский вопрос вновь поднимался на заседаниях Государственного совета. Причем снова, как в самом начале царствования Александра I, обсужда-

лась проблема запрета на продажу крепостных крестьян без земли. Поводом послужило то обстоятельство, что до правительства дошли сведения о вопиющих, но, в общем-то, достаточно обыденных для крепостной России фактах. По сведениям, дошедшим до министра внутренних дел В.П. Кочубея, а через него и до Александра I, коллежский асессор Лупандин продал из своей вотчины 20 женщин; штабс-капитан Раздеришин покупал девушек и составил из них у себя гарем; статская советница Полонская продала своего дворового с женой и малолетней дочерью, оставив у себя старшую дочь и тому подобное. 28 сентября 1820 г. на заседании Государственного совета было оглашено требование монарха представить ему экстракт о том, какие были приняты законы и указы о запрете продавать людей без земли. Этот документ было поручено подготовить статс-секретарю департамента законов Государственного совета Н.И. Тургеневу. Само это поручение говорило о настроениях императора. В то время департамент законов был очень пестрым по составу. Председательствовал в нем В.С. Ланской. Он происходил из польского рода, правда, давно находящегося на русской службе. О его взглядах сведений до нас не дошло. Членами были И.Б. Пестель, человек достаточно прогрессивных взглядов, отец известного декабриста²⁹³; А.И. Тургенев и его брат²⁹⁴, известные своими либеральными убеждениями; ярый консерватор А.С. Шишков, в будущем, с 1824 г., министр народного просвещения и другие.

Составление названного документа было поручено Н.И. Тургеневу. Он начал с указания, что «по нашим законам никогда не дозволялось продавать крестьян, приписанных к вотчинам, поодиночке и без земли; ... это вошло в обычай от неправильного понимания или превратного толкования закона, которым позволялось продавать таким образом старинных полных или докладных холопей»²⁹⁵. Однако нет и правила, запрещающего продавать поодиночке крестьян. Еще Петр I хотел издать подобный закон. Указом от 1721 г. он велел своему статс-секретарю создать специальную комиссию и подготовить проект подобного закона. К сожалению, это благородное дело не было доведено до конца. В заключение своей записки Н.И. Тургенев писал, что если законодательство XIX в. не может продвигаться далее законодательства XVIII столетия, то оно, по крайней мере, «не должно отставать от него». Вывод, который делает автор, однозначен: единого закона нет, и его необходимо принять. Неудивительно, что консерватор А.С. Шишков отнесся к этому проекту критически, составив «особое» мнение. Он задался вопросом: «почему продажа нескольких человек вместе предпочтительнее одного человека, и по каким причинам первая свойственна духу нынешнего времени, а вторая несвойственна и равняется продаже бессловесных животных?». Кроме того, зачастую продажа «в розницу», указал он, бывает полезна и для самих крестьян, «если малоземельный помещик продаст их такому, которому не хватает рук для обработки земли». Полезна продажа одного и без земли для отбывания рекрутской повинности, так как дает возможность «заменить отца семейства купленным одиноким человеком». Не видит Шишков ничего страшного и в разлучении членов семьи при продаже. Разлука родственников составляет необходимое зло в жизни, размышлял он, когда, например, дочь выходит замуж и оставляет отца.

Менее чем через месяц, 20 октября, состоялось заседание Государственного совета, на котором была оглашена записка А.И. Тургенева и «особое» мнение А.С. Шишкова. Сам проект был одобрен большинством членов Совета, мнение Шишкова, напротив, вызвало недоумение и насмешку. Тем не менее, решение об окончательном принятии закона, разрешающего продавать крепостных только целы-

ми селениями, было отложено до следующего заседания. Хотя объяснялось это необходимостью доработки самого проекта, собственно говоря, не совсем ясно, что требовалось от этого документа: подготовить проект нового закона или доказать на основании существующих прошлых постановлений, что это уже запрещено и такой закон уже есть? Разгорелся горячий спор «за» и «против» этой меры. Тогда слово взял министр внутренних дел В.П. Кочубей и вынес, казалось бы, компромиссное решение. С одной стороны, он высказался за принятие закона о запрещении продавать крестьян без земли: «либеральные идеи, принятые по всей Европе, показывают, что прежний образ мыслей во многом изменился, что в XIX в. нельзя держаться правил старого времени». Но в тоже время он предложил не торопиться с принятием окончательного решения, так как он считает необходимым рассмотреть этот проект еще раз в министерстве. Вероятнее всего, Кочубей хотел получить окончательное согласие императора Александра I. Это подтверждает позиция Кочубея, высказанная в письме к М.М. Сперанскому, написанном в апреле 1819 г.: «Я составил давно записку по сему предмету [то есть по вопросу издания указа о строгом запрещении продавать крестьян поодиночке и без земли – Н. К.], которую должен представить государю, и ожидаю только чтобы он назначил мне для сего час, который уличить чрезвычайно трудно»²⁹⁶. Однако император молчал, и указ снова не был принят. Вероятно, император не решился издавать такой указ, а члены Совета не решились настаивать, что такой закон уже существовал.

Подавляющее большинство проектов освобождения крестьян осталось на бумаге, и почти все правительственные мероприятия, затрагивающие положение крепостных крестьян собственно в России, оказались неудачны. Фактически, правительство Александра I не смогло провести ни одного указа, каким-либо образом ограничивающего права помещиков. Напомним, что единственный до конца доведенный указ «О вольных хлебопашцах» носил исключительно рекомендательный характер. О причинах такого положения существует несколько мнений. В историографии наиболее распространенной точкой зрения было утверждение, что Александр во второй половине своего царствования «обратился к реакции», разочаровавшись в реформах. Другие писали, что Александр I и не собирался проводить серьезных реформ, а лишь «заигрывал с либерализмом», для того чтобы «достойно выглядеть» перед Западом и удовлетворить свои собственные амбиции. Наконец, некоторые современные авторы утверждали, что крестьянская реформа не удалась, так как готовилась втайне, кулуарно, и образованное общество не принимало участия в разработке и обсуждении преобразования в этой сфере. Однако, как мы видим, факты противоречат этим теориям. По нашему мнению, крестьянская реформа не удалась по следующим причинам. Во-первых, проведение кардинальных изменений в положении крестьян возможно было только в рамках масштабной реформы всего государственного строя (как это было спустя пятьдесят лет). Причем об этом говорили сами же авторы проектов реформ, но они не слушали своего же совета. Во-вторых, необходимость крестьянской реформы не была оправдана экономически: у крепостного хозяйства были еще достаточно мощные ресурсы для развития. Хотя в перспективе крепостничество и отсутствие рынка труда отразились на российской экономике и обусловили ее отставание, но тогда это невозможно было спрогнозировать. Поэтому аргументы отдельных авторов, что крепостничество экономически не выгодно, не могли найти поддержки среди помещиков. В-третьих, реформы в России всегда носили «персональный» характер: их проводил конкретный реформатор, с помощью ближайшего к нему окру-

жения. Александр I в силу многих причин не смог им стать, но и не позволял никому реально возглавить проведение реформ. Наконец, проведение крестьянской реформы встретило очень сильное противодействие как со стороны образованных консерваторов, вполне разумно и логично аргументирующих слабые стороны планируемых преобразований, так и «господ простаковых», боявшихся потерять власть над «крещеной собственностью».

Там не менее, все мероприятия, касающиеся положения крепостных крестьян, проводимые при императоре Александре I, не прошли бесследно. В первой четверти XIX в. был четко поставлен вопрос о необходимости отмены крепостного права как крайне негативного, хотя и неизбежного явления российской действительности. Было создано немало проектов по отмене крепостного права, которыми в дальнейшем воспользовались реформаторы середины века. От крепостной зависимости было освобождено, правда, с оговорками, остзейское крестьянство. Указом «О вольных хлебопашцах» было законодательно закреплено правило выхода крестьян из крепостной зависимости по взаимной договоренности с помещиком, и был определен статус выкупившихся крестьян. Фактически с самого начала правления Александра I крестьянский вопрос не снимался с повестки дня. Можно сказать, что реформа 1861 г. была подготовлена, в том числе, и благодаря тем проектам и преобразованиям, которые проводились в первой четверти XIX в.

Вопросы проведения экономических и социальных реформ, в отличие от политических, диктовались, как правило, текущими потребностями государственного управления. С конца XVIII и тем более в начале XIX в., в правительственных кругах формируется представление, что финансово-экономическая сфера требует специального, самостоятельно регулирования. Необходимо разрабатывать собственно экономическую политику, планировать расходование средств государственного бюджета. Причем все авторы проектов реформирования в сфере экономики указывали, что эту политику следует проводить в общегосударственных, а не сословных интересах. Регулирование таможенных тарифов – для стимулирования отечественной промышленности; создание банковской системы – для поощрения торговли, прежде всего, купеческой. Однако на практике все обстояло иначе. Кредиты выдавались, главным образом, дворянам, которые за редким исключением их просто проматывали, а не вкладывали в развитие производства. Таможенная политика также в большей степени учитывала интересы производителей сельскохозяйственной продукции. Более того, при разработке таможенной политики реформаторы зачастую ориентировались на западные экономические теории, абсолютно не применимые в России. Общественные деятели обращали на это свое внимание в проектах, предлагаемых власти, но их голос остался неуслышанным. Власти проводили политику поддержки дворянского сословия зачастую в ущерб потребностям экономики.

Еще более сложным оказалось планирование и проведение преобразований в социальной сфере. Являясь в не просто привилегированным сословием, а вершителем судеб монархов в XVIII в., дворянство шаг за шагом отвоевывало права и привилегии. Причем в первую очередь за счет других сословий, особенно крепостных крестьян. Надежда просвещенных государственных и общественных деятелей на то, что получив базовые, незыблемые права человека, дворяне начнут гуманнее обращаться с крепостными, оказалась напрасной. Более того, даже в начале XIX в. стремление монарха хоть как-то ограничить право распоряжаться своей «крещеной собственностью» воспринималось дворянством как проявление крайних форм деспотизма. По-

этому, на наш взгляд, трудно назвать малодушным Александра I, который не решился противостоять в этом вопросе своей единственной социальной опоре – российскому дворянству.

Желание удовлетворить неотложные государственные нужды и одновременно интересы дворянства и привели к тому, что финансово-экономическая и социальная политика правительства на протяжении почти ста лет, с середины XVIII до конца первой четверти XIX в. носила хаотичный характер, отсутствовала единая линия реформаторства. За одним исключением – расширение привилегий дворянства. Итог плачевен. Экономическое отставание от ведущих европейских держав привели отчасти к позорному поражению в Крымской войне. Отсутствие политической воли у правящей элиты в урегулировании социальных проблем – отказ общественных деятелей, «думающего» дворянства от диалога с властью и формирование политической оппозиции в виде создания тайных обществ и заговорщических организаций.

Примечания

¹ Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. М., 2004.

² Штивер или Стивер – монетная единица в Голландии = $\frac{1}{20}$ гульдена.

³ РГАДА. Ф. 19. Д. 148. Л. 81.

⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XII. № 8948, 9185, 9297.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 3594. 83 об.

⁶ РГАДА. Ф. 19. Д. 148. Л. 74-81об.

⁷ Там же. Л. 80.

⁸ Там же. Л. 81-81 об.

⁹ Юсупов Б.Г. Представление // Сборник Московского главного архива МИД. 1883. Вып. 3-4. Приложение 13. С. XXI-XXVI.

¹⁰ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-1об.

¹¹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 27. Л. 2об.

¹² РГАДА. Ф. 248. Д. 3671. Л. 710-710 об.

¹³ РГАДА. Ф. 19. Д. 182. Ч. 1. Л. 422об-423.

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 2569. Л. 221-225об.

¹⁵ В 1747 г. была проведена незначительная реформа армии, которая, естественно, требовала денег. См.: Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. С.87-89.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 2744. Л. 192об.-193, 195-195об.

¹⁷ Там же. Л. 195.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 2821. Л. 636-637об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 2826. Л. 407-408.

²⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XIII. № 10164.

²¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XIV. № 10169, 10179, 10236, 10486.

²² РГАДА. Ф. 248. Д. 2905. Л. 97-140об. Данный документ опубликован: Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» / Сообщ. С.О. Шмидт. // Исторический архив. 1962. № 6. С.100-118.

²³ Проект П.И. Шувалова // Исторический архив. 1962. № 6. С. 101-102.

²⁴ Там же. С. 104-105.

²⁵ Проект П.И. Шувалова // Исторический архив. 1962. № 6. С. 108-109.

²⁶ Там же. С. 109.

²⁷ Данные взяты: Юхт А.И. Денежная система России (20-е – начало 60-х гг. XVIII в.) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 81-82.

²⁸ ПСЗ-1. СПб., Т. IV. № 10370.

²⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 126. Л. 71-76.

³⁰ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы Петровны и имп. Петра III. СПб., 1896. Т. 1. С. 232-235, 237-244.

³¹ Воронцов М.И. «Рассуждение» // Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 629. Л. 378-406 об. Авторство М.И. Воронцова было установлено С.М. Троицким на основании протокола Сената, на котором обсуждался данный документ: РГАДА. Ф. 248. Д. 3594. Л. 51-51об.

³² Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 629. Л. 390-390об.

³³ Там же. Л. 398-405.

³⁴ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы Петровны и имп. Петра III. СПб., 1896. Т. 1. С. 249-255.

- ³⁵ Шаховский Я.П. Воспоминания // Империя после Петра. История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX. Я.П. Шаховской, В.А. Нащокин. И.И. Неплюев. / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М., 1998. С. 128-129.
- ³⁶ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований имп. Елизаветы Петровны и имп. Петра III. СПб., 1896. Т. 1. С. 256-257.
- ³⁷ ПСЗ-1. СПб., 1830 Т. XIV. № 11407.
- ³⁸ Сукин Ф.И. Рассуждение о российской коммерции // Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 229.
- ³⁹ Там же. С. 231.
- ⁴⁰ Там же. С. 236-238.
- ⁴¹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1067. Л. 9 об.
- ⁴² Там же. Л. 11, 11 об.
- ⁴³ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1067. Л. 55-57.
- ⁴⁴ Там же. Л. 52об-53.
- ⁴⁵ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.-Л., 1950-1983. Т. 6. С. 383.
- ⁴⁶ Там же. Т. 8 С. 679.
- ⁴⁷ Там же. Т. 6. С. 384.
- ⁴⁸ Там же. С. 385, 387.
- ⁴⁹ Там же. С. 394, 396.
- ⁵⁰ Там же. С. 401-402.
- ⁵¹ Там же. С. 387.
- ⁵² Там же. С. 603.
- ⁵³ Финансовые документы царствования Императрицы Екатерины II. // Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 28. С. 170-171.
- ⁵⁴ См.: Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 61-62.
- ⁵⁵ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствований императрицы Екатерины II. СПб., 1904. Т. 1. С. 18-21.
- ⁵⁶ Неплюев Н.Н. «Мнение о государственных доходах» // РГАДА. Ф. 397. Д. 25. Л. 33.
- ⁵⁷ Там же. Л. 34об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 37-37об.
- ⁵⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XVI. №. 11597.
- ⁶⁰ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Д. 561. Л. 479-503.
- ⁶¹ Автором записки, по всей вероятности, был высокопоставленный чиновник, знакомый с мнением М.С. Козьмина.
- ⁶² Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 36. Д. 561. Л. 316-316 об.
- ⁶³ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XVI. № 12105.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 19. Д. 7. Ч. V. Л. 23.
- ⁶⁵ Там же. Л. 28.
- ⁶⁶ Прощение тульских купцов о торговле в Средиземном море // Русская старина. 1871. № 10. С. 541-545.
- ⁶⁷ Записка опубликована: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. Приложение. 18. С. LXVIII.
- ⁶⁸ Блюх И.С. Финансы в России в XIX столетии. История – статистика. СПб., 1882. Т.1. С. 33.
- ⁶⁹ Наказ дворян Клинского уезда // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 264-265.
- ⁷⁰ Наказ дворян Крапивненского уезда // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 8. 1871. С. 561.
- ⁷¹ Наказ дворян Елецкого уезда // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 68. С. 479.
- ⁷² Наказы дворян Михайловского и Серпуховского уездов // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 251,274-275; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 8. С. 483.
- ⁷³ Наказы дворян Крапивненского и Серпейского уездов // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 8. С. 516, 519, 588; Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 14. С. 359.
- ⁷⁴ Наказы дворян Ярославского и Кадыевского уездов // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. 4. С. 303,251; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 8. С. 559-560.
- ⁷⁵ Наказы дворян Валуйского и Путивльского уездов // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 68. С. 576-578; 596-597.
- ⁷⁶ Наказ г. Опочки // Сб. РИО. СПб., 1900. Т. 107. С. 263.
- ⁷⁷ Наказ г. Рославля // Сб. РИО СПб., 1911. Т. 134. С. 79-80,98-99.
- ⁷⁸ Наказы казенных крестьян Двинского, Кольского, Устюжского, Хлынского, Кайгородского уездов // Сб. РИО. СПб., 1903. Т. 115. С. 225,231, 232, 236; Сб. РИО. СПб., 1907. Т. 123. С. 30,32,36,41,77, 174, 249-250.
- ⁷⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XVI. № 11550.
- ⁸⁰ Цит. по: Куломзин А.Н. Ассигнации в царствование Екатерины II // Русский вестник. 1869. № 5. С. 218-219.
- ⁸¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XVIII. № 13219, 13220.
- ⁸² Там же. 13277, 13314.
- ⁸³ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XIX. № 13833.
- ⁸⁴ РГАДА, Ф. 248, Д. 4075. Л. 633 об. - 634.
- ⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 3836. Л. 665.
- ⁸⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XIX. № 14096.
- ⁸⁷ Куломзин А.Н. Ассигнации в царствование Екатерины II // Русский вестник. 1869. № 5. С. 227-228.
- ⁸⁸ Доклад // Архив государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. Ч. 2. С. 536-562.
- ⁸⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXII. № 16407.
- ⁹⁰ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 334.
- ⁹¹ Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 264.
- ⁹² Боровой С.Я. Кредит и банки в России: Середина XVII в. – 1861 г. М., 1958. С. 112.

- ⁹³ Державин Г.Р. Записки: 1743-1812 гг. М., 2000. С. 178.
- ⁹⁴ Данные взяты: Блюх И.С. Финансы в России в XIX столетии. История – статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 36.
- ⁹⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XX. № 15120.
- ⁹⁶ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императрицы Екатерины II. Т.1: Документы из истории монетного дела царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1904. С. 298.
- ⁹⁷ Там же. С. 299.
- ⁹⁸ Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императрицы Екатерины II. Т.1: Документы из истории монетного дела царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1904. С. 303, 306.
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ¹⁰⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17455.
- ¹⁰¹ Новиков Н.И. О торговле вообще //Н.И. Новиков Избранные сочинения. М.-Л., 1951. С. 508.
- ¹⁰² Там же. С. 513.
- ¹⁰³ Там же. С. 535.
- ¹⁰⁴ Фонвизин Д.И. Торгующее дворянство ... // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2-х тт. М.-Л. 1959. Т. 2. С.184
- ¹⁰⁵ Третьякова И.А. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения как у древних, так и у нынешних народах // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 1. С. 353-360.
- ¹⁰⁶ См. об этом: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в ее прошлом и настоящем. СПб., 1909. Введение.
- ¹⁰⁷ Storch A. Historisch-Statistisches gemäide des russisches Reichs am Ende des achtzeten Jarhunderts. Leipzig. 1799. Т. 7. С. 268.
- ¹⁰⁸ Цит. по: Тарле Е. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? // Современный мир. 1910. № 5. С. 10.
- ¹⁰⁹ Сегюр Л.Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия глазами иностранцев. Л., 1989. С. 369-372.
- ¹¹⁰ Storch A. Historisch-Statistisches gemäide des russisches Reichs am Ende des achtzeten Jarhunderts. Leipzig. 1799. Т. 3. С. 46.
- ¹¹¹ Levesque Pierre-Charles. Historie de Russe. P., 1792. Т. 4. S. 539.
- ¹¹² ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17567.
- ¹¹³ Там же. № 17807.
- ¹¹⁴ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17865.
- ¹¹⁵ Там же. № 17897.
- ¹¹⁶ Там же. № 17737.
- ¹¹⁷ Там же. № 18515, 18554, 18704.
- ¹¹⁸ Там же. № 19660, 19667.
- ¹¹⁹ Там же. № 19747, 19775.
- ¹²⁰ Блюх И.С. Финансы в России в XIX столетии. История – статистика. СПб., 1882. Т. 1. С. 59.
- ¹²¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXIV. № 19785, 19834.
- ¹²² ПСЗ-1. Т. № 20406. (Манифест об учреждении министерств).
- ¹²³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 372. Л. 1.
- ¹²⁴ Там же. Л. 6.
- ¹²⁵ Там же. Л. 8об-9.
- ¹²⁶ Так как министерство Коммерции было прямым «наследником» коммерц-коллегии, В.П. Кочубей в анализе его деятельности использует это старое название.
- ¹²⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 372. Л. 10-10об.
- ¹²⁸ Первые коммерческие суды были созданы: 1808 г. в Одессе, 1818 г. в Таганроге, 1819 г. в Феодосии. А указ «Об учреждении коммерческих судов» повсеместно был издан при Николае I 14 мая 1832 г.
- ¹²⁹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 19. Л. 111-111об.
- ¹³⁰ Отчет министра внутренних дел за 1803 год. СПб., 1805. С. 11.
- ¹³¹ РГИА. Ф. 1260. «Комиссия составления законов» Оп. 1. Д. 562. (Отчет министра коммерции за 1803 г.)
- ¹³² Там же. Д. 610. Лл. 143-163. (Документы Комиссии по составлению нового тарифа)
- ¹³³ РГИА. Ф. 1162. Государственная канцелярия. Отчеты министров. Оп. 9. Д. 23. Л. 18; Ф. 1147. «Непременного совета». Оп. 1. Д. 319. Л. 1.
- ¹³⁴ Русский рубль. Два века истории. XIX-XX вв. / Авт. коллектив Ю.П. Бокарев, А.Н. Боханов, Л.А. Катыхова, Ю.А. Петров, В.Л. Степанов. М., 1994. С. 14.
- ¹³⁵ Брежский Н.К. Государственные долги России. СПб., 1884. Таблицы. С. 8. Табл. V.
- ¹³⁶ РГАДА. Ф. 19. Д. 18. Л. 2, 2об-3.
- ¹³⁷ Там же. Л. 4-4об.
- ¹³⁸ Архив графов Мордвиновых. М., 1902. Т. V. С. 74.
- ¹³⁹ Там же. С. 73, 119.
- ¹⁴⁰ Архив графов Мордвиновых. М., 1902. Т. IV. С. 203.
- ¹⁴¹ Архив графов Мордвиновых. М., 1903. Т. IX. С. 32.
- ¹⁴² Мордвинов Н.С. Проект Трудопоощрительного банка // Мордвинов Н.С. Избранные сочинения. М., 1945. С. 48, 52.
- ¹⁴³ Там же. С. 53, 53.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 54, 56.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 59.

- ¹⁴⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 8.
- ¹⁴⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1в и 1г. Л. 2.
- ¹⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 731 Сперанского. Д. 268. Л. 1.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 165. Л. 1.
- ¹⁵⁰ Там же. 286. Л. 1об.
- ¹⁵¹ РГИА. Ф. 1152. Дела Департамента экономии Государственного совета. Оп. 1. Д. 1. Опубликовано: Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45.
- ¹⁵² Сперанский М.М. План финансов. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 1.
- ¹⁵³ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24244.
- ¹⁵⁴ Там же. № 24264.
- ¹⁵⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1в. Л. 77.
- ¹⁵⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24116.
- ¹⁵⁷ РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1019. Л. 4.
- ¹⁵⁸ Данные взяты у Корнилова А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 103.
- ¹⁵⁹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 66.
- ¹⁶⁰ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24501.
- ¹⁶¹ См.: Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1882. Вып. 6. С. 206-220.
- ¹⁶² ПСЗ-1. Т. XXXV. № 27526.
- ¹⁶³ Там же, Т. XXXV. Т. 27600.
- ¹⁶⁴ Storch A. Cours d'Economie Politique. S.-t. Pétersbourg, 1815.
- ¹⁶⁵ Архив графов Мордвиновых. М., 1902. Т. V. С. 111.
- ¹⁶⁶ Мордвин Н.С. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе // Мордвин Н.С. Избранные сочинения. М., 1945. С. 76.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 77-78.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 79, 80.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 84.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 91.
- ¹⁷¹ Здесь, вероятно: комиссионные, взимаемые за обмен бумажных денег на золото или за обмен «слабой» валюты на «сильную».
- ¹⁷² Мордвин Н.С. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе // Мордвин Н.С. Избранные сочинения. М., 1945. С. 95.
- ¹⁷³ Мордвин Н.С. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе. СПб., 1815.
- ¹⁷⁴ Мнение и записка адмирала Н.С. Мордвина «О причинах расстройства и мерах поправления государственных финансов» // РГАДА. Ф. 1167. Д. 44. Л. 1об.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 6-6об.
- ¹⁷⁶ ГАРФ. Ф. 1165. Д. 486. Л. 13.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 7, 8.
- ¹⁷⁸ Там же. Л. 8об-9об.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 10-11.
- ¹⁸⁰ Там же. Л. 11,12.
- ¹⁸¹ Проект Карлевича обнаружен нами в делах полицейского управления, где было указано, что за обращение не по чину и в обход начальства надворный советник М. Карлевич подлежит аресту в 8 суток (с 13 по 25 августа 1814 г.).
- ¹⁸² ГАРФ. Ф. 1165. Д. 486. Л. 6.
- ¹⁸³ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Дневники и письма Н.И. Тургенева. Пг., 1921. Т. 3. С. 117.
- ¹⁸⁴ Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. СПб., 1818. (переиздание: М., 1937 и Сперанский М.М., Тургенев Н.И., Орлов М.Ф. У истоков финансового права / Под ред. проф. А.Н. Козырина. М., 1998. С. 121-274).
- ¹⁸⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. V. № 2789.
- ¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 364. Л. 7об.
- ¹⁸⁷ Воронцов А.Р. Записки // Русский архив. 1883. Кн. II. С. 234.
- ¹⁸⁸ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 10283.
- ¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 61. Ч. I. Л. 3-395.
- ¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 62. Ч. I. Л. 1-193.
- ¹⁹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. I. Л. 3-152об. В литературе эту часть часто называют «третьей», так как составители приступили к ее написанию после первой и четвертой, но мы во избежание путаницы будем придерживаться нумерации первоначального плана.
- ¹⁹² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. II. Л. 1-3.
- ¹⁹³ ПСЗ-1. СПб., 1830. № 11335.
- ¹⁹⁴ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 45; также писарской копией считал третью редакцию и Н.Л. Рубинштейн. См. его статью: Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 208-251.
- ¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. I. Л. 3-152
- ¹⁹⁶ Манифест от 21/II 1762 г. // ПСЗ-1. № 11445.
- ¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. I. Лл. 459, 481.

- ¹⁹⁸ Проект нового уложения, составленный Законодательной комиссией 1754-1766 гг. (Часть III). Под ред. В.Н. Латкина. СПб., 1893.
- ¹⁹⁹ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 51-54.
- ²⁰⁰ Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 232-233.
- ²⁰¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. I. Л. 459-468.
- ²⁰² ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XII. № 16187.
- ²⁰³ Свод Законов. СПб., 1833. Т. IX. № 543.
- ²⁰⁴ См. об этом подробно: Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т.1.
- ²⁰⁵ Лифляндские крестьяне не имели права не только на недвижимое, но и даже на движимое имущество. Помещик мог переселить крестьянина с одного участка на другой или вовсе превратить его в батрака, произведенный на своем участке хлеб крестьяне по общему правилу должны были продавать своему же помещику, у него же они вынуждены были покупать табак, соль и другие товары, которые не производили сами. В Прибалтике не практиковался перевод крестьян на оброк. Как и в великорусских землях, помещики имели полную власть над личностью крестьянина (кроме права лишать его жизни), могли распоряжаться судьбой, продавать по одиночке и т.п.
- ²⁰⁶ Там же, Т. XXVI. № 19443, Т. XXVIII. № 21484, Т. XXXI. № 24680.
- ²⁰⁷ ПСЗ-1. Т. XXVIII № 21906, ПСЗ-2. № 886, 4461, 4577, 4908. После 1834 года рекрутский участок стало составлять каждое селение, численностью не менее 200 ревизионных душ.
- ²⁰⁸ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 17865.
- ²⁰⁹ Саблуков Н.А. Записки // Царевубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1907. С. 30.
- ²¹⁰ Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 447-498.
- ²¹¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXI. № 22030, 23054.
- ²¹² РГИА. Ф. 1167. Оп.1. Д. 35. К сожалению, документ, о котором идет речь, не был закончен. Он был обнаружен в кабинете императора Александра I после его смерти. Он не имеет ни даты составления, ни подписей авторов. Он был написан на французском языке и, судя по различным почеркам, в его составлении участвовало несколько человек. Однако то, что данный документ относится к указанному вопросу, сомнений нет. Из текста документа, очевидно, что высшей инстанцией, призванной разрешать споры между помещиками и крестьянами, было министерство финансов. Дело в том, что именно в начале 1810 г. государственные крестьяне были переведены из ведения министерства внутренних дел в министерство финансов. Позднее же составлялся подобный документ, а к вопросу о продаже государственных земель более возвращались, не было смысла.
- ²¹³ РГИА. Ф. 1167. Оп.1. Д. 35. Л. 1-17.
- ²¹⁴ Архив Государственного совета. СПб., 1881. Ч. 4. С. 1522, 1526-1528, 1551-1553, 1562; Блюх И.С. Финансы в России в XIX столетии. Т. 1. С. 98-101; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.-Л. 1946. Т.1. С. 147-154.
- ²¹⁵ Цит. по: Рындзюнский П.Г. Городское гражданство пореформенной России. М., 1958. С. 76.
- ²¹⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXII. № 25302.
- ²¹⁷ РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 1828 года. Оп. 1. Д. 14-19.
- ²¹⁸ РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 1828 года. Оп. 1. Д. 14. § 5.
- ²¹⁹ РГИА. Ф. 1167. Дела комитета 1828 года. Оп. 1. Д. 17. § 60.
- ²²⁰ Свою книгу кн. Д.А. Голицын написал на французском языке: *De L'esprit des économistes on économistens justifiés d'avoir posé pas leurs principes les basis de la Révolution Francaise. Par le prince D... de G... Brunswick, 1796.*
- ²²¹ *De L'esprit des économistes on économistens justifiés d'avoir posé pas leurs principes les basis de la Révolution Francaise. Par le prince D... de G... Brunswick, 1796. Ch. XXVII.*
- ²²² РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1114. Л. 193.
- ²²³ Первоначально Общество было названо «Патриотическое общество для поощрения в России земледельчества и экономики».
- ²²⁴ *Поленов А.Я. О крепостном состоянии крестьян в России // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 2. С. 11, 13.*
- ²²⁵ Там же. С. 28, 17.
- ²²⁶ Там же. С. 18-19.
- ²²⁷ Там же. С. 22, 23, 24-25.
- ²²⁸ Там же. С. 26.
- ²²⁹ Там же. С. 27-28.
- ²³⁰ Там же. С. 11.
- ²³¹ Екатерина II Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Екатерина II О величии России. М., 2003. С. 115.
- ²³² Там же. С. 110, 114.
- ²³³ Мнение депутата Г. Коробьина о правах крепостных // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. / Под ред. И.Я. Щипанова. М., 1952. Т. II. С. 50-51.
- ²³⁴ Там же. С. 53, 54.
- ²³⁵ Против Г. Коробьина выступили: депутат от углицкого дворянства Александр Опочинин, зарайского дворянства Михаил Кондырев, обоянского дворянства Михаил Глазов, тверского дворянства Василий Неклюдов, гороховецкого дворянства Александр Похвиснев, ярославского дворянства М.М. Щербатов и др.

- ²³⁶ Выступление депутата Г. Коробьина на заседании 21 мая 1768 г. // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. / Под ред. И.Я. Щипанова. М., 1952. Т. II. С. 64-65.
- ²³⁷ Мнение депутата И. Жеребцова // Избранные произведения... С. 70, 69.
- ²³⁸ Мнение депутата И. Чупрова // Избранные произведения... С. 75.
- ²³⁹ Мнение депутата А. Маслова // Избранные произведения... С. 82.
- ²⁴⁰ Козельский Я.П. Мнение о положении крепостных крестьян // Избранные произведения... Т. I. С. 650.
- ²⁴¹ Новиков Н.И. Отрывок путешествия в И...Т...// Русская проза XVIII в. М., 1971. С. 218.
- ²⁴² Новиков Н.И. Отписки крестьянские и помещичий указ по крестьянам // Там же. С.146-147.
- ²⁴³ Это произведение анонимно было опубликовано в журнале Н.И. Новикова. Как правило, анонимные произведения принадлежали редактору. Однако есть точка зрения, что автором этой статьи был А.Н. Радищев.
- ²⁴⁴ Новиков Н.И. Отрывок путешествия в И...Т...// Там же. С. 219.
- ²⁴⁵ Новиков Н.И. Лечебник. // Там же. С. 134-135.
- ²⁴⁶ Фонвизин Д.И. Рассуждение о неперемных государственных законах // Собрание сочинений в 2-х тт. М.-Л. 1959. Т. 2. С. 264.
- ²⁴⁷ Фонвизин Д.И. Недоросль // Русская проза XVIII в. М., 1971. С.277-278.
- ²⁴⁸ Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. Приложение. СПб., 1905. С. 43.
- ²⁴⁹ Цит. по.: Л.Я. Лозинская Во главе двух академий. М.,1979. С.118.
- ²⁵⁰ [Лопухин И.В.] Записки сенатора И. В. Лопухина. М., 1990. С. 195-196.
- ²⁵¹ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Любани // Русская проза XVIII в. М., 1971. С. 406.
- ²⁵² Там же. Зайцево. С. 441.
- ²⁵³ Там же. С. 478.
- ²⁵⁴ Выводные деньги – плата жениха за невесту, если она крепостная другого помещика.
- ²⁵⁵ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. // Русская проза XVIII в. М., 1971. С. 486.
- ²⁵⁶ [Храповицкий А.В.] Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С. 227. 7 июля 1790 г.
- ²⁵⁷ Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Статьи и заметки. 1824-1836 гг. М., 1962.
- ²⁵⁸ Секретные бумаги Александра Павловича // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 700. Л.2.
- ²⁵⁹ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч.1 Ст. 768-772.
- ²⁶⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 7. Л. 60. [Письмо А.Р. Воронцова С.Р. Воронцову от 20 мая 1801 года].
- ²⁶¹ В Архиве Государственного Совета приводится названная записка, правда, без указания автора, все ее содержания явно направлено против предложения императора. Причем, каждое слово ее явно хорошо продумано, и каждый аргумент имеет грамотную систему доказательств. Члены Совета прекрасно понимали, что необходимо именно переубедить императора принимать подобный указ: ведь он мог сделать это и без их совета. А в протокол это не вошло по цензурным соображениям – выступление против воли монарха, не важно, по какому вопросу, в России не приветствовалось.
- ²⁶² Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. С. 766-768.
- ²⁶³ Там же. С. 761-772.
- ²⁶⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп. 16. Ч. 1. Д.103. Л. 17-24.
- ²⁶⁵ [Мордвинов Н.С.] Записка Н.С. Мордвинова о праве приобретения земли // Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 142-145.
- ²⁶⁶ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20075.
- ²⁶⁷ Примечания на высочайший именной указ 12 декабря 1801 г. «О покупке земель крестьянами государственными» // ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 62. Л. 1-2.
- ²⁶⁸ Письмо В.Ф. Малиновского к графу В.П. Кочубею от 28 ноября 1802 г. // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. Сб. документов / Подгот. мат., вв ст. и ред. А.Н. Долгих. Липецк. 2002. С. 42.
- ²⁶⁹ Conférence du 18 novembre 1801 // Николай Михайлович, вел. кн. Граф П.А. Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 111.
- ²⁷⁰ Там же. С. 112.
- ²⁷¹ Архив кн. Воронцова. СПб.,1880. Т.18. С. 254-255.
- ²⁷² ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXII. № 20620.
- ²⁷³ Данные приведены по «Истории Министерства внутренних дел» Т. 1. Ч. 1. С. 191.
- ²⁷⁴ Фридриха Сиверса, члена лифляндского Ландтага и прибалтийского помещика не нужно путать с Яковом Сиверсом – новгородским губернатором.
- ²⁷⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXIX. № 21162.
- ²⁷⁶ Кайсаров А.С. Об освобождении крепостных крестьян в России // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. / Под ред. И.Я. Щипанова. М., 1952. Т. II. С. 360, 364.
- ²⁷⁷ Там же. С. 365.
- ²⁷⁸ Там же. С. 369.
- ²⁷⁹ Там же. С. 378.
- ²⁸⁰ Попугаев В.В. О благополучии народных тел // Русские просветители (от Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 283, 288.
- ²⁸¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 506; ОР РНБ. Ф. 637. № 732. Л. 1-6об; Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л. 1961. С. 147,179-180.

- ²⁸² [Шишков А.С.] Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 308-309.
- ²⁸³ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXXIII. № 26277-26280; Т. XXXIV. № 27024, Т. XXXV. № 27734.
- ²⁸⁴ Это предложение П.Д. Киселева лишь расширяло уже существующий закон от 27 мая 1810 г. (ПСЗ-1 № 24244), по которому почетным гражданам и купцам первой гильдии было дозволено покупать населенные имения, по только продаваемые казной, которые находились во временном частном владении.
- ²⁸⁵ Записка П.Д. Киселева // Заблоцкий-Десятковский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Материалы для истории царствования императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 4. С. 197-199.
- ²⁸⁶ См. об этом: Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 129-130 (Автор ссылается на воспоминания самого кн. И.В. Васильчикова).
- ²⁸⁷ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 81-83.
- ²⁸⁸ См. об этом: Пржецлавский О.А. Записки. // Русская старина. № 11. С. 458.
- ²⁸⁹ Сам проект А.А. Аракчеева нам найти не удалось. В пересказе он был опубликован И. Бартеневым: «Девятнадцатый век» / И. Бартенев. Т. 2. С. 146-149. Авторы сборника проектов по крестьянскому вопросу представили другую, но аналогичную копию, со ссылкой ОР РНБ. Ф. 73. Д. 361. Л. 1-3об.: Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. Сб. документов / Подгот. мат., вв ст. и ред. А.Н. Долгих. Липецк. 2002. С. 160-163.
- ²⁹⁰ Канкрин Е.Ф. Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости, составленная в 1818 году по повелению Александра Павловича // Русский архив за 1865. М., 1866. Стб. 544.
- ²⁹¹ Там же. Стб. 542-552.
- ²⁹² При Николае I Е.Ф. Канкрин занимал должность министра финансов до 1844 года; а в течение всего правления Николая I действовали сменяя друг друга секретные комитеты по крестьянскому вопросу.
- ²⁹³ См. об этом: Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М., 1989. С. 434.
- ²⁹⁴ Николай Иванович Тургенев – автор ряда экономических трактатов, наиболее известным из которых является труд «Опыт теории налогов».
- ²⁹⁵ Тургенев Н.И. Нечто о состоянии крепостных крестьян в России // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1891. Вып. 4. С. 442.
- ²⁹⁶ Письмо гр. В.П. Кочубея к гр. М.М. Сперанскому // В память графа Сперанского. СПб., 1872. С. 161.

Глава 4

Реформирование системы народного образования

Одним из ключевых вопросов в подготовке и проведении реформ второй половины XVIII – первой четверти XIX в. было создание системы народного просвещения. Большинство реформаторов именно «непросвещенность» народа считали главным препятствием успешного проведения преобразований. Поэтому тема воспитания человека и гражданина занимала исключительно важное место в их трудах. В то время вопросы образования и воспитания были тесно связаны с проблемой взаимодействия верховной власти и общества. Русские просветители особое внимание уделяли не просто проблеме образования, а именно воспитанию «добродетельного и благородного гражданина – истинного сына Отечества». Государственные деятели, а тем более мыслители, считали, что все недостатки современного им общества (как, впрочем, и достоинства) напрямую связаны со степенью его просвещенности. Они верили во всеислие образования и просвещения в деле общественных преобразований. Они считали, что существующие в мире беззаконие, несправедливость связаны с низкими нравами, а последние напрямую зависят от уровня образования и культуры. Следовательно, просвещая каждого конкретного человека, создавая «новую породу людей», можно преобразовать общество.

В середине XVIII в. в России получают распространение идеи философии Просвещения. Как писал И. Кант, «просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находился по собственной вине... Имей мужество пользоваться своим умом! Таков, следовательно, девиз Просвещения»¹. Иначе говоря, основой просветительской философии являлся рационализм, вера в могущество человеческого разума. Недаром век Просвещения еще и называют «веком Разума». Главная идея просветителей – нести свет разума и знания, опираясь не на веру, а на рациональное начало в человеке. Конечно, философы эпохи Просвещения не были атеистами: большинство из них были деистами, считая возможным «свободно думать о вопросах, связанных с религией»². Вместо Бога они поклоняются природе и венцу ее творения – человеку. Или, как писал П.А. Гольбах, «природа есть причина всего; она существует благодаря самой себе; она будет существовать вечно; она – своя собственная причина»³, а человек, как писал Ж.О. Ламетри, «является самым совершенным ее проявлением»⁴.

Политические и социально-экономические преобразования в России, а также получившая широкое распространение идеология эпохи Просвещения, способствовали масштабным реформам в области народного просвещения. На XVIII в. приходится формирование системы образования в нашей стране, так как верховная власть видела в этом процессе необходимое условие для успеха реформ в других сферах. Было очевидно, что подготовка профессионального офицерского корпуса, чиновничьего аппарата невозможна без обязательного обучения дворянства. Поэтому авторы большинства проектов преобразований в социальной сфере связывали успех своих замыслов с народным просвещением.

Система светского общего и профессионального образования в России начала формироваться со времени правления Петра I и первоначально преследовала исключительно утилитарные цели. Это повышение грамотности и получение специальных

знаний для солдат и офицеров армии и флота, т. е. подготовка людей, способных выполнять служебные обязанности сообразно новым потребностям. Развитие новой образовательной системы характеризовалось подчинением школы государству, что привело к вытеснению церкви, религиозного образования в самостоятельную, мало связанную с государством сферу. В допетровской Руси не было такого понятия как «система образования», охватывающего более-менее полно определенные слои российского общества. Петру I для формирования постоянной армии и гражданской государственной службы необходимы были образованные офицеры и чиновники. Уже в 1701 г. была открыта школа математических и навигационных наук в Москве в Сухаревой башне (1701 г.); пушкарская школа. В 1721 г. по решению Военной коллегии в 49 гарнизонных полках были открыты школы для солдатских сыновей в возрасте 7-15 лет. К 1773 г. в них училось уже 10313 человек. В 1707 г. в Москве при военном госпитале была создана Химическая школа. По образцу навигационной в Москве в 1712 г. были открыты еще две школы: инженерная и артиллерийская. Была возобновлена деятельность Славяно-греко-латинской академии, фактически бездействующей с 1690-х гг. К 1717 г. в ней обучалось 290 учеников, в 1725 г. – уже 629. Как известно, в числе студентов Академии в 1731-1734 гг. был М. В. Ломоносов. С 1721 г. при сибирских заводах начали создаваться Горные училища. В 1724 г. были изданы указы об открытии Горнозаводских школ и Технических училищ строительного дела, металлургии и др.

Одной из главных проблем при реализации образовательных реформ было отсутствие единого центра управления образовательными учреждениями. Первоначально ими ведал Сенат. В 1726 г. Сенат соединил все цифирные школы со школами духовного ведомства и передал их в ведение Синода, последний снова отказался их принять, мотивируя, что «те школы до духовнаго правительства не принадлежат». Таким образом, цифирные школы оставались некоторое время между ведомствами, не подчиняясь ни к одному из них. В 1744 г. они были соединены с гарнизонными, устроенными при полках.

Огромное значение для развития системы образования имело открытие указом от 28 января 1724 г. Академии наук. Из указа следовало: «Учинить Академию, в которой бы учились языкам, прочим наукам и знатным художественным и переводили б книги... Науки, которые в сей Академии могут учинены быть, свободно бы в три класса разделить можно: 1) все науки математические и которые от оных зависят; 2) все части физики; 3) гуманитарные знания, история и право». В состав Академии входили университет и гимназия. В университете было четыре факультета: теологии, юриспруденции, медицины, философии. Но первое время и Академия, и учебные заведения при ней не играли большой роли.

Для детей знати 29 июля 1731 г. в Петербурге, по инициативе графа П.И. Ягужинского, указом императрицы Анны Иоановны, был учрежден Кадетский корпус по образцу существовавшего в Пруссии. Он начал свою работу 17 февраля 1732 г. как военно-учебное заведение закрытого типа, «состоящее из 200 человек шляхетских детей от 13 до 18 лет как российских, так и эстляндских, и лифляндских провинций», которых следовало обучать «арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам»⁵. В 1743 г. корпус получил название Сухопутного (для отличия от аналогичного Морского). При переводе в старший класс, перед выпуском, совет корпуса определял для каждого кадета род войск, куда ему предстояло быть выпу-

щенным на службу, сообразно с его способностями. Выпускникам присваивались унтер-офицерские чины или чин прапорщика, а особо отличившимся – сразу чин подпоручика и даже поручика. В дальнейшем по этому образцу строились все кадетские корпуса. В школах наряду со специальной военной подготовкой дети дворян получали широкое общее образование и «светское» воспитание. В данном учебном заведении действительно давали неплохое по тем временам образование. Из его стен вышли люди, проявившие себя в самых разных сферах. Военачальники: П.А. Румянцев, П.И. Репнин и др., адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов; государственные деятели: А.А. Вяземский, А.А. Беклешов и др.; дипломат А.М. Обресков; а также директор первого русского театра А.П. Сумароков, русские писатели-трагики М.М. Херасков, В.А. Озеров, М.В. Крюковский.

Сложившаяся в России к середине XVIII в. система образования отличалась тем, что каждое учебное заведение предназначалось для определенного сословия. Во всех школах устанавливалась жесткая дисциплина. Еще во времена правления Петра I было принято «для унятия крика и бесчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат, а быть им по человеку в каждой камере во время учения и иметь хлыст в руках; а буде кто из учеников станет бесчинствовать, оных бить, не смотря, какой бы он фамилии ни был, под жестоким наказанием кто поманит». Нарушение школьной дисциплины каралось как уголовное преступление. Виновный ученик прямо назывался преступником, и такого преступника, «для вящего наказания», заковывали даже «в ножны и железа». Беглые ученики рассматривались как беглые солдаты. Лица (родители и посторонние), укрывавшие у себя, например, учеников гарнизонных школ старше семилетнего возраста, подвергались тем же штрафам, какие определены были за укрывательство беглых солдат. Кто поймает таких беглых и приведет в город, тому выдавалось награждение по 10 р. за человека. Только детей до 7 лет было постановлено «за беглых не почитать», а лица свыше 15-летнего возраста сами подвергались наказанию как беглые солдаты. Неявка в учебные часы в школу считалась уклонением от службы и носила старинное название нетов (прогулов). Кара за неты была такая: денежный штраф, а в случае неуплаты – правез, «а для правезу штрафов взять людей их, а у кого людей нет – самих, и бить на правезе, покамест те штрафу не заплатят сполна». По инструкции 1719 г. Морской академии за нехождение в школу было назначено телесное уголовное наказание: «бить батогами и вычитывать за каждый день втрое против получаемого жалованья». По той же инструкции бежавших учеников велено сыскивать и наказывать конфискацией всего движимого имущества, что не освобождало отысканного и от телесного наказания.

Несмотря на весь утилитаризм преобразований петровского времени, государственные и общественные деятели задумывались о необходимости реформ в области образования. Свое видение проблемы образования высказывал В.Н. Татищев в произведении «Разговор о пользе науки и училищ»⁶. В нем автор выразил убеждение в необходимости для каждого просвещенного человека познания самого себя, чего можно достичь только при помощи науки. Познание себя и внешнее, телесное, и внутреннее, духовное, равно необходимо для нашего будущего и настоящего благополучия, а, следовательно, и наука, орган такого познания, практически полезна всем. А так как в то время науку уважали очень мало, то Татищев считает нужным доказать пользу науки для государства вообще и для отдельных сословий в частности, опровергнув мнение, что науки могут быть вредны в религиозном отношении и

порождать ереси. По его мнению, истинная философия нужна для познания Бога и служит на пользу человека. Татищев видит в науках пользу также и для разумного управления государством. Все науки Татищев разделяет на нужные, полезные, щегольские или увеселяющие, любопытные, тщетные или вредные. Нужные науки следующие: домоводство, врачество, закон Божий, умение владеть оружием, логика, богословие; полезные: письмо, грамматика, красноречие или витийство, иностранные языки, история, генеалогия, география, ботаника, анатомия, физика, химия; щегольские: стихотворство (поэзия), музыка, танцы (плясание), волтежирование, знаменование (живопись); любопытные: астрология, физиономика, хиромантия, алхимия; вредные: гадания и волшебства разного рода, некромантия («через мертвых просвещение»), гидромантия (водовещание), аеромантия (воздуховещание), пиромантия (огневещание) и т. п. Таким образом, Татищев доказывал, что просвещение и наука необходимы как верховной власти для наилучшего управления, так и для простого народа.

Свое представление о необходимых реформах в образовательной сфере высказал А.Д. Кантемир. Главной целью данных преобразований должно было стать воспитание гражданина. Он жестко высмеивал невежество, указывая на важную роль воспитания, задачей которого должно быть прививание юношеству добрых нравов, добродетельных поступков, что позволит сделать из них полезных отечеству граждан. Восхваляя Петра I, который завел в России «училища», он указывал, что все монархи должны следовать его примеру, а также советовал русским дворянам и самим заботиться об образовании своих сыновей: «Сын, в возраст пришел, отец тужит и стыдится. / Напрасно вину свалить с плеч своих он тщится: // Богатства сыну копил – презрел в сердце нравы // Добры всадить. Богат сын будет, но без славы // Проживет, мало любим и свету презренный...»⁷. Кантемир подчеркивал, что главной целью образования должно являться воспитание гражданина, полезного обществу. Причем роль школы жизни должно на себя взять и искусство, в частности, театр. Кантемир в 1742 г. вместе с Луиджи Риккони, автора ряда трудов по истории театра, разрабатывал проект театральной реформы. Работа была завершена изданием в 1743 г. труда «О реформе театра», который автор посвятил русской императрице. 20 июня 1742 г., еще до официального выхода французского издания, Кантемир отправил этот труд Елизавете Петровне. Посвящение представляло собой проект учреждения нового театра в России, в котором главное внимание следует уделить не пустым увеселениям, внушить зрителям отвращение к пороку и развивать добродетели, а театр должен стать школой жизни.

Елизавета Петровна, считая себя продолжательницей дела своего отца, постоянно заботилась об уровне образования своих подданных. Причем, если при Петре I образованным считался человек, знающий элементарную арифметику, грамматику и т. п., то для детей сподвижников великого реформатора требования были уже более высокими. Для того чтобы иметь успех при елизаветинском Дворе, необходимо было знать иностранные языки, прежде всего французский, обладать «приятными манерами», ценить театр, знать европейскую литературу. Для удовлетворения потребностей в возросшем спросе на образование в стране появляется большое количество частных пансионеров, получает широкое распространение правило приглашать иностранных гувернеров для детей дворян. Конечно, такое образование было весьма поверхностным, но это был шаг вперед по сравнению с предыдущими временами. Так, чтобы заставить дворян получать элементарное образование, Петр I вынужден

был запретить неграмотным жениться, в последней трети XVIII в. невежество становится предметом насмешки. Вспомним «Недоросля» Д. Фонвизина. Иначе говоря, именно при Елизавете Петровне дворянское образование получает широкое распространение, «входит в моду», хотя сама императрица никогда не имела специальной программы развития и распространения просвещения в своей стране. Вместе с тем ряд предпринятых ее правительством шагов объективно способствовал этому. Так как Елизавету Петровну первоначально планировалось выдать замуж в Европу, ей было дано европейское образование, в том числе ей преподавали иностранные языки. Именно Елизавета ввела «в моду» увлечение французскими романами, которые стали широко издаваться в России, причем среди этой литературы были не только «женские» романы, но также произведения Вольтера и других просветителей. Ради справедливости надо сказать, что Елизавета Петровна считала необходимым заботиться о распространении и укреплении религиозного воспитания. Так, указом от 20 апреля 1743 г. предписывалось, чтобы родители под угрозой штрафа учили своих детей не только псалтыри и «часовнику», но и катехизису. Однако для России того времени и это было шагом вперед. Решение назначить в 1746 г. президентом Академии Наук своего 19-летнего фаворита К. Разумовского, по логике вещей, не должно было способствовать распространению просвещения. Правда, К. Разумовский мало вмешивался в дела Академии и не мешал работать ученым; не препятствовал, а скорее помогал М. В. Ломоносову.

Михаил Васильевич Ломоносов – выдающийся ученый и общественный деятель. Его творчество оказало большое влияние на российскую науку и формирование общественного мнения в России, что заставляет нас подробнее остановиться на характеристике его общественно-политической позиции. Надо заметить, что во взглядах Ломоносова много противоречий. Так, в течение всей жизни у него ярко проявлялся элемент радикализма, который сочетался с консерватизмом и монархизмом. Ломоносов постоянно подчеркивал, что происхождение человека не должно играть принципиальной роли для продвижения его по служебной лестнице в любой сфере. Его место в обществе необходимо определять по личным достоинствам, а не происхождению или богатству. И в тоже время Ломоносов был ярким националистом, отрицая значимость академиком-немцев из-за их национальной принадлежности. Ломоносов писал оды и хвалебные письма императрице Елизавете Петровне, ее фавориту и своему покровителю И.И. Шувалову. Однако в письмах тому же Шувалову не стесняется в выражениях: «не токмо у стола знатных господ или земных покровителей дураком [тогда под этим понимали шута – Н. К.] быть не хочу, но понеже у самого Господа Бога, который дал мне смысл [здесь в смысле «жизнь» – Н. К.], пока разве отымет»⁸. Ломоносов был горячим сторонником самодержавия, верил в необходимость его укрепления. Он искренне восхищался Елизаветой Петровной и ее политикой, но при этом Ломоносов позволял себе антиклерикальные высказывания, что, учитывая набожность императрицы, было весьма смело. Взять хотя бы его «Гимн бороде»⁹.

В вопросах народного образования и просвещения в целом Ломоносов придерживался просветительских взглядов. Он утверждал, что государство должно заботиться о своих подданных без всякой опаски, так как это будет только содействовать его процветанию. Кроме того, он считал, что любое, в том числе и высшее, образование должно носить всеобщий характер. Ломоносов писал в письме И.И. Шувалову по поводу основания Московского университета: «в университете

тот студент почетнее, кто больше знает. А [знать] чей сын, в том нет нужды». Поэтому при составлении проекта учреждения университета в Москве Ломоносов настаивал, чтобы в нем не было сословных ограничений по приему студентов. Будучи ученым-энциклопедистом, М.В. Ломоносов оставил свой след во многих отраслях науки. Но во всех сферах, где бы ни работал, он считал недопустимым вмешательство Церкви в дела науки. Именно он настоял на том, чтобы в Московском университете не было богословского факультета – одного из основных в подавляющем большинстве европейских университетов. Наконец, необходимо отметить, что многие выдающиеся деятели российской науки и просвещения считали себя учениками Ломоносова; указывали, что именно он открыл им путь в науку, повлиял на формирование их взглядов, был «первым университетом».

24 июля 1747 г. по инициативе академиков, прежде всего самого М.В. Ломоносова, получившего эту должность в 1745 г., был принят первый регламент (устав) Академии наук. Согласно этому регламенту, Академия разделялась на три класса: астрономов и географов, физиков (под этим понимались геологи и ботаники) и математиков (в смысле – механиков). Также предполагалось разделить всех членов Академии на академиков, которые занимались бы собственно наукой, и профессоров, в задачу которых должно было войти чтение лекций. Студентами академического университета и академической гимназии могли быть лица любого происхождения (кроме крепостных) и любого вероисповедания. Главной задачей этих научно-учебных заведений провозглашалась подготовка собственных научных кадров. При Академии наук начали свое обучение Н.Н. Поповский (будущий профессор Московского университета и первый ректор университетской гимназии), Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, И.А. Третьяков, А.Я. Поленов и многие другие. Однако Академия наук была все-таки научным центром, а не учебным заведением. Зачастую лекции велись беспорядочно, не систематически. Поэтому многие питомцы Академического университета, получив некие азы знаний, направлялись на обучение в европейские университеты. Несмотря на большое значение Академии наук, открытие полноценного университета в России было весьма актуальным. Основание в 1754 г. Московского университета имело огромное значение и для решения задачи подготовки собственных научных кадров, и для распространения просвещения вообще.

Тема основания Московского университета достаточно изучена и не входит в предмет нашего исследования, однако необходимо отметить то огромное значение, которое имело данное мероприятие для распространения просвещения, формирования общественного мнения в нашей стране¹⁰. Как известно, это событие стало возможным благодаря совместной деятельности ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова и «государственного мужа» и мецената И.И. Шувалова. Первоначально предложение об основании в Москве университета исходило от Ломоносова. По его мнению, Академический университет, несмотря на свое большое значение, не удовлетворял потребностей по распространению просвещения в стране и подготовке собственных профессиональных кадров. Представленный М.В. Ломоносовым проект устава Московского университета был переработан И.И. Шуваловым. За основу был взят указ Елизаветы Петровны: «Об учреждении Московского университета и двух гимназий с приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету 1755, генваря 12». В указе прямо говорилось, что целью основания университета являлось сознание того, что «как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то, следовательно, нужна необходимость о том ста-

раться, чтоб способом пристойных наук, возрастало в пространной нашей империи всякое полезное знание». В указе подчеркивалось, что в задачу открываемого университета и двух гимназий должна войти не просто подготовка ученых и профессиональных кадров для государственной службы, а расширение доступности качественного образования, в том числе высшего. Таким образом, в этом документе представлена программа распространения просвещения в стране: «великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науке не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, ... и лучшее время к учению пропадает; ... все ж почти помещики имеют старание о воспитании детей своих, не щадя иные по бедности великой части своего имения и ласкаясь надеждою произвести из детей своих достойных людей в службу нашу, а иные, не имея знания в науках или по необходимости не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали; ... что такие в учениях недостатки реченным установлением [то есть – основанием Московского университета и двух гимназий – Н. К.] исправлены будут, и желаемая польза надежно чрез скорое время плоды свои произведет, паче ж когда довольно будет национальных достойных людей в науках, которых требует пространная наша империя к разным изобретениям сокровенных в ней вещей, и ко исполнению начатых предприятий, и ко учреждению впредь по знатым российским городам российскими профессорами училищ, от которых и во отдаленном простом народе суеверие, расколы и тому подобныя от невежества ереси истребляются...»¹¹.

С проектами ряда образовательных реформ при Елизавете Петровне выступил И.И. Шувалов. Он активно поддержал идею М.В. Ломоносова о необходимости основания Московского университета и двух гимназий. Он способствовал открытию типографии при университете, где начали печататься «Московские ведомости». Если проект открытия Московского университета принадлежал Ломоносову, то заслуга в учреждении Академии художеств в Петербурге в 1757 г. и гимназии в Казани в 1758 г. принадлежит собственно Шувалову. Причем он не был сторонним наблюдателем, Шувалов вникал во все дела Академии художеств и Казанской гимназии, активно занимался подбором преподавательских кадров, предлагал собственные методики обучения, разрабатывал учебные планы¹². Наконец, Шувалов содействовал отправке за границу для продолжения обучения наиболее талантливых учеников Академии художеств. После смерти Елизаветы Петровны И.И. Шувалов надолго уехал из страны. По возвращении на родину в 1777 г. он продолжил по мере возможности содействовать распространению просвещения в России. Его дом стал по сути дела литературным центром: у него постоянно собирались Е.Р. Дашкова, П.В. Завадовский, Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, О.П. Козодавлев и др.

Ряд проектов по реформированию военного образования представил генерал-фельдцейхмейстер, главноначальствующий над инженерным корпусом граф П.И. Шувалов, брат И.И. Шувалова. В 1753 г. он предложил устроить при Сухопутном шляхетском корпусе Высшую военную школу, которая должна была изучать теорию и практику военного дела. Задачей этой школы было поднять дух военной науки: «Известно, что должность военная и материя оной наполнена честолюбия и почтения; по той причине есть надежда скоро успех действия иметь для того, что стыдиться будут находящиеся в военных должностях, видя юношей в их профессии просвещенных наукой, чрез что стараться станут рассуждать». Курс обучения в этой

военной школе должен проходить в два года. Изучать следует историю, в том числе военную, экономику, право, а также офицерские добродетели, среди которых важнейшая – быть полезным отечеству и монарху. Данный проект реализован не был.

В 1758 г. по предложению П.И. Шувалова Инженерная и Артиллерийская школы были объединены в одно учебное заведение под названием Артиллерийской и инженерной дворянской школы. Учебный курс в преобразованном учебном заведении составлял 5 лет и охватывал широкий спектр предметов: историю, географию, арифметику, алгебру, геометрию, физику, натуральную историю, французский и немецкий языки, а также специальные предметы: артиллерию и фортификацию. Кроме того, предлагалось изучать «дворянские» дисциплины: танцы, рисование фехтование.

Для подготовки нижних чинов П.И. Шувалов предложил при каждой кадетской роте обучать детей солдат и разночинцев. Поэтому в следующем, 1759 г., была образована Соединенная солдатская школа для детей солдат.

В последней трети XVIII в., во время правления Екатерины II, в России начинается становление собственно системы образования. Этому процессу способствовали следующие факторы: во-первых, в России широко распространяются идеи философии Просвещения, где отчетливо прослеживаются мысли о важности образования в целом и о неотделимости этого процесса от воспитания, формирования у ребенка системы ценностей. Во-вторых, не прошли даром и усилия по внедрению учебных заведений, начиная со времени Петра Великого. К 60-м годам XIII в. дать детям образование считалось необходимым в дворянской среде.

В отличие от своих предшественников, Екатерина II, сама будучи высоко образованным человеком, видела в совершенствовании системы образования залог успеха будущих реформ. В составленных императрицей пяти «Правилах управления» на первом месте стоит задача просвещения нации: «нужно просвещать нацию, которой должен управлять». Более того, по мнению почитаемых Екатериной II французских просветителей, реформы в сфере образования должны были предшествовать преобразованию в иных сферах, подготовив для них кадры и «новую породу людей». Поэтому буквально сразу же после восшествия на престол, 18 февраля 1863 г., императрица Екатерина направила резолюцию куратору Московского университета, в которой велела приготовить для этого учебного заведения новый штат и план.

Проводником екатерининской политики в области народного просвещения стал И.И. Бецкой. Педагогические идеи И.И. Бецкого не составляют собственной оригинальной системы и восходят к просветительским концепциям воспитания. Он использовал новейшие педагогические теории. Так, при подготовке проектов закрытых училищ И. И. Бецкой использовал практику европейских: план организации Смольного института близок к уставу Сен-Сира, основанного г-жой Ментенон и Ф. Фенелоном. Много общего в проектах И.И. Бецкого с воззрениями Дж. Локка, в частности, указание на роль темперамента в воспитании, внимание к физическому развитию учеников, обучение в форме игр и упражнений, высокие требования к воспитателю и др. Влияние идей Ж.-Ж. Руссо прослеживаются в приверженности Бецкого к системе закрытых пансионов, в которых ребенок был бы огражден от влияния испорченного общества («отрицательное воспитание»). Однако Бецкой, очевидно, сомневался в главном тезисе Руссо о врожденно доброй натуре человека. В этом отношении он более следовал за рациональной педагогикой К.-А. Гельвеция, считавшего, подобно Локку, что ребенок лишь сырой материал для умелого воспи-

тателя. С книгой Гельвеция «Об уме» связана последовательно проводимая Бецким мысль о предпочтительности государственной системы образования и воспитания. Итак, главной целью И.И. Бецкого было создание полезной государству «породы» людей, которые затем через семью распространят принципы нового воспитания на все общество.

Суть мировоззрения И.И. Бецкого заключается в идее, что «корень всему злу и добру – воспитание». Бецкой считал, что одними знаниями, даже весьма обширными, не сделать «доброе и прямого гражданина». Такой человек, не воспринявший добродетели, будет бесполезен и даже опасен обществу и государству. Поэтому, делает вывод Бецкой, образование должно быть направлено на воспитание новой породы будущих отцов и матерей, которые детям своим могли бы передать новые правила воспитания. Для решения заявленной задачи Бецкой считал необходимым создание училищ «безвыходного содержания» для детей с 5-6 лет и до 18 летнего возраста, что было необходимо для ограждения детей от дурного влияния невежественных родителей. При этом И.И. Бецкой понимал, что полностью изолированное обучение и воспитание требует особых учителей и наставников, поиск которых и составит главную сложность в организации подобных учреждений.

Наиболее простым и реальным способом воплощения в жизнь данных идей было создание Воспитательного дома для сирот¹³. Главной целью создания этого Дома, указывал Бецкой, должно стать пополнение «третьего чина народа», полезного обществу и государству. Обучение детей следует начинать с 5 лет. До 5 лет же у детей может быть только три упражнения «есть, спать и играть». Заканчивать обучение должно в 18-20 лет. Причем, если воспитанники создавали семью между собой, то им разрешали остаться в Воспитательном доме, выделяли 3-4 комнаты и давали работу за деньги. Таким образом, Воспитательный дом виделся его создателю идеальным местом для формирования новой породы людей.

По образцу Воспитательного дома было создано в 1764 г. Воспитательное общество благородных девиц – первое учебное заведение для женщин. 5 мая 1764 г. Екатерина II подписала указ о воспитании двухсот благородных девиц в новостроящемся петербургском Новодевичьем монастыре. Наряду с заведением для воспитания дворянок было учреждено и учебное заведение для мещанок. В программе этого учебного заведения не было дисциплин, обучающих «светским добродетелям», не нужным для мещанок. Воспитываемые в мещанском училище девицы готовились к «службе экономической». В то же время выпускницы по окончании курса получали все преимущества и вольности, присвоенные мещанским воспитанникам Академии художеств.

Наиболее успешно опыт изолированного обучения был представлен И.И. Бецким в уставе Шляхетского сухопутного кадетского корпуса¹⁴. Данный кадетский корпус задумывался как закрытое привилегированное учебное заведение для высшего дворянства. Обучение в Корпусе само по себе должно было составлять привилегию, а не наказание. Так, в уставе указывалось, что «родителям, кои детей своих записать в Шляхетский корпус [пожелают], должно дать от себя письменное объявление, что они по собственному своему произволению отдают их в наш императорский дом корпуса не меньше, как на пятнадцать лет, и что до истечения сего времени отнюдь ни под каким видом их обратно, ниже на временные отпуска, требовать не будут».

Объем дисциплин, которые должны были изучать в корпусе, предполагает формирование фактически энциклопедических знаний у будущих офицеров. Однако особое внимание в уставе уделялось кадровой проблеме: наставникам и учителям. До 6 лет кадеты должны были находиться в руках воспитательниц-женщин, которым следовало с ними быть ласковыми и заботливыми. С 6 лет кадеты передавались в руки инспекторов и воспитателей. Причем И.И. Бецкой подчеркивал, что с детьми до 10 лет не следует обращаться сурово. После чего за ними будут уже надзирать военные, которые должны больше внимания уделять дисциплине и обучать кадетов военному искусству.

Созданные по проектам И.И. Бецкого учреждения просуществовали до 1917 г. и тем самым доказали свою целесообразность. Однако в момент их создания Екатерина II и сам И. И. Бецкой не смогли по объективным причинам решить одну из главных проблем – кадровую. Кроме того, подобные учебные заведения в силу своего организационного принципа не могли быть массовыми. Перед властью же стояла задача организация именно системы массового образования для всех слоев населения, без чего невозможно «просветить» нацию.

О необходимости создания системы образования думали и представители общественной мысли. Решению этой задачи был посвящен проект Филиппа Дильтея: «План об учреждении разных училищ для распространения наук и исправления нравов». Данный документ датирован 1764 г. Дильтей (Dilthey), Филипп-Генрих (1723-1781) – первый профессор Московского университета по юридическому факультету. При учреждении Московского университета Дильтей, по рекомендации Г. Миллера, был приглашен в Россию как профессор истории и прав. В течение 10 лет (1756-1766) Дильтей был единственным представителем юридического факультета. В 1765 г. Дильтей был уволен, но через год, по собственноручному указу императрицы, вновь принят на службу. Он был учителем С.Е. Десницкого и И.А. Третьякова.

В представленном проекте Дильтей предлагал создать целую систему образования, состоящую из четырех частей: первая часть – школы рабские; вторая – школы тривиальные; третья – гимназии; четвертая – университеты. «Рабские школы» или школы для простых дядек предназначались для крепостных, на которых во многих дворянских семьях возлагалось первоначальное воспитание детей. Таких школ Дильтей предлагал учредить две: в Москве и Петербурге с количеством учеников по 100 человек в каждой. Данные школы должны находиться под покровительством Московского университета и Академии наук. Целью обучения в тривиальных школах должно быть получение элементарного образования и правил «добропорядочного бытия». Обучаться в таких школах могут дети всех состояний, кроме крепостных. В этих школах детей должны готовить к дальнейшему поступлению в гимназию. Обучение в гимназии, которое должно продолжаться 4 года, соответственно, становится основой для поступления в университет. Обучение в университете следовало организовать по обычной для Европы системе: два года обучения философии, и после этого выбор одной из четырех специальностей: философской, юридической, медицинской и богословской. По замыслу автора проекта, следовало учредить 21 тривиальную школу, 9 гимназий и открыть 2 новых университета: в Батурине (Малороссия) и в Дерпте (Лифляндия). Также автор проекта предлагал учредить новую должность «куратора, который был бы при дворе» и руководил бы всеми вновь образованными учебными заведениями¹⁵.

Ф. Дильтей представил свой проект императрице Екатерине II, но ее реакции на него не последовало. Хотя в дальнейшем некоторые подобные идеи нашли свое воплощение. Дильтей попытался сам воплотить в жизнь свой проект с открытия «рабских школ»: купил для этого дом и дал объявление о наборе учителей. Но далее реализовать задуманное он не смог.

Параллельно с работой над закрытыми учебными заведениями, которые, естественно, не могли охватить большого количества учащихся, Екатерина II задумывалась о необходимости создания сети общедоступных учебных заведений. Главным помощником императрицы в этом вопросе был ее статс-секретарь Г.Н. Теплов. Еще в 1760 г. Г.Н. Теплов составил наставления сыну, где изложил свои взгляды по вопросам воспитания¹⁶. Он призывал сына быть добросердечным, потому что человека с открытым сердцем сложнее обмануть или использовать. Теплов считал важным опасаться быть корыстным или скупым. Он восхваляет труд, так как «нет другого соперника нищеты, как труд и прилежание». Теплов наставлял сына, что «всякий человек желает быть благополучным, а редкий имеет благополучием пользоваться». Чтобы достичь этого, необходимо быть храбрым, но не задиристым; не допускать вредных привычек, прежде всего, мотовства и пьянства; сохранять свое здоровье. Данные рекомендации Г.Н. Теплов воплотил в одном из первых проектов екатерининского времени под названием «Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ», в котором, в отличие от проектов И.И. Бецкого, предлагал создание учебных заведений для широкого круга учащихся. В тексте данного проекта нет прямых указаний на автора и время его составления, однако именно в этот период Теплов, будучи статс-секретарем Екатерины II, занимался рассмотрением вопросов реформирования образовательной сферы. Текст проекта явно отражает его взгляды. Данной точки зрения придерживался и С.В. Рождественский¹⁷.

Рассуждая о плане для учреждения публичных училищ, автор проекта указал, что их создание необходимо для разумного воспитания «обоего пола юношества». В то же время он подчеркивал, что России не следует опираться на опыт западных стран (Франции, Англии, Швеции, Немецкой земли, Голландии), так как он совершенно не подходит нашей стране. В западных странах преподавание идет на латыни, что оправдано, считает автор проекта, так как на этом языке в католических странах еще ведется и богослужение, также активно используются рецепции римского права. В России же такой необходимости нет, как нет и нужного количества учителей. В остальном данный проект был созвучен идеям Бецкого. Главный предмет воспитания его автор видел в «исправлении нравов». Для этого лучше всего подходит «образ удаленной и сохраняемой жизни». Открыть такие школы можно было бы в старых монастырях, расположенных вблизи губернских городов. Сами училища должны быть трех разных родов в соответствии с тремя «государственной службы разделениями» – военные, гражданские и коммерческие¹⁸.

На основании данных «Рассуждений» был составлен «Генеральный план гимназий или государственных училищ»¹⁹. Его составителями были Г.Н. Теплов, Ф. Дильтей, Г. Миллер, Т. Клингштет и Д. Дюмареск²⁰. Точной даты составления данного проекта нет. Однако он не мог быть написан ранее 1765 г. – проектов И.И. Бецкого, о которых упоминается в тексте; и позднее 1768 г. – подготовки и начала работы Уложенной комиссии. Согласно данному плану, предлагалось «в каждой губернии, в каждом оном городе или в котором либо из знатнейших провинциальных городов» учредить училища четырех видов: для ученых людей, военные,

гражданские и купеческие. Два первых года во всех училищах обучение должно быть одинаковое. Далее – по специальности. В училищах для ученых людей или, собственно, гимназиях, учеников следует готовить к дальнейшему поступлению в университет. Поэтому необходимо изучать латинский и греческий языки, древнюю и новую историю, географию, математические и философские науки. В военных училищах следует уделять особое внимание российскому, немецкому и французскому языкам, а также арифметике, геометрии, фортификации, архитектуре, географии, истории, народному праву и нравоучительной философии. Задача гражданских училищ – подготовить детей к работе в коллегиях и канцеляриях. Поэтому много внимания при обучении следует уделять грамматике и орфографии, а также языкам: латинскому, немецкому и французскому. Кроме того, ученикам в таких школах необходимо изучать историю, арифметику, географию, логику, нравоучительную философию, физику. В купеческих училищах следует изучать арифметику и русский язык, а также латинский, немецкий, французский, английский и голландский языки в объеме, необходимом для понимания коммерческих терминов. Для морской торговли следует изучать главные правила кораблеплавания, чтение морских карт. Кроме того, в таких школах необходимо «знать о знатнейших продуктах, мануфактурах и торговых промыслах каждой земли... теорию коммерции», географию, нравоучительную философию. Обучение должно было длиться 12 лет: 3 класса по 4 года в каждом. Поступить в последующий класс можно только после окончания предыдущего.

Обучаться в данных училищах, по замыслу авторов, могли бы все «российские подданные греческого исповедания (исключая крепостных),... ежели только родители на предписанные им условия согласятся». Иначе говоря, предполагалось, что в училища могли поступать вне зависимости от сословных различий, что для того времени было весьма смело. Поступать в училища дети должны в 5-6 лет и обучаться до 18 лет. Причем при помещении в то или иное училище следует учитывать склонности учащегося и желание его родителей. Более того, авторы подчеркивают, что «дворяне, которые приведут детей своих для принятия в сии школы, должны равномерно повиноваться общим учреждениям, как и простые люди». Обучение должно быть бесплатным. Для образования таких государственных училищ требуется единовременно на обзаведение выделить 2000 руб., и далее ежегодно тратить по 20 тыс. руб. Для управления училищами следует учредить особое ведомство во главе с протектором, при котором должен работать особый совет директоров. Начальником государственного училища следует назначить ректора.

Так как учредить такие училища возможно было бы только в больших губернских городах, то в небольших уездных городах предлагалось учредить «публичные школы для простого народа». В этих школах следовало обучать детей, «какого бы звания ни были, не исключая слуг и работников, в возрасте от 6 до 14 лет». Попечение над этими школами следовало возложить на муниципалитеты и духовенство.

Для проверки жизнеспособности своих замыслов авторы проекта предложили учредить два таких государственных училища в Москве и Петербурге: «одно гражданское, другое для ученых людей чина». Открыть училища авторы предлагали сразу же для трех классов. Этим они отступали от одной из главных идей своего проекта – последовательности обучения. Однако это требовалось, чтобы полностью загрузить учителей.

Данный проект не имел последствий. Причин здесь несколько. Во-первых, Екатерина II в этот период активно занималась составлением «Наказа» и подготовкой к созыву Учредительной комиссии. Во-вторых, реализация данного предложения требовала больших капиталовложений, которыми власть не располагала.

В «Наказе» Уложенной комиссии проблемам воспитания посвящена XIV глава²¹. Здесь императрица убеждает своих подданных, что именно правила воспитания делают людей гражданами. В то же время, будучи реалисткой, Екатерина II указывала, что «невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах». И все же императрица указывает на необходимость разработки единой государственной политики в области воспитания и образования.

Отдельные предложения по вопросам образования содержались в привезенных депутатами Уложенной комиссии наказах. Их было немного: из 158 дворянских наказов только в 35 упоминается о проблемах образования²². Например, в наказе от Калужского и Медынского уездов было высказано предложение учредить «для воспитания бедных дворянских юношей» училища на дворянском или государственном обеспечении²³.

На заседаниях Большого собрания вопросы образования рассматривались как проблема просвещения простого народа. Вопрос о необходимости «в школах учить детей грамоте» поднял депутат от пахотных крестьян Нижегородской губернии И. Жеребцов. Для достижения этой цели он предложил учредить «в знатных селениях» школы²⁴. Данное предложение вызвало оживленную дискуссию в Комиссии. Депутат С. Любавцев возражал И. Жеребцову, указывая, что крестьяне и так обучают с малолетства детей своих землепашеству. Знание же прочих наук для них вредно. Против этой мысли высказался Е. Селиванов. Со ссылкой на «Наказ» Екатерины II он доказывал, что только просвещенный народ может быть полезен отечеству, «а просвещение через что может вкорениться, как не через учреждение училищ?» И. Жеребцов пояснил свое мнение. Он заметил, что не намеревался заводить в таких школах иностранных языков, а предложил учить детей катехизису и давать элементарные знания по письму и арифметике.

Мнение И. Жеребцова поддержали депутаты от дворянства А. Строганов и П. Орлов. А. Строганов высоко оценил высказанное предположение о необходимости распространения просвещения в стране, «ибо едино просвещение человека от скота различает». Аналогичное мнение высказал и П. Орлов, подчеркнув, что обучать детей следует в юном возрасте, пока они еще активно не занимаются земледелием²⁵.

В 1768 г. была создана «Частная комиссия об училищах и призрения требующих» для разработки законов, позволяющих создать систему учебных заведений в России. Данная комиссия работала со 2 мая 1768 г. по 25 октября 1771 г., за это время было проведено 288 заседаний²⁶. В состав комиссии были включены депутаты от дворянства: Г. Аш, А. Ивашин, В. Золотницкий, А. Угрюмов, Я. Урсинус; депутат от государственных крестьян А. Беклимишев; а также Т. Клингштедт, П. Страмилов. План работы Комиссии был утвержден в декабре 1768 г., где была поставлена перед ней основная задача – подготовка проектов реформ, направленных на формирование системы образования в стране²⁷.

Комиссия в целом выполнила задачу, подготовив ряд проектов реформирования системы образования, причем авторы явно при этом использовали законы и практику зарубежных стран, так как в Российской империи она фактически отсутст-

вовала. Основную работу взял на себя В. Золотницкий, под непосредственным руководством которого был разработан проект «О нижних училищах деревенских и городских». Авторы проекта отметили необходимость «построения и учреждения школьных домов». То есть для организации обучения детей необходимо построить достаточное количество школ с таким расчетом, «чтобы в них 30 человек детей без тесноты и помешательства в одно время учиться могли». Для того чтобы в школах был порядок, из местных жителей следует избрать совет попечителей – 12 человек из «самых достойных». В школах следует обучать детей с 8 (или 7) до 12 лет. Причем как мальчиков, так и девочек, но без принуждения, а как пожелают родители²⁸. Составители проекта изначально определили главный принцип обучения – его добровольность.

Одной из главных проблем при организации школ был подбор учителей. Собственно, их просто неоткуда было взять. Поэтому было предложено возложить эту обязанность на священнослужителей: «в большом приходе, где случится дьякон, оный обучает школу, а где нет дьякона, там учит дьячок», но могут быть наняты и вольные учителя, которые должны быть «свидетельствованы духовным правлением»²⁹. Авторами проекта были разработаны примерные программы обучения, механизмы контроля учащихся, определено вознаграждение учителям. Конечно, данный проект далек от совершенства, но его авторы четко прописали необходимость всеобщего начального образования.

Проект не получил дальнейшего развития в тот период, Екатерина II была занята решением ряда более оперативных проблем. В течение 70-х гг. вопросы реформирования системы образования в правительственных кругах более не поднимались, так что у ряда исследователей даже возникли сомнения, знакома ли была императрица с работой комиссии³⁰. Однако императрицы трепетно относилась к своему «детищу» – Уложенной комиссии, поэтому едва ли она не познакомилась с результатами ее работы. Другой вопрос – реализация данных проектов. Очевидно, что в начале 70-х гг. XVIII в. на это не было ни финансовых, ни людских ресурсов.

Вопросы народного просвещения в указанный период поднимались не только в правительственных кругах, но и в зарождающейся журналистике, художественной литературе, общественной мысли. Начало формирования отечественной системы высшего образования, развитие российской науки, прежде всего истории и юриспруденции, стали основой для появления первых неправительственных организаций – Вольных обществ. Они стали появляться в первое десятилетие правления Екатерины II. Что любопытно: первое подобное общество возникло в Архангельске под названием «Архангелогородского исторического клевретства». К сожалению, установить точное время существования данного общества не представляется возможным. Единственным достоверным источником о нем является прошение членов общества В. Крестинина, А. Фомина, В. Нарышкина, Н. Зыкова и А. Свешникова, поданное в мае 1768 г. архангелогородскому губернатору Е. А. Головцыну³¹. В этом прошении упоминается, что первые собрания общества проходили еще в 1759 г. Данные лица уведомляют губернатора о существовании исторического общества для сбора материалов по истории города Архангельска и страны в целом. За время существования данного общества его членами был собран обширный материал по истории России, в частности, был обнаружен список Двинского летописца и выписки из Кормчей книги. Однако для продолжения работы членам общества необходимо было получить доступ в архивы государственных учреждений: «здешние архивы

как лучшее сокровище сих древностей были нам непреступны». Губернатор ответил отказом, не поддержав инициативы членов общества. После этого отказа общество самораспустилось, а историки В.В. Крестинин и А.И. Фомин стали действовать самостоятельно. Причины отказа губернатора достоверно неизвестны, но, вероятно, его испугала новая форма объединения сограждан.

Если история с Архангельским обществом достаточно уникальная, то организация и функционирование Вольных ученых обществ при университетских центрах в период правления Екатерины II становится традиционным.

Одним из наиболее крупных и влиятельных Вольных обществ, существовавших при Московском университете, было Вольное Российское Собрание, объединившее «любителей русского языка» для «исправления и обогащения Российского языка чрез издание полезных, а особливо к наставлению юношества потребных, сочинений и переводов»³². Торжественное открытие Вольного Российского Собрания состоялось 2 августа 1771 г. в библиотеке университета у Воскресенских ворот. На этом собрании был определен внутренний распорядок общества и круг его постоянных членов. Первоначально было решено, что в число постоянных членов Вольного Собрания войдет 51 человек. Председателем общества был избран куратор Московского университета И.И. Мессилино, заместителем (заместителем) председательствующего директора М.В. Приклонский, один бессменный и два годовых секретаря. Бессменным секретарем был избран А.А. Барсов. Членами данного общества автоматически становились все профессора Московского университета. Кроме того, членами Вольного Собрания, списки которого публиковались регулярно, были также: Д.С. Аничков, М.И. Веревкин, Е.Р. Дашкова, С.Е. Десницкий, С.Г. Забелин, Г.Ф. Миллер, А.А. Нартов, Н.И. Новиков, В.Г. Рубан, П.И. Рычков, А.П. Сумароков, Д.Н. Фонвизин, М.М. Херасков, М.М. Щербатов и др. Среди почетных членов общества присутствовали вельможи, такие, как Г.А. Потемкин и А.П. Чернышев.

Заседания общества было решено проводить еженедельно по субботам, и приступить к изданию трудов членов общества. Всего было издано шесть томов «Опыта трудов Вольного Российского Собрания» в 1774, 1775, 1776, 1778, 1780 и 1783 гг. В этих изданиях печатались исторические, публицистические и литературные произведения членов Вольного Собрания. В 1776 г. была опубликована работа М.М. Щербатова «О древних чинах, бывших в России, и должности каждого из них». В «Трудах Вольного Собрания» начал печатать свои произведения историк Г.Ф. Миллер: «Известия о начале Преображенского и Семеновского полков гвардии», «Воспитание Государя Императора Петра Великого», «Первое воцарение Петра Великого» и др. Помимо собственно исторических работ в сборниках общества печатались и исторические источники. Много внимания было уделено публикациям материалов о вступлении на царство различных монархов, в частности, «Чин и поставление царя и великого князя Алексея Михайловича на царство ...», «Грамота избранна и утвержденная первая на царство царю Борису Федоровичу» и др. Надо заметить, что подобные публикации, помимо собственно исторического значения, имели и современный, публицистический смысл, так как рассказывали о русских традициях престолонаследия, явно нарушенных в XVIII в.

В начале 80-х гг. XVIII в. Вольное Собрание стало собираться реже. Часть членов во главе с Н.И. Новиковым вышла из него, создав свое Дружеское ученое общество, к тому же ряд профессоров Московского университета переехали в Петербург. И хотя оставшиеся члены общества изредка собирались вплоть до 1787 г.,

Вольное Собрание перестало издавать сборники и превратилось скорее в историко-литературный кружок. В целом Вольное Российское Собрание и не претендовало на роль «политического» общества, ограничивая свою задачу развитием в стране наук. Его значение в другом. Оно стало своего рода образцом для организации подобных Вольных литературных, исторических и тому подобных неправительственных обществ с гораздо большей политико-публицистической направленностью.

Большое влияние на формирование общественной мысли оказало развитие журналистики. В 60-70-х гг. в Петербурге были хорошо известны имена таких журналистов-издателей как М.М. Херасков, А.И. Крылов, А.А. Сумароков и других. Огромное значение придавал журналистской деятельности М.В. Ломоносов. В своем «Рассуждении об обязанностях журналистов»³³ он говорит об огромной роли печатного слова в жизни общества. Издатель должен обладать «силой и доброй волей», чтобы освещать разнообразные вопросы и не отступать от истины, не относясь предвзято к чужому мнению. Ломоносов много внимания уделил этике журналиста и издателя: «Он [журналист] должен усвоить, что нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из собратьев высказанные последним мысли и суждения и присваивать себе»³⁴. Расцвет сатирической журналистики связан с именем известного русского просветителя Н.И. Новикова. Его творчество оказало огромное влияние на развитие общественной мысли в России в последней трети XVIII в. Новиков был наделен огромным литературным, журналистским, издательским талантом, а его судьба воплотила в себе все противоречия истории России последней трети XVIII – начала XIX в.

Как уже говорилось, в течение ряда лет Николай Иванович издавал сатирические журналы «Трутень» (с 5 мая 1769 по 27 апреля 1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772-1773) и «Кошелек» (с 8 июля по 2 сентября 1774). Н.И. Новиков считал главной задачей журналистики давать «сатиру на лицо», подразумевая, что ее актуальность состоит в указании на конкретного носителя зла. Свой журнал «Живописец» Новиков посвятил Екатерине II: «неизвестному» сочинителю комедии «О, время!». Первая часть журнала имела тираж 636 экз., вторая – 758. Ее номера еще продолжали выходить, а уже первая часть была напечатана повторно. Журнал в соответствии с заглавием собирался «живописать» современные нравы. «Живописец», как большинство журналов XVIII в., являлся авторским, т. е. издатель был основным автором своего издания. В 1775 г. журнал впервые издан в виде отдельной книги. В нем участвовали Е.Р. Дашкова, П.С. Потемкин, В.Г. Рубан и др. Кроме чисто сатирических статей, в «Живописце» публиковались материалы о внешних и внутренних событиях в России и за рубежом, известия о которых Н. И. Новиков, вероятно, получал благодаря своим связям с Коллегией иностранных дел, где он одно время служил. В журнале напечатаны (в переводах на русский язык) письма Доминика Диодати о «Наказе» императрицы Екатерины (1771), письма Фридриха II к Екатерине II (1767) и А.И. Бибикову (1772), Солмса к Н.И. Панину (1767; с выдержкой из письма Фридриха II), Амвросия Подобедова к Г.Г. Орлову (1771), Самуила Миславского к Е.А. Щербинину о заведении типографии в Харькове; речи епископа Анатолия (1772) и Георгия Конисского (1773). Также было перепечатано «Слово» Д. Фонвизина на выздоровление в. к. Павла Петровича. Екатерина II поместила в журнале ответ на адресованное ей «Посвящение» за подписью «Сочинитель комедии «О, время!»»³⁵ и письмо к издателю за подписью «Любомудров из Ярославля» с датой «28 февр. 1773» (л. 18); Первые

листы (включавшие и «Отрывок путешествия в*** И***Т***») Новиков через Г.В. Козицкого в конце июля 1772 г. поднес императрице, получив в качестве поощрения 200 руб. на продолжение издания.

В «Живописце» центральными являются две темы: просвещения, борьбы с галломанией и бескультурьем дворянского общества. В 3 и 4-м листах «Живописца» Новиков поместил сатирические зарисовки врагов просвещения – щеголя Наркиса Худовоспитанника, Кривосуда, Щеголихи, Молокососа, Волокиты. Щеголиха и Волокита считают, что для них науки исчерпываются умением нравиться и быть одетыми по моде. Кроме того, на страницах журнала открыто назывались пороки общества. Молокосос говорит: «Я не хочу тратить времени для наук: они мне не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнее пред теми, которые в науках погубили молодые свои лета. Деньги на мое содержание жалует мне батюшка, а когда недостает оных, тогда забираю в долг, и мне верят». В 9 листе напечатано письмо Щеголихи, в котором Новиков пародировал жаргон светских модников с его характерной чертой – включением в русскую речь французских слов и выражений. Щеголиха просит издателя «Живописца» собрать и напечатать «Модный женский словарь», обещая за это «до смерти захвалить». Новиков «выполнил просьбу» и в 10 листе опубликовал сатирический «Опыт модного словаря щегольского наречия», поместив в нем слова на две первые буквы алфавита: «Ах и бесподобно, беспримерно, болванчик». Например, «Беспримерное махание! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечный в голове беспорядок»³⁶. В тоже время в журнале представлены и пути исправления человеческих пороков. Авторы и редактор «Живописца» предлагали только один путь – через просвещение. С началом крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева журнал был закрыт.

Н.И. Новиков находит новое приложение своим талантам. Он приступает, да к тому же с финансовой поддержкой Екатерины II, к изданию ежемесячной в течение 1773-1775 гг. «Древней российской вивлиофики» – первого периодического историко-этнографического журнала, где он публикует документы, княжеские грамоты и договоры XIV–XVI вв., дипломатическую переписку и т. п. Самый древний документ, опубликованный в «Вивлиофике», – Устав князя Владимира Святославича «О церковных судах, и о десятинах, и о церковных людях». Материалы для «Вивлиофики» он получал из Московского архива коллегии иностранных дел, находил рукописные памятники в библиотеках Академии наук, Патриаршей, Успенского собора в Москве, Киево-Печерской лавры. Естественно, что проделать такую работу в одиночку было невозможно. Ему помогали М.М. Щербатов, Г.Ф. Миллер, Н.Н. Бантыш-Каменский, текстолог и библиограф Дамаскин (Д.Е. Семенов-Руднев), а также владельцы личных библиотек.

Кроме этого Н.И. Новиков издал «Опыт исторического словаря о российских писателях», который он составил «из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий». В подготовке этого издания ему помогали историк Г.Ф. Миллер и поэт А.П. Сумароков. «Словарь» включал 317 биографий и справок о русских писателях от X до XVIII вв. В материалах содержались краткие биографические данные и указывались основные произведения автора с раскрытием их содержания. Новиков считал необходимым «дать имена всех наших писателей», даже если некоторые из них опубликовали всего лишь одно свое произведение. Издавая данный «Словарь», Новиков хотел доказать, что русская история и культура ни в чем не уступают европейской: «Россия о преимуществах в науках спорит с на-

родами, целые веки учением прославлявшимися; науки и художества в ней распространяются, а писатели наши прославляются». «Опыт исторического словаря о русских писателях» получил широкую известность. Примечательный факт: Д. Дидро в числе других лучших русских книг вывез «Словарь» Новикова во Францию³⁷.

Параллельно с этим Новиков вновь решается на издательство сатирического журнала «Кошелек». Причем Николай Иванович считает необходимым несколько изменить направление своей сатиры и посвятить издание порицанию галломании, космополитизма и прославлению национальных достоинств, «древних российских добродетелей». В новом журнале Новиков поместил «Разговоры» русского с французом и француз с немцем, «Письмо» из Парижа в защиту французов, явно собственного сочинения. В этих статьях Новиков сопоставляет «добродетели» разных народов. Существует точка зрения, что «Кошелек» был запрещен цензурой по протесту французского посланника. Императрица Екатерина II заинтересовалась новым изданием Николая Ивановича и рекомендовала присылать ей листы для просмотра. Понимая, что издавать журнал самостоятельно он не сможет, Новиков прекратил издание.

Одновременно с издательством словарей и журналов Новиков пробует себя и как книгоиздатель. Он создал первое в России книгоиздательское объединение «Общество, старающееся о напечатании книг», с девизом: «согласием и трудами», которое существовало с 1773 по 1775 гг. Среди членов «Общества» были Н.А. Радищев, Д.Е. Семенов-Руднев, Я.Б. Княжнин и др. За два года своего существования Общество выпустило 24 книги – сочинения по истории и этнографии России, прозаические и драматические произведения французских, немецких, английских авторов. Среди них: Дж. Свифта «Путешествия Гулливера», трагедии П. Корнеля «Сид» и «Смерть Помпеи», Г. Мабли «Размышления о греческой истории» и др.

В 1775 г. Н.И. Новиков вступил в масонскую ложу «Астрея» и переехал в Москву. В том же году он получил предложение от М.М. Хераскова, одного из кураторов Московского университета, взять в аренду университетскую типографию. 6 ноября 1782 г. Новиков основал «Дружеское ученое общество», ставившее перед собой достаточно обширные просветительские задачи. В 1783 г., после выхода указа, разрешающего иметь частные типографии, он распустил Общество и создал на его базе 1 сентября 1784 г. Типографическую кампанию. В рамках данной просветительской и издательской деятельности Новиков объединил около ста авторов, переводчиков, редакторов, книготорговцев. Одновременно здесь издавались сотни книг по всем отраслям знаний. В типографии печатались как труды русских авторов: Я.Б. Княжнина, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина и др.; так и известных западных писателей и философов: П. Корнеля, Ж. Б. Мольера, Г. Мабли, Вольтера, Ш. Монтескье, Ж-Ж Руссо, Дж. Локка, Д. Дидро и др. Помимо издания научной и художественной литературы, Новиков в большом количестве издавал учебные книги, азбуки, грамматики, книги для чтения и т. п., а также труды по воспитанию детей: Х.В. Геллерта «О нравственном воспитании детей», Дж. Локка «О воспитании детей» и Р. Досли «Учитель, или Всеобщая система воспитания». Эти книги в дальнейшем распространились по всей стране.

Параллельно с книгоиздательской деятельностью Н.И. Новиков продолжал издавать журналы просветительно-философской направленности: «Утренний свет» (с сентября 1777 по август 1780 г. включительно в Петербурге, а с мая 1779 по

1780 г. в Москве), «Московское издание» (1781 г.), «Покоящийся трудолюбец», газету «Московские ведомости». В качестве журналов-приложений к «Московским ведомостям» Новиков издает «Экономический магазин» (1780-1789), «Прибавление к Московским ведомостям» (1783-1784), первый детский журнал «Детское чтение для сердца и разума» (1785-1789), первый журнал для сельского населения «Городскую и деревенскую библиотеку или Забавы и удовольствие разума и сердца в праздное время, содержащую в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные» (1782-1786). Одним из редакторов «Детского чтения» был Н.М. Карамзин. Содержание журнала отличалось богатством и разнообразием тем. Кроме нравоучительных повестей, рассказов, театральных пьес, сюда входили статьи научного содержания по физике, астрономии, географии, статьи из древней истории, биографии и изречения мудрецов древности.

Вырученные от издания масонских журналов деньги Николай Иванович тратил на содержание двух училищ – Александровского для мальчиков и Екатерининского для девочек; организацию книгоиздания и торговлю книгами в различных городах страны; открыл избу-читальню в Москве. На средства масонов, журналистской и книгоиздательской деятельности при участии Новикова была основана в 1779 г. учительская семинария при Московском университете – первое в России педагогическое учебное заведение.

Идея воспитания «добрых граждан», счастливых и полезных отечеству, была центральной в воспитательной программе Н.И. Новикова. Как и все мыслители того времени, он полагал, что «процветание государства и благополучие народа зависят не отменно от доброты нравов, а доброта нравов – не отменно от воспитания». Если в обществе повреждены нравы, то перестают быть добродетельными законодательство, религия, благочиние, науки и художества. Он утверждал, что «причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства – знание»³⁸, поэтому целью его жизни стало максимальное распространение просвещения в самом широком смысле этого слова. На истине и знании основывается его гордость за свой народ. Достижение совершенства в воспитании ведет, по мнению Новикова, к идеальному состоянию общества. Науки являются настоящим источником выгод для государства, ремесла способствуют украшению жизни. Люди всякого сословия, считал Новиков, при совершенном воспитании с успехом будут выполнять свои обязанности, отличаться трудолюбием, хорошим ведением хозяйства.

Воспитание юношества – необходимая и первая забота правителя страны, каждого отца семейства. И хотя этим занимается сама императрица, родители, воспитание далеки от совершенства, а беспечность и небрежность в этом деле недопустимы. Именно из-за недостатка просвещенности и дурного воспитания «нередко бывают худые люди и негодные граждане»³⁹. Огромные затраты не идут на пользу воспитуемым, ибо деньги часто употребляются на то, чтобы «сообщить им некоторые знания и способности, которыми они могли бы блистать в свете», а воспитанием добродетели пренебрегают и делают «сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупостям или пороку», а не к добру, благородству и величеству. От этого и появляются Безрассуды, Недоумы, Змеяны, Забылчести и др. Основное их занятие – есть, пить и спать. Мало проку и от обучения дворянских детей за границей. Развращенные невежеством и ленью дома, обучаясь там, молодые люди предаются больше веселью, праздному времяпровождению, чем овладению науками. По-

этому в своих сатирических ведомостях Н.И. Новиков предлагал желающим обратить внимание на «молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользой, возвратился уже совершенною свиньей»⁴⁰.

Просветитель в своих работах попытался ответить на вопрос, каким же должно быть воспитание и образование молодого поколения. Именно Новиков впервые употребил слово «педагогика», под которым он понимал «особую и важную науку ... о воспитании тела, разума и сердца»⁴¹. Новиков одним из первых обратил особое внимание на ребенка как на маленького человека, у которого есть не только обязанность повиноваться старшим, но и свои права: «Оно [дитя – Н. К.] имеет такие же права, как и мы, с тем только различием, что ему более, нежели нам, нужна чужая помощь». Поэтому одним из наиболее неверных аспектов воспитания в то время Новиков считал требование от ребенка беспрекословного подчинения. Новиков разработал свою теорию воспитания детей, основой которого должно стать формирование личности ребенка как будущего гражданина, полезного для общества и государства. «Воспитайте детей наших не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими ценить себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказать, когда их должность или благо других человек того требует. ... Ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин...»⁴². Новиков выступал против официальной доктрины образования детей. Он считал, что обучать и воспитывать всех детей необходимо одинаково, «без различия состояний». Кроме того, Николай Иванович подчеркивал, что семейное воспитание играет не меньшую роль, чем общественное, особенно при этом важен положительный пример родителей. Он не отрицал роль грамотного учителя. Более того, истинный учитель должен быть человеком высоких моральных качеств, добронравным, высокопрофессиональным. Иными словами, Новиков выступал за комплексный подход к обучению детей, который предполагает постижение не только теоретических, но и практических знаний.

Вопросы народного просвещения нашли отражение и в творчестве другого просветителя, Я.П. Козельского. Он видел одну из основ внутреннего благосостояния в добронравии. Лучшим средством его введения он считал «доброе воспитание детей, которые, возмужавши в добродетельных наставлениях, сами будут пребывать добродетельными и детям своим сие передадут». Козельский считал воспитание добродетели в человеке важнее «просвещения разума». «Потому что надежнее из добродетельного человека сделаться умным, чем из умного добродетельным», поэтому первоначально детей следует обучать именно этому. Тех же, кто окажется к добродетели не склонным, не следует допускать и к наукам, считал просветитель, так как для благополучия общества «и простой злодей вреден, а ученый уже не только не сносен, но и совсем его [общество] погубить может»⁴³.

Не меньшее значение, чем творчество просветителей, играла общественная и культурная деятельность Е.Р. Дашковой. 24 января 1783 г. она была назначена директором Академии наук, которую возглавляла до 18 ноября 1796. При Е.Р. Дашковой заметно оживляется научно-просветительская, издательская и административно-хозяйственная деятельность академии. По рекомендации директора Екатерина II дала указание всем типографиям присылать по одному обязательному экземпляру каждого печатного издания в Библиотеку Академии наук. Начиная с 1784 г., каждое лето организовывались публичные лекции. Стали регулярно выхо-

дить «Труды» Академии. По инициативе Дашковой издается полное собрание сочинений М.В. Ломоносова, переиздается «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, «Аналитические труды» и «Интегративное исчисление» Л. Эйлера, продолжается публикация «Дневных записок» И.И. Лепехина. При Дашковой было построено новое здание Академии наук.

В октябре 1783 г. Е.Р. Дашкова стала одним из инициаторов создания Российской Академии и ее первым президентом. Она написала устав этого учреждения, определив основные задачи, стоявшие перед ним. Академии «надлежало возвеличить российское слово», упорядочить грамматику, стилистику и произносительную норму русского языка. Наиболее значительным научным достижением явился выпуск «Словаря Академии Российской», осуществленный в 1789-1794 гг. Сама Дашкова для словаря подобрала слова на буквы «Ц», «Ш», «Щ», внесла дополнения в материалы, относящиеся к другим литерам, и объяснила ряд понятий из области нравственности, политики и управления государством.

Весьма разнообразна и обширна литературная деятельность Е.Р. Дашковой: она писала стихи на русском и французском языках, пьесы, переводы сочинений западноевропейских просветителей, публицистические статьи, многочисленные «академические речи», в которых заметно влияние аналогичных выступлений М.В. Ломоносова. Наиболее ярко литературное дарование Дашковой проявилось в «Записках», которые и сделали ее известной как писательницу.

При Академии наук в 1783-1784 гг. Дашкова учредила журнал «Собеседник любителей русского слова», который издавался «иждивением Академии наук». Журнал открывался одой Г.Р. Державина «Фелица», публикация которой определила его основное направление – прославление монархии и самой Екатерины II. В журнале были опубликованы статьи, содержащие острые сатирические выпады против двора, отдельных вельмож и неурядица общественного быта. В «Собеседнике» печатались произведения таких писателей как Д. Фонвизин, Я. Княжнин, Ф. Козельский, С. Бобров, осознававших недостатки екатерининского правления и выступавших против них в своей литературной деятельности. Самым заметным общественно-политическим выступлением журнала явилась публикация «Вопросов» Д.И. Фонвизина и «Ответов» на них Екатерины II. Свидетельством того, что Дашкова отчасти разделяла точку зрения Фонвизина, является ее «Послание к слову «Так»⁴⁴, посвященное теме всеобщего угодничества при дворе. В журнале Фонвизин напечатал «Опыт русского сословника», т. е. словаря синонимических выражений. Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» не означало полного единодушия императрицы и издателя. В некоторых сочинениях Екатерины II в 1780-х гг. проявилось ее недовольство Дашковой. Так, в «Собеседнике» была опубликована ее статья «Общества незнающих ежедневная записка» – пародия на заседания Российской Академии, а в пьесе «За мухой с обухом» императрица вывела Дашкову под именем Постреловой, особы, безудержно хвастающейся своими заграничными во-
ежами.

Как директор Академии наук, Е.Р. Дашкова руководила изданием журнала «Новое ежемесячное сочинение» (1786-1796 гг.), куда привлекла бывших сотрудников «Собеседника». Основное место в журнале занимали обширные переводы из сочинений А. фон Галлера, Х.-Ф. Геллерта, Дж. Аддисона, Вольтера, Гельвеция и др. Наиболее значительными научными публикациями были статьи по русской истории В.В. Крестинина; А. Фомина по вопросам языкознания, по экономическому и

географическому изучению Севера, материалы из архива Г.-Ф. Миллера. Публикации самой Дашковой непосредственно связаны с событиями французской революции. В декабре 1792 г. Е. Р. Дашкова участвовала в издании сборника «Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений», который выходил в 1786-1794 гг. под редакцией В. А. Ушакова.

В журнале были помещены тираноборческие трагедии «Сорена и Замир» Н.П. Николева, «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнина, сатирические комедии И.А. Крылова, А.И. Клушина и др. По своему положению и занимаемым должностям Екатерина Романовна имела широкий круг литературных знакомств. Через А.Р. Воронцова она была знакома с А.Н. Радищевым и читала его «Житие Ф.В. Ушакова». Дашкова поддерживала Я.Б. Княжнина, Г.Р. Державина, хотя с последним у нее были достаточно сложные отношения. Дашкова была автором нескольких драматических произведений: комедии «Тоисиоков, или Человек бесхарактерный» (1786) для Эрмитажного театра (прототипом главного героя послужил И.И. Шувалов), пьесы «Свадьба Фабиана, или Алчность к богатству наказанная» (1799), написанное в продолжение драмы А. Коцебу «Бедность и благородство души» либретто оперы «Земир и Азор» (1783). В 1788 г. вышел ее роман «Новая Евфимия».

В 1805-1806 гг. в Троицком Е.Р. Дашкова написала свои «Записки». Целью их написания Дашкова считала «воссоздать откровенную историю моей жизни». Но это произведение далеко выходит за рамки автобиографии и содержит множество важных фактических данных и оценок: переворот 1762 г., характеристики Петра III, Екатерины II, Павла I, братьев Орловых, А.Р. Воронцова, Руссо, Дидро, Вольтера, Эйлера, Кауница и др. Впрочем, о ряде событий и фактов автор намеренно умалчивает. «Записки» крайне пристрастны. Дашкова явно завышает свою роль в ряде событий, особенно в перевороте 1762 г. Воспоминания посвящены компаньонке, ирландке М. Вильмот (в замужестве Брэдфорд), с предоставлением ей права публикации «Записок» после смерти автора. Публикации «Записок» в Англии первоначально воспрепятствовал С. Р. Воронцов. Английский перевод появился лишь в 1840 г. На его основе А. И. Герцен опубликовал в «Полярной звезде» исторический очерк «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» (1857. Кн. 3). В 1859 г. в Лондоне Герцен печатает «Записки» Дашковой в русском переводе Г. Е. Благосветлова.

Жизнь и творчество Е.Р. Дашковой интересны и оригинальны. В XVIII в. женщины получали известность только будучи правительницами или фаворитками монархов. Екатерина Романовна, хоть и участвовала в заговоре в пользу Екатерины II, но далеко не в тех масштабах, чтобы получить власть самой. Ей поручают руководить Академиями именно благодаря ее собственным способностям и интеллекту. Несмотря на сложный характер, Дашкова оказывается неплохим организатором. Ее в полной мере можно назвать выдающимся деятелем российской общественной мысли.

Распространению просвещения в России способствовало творчество Д.И. Фонвизина. В 1781 г. он написал комедию «Недоросль», которая в театре впервые была поставлена 24 сентября 1782 г. Основная тема комедии – главный конфликт социально-политической жизни России – произвол помещиков, поддержанный высшей властью, и бесправие крепостных. Рабство превращает крестьян в холопов, но оно развращает и растлевает самих помещиков, которые превращаются в

Скотининых, утративших честь, достоинство, человечность, становятся жестокими палачами окружающих их людей.

С мая 1783 г. Фонвизин участвовал в издании журнала «Собеседник любителей российского слова», официальным редактором которого была кн. Е.Р. Дашкова. Фонвизин опубликовал ряд сатирических сочинений: «Опыт российского сословника», «Челобитная российской Миневре от российских писателей», «Повествование мнимого глухого и немого». Летом 1784 г. он посетил Италию. Будучи во Флоренции, Ливорно, Риме, он изучал итальянский театр, музыку и особенно прославленную живопись Италии. За границей Фонвизин анонимно на французском языке издал свой трактат «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина», нарисовав образ идеального просвещенного вельможи. Как и во время путешествия по Франции, он вел журнал, который в виде писем отправлял в Москву сестре и П.И. Панину. С 1787 г. Фонвизин начал издавать собственный сатирический журнал «Друг честных людей, или Стародум», в котором стал пропагандировать свои взгляды на образ правления. В письме Стародума от февраля 1788 г. Фонвизин предлагал создать в России такое учреждение, где бы «честные люди», и прежде всего «люди с дарованием», имели возможность «рассуждать о законах и податях и где судить поведение министров, государственным рулем управляющих»⁴⁵. После целого ряда злободневных публикаций журнал был запрещен. Развитие журналистики, появление сатирических пьес, создание «Вольных обществ» свидетельствовало о необходимости возврата к формированию всеобщей системы образования.

Большой интерес представляют взгляды на народное просвещение видного государственного и общественного деятеля М.М. Щербатова. Они изложены, главным образом, в утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина», статьях «О пользе науки» и «О способах преподавания разных наук». Щербатов считал, что образование должно быть всецело под контролем государства, но при этом бесплатным и всеобщим. Это необходимо, так как именно в школе закладываются основы самосознания личности. Несмотря на то, что особое внимание Щербатов уделил воспитанию и образованию дворянства, он считал необходимым просвещать все сословия. Причем для каждого должны существовать собственные учебные заведения. Дворянам следует давать энциклопедические знания, которые помогут создать «новую породу людей»; для третьего сословия, мещанства, необходимы учебные заведения для овладения «полезными науками»; крестьян же следует учить «только чтению, письму, счету и двум «катехизисам» – нравственному и «законному»»⁴⁶.

М.М. Щербатов одним из первых указал на необходимость получения образования в системе, без которой хаотически полученные знания могут причинить только вред. Начинать обучение следует с Евангелия, так как христианские добродетели составляют основу просвещения. Далее следует изучение новых и древних языков и истории, именно ее познание «нужно каждому благородному человеку, ибо через знание древних деяний не только научается человек, как ему в разных обстоятельствах направлять свой поступок, как в политических и военных делах поступать, но, просвещая свой разум, научается примерам древних добродетелей, и к омерзению пороков сердце его обращается»⁴⁷. Знание истории, по мнению Щербатова, следует закреплять географией и экономикой. Только после этого к 12-13 годам необходимо начать изучение математики и философии, которая нужна «для украшения разума»

и ведет «к поправлению самих наших нравов»⁴⁸. Наконец завершать общее обучение следует изучением правовой науки.

Конечно, взгляды М.М. Щербатова достаточно спорны и неоднозначны, но их анализ показывает, что даже общепризнанные ревнители старины понимали необходимость серьезного реформирования образовательной сферы. Было очевидно, что достаточно низкий уровень образования населения в целом и дворянства в частности тормозит даже необходимые и актуальные реформы.

Традиция создания Вольных обществ, заложенная в 60-70-е гг. XVIII столетия, продолжала существовать и в 80-х гг. В 1789 г. И.И. Месселино, куратор Московского университета, сделал попытку создать новое вольное «Общество любителей Российской учености». Одной из причин, побудивших его это сделать, вероятно, было желание размежеваться с Н.И. Новиковым и И.Г. Шварцем, просветительская и масонская деятельность которых начала вызывать неудовольствие Екатерины II. Уже имея опыт организации и участия в подобных организациях, И.И. Месселино детально разработал проект устава будущего общества. Он был схож с уставом «Вольного Российского Собрания» и отличался от него лишь более детальной разработкой цели, задач и общей направленности будущего общества. Его целью было заявлено «Всевозможно воспешествовать распространению наук в России и влиянию их на всеобщее народное просвещение». Еще более подробно и детально был прописан круг возможных членов общества, а также его руководства. Зная негативное отношение Екатерины II к масонству, И.И. Месселино особо подчеркнул свою непричастность к масонству. На первых двух заседаниях 25 мая и 16 июня 1789 г. были приняты учредительные документы. Однако разрешения от Екатерины II на работу данного общества так и не поступило, хотя И.И. Месселино вел по этому вопросу активную переписку с И.И. Шуваловым, но и запрета тоже не было. И.И. Месселино не решился в данном вопросе действовать самостоятельно, и общество было ликвидировано⁴⁹.

Общее направление, заданное Екатериной II, русской профессурой, представителями общественно-политической мысли, было подхвачено людьми, казалось бы, далекими от большой политики и проблем переустройства общества. В связи с этим особый интерес для нас представляет жизнь и деятельность Федора Васильевича Кречетова⁵⁰. Его судьба достаточно трагична, а творчество – малоизвестно. Однако сам факт появления просветителя «из низов» заслуживает внимания. Ф.В. Кречетов родился не ранее 1740 г. По всей видимости, он происходил из семьи священника (его произведения изобилуют церковными оборотами), мелкопоместного дворянина или однодворца. Как следует из материалов следствия, Кречетов обладал крайне неуживчивым характером и был очень вспыльчив, поэтому он долго нигде не служил. Свою служебную деятельность он начал в 1761 г. писцом в Карачаевской воеводской канцелярии. В октябре 1769 г. ему удалось перевестись на военную службу, но и там грамотного и уже немолодого Ф.В. Кречетова определили сначала писарем при штабе фельдмаршала К.Г. Разумовского, потом с 1771 г. аудитором в Тобольском пехотном полку. Однако на военной службе Кречетов пробыл недолго: 15 декабря 1775 г. он был произведен в подпоручики и уволен со службы. Так как, по всей видимости, жалование было единственным источником его существования, он снова определился на гражданскую службу с июня 1776 г. секретарем в Малоярославецкий нижний земский суд. 5 августа 1779 г. он снова уволился, правда, с чином поручика. Кречетов переехал в Петербург. Снова начались поиски места

службы. Ф.В. Кречетов был причислен у герольдии, но места так и не получил, поэтому в конце 1781 г. он поступил на службу в петербургскую полицию, но и там продержался только полгода и 1 июня 1782 г. был уволен. Федор Васильевич получил от специальной комиссии Академии наук патент учителя 16 апреля 1781 г.⁵¹. После увольнения из полиции Кречетов начал хлопотать о должности библиотекаря у великого князя Павла Петровича, члена частной комиссии по составлению нового Уложения, члена комиссии о народных школах. Но везде ему было отказано. Для того чтобы как-то жить, Кречетов нанимался к частным людям: с 1783 по 1785 гг. он управлял канцелярией князя Петра Никитовича Трубецкого. Рассорившись с ним, он переехал к бывшему купцу, подполковнику Ивану Власовичу Логинову, у которого вел дела. Прожив там до 1789 г., он с хозяином рассорился и поселился «для компании» у секунд-ротмистра конной гвардии Д.В. Татищева. Не поладив и с ним, на какое-то время он переехал к вдове Трубецкого Наталье Васильевне. Потом Кречетов еще несколько раз менял место жительства, пока не был арестован и посажен сначала в Петропавловскую, а потом в Шлиссельбургскую крепость, откуда в 1801 г. был освобожден по приказу Александра I.

Несмотря на постоянную заботу о хлебе насущном, Ф.В. Кречетов постоянно занимался самообразованием. Он много читал, делал выписки и излагал собственные мысли в многочисленных произведениях. В итоге он разработал план преобразований, который разными путями пытался реализовать. После переезда в Петербург Ф.В. Кречетов начал отправлять свои планы преобразований в различные государственные учреждения. В августе 1783 г. ему удалось добиться аудиенции у П.В. Завадовского и попросить его передать Екатерине II труд о необходимости распространения просвещения в России, однако и данный проект был ему возвращен обратно⁵². Понимая, что в одиночку добиться хотя бы рассмотрения своих проектов на высочайшем уровне у него едва ли получится, он решил учредить «Вольное общество». «Всенародно вольно к благоденствию составленное общество» было открыто 30 августа 1785 г.⁵³. Кречетов назначил себя бессменным секретарем и составил для себя «Наказ», согласно которому целью данного общества было «распространение общепольных человечеству знаний, к свободно действию типографий, к распространению книжной коммерции и теми к наибольшему и способнейшему введению в человечество умопросвещения, а чрез то и к приобщению ему всякого блага». Членов общества было около 40 человек. Среди них были друзья, единомышленники и знакомые Ф.В. Кречетова. Самыми активными участниками общества были Дмитрий Васильевич Татищев, Алексей Комаров, Петр Соловьев и Иван Якубовский. Собрания общества посещал и выпускник Московского университета, а впоследствии член Российской Академии, Федор Тимофеевич Пospelов⁵⁴. Председателем общества Кречетов хотел видеть царственную особу и даже обратился с просьбой к Екатерине II назначить председателем общества ее сына – великого князя Павла Петровича, но получил отказ.

На первых же заседаниях было решено организовать собственное печатное издание, которое решено было назвать «Не всио и не ничево». Здесь Ф.В. Кречетов столкнулся с серьезными материальными проблемами. Вышел только один номер данного издания. Текст первого номера подробно обсуждался в обществе. В этом номере представлена цель общества и всех его планируемых печатных изданий – это распространение просвещения. Данное общество просуществовало около двух лет. На его собраниях обсуждались проблемы просвещения, открытия новых школ. В

феврале 1787 г. Кречетов от своего имени и от имени Общества обратился с прошением к Екатерине II о необходимости открытия государственных «юридических школ», в которых обучали бы не только грамоте, но и законам. В этом прошении он еще раз просил принять под покровительство его Общество⁵⁵. Ответа не последовало. Столь же неудачной оказалась и книгоиздательская программа. Кречетов считал необходимым издавать, прежде всего, собственные произведения и переводы. В 1787 г. Федор Васильевич напечатал два своих перевода: «Сокращенное предложение королевского плана к поправлению правосудия, сочиненное господином Формеем» и «О размножении цветов», истратив на это, по его собственному признанию, 90 руб., а выручил только восемь. Чтобы не повторить подобной ошибки, Кречетов на заседании своего Общества 28 июня 1787 г. обсуждает проблему книгоиздательства. Совместно было решено напечатать реестр с предлагаемыми к изданию книгами с подписными листами, чтобы напечатать то количество книг, которое будет востребовано. Под названием «Открытие нового издания; души и сердца пользующего. О всех и за вся, и о своем ко всем; или Российский патриот и патриотизм» реестр был издан, он включал в себя 42 произведения Ф.В. Кречетова и, вероятно, является самым полным списком его произведений. Однако издание этого реестра вместо рекламы принесло ему одни неприятности. Он издал его без надлежащего разрешения цензуры, так как считал, что для издания справочника его не нужно. Церковный оборот в заглавии реестра вызвал неудовольствие петербургского митрополита. Против Кречетова было заведено уголовное дело, 26 августа 1790 г. состоялся суд, по результатам которого ему фактически было запрещено издавать собственные произведения⁵⁶. Но Ф.В. Кречетов и здесь не опустил руки. В июне 1791 г. он снова обратился к Екатерине II с планом учреждения «Национальной в России благоучительной (словесно-учительской) школы». В этом плане он подробно расписал необходимость распространения образования среди населения как мужского, так и женского пола, причем образования не только общего, но и «юридического», так как в стране большая нужда в «письмоводах». Не заметили его и на этот раз.

26 апреля 1793 г. на Ф.В. Кречетова поступил от Осипа Малевинского донос о том, что Кречетов произносил «непристойные и укорительные слова на высочайшую честь Императорского Величества...». Кречетов, естественно, был арестован. На допросах он держался крайне дерзко, постоянно спорил со следователями, менял показания. По делу Кречетова был привлечен мещанин Ерков, единомышленник Кречетова, пользовавшийся покровительством великого князя Павла Петровича, что только усугубило положение Федора Васильевича. Вероятно, в связи с этой возможной связью «бунтовщика Кречетова» с наследником престола, приговор был достаточно суров. Екатерина повелела: «запереть его [Кречетова – Н. К.] в здешней крепости [т. е. Петропавловской – Н. К.] до высочайшего Ее Императорского Величества решения под крепчайшей стражей, не допуская к нему никого, так и писать ему не давая, потому паче, что иногда не откроется ль еще какого на него здесь извещения». В декабре 1794 г. Кречетова перевели в Шлиссельбургскую крепость⁵⁷.

Говорить о взглядах Кречетова на образ правления достаточно сложно: его работы написаны витиеватым языком, в них много противоречий. В своих печатных трудах, например в наиболее известном «Плане юридическом», он выступал сторонником просвещенной монархии Екатерины II. Однако свидетель по делу Кречетова, член его Общества коллежский регистратор Василий Окулов показал, что он достаточно критически высказывался о деятельности императрицы, указывая, что

свой Наказ она оставила «без действия», поэтому Кречетов в своих речах «самодержавной власти не одобрял». Следователи также указывали, что сочинения и речи Кречетова наполнены размышлениями «о недозволительной вольности». Конечно, едва ли Ф.В. Кречетов мыслил своим идеалом республику: по всей вероятности, он был сторонником просвещенной, ограниченной законами монархии. Общественно-политические взгляды Ф.В. Кречетова включали в себя два основных направления: распространение просвещения и установление правосудия. Причем первое неизбежно должно повлечь за собой второе. Он считал, что главная проблема страны – невежество. При этом он указывал, что одинаково необходимо обучать и мужчин и женщин: для всех желающих учиться следует учредить школы «по родам и состояниям департаментами: 1) дворянства, 2) художеств, 3) письмоводства, 4) купечества, 5) разночинцев»⁵⁸. Каждую из школ, в свою очередь, следовало разделить на департаменты по возрасту. После чего установить число учеников в школе, срок их обучения и размер оплаты. К сожалению, взгляды Ф.В. Кречетова остались малоизвестны современникам и потомкам, его влияние, в отличие, например, от Н.И. Новикова, было не велико. Он не обладал талантом журналиста и не встретил богатых и влиятельных покровителей. Однако сам факт, что незнатный и небогатый человек, происходивший из низов, сумел получить достаточно хорошее по тем временам образование, написать и издать ряд своих произведений, наконец, организовать Вольное общество, говорит о широком распространении и востребованности просветительских идей в последней трети XVIII в.

В период проведения губернской реформы в каждой губернии с целью распространения образования был открыт Приказ общественного призрения⁵⁹. Однако предпринятая Екатериной II в 1780 г. поездка по стране показала, что организация учебных заведений затягивается. В губерниях учредители повсеместно сталкиваются с нехваткой средств и учителей⁶⁰. В то же время эта поездка показала, что у населения, прежде всего городского, потребность в получении образования достаточно велика.

В начале 1780 г. Екатерина II рекомендовала директору Академии наук С.Г. Домашневу организовать проверку знаний учащихся частных школ и пансионов. Для реализации этого было создано две комиссии: первая для анализа учебных заведений Петербурга в составе академиков П.С. Палласа, И.И. Лепехина, В.Л. Крафта и И.А. Гильденштедта; вторая – для инспекции русских школ при церквях в составе академика А.П. Протасова, адъюнктов Ф.П. Моисеенко и В.Ф. Зуева⁶¹. Подробно изучив ситуацию, академические комиссии пришли к неутешительному выводу. Фактически нет учителей из «природных русских», нет специальной учебной литературы на русском языке и т. п. Проверяющие отметили и недостатки в методике обучения, в основе которой лежало простое заучивание. Но самое главное, отметили члены комиссий, даже таких несовершенных школ явно недостаточно.

Помимо выводов Комиссий, толчком, побудившим верховную власть вернуться к проблеме формирования системы образования, стало знакомство Екатерины II с австрийской школьной системой. В результате проведенных Иосифом II реформ в 70-80-х гг., в Австрии была создана государственная система образования. В основу реформы школы, проведенной в 1774 г., был положен «Всеобщий школьный устав...», разработанный по проекту И.И. Фельдшера. Устав ввел всеобщую школьную повинность для детей 6-12 лет. Для реализации этого было создано три типа параллельных школ – приходские тривиальные, главные и нормальные. В землях с

многонациональным составом населения в тривиальных школах обучение шло на родном языке. В главных и нормальных школах – на немецком. В 1775 г. проведена реформа гимназий (или латинских школ), ставших после ликвидации ордена иезуитов в 1773 г. государственными платными учреждениями. 5-летний курс объединял 3 грамматических и 2 гуманистических класса. Деятельное участие в реформе принимали Ф.И. Янкович де Мириево (Jankovio Mirijevski), распространявший новые методы обучения в школах сербских провинций, и Ф. Киндерман, реорганизовавший общеобразовательную школу в Чехии.

Екатерина II познакомилась с данной системой на личной встрече с Иосифом II в Могилеве 27 мая 1780 г. В свойственной ей манере императрица сделала набросок проекта реформы, где в самых общих чертах перечислила необходимые нововведения⁶². Екатерина II считала возможным воспроизвести в России австрийскую систему, учредив три вида школ. Первые – земские, в которых следует изучать чтение, письмо, нравоучение и Закон Божий. Вторые – городские школы, здесь к курсу земских школ следует добавить изучение геометрии, механики, архитектуры; учение естества, географии, истории, сельского хозяйства, домоводства, новых и древних языков. В третьих, средних школах, к вышеназванным предметам следует добавить «учение учителей».

Первоначально советником Екатерины II при подготовке школьной реформы стал математик, академик Франц Ульрих Теодор Эпинус. В конце 1781 или начале 1782 г. Ф. Эпинус составил проект реформирования образовательной системы в России⁶³. Его записка состояла из четырех частей. В первой, вводной, части он писал о важности внедрения системы образования в стране. Для процветания государства монарх просто обязан заботиться о просвещении своих подданных. Кроме того, нельзя забывать, что важнейшей составляющей любой реформы в сфере образования должна быть разумная кадровая политика, то есть система подготовки учителей. Во второй части автор проекта детально проанализировал существующую систему образования в Австрии, уделив особое внимание методам преподавания. Он заметил, что даже идеальная структура учебных заведений не даст необходимого результата без грамотных методов, которые заключаются в совместном обучении всех учащихся, отказе от изучения материала только с помощью зубрежки, использовании наглядных пособий и т. п. В третьей же части своей записки Ф. Эпинус доказывал, что австрийская система целиком и полностью может быть перенесена на российскую почву, причем как структура учебных заведений, так и методы преподавания. Первым шагом к реализации данных преобразований должно стать учреждение учительских семинарий в Петербурге, Москве, Казани и Киеве. В заключительной, четвертой, части записки Ф. Эпинус доказывал императрице Екатерине, что австрийская система наиболее близка к российской действительности. Ф. Эпинус прекрасно понимал, что одной его записки для реформирования образовательной системы в России недостаточно, поэтому он предлагал учредить школьную комиссию, которая более детально изучит австрийский опыт и составит подробный проект реформы.

Екатерина II с большим интересом изучила предложения Ф. Эпинуса и, воспользовавшись предложением самого австрийского императора Иосифа II, пригласила в Россию для реализации преобразований в образовательной сфере Федора Ивановича Янковича де Мириево⁶⁴ и создала 7 сентября 1782 г. комиссию «Об учреждении в России народных училищ». Во главе комиссии был поставлен

П.В. Завадовский, а ее членами стали Ф. Эпинус и секретарь императрицы П.И. Пастухов. В качестве советника-эксперта в комиссию был включен Ф.И. Янкович. Основной задачей данной Комиссии было обозначено «учредить в империи нашей народные школы ... в наилучшем порядке и в совершенном единообразии»⁶⁵. Иначе говоря, предполагалось учредить школы для детей всех сословий и обучение в них вести с помощью новых методик.

Комиссия начала работать достаточно оперативно: первое заседание состоялось 13 сентября 1782 г., а уже 21 сентября Екатерине II был представлен разработанный Ф. И. Янковичем «План к установлению народных училищ Российской империи». План состоял из трех частей: учебной, составленной Янковичем, политической или административной и экономической. 27 сентября 1782 г. первая часть данного плана с небольшими изменениями была утверждена. Согласно плану, предполагалось создать главные, средние и малые народные училища, подготовить учебную литературу и учителей. Чисто технически задуманные преобразования в общих чертах копировали австрийскую систему. Однако лица, которым следовало воплощать в жизнь данные идеи, подошли к своей задаче творчески. Как писал историк народного образования С. В. Рождественский, Янкович сам был «живой педагогической силой, благодаря которой система имела успех»⁶⁶. По учебному плану, который был осуществлен сначала в виде опыта в Петербургской губернии, народные училища разделялись на три разряда: малые, средние и главные. Малые училища должны были состоять из двух классов, средние из трех, а главные – из четырех. Все одноклассные, за исключением четвертого, в котором полагалось два года ученья. Однако первым шагом в реализации реформы было издание учебной литературы и подготовка учителей. В течение первого года были разработаны учебники для первых классов малых училищ. Написание и издание учебников для старших классов затянулось более чем на 10 лет. К 1786 г., завершению первого этапа школьной реформы, было издано 27 учебников. Большинство из них были переведены Янковичем с немецкого и сербского языков⁶⁷.

Одновременно с изданием учебной литературы была начата подготовка учительских кадров. Первоначально был использован потенциал духовных учебных заведений. Из Александро-Невской, Смоленской и Казанской семинарий, а также Славяно-греко-латинской академии были отобраны лучшие ученики. Янкович лично их обучил новым методам преподавания. Главным новшеством в методике преподавания была «катехизация, то есть учащимся предлагались вопросы из излагаемого материала и ответы на них, тогда как прежде учитель задавал уроки, не уточняя, справляются ли с ним ученики»⁶⁸. Свои взгляды на проблему подготовки учителей Ф.И. Янкович изложил в «Руководстве учителям первого и второго классов народных учителей Российской Империи, изданном по Высшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины II»⁶⁹. Данное руководство было написано по образцу австрийского и разъясняло учителям основные правила разумного преподавания.

Руководство состояло из четырех частей, «из которых первая содержит в себе учебный способ, вторая – учебные предметы, в первом и втором классах преподаваемые, третья же – звания, качества и поведение самого учителя, а четвертая – школьный порядок»⁷⁰. Как на одно из главных новшеств, в процессе обучения Янкович указывает на необходимость совокупного наставления. Сущность совокупного обучения заключалась в том, что учитель излагал новый материал не каждому ученику персонально, а классу в целом, чтобы после ответа одного все остальные могли

продолжить обучение. Для соблюдения порядка в классе никто из учеников не должен был отвечать без специального позволения учителя. В то же время Янкович считал, что учителю следует с отстающими учениками дополнительно заниматься. Особое внимание Янкович уделил званию «учитель». Учителя должны «заступать у учеников место родителей»⁷¹. Поэтому учитель должен обладать рядом качеств, таких как благочестие, любовь к ученикам, бодрость духа, терпение и прилежание.

В 1783 г. в Петербурге было открыто Главное народное училище. Оно состояло из четырех классов: в двух младших преподавали подготовленные Янковичем учителя; а в двух старших, фактически бывших «педагогическими курсами», – профессора Академии наук. Помимо Главного училища, по австрийской системе предполагалось создать еще малые и средние училища. Малые училища должны были состоять из двух классов, средние из трех, а главные – из четырех. Все одногодичные, за исключением четвертого, в котором полагалось два года ученья. В течение первых четырех лет были созданы в Петербургской губернии помимо Главного еще и малые училища.

В 1786 г., после успешного функционирования училищ в Петербургской губернии, началось массовое открытие училищ по стране. Законодательной основой создания сети образовательных учреждений в стране стал Устав народных училищ, принятый 5 августа 1786 г.⁷². Комиссия о народных училищах, открывшая школы, была переименована в Главное училищное правительство, правда, на местах своих органов оно не имело, и вновь открываемые училища подчинялись губернским властям.

Согласно принятому уставу, одной из главных задач народных училищ должно стать воспитание юношества. Устав предполагал создание главных и малых народных училищ во всех губерниях и наместничествах Российской империи для всех сословий, кроме крепостных. Как видно, Устав отошел от первоначального плана и утвердил создание двух, а не трехступенчатой системы, целесообразность которой доказал первый опыт существования училищ в Петербургской губернии. Училища должны были существовать за счет местных, городских и сельских бюджетов, частных пожертвований и оплаты за обучение тех, кто принимался сверх установленного правилами приема.

Мы не будем останавливаться на анализе принципов обучения в училищах, есть много специальной педагогической литературы по данной теме⁷³. Следует заметить, что школьная реформа Екатерины II была самой последовательной и продуманной: в стране создана сеть общедоступных учебных заведений. Однако уже с первых лет функционирования данных училищ стали очевидны недостатки новой системы. Сюда можно отнести отсутствие достаточного финансирования, недостаток учебников и грамотных учителей, но самое главное – в обществе не было понимания значимости получения образования. Так, когда в 1788 г. О.П. Козодавлеву было поручено произвести ревизию народных училищ в 10 наместничествах, он отметил малое число учащихся в старших классах училищ. Родители считали, что их детям нужны только предметы двух низших классов, «да и то по причине чтения и чистописания», а прочие науки бесполезны. «Всякий знает, что для снискания места в гражданской службе нужно одно токмо чистописание, почему и невозможно ожидать, чтобы многие детей своих посылали в высшие классы; следовательно, главные народные училища и не могут приносить государству ожидаемая пользы». По мнению Козодавлева, следовало сблизить каждого с наукой «корыстью», а для этого не принимать на государственную службу не прошедших университетских наук, а для

поступления в университет необходимо пройти главное училище. Нужно заметить, что вообще отношение главных училищ к университету осталось невыясненным – можно было из них прямо поступать в университет или нельзя. По мнению О.П. Козодавлева, «учреждение университетов должно было увенчать систему народного образования, заботы о котором останутся навсегда одним из лучших преданий века»⁷⁴. Предложения О.П. Козодавлева находятся в русле указа Екатерины II «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе», изданного 29 января 1786 г.⁷⁵ Однако Комиссия так и не разработала плана реформирования университетов. Это будет сделано уже в царствование Александра I.

Как уже говорилось, время правления императора Павла I было периодом отказа от преобразований в области народного просвещения. Павел I очень боялся, что идеи «вольности» проникнут в Россию. Тем не менее, несмотря на все ограничения, получила развитие журналистика, хотя и не в тех масштабах, что при Екатерине II. Единственным заслуживающим внимание общественно-политическим журналом явился «Санкт Петербургский журнал»⁷⁶. Его редакторами были Александр Федорович Бестужев и Иван Петрович Пнин. 22 декабря 1797 г. в газете «Русские ведомости» появилось программное объявление об издании журнала, эпиграфом к которому стали слова французского писателя Лабрюйера: «Как трудно быть чем-то довольным». В 1798 г. вышло четыре номера этого журнала, после чего он прекратил свое существование. Его содержание было пестрым: стихи, рассказы и серьезные научные труды, чтобы одновременно привлечь читателя и обойти цензуру.

В отличие от других изданий XVIII в. журнал не был «авторским» – А.Ф. Бестужев и И.П. Пнин были его «техническими» редакторами, хотя именно они во многом определяли содержание журнала. Большинство статей в «Санкт Петербургском журнале» было помещено анонимно. Основными авторами журнала были сами редакторы. Кроме них в журнале участвовали И. И. Мартынов, Е.А. Колычев, А.И. Бухарский, А.Е. Измайлов, Н. Скриницын, А. Шатров, вероятно, одна из сестер Магницких, а также переводчики П.А. Яновский, Н. И. Анненский. Многие из авторов журнала в дальнейшем войдут в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». В «Санкт Петербургском журнале» был опубликован трактат А.Ф. Бестужева «Об опыте военного воспитания»; напечатаны два письма Д.И. Фонвизина из Франции «некоторой знатной особе в России», т. е. графу П.И. Панину, и его автобиографические записки «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях»; записка «Гражданин», автором которой, вероятнее всего, был И.П. Пнин. В переводах полностью и в отрывках были опубликованы: сочинения Гольбаха (без указания автора) «Система природы» и «Всеобщая мораль»; П. Верри «Рассуждение о государственном хозяйстве»; Дж. Стюарта «Исследование о государственном хозяйстве»; Г. Филанджери «Наука о законодательстве»; Вольнея «Руин». Также были напечатаны отдельные произведения Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера и др. просветителей. В то же время одним из центральных произведений в «Санкт Петербургском журнале» была работа Бестужева «О воспитании». Данный трактат был поднесен автором вел. кн. Александру. Существует точка зрения, что решение напечатать по частям данную работу и стало одним из побудительных факторов для издания журнала. «Санкт Петербургский журнал» был очень пестрым по содержанию: он включал философские и педагогические трактаты, социально-политические размышления как отечественных авторов, так и переводные. Вместе с тем в журнале печатались и лирические стихи. Все опубликованные в жур-

нале стихи можно разделить на две группы: подписанные, даже нечитаемыми, псевдонимами и без подписи. Анонимные, вероятнее всего, принадлежали Пнину, так как издатель в XVIII в. был отчасти и автором своего журнала, а А.Ф. Бестужев стихов не писал. В журнале активно обсуждались вопросы места человека в обществе, его права и обязанности. В нем пропагандировалась идея о природном равенстве людей.

Редакторы «Санкт Петербургского журнала» знакомили читателя с современными западными экономическими знаниями, дабы журнал был интересен для просвещенных людей. В связи с этим в ряде номеров публиковались выдержки из сочинения итальянского ученого Пьетро Верри «Рассуждение о государственном хозяйстве». Верри был сторонником свободной торговли и для усиления государства считал необходимым укреплять мелкую земельную собственность, т. к. свои участки крестьяне-собственники будут обрабатывать с величайшей охотой и старанием.

Одной из основных тем, наиболее последовательно обсуждаемых в различных публикациях «Санкт Петербургского журнала», была проблема наилучшей формы правления и государственного устройства. В журнале пропагандировалась теория Ш. Монтескье о разделении властей и просвещенной монархии. Вопросы о форме правления нашли отражение в трактате Бестужева. Автор указывал, что монархическая власть предпочтительней деспотической и республиканской, разделил деспотию и монархию, так как монарх должен управлять, опираясь на непрелюбимые законы. Обсуждение наилучшей формы правления было продолжено в отрывках из переводов «Сатира» Галлера. В этом произведении анализировалось государственное устройство Гельветии, родины Лагарпа. При этом автор приводил читателей к мысли, что правитель должен заранее подготовиться к власти⁷⁷. В статье «Рассуждение о предрассудках» автор размышлял о том, что обычаи одного государства не должны переноситься в другое, не сообразуясь с духом закона⁷⁸. «Идеальный монарх» Ликург был представлен в статье «Рассуждение Ксенофонда о Лакедемонской республике». Ликург ввел в стране «коренные законы» и поклялся, что будет управлять сообразно этим законам. Жители также в свою очередь дали монарху клятву, что будут ему подчиняться, если он не нарушит своих обещаний⁷⁹.

Преобразования в системе народного просвещения оказались одним из немногих направлений государственной политики, которые получили дальнейшее развитие в начале XIX в. Как и иные реформы начала александровского времени, вопрос об изменениях в сфере народного просвещения первоначально обсуждался в «Негласном комитете». Инициатором обращения к данной проблеме, казавшейся для остальных членов комитета не столь важной, стал бывший учитель Александра I Лагарп. На заседании от 23 декабря 1801 г. он представил записку о народном просвещении, в которой в общих чертах указал на необходимость распространения образования в России. Несмотря на очевидную необходимость всеобщей реформы, члены «Негласного комитета» не поддержали Лагарпа. Причина здесь кроется, главным образом, в личном негативном отношении членов Комитета к бывшему учителю императора. Как писал в своих воспоминаниях А. Чарторижский, «Лагарп принадлежал к поколению, воспитанному на иллюзиях конца XVIII в., – к тем людям, которые воображали, что их доктрины, как новый философский камень, как новое универсальное средство, разрешали все вопросы, и что одними сакраментальными формулами можно рассеять все многообразные препятствия, выдвигаемые практической жизнью при осуществлении отвлеченных идеалов»⁸⁰.

В то же время Александр I, в отличие от своих «молодых друзей», высоко ценивший своего учителя, предложил высказаться членам «Негласного комитета» по данному вопросу и в дальнейшем сформировать специальную комиссию для разработки механизмов реформирования системы образования. На предложение Лагарпа П.А. Строганов заметил, что система образования в России не может быть единой для всех. Поэтому он предложил первоначально реформировать общее, а затем уже профессиональное образование.

Помимо выступления в «Негласном комитете», Лагарп обратился к Александру I с секретной запиской, в которой он подчеркивал важность распространения просвещения среди населения, так как «гражданская свобода», по его мнению, «может быть лишь следствием успехов просвещения, и в дальнейшем – основой для ликвидации крепостничества»⁸¹. Несмотря на сомнения членов «Негласного комитета», Александр I поддержал идею Лагарпа.

Учитывая, что в этот же период активно шла разработка министерской реформы, вопросы изменений в образовательной сфере находились в одном с ней ключе. 18 марта 1802 г. был учрежден особый комитет для подготовки преобразований в сфере народного просвещения. Его возглавил М.Н. Муравьев, а в состав вошли граф С.О. Потоцкий, Ф.Г. Браузе, Н.И. Фусс и В.Н. Каразин. М.Н. Муравьев, как и Лагарп, был учителем Александра I, но не испытывал иллюзий последнего. Задачей образованного комитета было продолжение начатых Екатериной II реформ, в частности, подготовка новых уставов Академии наук, Российской Академии, а также Московского университета. По мнению М.Н. Муравьева, университет и Академии должны быть не просто «ученым сообществом», а центром распространения просвещения в стране, чтобы учение не сделалось «некоторым родом ремесла»⁸².

3 сентября 1802 г. возобновила работу образованная в екатерининское время Комиссия об организации народных училищ. В ее состав вошли А. Чартирижский, граф С.О. Потоцкий, академики С.Я. Румовский, Н.Я. Озерецковский, Н.И. Фусс и др. В рамках министерской реформы 8 сентября 1802 г. перед Комиссией была поставлена задача «разработать планы общего устройства учебно-воспитательной части в империи, для чего представить материалы о создании учебных округов, в центрах которых следовало учредить университеты»⁸³. Уже 4 октября 1802 г. в рамках работы комитета А. Чарторижский разработал и представил на обсуждение «Начала для образования учебных заведений».

В целях централизации управления 28 февраля 1803 г. эта комиссия была преобразована в коллегиальный орган при министерстве Народного просвещения под названием Главное правление училищ. В правление вошли: министр народного просвещения П.В. Завадовский, назначенный его заместителем (товарищем) М.Н. Муравьев, а также члены «Негласного комитета» А. Чарторижский, Н.Н. Новосильцов и П.А. Строганов. Имея четкую цель, члены Комитета активно принялись за составление проектов.

Собственное мнение о необходимых изменениях для формирования образовательной системы были представлены Ф.И. Клингером, М.Н. Муравьевым, Н.Я. Озерецковским, С.О. Потоцким, Н.И. Фуссом, А. Чарторижским и Ф.И. Янковичем.

Отправной точкой реформы народного просвещения при Александре I становится подготовленный Комиссией доклад: «Предварительные правила народного просвещения», представленный императору министром народного просвещения

П.В. Завадовским. «Предварительные правила» легли в основу указа Сенату, изданного императором 24 января 1803 г.⁸⁴ Несмотря на то, что данный документ был представлен монарху и подписан А.В. Завадовским, нет сомнений, что он был составлен всеми членами Комиссии.

«Предварительные правила...» состоят из трех глав. В первой главе «О заведении училищ» повествуется о механизме учреждения и распространении учебных заведений в России. В документе, прежде всего, отмечалось, что отныне народное просвещение должно составить «особую государственную часть». Для достижения указанной цели и к пользе «каждого сословия определяются четыре рода училищ, а именно: 1) училища приходские; 2) уездные; 3) губернские или гимназии; 4) университеты»⁸⁵.

Приходские училища следовало создавать на базе одного или двух церковных приходов. Для преподавания и надзора в таких училищах следовало определить: в казенных – приходского священника и одного из «почетнейших» жителей; помещичьи же училища передавались на попечение их владельцев. Наблюдать за порядком в приходских училищах должен был специальный смотритель [здесь: директор, руководитель – Н. К.].

Уездные училища следовало открывать в уездных городах, по крайней мере, по одному. На смотрителя уездного училища возлагались бóльшие обязанности. Он назначался непосредственно университетским правлением или же по представлению «Губернского директора училищ». Уездные смотрители должны были неотлучно находиться в училище и заботиться о его благополучии.

В губернских же городах кроме уездных или «низших» училищ двух классов следовало учредить гимназии, которые должны были находиться в ведении губернского директора училищ. Директоров, в свою очередь, определяли на должность по представлению университетского правления Главным училищным правлением округа. Составители документа указывали, что должность губернского директора училищ шире, чем просто заведование гимназиями. Под его непосредственным приглядом должны были находиться все, в том числе частные, учебные заведения губернии.

Подлинно высшими учебными заведениями должны явиться университеты. Причем университет должен был встать во главе образовательной системы учебного округа. Для этого помимо существующих университетов в Москве, Вильне и Дерпте их следовало открыть в Петербурге, Казани и Харькове. «Затем предназначаются для университетов города: Киев, Тобольск, Устюг Великий и др., но по мере способностей, которые найдены, будут к тому удобными»⁸⁶.

Управление в каждом университете должно было осуществляться ректором. Его кандидатуру следовало избирать на общеуниверситетском собрании и Правлении главных училищ. После чего эту кандидатуру следовало представить в Министерство народного просвещения и на утверждение императором. На общем собрании университета следовало избирать и его профессоров, которые утверждались по представлению попечителя университета министром народного просвещения.

5 ноября 1804 г. были утверждены уставы для Московского, Харьковского и Казанского университетов, а также разработанный академиком Н.И. Фусом «Устав учебных заведений, подведомственных университетам»⁸⁷. Как образовательные центры, университеты получили широкую автономию и право контроля над подведом-

ственными учебными заведениями. Прием в университеты был свободным для представителей всех сословий.

Оценка реформ в сфере образования была представлена М.М. Сперанским⁸⁸. Как преподаватель в прошлом, Сперанский был привлечен к работе Комитета по рассмотрению уставов учебных заведений. Собственное мнение о необходимых преобразованиях Сперанский изложил в небольшом трактате «Предварительные рассуждения о просвещении в России вообще»⁸⁹. Свои «рассуждения» Сперанский начал с утверждения, что для «добрых [здесь: хороших, разумных – Н. К.] государей народное просвещение всегда было предметом особой заботы. Однако способы для достижения данной цели российские государи, начиная с Петра I, выбрали не самые лучшие. Сам Петр Великий слишком уповал на введение иностранных обычаев. Его преемники учредили академию, что имело более блеску, нежели пользы»⁹⁰. Большое значение на распространение народного просвещения имело учреждение Московского университета, духовных училищ и народных школ.

Для того чтобы усовершенствовать «общее народное воспитание», Сперанский считал необходимым устранить ряд неудобств. Во-первых, следует собственно учредить достаточное количество доступных училищ, библиотек и других подобных образовательных учреждений. Во-вторых, следует «добиться моральной необходимости» у населения в получении образования. И если учреждением училищ активно занималась Екатерина II, то о втором условии мало кто задумывается. Тем более, писал Сперанский, «учение никогда еще не было у нас поставлено условием необходимым и обязанностью непременною для поступления на службу и занятия гражданских мест»⁹¹. И чины по службе даются чиновникам не за реальные заслуги, а просто «за выслугу лет». Поэтому родители стремятся скорее пристроить своих сыновей служить, не тратя времени на получение достойного образования. Чтобы исправить подобное положение, Сперанский предложил создать «образовательный порог» для получения чинов. Например, чин коллежского асессора, дающий право на потомственное дворянство, по его мнению, следовало давать только лицам, имеющим университетское образование или прошедшим испытание. Иначе говоря, Сперанского, как государственного деятеля, более всего заботило обеспечение образованными кадрами системы государственной службы. Правда, сами чиновники идею «экзамена на чин», как известно, встретили крайне враждебно.

Что же касается просвещения народа, то М.М. Сперанский связывал этот процесс с отменой крепостного права. По его мнению, безнравственно просвещать рабов, которые, «прозрев», еще сильнее почувствуют все тяготы своего состояния, поэтому из человеколюбия, равно как и из доброй политики, должно рабов оставить в невежестве или дать им свободу»⁹².

Таким образом, в результате серии образовательных реформ в стране была сформирована достаточно стройная система образовательных учреждений, доступная, фактически, всем слоям населения. Без сомнения, данная реформа оказалась самой продуманной, последовательной и наиболее отражающей потребности населения. При этом на реализации образовательных реформ как нельзя лучше сказались общие тенденции реформаторской политики в целом: подготовка проектов «по образцам» западных преобразований, их первоначальное осмысление. После чего власть начинает понимать невозможность их полного копирования, и следует этап подготовки реформ уже с учетом российской специфики. Далее происходит их апробация и постепенное внедрение в жизнь.

Представители общественно-политической мысли приняли активное участие в обсуждении проблем образования и народного просвещения в России. Большое значение для обсуждения данных вопросов приобретают «салоны»: встречи на дому деятелей культуры и общественно-политической мысли.

В начале правления Александра I оказался открыт для деятелей общественно-политической мысли, художников, писателей дом А.Ф. Бестужева. У него бывали М.И. Козловский, В.Л. Боровиковский, который в 1806 г. написал портреты Бестужева и его жены, И.Е. Хандошкин, Н.Я. Озерецковский, А.И. Корсаков и др. деятели науки и искусства. Бестужев собрал ценную коллекцию минералов, камней, картин, эстампов и др. произведений искусства, моделей пушек, крепостей и знаменитых архитектурных сооружений. Как писал его сын, Н.А. Бестужев, «без преувеличения можно было сказать, что дом наш был богатым музеем в миниатюре»⁹³. В обширной библиотеке Бестужевых были книги на разных иностранных языках и «все, что только появлялось на русском языке примечательного». С большим вниманием и заботой он относился к воспитанию своих детей: пяти сыновей и трех дочерей.

По свидетельству сына М.А. Бестужева, его отец еще во время военной службы «много занимался по различным отраслям военных наук и писал различные трактаты». Еще в 1797 г. А.Ф. Бестужев завершил работу над трактатом «О воспитании», в котором, используя некоторые идеи Г. Филанджиери, развивал просветительские принципы педагогики. По мнению С.М. Бородина, первая часть сочинения принадлежит И. П. Пнину, однако других подтверждений этому нет. Летом 1797 г. Бестужев преподнес трактат вел. кн. Александру Павловичу, который, не зная, «как примет государь отец» (Павел I) его одобрил и предложил опубликовать. Есть предположение, что именно желание опубликовать это работу стало поводом к изданию «Санктпетербургского журнала». Известно, что на начало издания данного журнала Бестужев получил 2000 руб., впоследствии данная сумма была превращена в его пожизненный пансион.

Действительно, его трактат печатался в каждом выпуске «Санктпетербургского журнала», официальным издателем которого числился И.П. Пнин. В несколько переработанном виде трактат Бестужева вышел отдельным изданием под заглавием «Опыт военного воспитания относительно благородного юношества» (1803). Это издание уже подверглось цензурной правке, были исключены рассуждения о трех способах правления, среди которых значилось и республиканское, а также глава «О благородстве», в которой непочтительно говорилось о господствующем сословии. Во «Введении» подчеркивалось общественное значение воспитания и осуждалось «пренебрежение всего, что русским именуется». В самой книге содержались многочисленные примеры, связанные с отечественной историей и педагогикой: упоминались Минин и Пожарский, цитировался устав Кадетского корпуса и т. д.

В 1807 г. А.Ф. Бестужев опубликовал работу «Правила военного воспитания относительно благородного юношества», в которой он указывал, что «начало, равно как и некоторые места этой книги», уже были напечатаны им в «Санктпетербургском журнале» и «Опыте военного воспитания», но «правила, здесь предлагаемые (исключая некоторые примеры и замечания), изготовлены были гораздо прежде обоих тех изданий». Вместе с тем текст «Правил...» в целом, за исключением некоторых разночтений, скорее редакторских, совпадает с текстом рукописи «Опыт военного воспитания...», датированной еще 1797 г.⁹⁴ В 1807 г. Бестужев издал анонимно свои переводы с французского: «Учение, нравственность и правила честного

человека...». В книгу вошли сочинения преимущественно философско-дидактического характера, например, отрывки из рассуждений Конфуция, а также прозаический перевод элегии Т. Грея «Сельское кладбище».

В основе нравственного воспитания у Бестужева лежала идея патриотизма, служения Отечеству. Им были разработаны программы и подробное содержание бесед на нравственные темы, указаны режим и время для разговоров с учетом возраста воспитанников. Нравственные наставления и разговоры с детьми предлагалось начинать с простейших понятий и постепенно доходить до самых сложных. Курс был рассчитан на преподавание его в течение одного года, но в следующем учебном году воспитанники должны были прослушать его с «некоторым расширением» повторно, с целью лучшего закрепления. Преподаватель предлагал оценить с точки зрения нравственности тот или иной факт, случай из жизни, решить нравственные задачи. После окончания второго курса Бестужев рекомендовал начинать с детьми нравственные разговоры. Беседы эти не должны были быть очень частыми и длительными (не более 30 минут). В трактате подробно излагается содержание этих бесед, главная их тема – любовь к Отечеству, которая «в состоянии заставить презирать опасности, мучения, самую смерть и устремить нас к предприятиям самым отважным». По мнению Бестужева, существует четыре главных правил морали: «Не творите другим того, чего не хотите, дабы вам творили. Вот первое правило нравственности, коего толкование и применение должны служить предметом первого порядка наставлений. Творите для других добро, елико возможно вам сотворить для них. Вот второе правило, долженствующее быть расположено во втором последствии наставления. Сии два правила, коих объяснение заключает в себе все понятия о правосудии и благотворительности или добродетели, должны служить предметом двумя другими правилами, знаменующими правосудие и добродетель в отношении гражданина. Храните законы... защищайте отечество от нападений неприятельских, от злоумышлений, возмутителей и мятежников... Доставляйте отечеству все те выгоды, какие только состоят в возможности вашей; не останавливайтесь в пределах, законами только предписанных, но устремляйтесь делать для него всякое добро, какое только любовь ваша вдохнуть может, да польза оного учиниться вашим верховным единственным законом»⁹⁵. В трактате А.Ф. Бестужева «О воспитании» говорилось, «что человек при рождении своем не расположен ни к добру, ни ко злу», поэтому «благородство» человека обусловлено вовсе не его происхождением, а личными качествами, его участием в жизни общества⁹⁶. Следовательно, каждый человек имеет право проявить свои способности, главное, чтобы для этого были созданы необходимые условия.

Бестужев был одним из первых, кто обосновывал необходимость женского образования и воспитания. Он писал, что обучение женщины сводится к подготовке ее выхода в свет: «музыка, танцы, шитье», иначе говоря, секреты волокитства. Поэтому, вместо того, чтобы прививать своим детям первоначальные добродетели, она занимается только собой. Тем более что женщины, жены всегда оказывают на мужчин большое влияние. Следовательно, делает вывод Бестужев, «все заставляет нас признать, что доброе воспитание, данное самой любезнейшей половине человеческого рода, произведет удивительную перемену в другой»⁹⁷.

Подобная точка зрения была представлена и И.П. Пниним. Одной из главных задач государства Пнин считал создание системы просвещения и образования для всех четырех «состояний»: крестьянства, мещанства (или «средний род людей»), дворянства и духовенства. Здесь Пнин одним из первых выделяет не купеческое, а

именно мещанское сословие, как лиц, занимающихся не только торговлей, но и другими промыслами. При создании такой системы граждан необходимо сделать «наперед добродетельными, а потом уже просвещенными». Опираясь на национальные ценности, «приготовить для России россиян, ... приготовить полезных сынов отечеству»⁹⁸. В связи с этим Пнин крайне резко отзывается об обычае приглашать иностранцев для обучения дворянских детей, так как «наемники, которые будучи у них [дворян – Н. К.] в унижении, могут ли воспитанникам своим внушить желание славы, благородное соревнование, великодушные чувствования, которые суть источник всех полезных дел государству?»⁹⁹.

Указывая на необходимость просвещения для всех состояний, Пнин писал, что оно не должно быть одинаковым. Он выступал за сохранение сословного обучения, мотивируя это тем, «что права граждан, без сомнения, должны быть равны, но преимущества не могут быть одинаковы»¹⁰⁰. По всей видимости, Пнин писал о необходимости равенства всех перед общими фундаментальными законами, при том, что положение в обществе, а, следовательно, и базовые добродетели, у каждого состояния должны быть разные. «Трудолюбие и трезвость я нахожу самыми приличнейшими добродетелями для земледельческого состояния; исправность и честность – для мещанского; правосудие и всегда готовое пожертвование собою пользам отечества – для дворянского и, наконец, благочестие и примерное поведение – для состояния духовного»¹⁰¹. Для каждого из четырех состояний Пнин разработал программу обучения, которая должна соответствовать его «роду жизни». Так, крестьян следует обучать сельскохозяйственным знаниям: «свойство и обрабатывание земель, ... работу естественных и искусственных лугов, ... воспитание, приведение в лучшее состояние скота и искусство лечения онога»¹⁰². Мещан следует обучать языкам, математике, физике, географии. В коммерческом училище, сверх того, – истории коммерции и навигации, купеческим счетам всех родов, бухгалтерии. Дворян, прежде всего, необходимо обучать юриспруденции, чтобы они, переходя с военной на статскую службу, были полезны отечеству. Наконец, Пнин писал и о проблемах обучения духовенства. Он считал необходимым обучать священников на родном, а не на латинском языке.

При этом Пнин нигде не указывал на замкнутость сословий, он писал лишь, что каждый должен заниматься своим делом. По его мнению, нет ничего неразумнее, когда купец стремится стать дворянином, потому что он теряет добродетели «мещанские», но не приобретает дворянских. Пнин в этом вопросе достаточно консервативен, но говорить в начале XIX в. об отмене сословного деления было бы крайним радикализмом. Новаторством Пнина является указание на необходимые для отечества (а не помещиков) добродетели для всех крестьян, независимо от того, господские они или государственные.

Проблема необходимости соблюдать законы в обществе была поставлена в статье Пнина «Гражданин» (хотя даже данное слово находилось фактически под запретом). Отвечая на вопрос «Что есть гражданин?» Пнин писал, что им не может быть назван тот, кто «достигши места хитростью и пронырством, дотоле почитает оное, доколе может оно питать его гордость и алчность», или «кто поработен постыднейшими страстями, на то только употребляет могущество ему данное, чтобы не щадить имущества и жизни своих сограждан» или «который, ниспровергая законы чести и справедливости, на сих плачевных развалинах общественного блага воздвигает бранный памятник своего счастья» По мнению автора статьи, «Истинный граж-

данин есть тот, который общим избранием возведен будучи на почтительный степень достоинств, свято исполняет все должности, на него возлагаемые»¹⁰³.

В истории русского просвещения Пнин оказался незаслуженно забытым. Он не был плодовитым писателем, «Опыт о просвещении» сразу же после издания был запрещен, «Вопь невинности» вообще не была напечатана. Пнин оказался известен, прежде всего, как редактор «Санктпетербургского журнала». Хотя, благодаря своему таланту и личным качествам, пользовался популярностью среди представителей российской общественной мысли начала XIX в.

Вопросу влияния просвещения на образ правления уделил внимание В.В. Попугаев. Он заметил, что все философы в один голос заявляли о полезности просвещения, а так ли это? Безусловно, истина – «счастье мудрецов», но «для чего не соделывает она счастье народов?» Со времен римлян и греков видим мы многих ученых, многих великих людей, но видели ли хотя единожды народ, просвещенный во всей целостности, народ, который бы сам пекся о своем благополучии, разбирал средства, могущие составить его счастье и несчастье, взвешивал совершенства и несовершенства своего правления? Нет!»¹⁰⁴ Иначе говоря, считал Попугаев, народы даже развитых стран Европы, «неразмышляющая толпа», которая ничего не смыслит в том, что ей на самом деле необходимо. Философы же у таких народов больше думают о «своих выгодах». В то же время, размышлял автор, «те народы, которые соделывались просвещеннее в своей целостности, всегда имели правление лучшее, всегда были счастливее, и ужасы деспотизма у оных менее свирепствовали или скоро прекращались»¹⁰⁵.

По мнению В.В. Попугаева, просвещению древних народов, например, египтян, способствовали сложные природные условия, которые развивали разум народов. В современном Попугаеву мире к таким народам он отнес англичан. Причем заслуга в высоком благосостоянии Англии принадлежит не философам, а правителям, которые не считали все свои решения «божественными». Поэтому оказалось возможным в журналах «без страху говорить о политике, и народу не запрещено собираться на публичных площадях, судить о парламенте, короле, внешних делах королевства»¹⁰⁶. Все это позволяет правительству совершенствоваться в управлении страной.

Итак, сделал вывод Попугаев, только просвещение может составить счастье народов. Однако само это понятие крайне неоднозначно и требует специальной оценки. Быть просвещенным, по мнению Попугаева, это не просто иметь комплекс знаний по отдельным отвлеченным наукам: физике, математике и др., и даже не знание народных традиций и обычаев. «Человек, живущий в обществе, – писал Попугаев, – должен знать свое назначение как гражданин». На примере античности автор заметил, что во времена Нерона было много ученых и славных мужей, но «народ не был просвещен». Спартанцы, напротив, «не произвели ни одного ученого, ни же художника, ... но народ знал законы Ликурга ... и был счастлив»¹⁰⁷. На основании этого Попугаев делает вывод, что только знание законов, написанных мудрыми правителями, которых делает «верховными правителями» сам народ, может гарантировать твердость существования власти. Причем эти законы должны быть гарантированы верховной властью, а не меняться при каждом новом правителе. Кроме того, они должны гарантировать и защищать права всех категорий населения. Такие меры позволят сделать народ счастливым, то есть «дать почувствовать каждому гражданину, что правление имеет целью токмо его пользу, ... что законы защищают его от своеволия сильных, что действие оных ничего нарушать не может»¹⁰⁸. Это возмож-

но, делает вывод Попугаев, если государь будет орудием законов. Безусловно, размышляя о силе законов, фактически он пересказывает теорию общественного договора по Ж.-Ж. Руссо, однако с учетом тех основных проблем, которые существовали в российском государстве в начале XIX в. Общий вывод Попугаева такой – просвещение невозможно при деспотическом правлении. В то же время он указывал, что одних хороших законов для просвещения народов недостаточно, так как они сами «суть власть мертвая». Для счастья народов необходимы еще и мудрые правители. Прибегая к аллегориям, Попугаев заметил, что закон – это сердце народа, а для его работы необходима проводящая ткань – кровь, которую могут привести в действие нужные, способные люди. Екатерина II попыталась это сделать, но у нее не хватило просвещенных людей. Именно поэтому она активно способствовала распространению школ.

Свои мысли о необходимости распространения народного просвещения В.В. Попугаев развил в своем трактате «О политическом просвещении вообще»¹⁰⁹. Размышляя о необходимости развития системы образования, Попугаев придерживался мысли, что «общественное воспитание» необходимо начинать с детства. Конечно, идеально, если это будет дано в семье, но добродетельные и просвещенные родители встречаются не часто. Есть и другая проблема: государство, когда возьмет на себя обязанность по воспитанию молодого поколения, должно одинаково трепетно подходить к образованию всех сословий. Это необходимо для того, указывал Попугаев, чтобы никто не мог «вступить в права своего состояния, как когда приобретут нужные в молодых училищах для всех сословий предназначенные сведения»¹¹⁰. Для реализации этого следует создать систему взаимосвязанных учебных заведений. Попугаев в общих чертах обрисовал и возможный курс обучения, где наиболее важное место следовало предоставить изучению законов и истории.

Формирование системы образования преследовало две цели. Первая сугубо утилитарная – повышение уровня профессионализма статских чиновников и офицерства. В свое время Петр I запретил неграмотным жениться, а вот служить – нет, хотя это и предполагалось. Если в столице в государственные органы управления, как правило, попадали чиновники мало-мальски образованные, то губернаторы постоянно жаловались на отсутствие просто грамотных людей. Согласно «Табели о рангах», участие в государственном управлении перестало быть привилегией аристократии и превращалось в профессиональное занятие для бюрократии, следовательно, требовались специальные учебные заведения, где готовили бы необходимых специалистов. Вторая цель формирования образовательной системы заключалась в необходимости удовлетворить потребности общества в получении хотя бы элементарной грамотности: чтения и письма, то есть начального образования, необходимого в быту.

При кажущейся непоследовательности создания и реформирования образовательной системы: Академия, потом университет, и только после этого учреждение сети общеобразовательных учебных заведений, здесь была своя логика. Даже при том, что в стране уже были специалисты, закончившие Академический и Московский университеты, основной проблемой, с которой столкнулись образованные при Екатерине II школы, была нехватка учителей.

Были и другие сложности. При высокой востребованности начального образования, родители неохотно отдавали детей далее учиться, так как для занятий торговлей и получения чина большого образования не требовалось. В начале XIX в. эти

проблемы были проанализированы и скорректированы. То есть преобразования Екатерины II получили продолжение при Александре I.

Реформирование сферы народного просвещения в изучаемый период можно считать самым удачным среди других преобразований, во многом вопреки, а не благодаря развернутому обсуждению проблемы народного просвещения. Базовым постулатом или «краеугольным камнем» всех просветителей была идея необходимости формирования «нового человека», что возможно было сделать путем его «правильного» воспитания. Поэтому на потребность просвещения народа в трудах многих реформаторов указывалось как на основное, базовое условие успеха планируемых преобразований. Несмотря на это, данные идеи остались в теоретических разработках применительно к политическим или социальным реформам. Приступая, собственно, к преобразованиям в образовательной сфере, реформаторы взяли за основу реализацию текущих потребностей власти и населения. Было ясно, зачем проводятся преобразования, и население их поддержало.

Таким образом, в стране была сформирована достаточно стройная система образовательных учреждений, доступная фактически всем слоям населения. Без сомнения, данная реформа оказалась самой продуманной, последовательной и наиболее отражающей требования населения. При этом на реализации образовательных реформ как нельзя лучше сказались общие тенденции реформаторской политики в целом: подготовка первоначальных проектов «по образцам» западных преобразований, их первоначальное осмысление. После чего власть начинает понимать невозможность их полного копирования, и следует этап подготовки реформ уже с учетом российской специфики. Далее происходит их апробация и постепенное внедрение в жизнь. На наш взгляд, именно создание системы взаимосвязанных учебных заведений привело к расцвету русской культуры и науки во второй половине XIX в.

Примечания

- ¹ Кант И. Ответ на вопрос... Что такое просвещение. //Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1966. Т. 6. С. 25.
- ² Коллинз А. Рассуждение о свободомыслии // Английские материалисты XVIII в. Т. 2. М., 1967. С. 98.
- ³ Гольбах П.А. Избранные произведения. Т. 1. М., 1963. С. 502.
- ⁴ Ламетри Ж.О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Сочинения. М., 1983. С. 219.
- ⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. VIII. № 5811.
- ⁶ Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. М., 1887. (В работе использовано издание: Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985. С. 69-81).
- ⁷ Кантемир А.Д. Сатира VII. О воспитании. // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 158.
- ⁸ Письмо М.В. Ломоносова И.И. Шувалову от 19 января 1761 г. // Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 693.
- ⁹ ...Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена...
- ¹⁰ История Московского университета. М., 1955; Летопись Московского университета. 1755 - 1979. М., 1979; Кулакова И.П. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. Автореф. дисс на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2002 и др.
- ¹¹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XIV. № 10346.
- ¹² Державин Г.Р. Записки. М., 2000. С. 12-15. (Державин был зачислен в Казанскую гимназию буквально сразу же после ее открытия в начале 1759 г.).
- ¹³ Бецкой И.И. Генеральный план императорского воспитательного дома. СПб., 1766. (В работе использовано издание: Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985. С. 152-160).
- ¹⁴ Бецкой И.И. Планы и уставы генерального поручика Бецкого Шляхтерского сухопутного кадетского корпуса. СПб., 1766.
- ¹⁵ Рождественский С.В. Очерки по истории народного просвещения в России в XVIII -XIX вв. СПб., 1912. Т. 1. С. 279-281.
- ¹⁶ Теплов Г.Н. Наставления сыну. СПб., 1760.
- ¹⁷ Рождественский С.В. Очерки по истории народного просвещения в России в XVIII -XIX вв. СПб., 1912. Т. 1. С. 265-266.
- ¹⁸ Теплов Г.Н. Начальное рассуждение о плане для учреждения публичных училищ // Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985. С. 203-213.
- ¹⁹ Рождественский, С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII-XIX в.: (Прил. к «Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках». Т. 1) / Сост. С.В. Рождественский при участии В.Г. Соломина и П.П. Тодорского. СПб., 1910. С. 141-143.
- ²⁰ Герард Миллер на русской службе с 1725 г., историк, профессор, член Петербургской Академии наук. Тимофей Иванович фон Клигштет – член Петербургской Академии наук, один из членов-основателей Вольного экономического общества и инициаторов издания «Трудов» этого общества.
- ²¹ Екатерина II Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. // Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 123-124.
- ²² Рождественский С.В. Очерки по истории народного просвещения в России в XVIII -XIX вв. СПб., 1912. Т. 1. С. 283-284.
- ²³ Наказ Калужского и Медынского уездов // Сб. РИО. СПб., 1869. Т. IV. С. 289.
- ²⁴ Спор о народном просвещении в Законодательной Комиссии. Мнение депутата от пахотных крестьян И. Жеребцова // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 221.
- ²⁵ Спор о народном просвещении в Законодательной Комиссии. Мнение депутатов от дворянства А. Строганова и П. Орлова // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 223-224.
- ²⁶ «Дневные записки» Комиссии // РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 121. Кн. 1-4.
- ²⁷ Протокол заседания 23 октября 1768 г. // РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 121. Кн. 1. Л. 32.
- ²⁸ Проект о нижних училищах деревенских и городских // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 225. С. 226.
- ²⁹ Там же. С. 228.
- ³⁰ На этот вопрос неоднозначно отвечают: Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб. Т. XXXVIII; Рождественский С.В. Очерки по истории народного просвещения в России в XVIII -XIX вв. СПб., 1912. Т. 1. С. 308; Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины II. М., 1999. С. 159.
- ³¹ Крестинин В. Краткая история о городе Архангельском СПб., 1792. С. 243-274.
- ³² «Опыт трудов Вольного Российского Собрания при Московском университете. М. 1774. Ч. I. С. 2-3.
- ³³ Ломоносов М.В. Рассуждения об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии // История русской журналистики: Хрестоматия. М., 1991. С. 12-14.
- ³⁴ Там же. С. 13.

- ³⁵ «Живописец». 1772. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Л. 10.
- ³⁷ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о русских писателях // Новиков Н.И. Избранные произведения. М.-Л., 1951. С. 277-373.
- ³⁸ Новиков Н.И. Избранные сочинения // Н. И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 206.
- ³⁹ Там же. С. 258.
- ⁴⁰ Новиков Н.И. Сатирические ведомости // Русская проза XVIII в. М., 1971. С. 185-186.
- ⁴¹ Новиков Н.И. Избранные сочинения // Н. И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 263.
- ⁴² Там же. С. 302.
- ⁴³ Козельский Я.П. Философские предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М. 1952. Т. 1. С. 533-534.
- ⁴⁴ «Собеседник любителей российского слова». 1783. Ч. 1.
- ⁴⁵ Фонвизин Д.И. Письмо от Стародума // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2-х тт. М.-Л. 1959. Т. 2. С. 63-64.
- ⁴⁶ Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб., 1994. С. 60.
- ⁴⁷ Щербатов М.М. Сочинения князя М.М. Щербатова. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 501.
- ⁴⁸ Щербатов М.М. О способах преподавания разных наук // Русская философия второй половины XVIII в. /Сост. Б.В. Емельянова. Свердловск, 1990. С. 239.
- ⁴⁹ Летопись Московского университета. 1755 - 1979. М., 1979; Светлов Л.Б. Общество любителей российской учености // Исторический архив. Л., 1950. Т. 5. С. 300-323.
- ⁵⁰ Основные сведения о судьбе и творчестве Ф.В. Кречетова мы черпаем из его розыскного дела: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2812.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2812. Ч. 1. Л. 11.
- ⁵² Там же. Ч. IV. Л. 371.
- ⁵³ Все материалы по данному обществу находятся также в розыскном деле Ф.В. Кречетова: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2812. Ч. I. Л. 53-132, Ч. III/2. Л. 13, Ч. IV/2. Л. 120-148.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2812. Ч. IV/2. Л. 123, 124.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2812. Ч. V/2. Л. 36-73.
- ⁵⁶ Там же. Ч. III/1. Л. 259. Так, Кречетову было запрещено использовать в своих работах церковные обороты, что, вследствие их обилия, было просто невозможно исправить.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2812. Ч. V/2. Л. 230об.
- ⁵⁸ Там же. Ч. IV/1. Л. 114.
- ⁵⁹ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XX. № 14392.
- ⁶⁰ Оболенский М.А. Дневная записка путешествия Ее Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород. // Сб. РИО. СПб., 1867. Т. I. С. 384.
- ⁶¹ Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины II. М., 1999. С. 181.
- ⁶² РГАДА. Ф. 10. Д. 434.
- ⁶³ Данный проект опубликован: Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Записки Императорской академии наук. 1886. Т. LIV. Приложение № 1. С. 132-147.
- ⁶⁴ Ф.И. Янкович (1741, по другим данным, около 1740, Сремска-Каменица, – 22.5(3.6).1814, Петербург), закончил юридический факультет Венского университета. Он принимал активное участие в реформе образования в Австрии в 1774 г. В 1782 г. переехал в Россию, где работал в Комиссии об учреждении народных училищ с 1782 по 1801 г. Именно он составил план школьной системы, закрепленной Уставом 1786 г. В 1783-1785 гг. Янкович де Мириево руководил подготовкой учителей в Петербургском главном народном училище.
- ⁶⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXI. № 15507.
- ⁶⁶ Рождественский С.В. Очерки по истории народного просвещения в России в XVIII -XIX вв. СПб., 1912. Т. 1. С. 555.
- ⁶⁷ Воронов С.А. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1728 г. включительно. СПб., 1848. С. 38.
- ⁶⁸ Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины II. М., 1999. С. 190.
- ⁶⁹ Янкович Ф.И. Руководстве учителям первого и второго класса народных учителей Российской Империи, изданном по Высшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины II. СПб., 1783. (В работе использовано издание: Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 248-252).
- ⁷⁰ Янкович Ф.И. Руководстве учителям первого и второго класса народных учителей // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 248.
- ⁷¹ Там же. С. 250.
- ⁷² ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXII. № 16421.
- ⁷³ Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.) СПб, 1912; Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – 1-я половина XIX в. М., 1973; Джурицкий А.Н. История образования и педагогической мысли. М., 2004 и др.
- ⁷⁴ Цит. По: Сухомлинов М.И. История Российской Академии. Выпуск 6. Приложение к XLII т. «Записок императорской Академии наук». СПб., 1882. С. 48-53.
- ⁷⁵ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. XXII. № 16315.
- ⁷⁶ На обложке: «Санктпетербургский журнал»
- ⁷⁷ Санкт Петербургский журнал. 1798. Ч I. С. 260.

-
- ⁷⁸ Там же. Ч. II. С. 22.
- ⁷⁹ Там же. Ч. III. С. 5-27.
- ⁸⁰ Чарторижский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1911. Т. 1. С. 237-238.
- ⁸¹ [Лагарп Ф.] Секретная записка Ф. Лагарпа Александру I «О народном просвещении и законодательства для России» // Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 694-696.
- ⁸² Периодическое сочинение об успехах Российского просвещения. СПб., 1803. № 2. С. 178, 181.
- ⁸³ Там же. С. 156.
- ⁸⁴ Указ Сенату Александра I от 24 января 1803 г. С докладом «О предварительных правилах народного просвещения» // РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 21. Л. 20-25.
- ⁸⁵ Там же. Л. 22.
- ⁸⁶ Указ Сенату Александра I от 24 января 1803 г. С докладом «О предварительных правилах народного просвещения» // РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 21. Л. 22 об.
- ⁸⁷ ПСЗ-1. СПб., Т. XVII. № 20597-20598; Т. XVIII. № 21497-21504.
- ⁸⁸ О педагогических взглядах М.М. Сперанского см.: Румянцев Н.М. Просветительно-педагогическая деятельность М.М. Сперанского. М., 2005.
- ⁸⁹ Сперанский М.М. Предварительные рассуждения о просвещении в России вообще // Антология педагогической мысли в России первой половины XIX в. (до реф. 60-х гг.) / Сост. П.А. Лебедев. М., 1987. С. 47-53.
- ⁹⁰ Там же. С. 48.
- ⁹¹ Там же. С. 49.
- ⁹² Сперанский М.М. Руководство к познанию законов / Отв. ред. И.Д. Осипов. СПб., 2002. С. 241.
- ⁹³ Воспоминания Бестужевых. М.-Л., 1951. С. 206.
- ⁹⁴ РГБ. Эрмитажное собрание. № 166.
- ⁹⁵ Бестужев А.Ф. О воспитании // Русские просветители. М., 1966. Т. 1. С. 129.
- ⁹⁶ Санкт Петербургский журнал. 1798. Ч. I. С. 55.
- ⁹⁷ Бестужев А.Ф. О воспитании // Русские просветители. М., 1966. Т. 1. С. 91.
- ⁹⁸ Пнин И.П. Опыт о просвещении относительно России // Пнин И.П. «Сочинения». М., 1934. С. 142.
- ⁹⁹ Пнин И.П. Вольность, отвергаемая законами // Там же. С. 112.
- ¹⁰⁰ Пнин И.П. Опыт о просвещении относительно России // Там же. С. 145.
- ¹⁰¹ Там же. С. 141.
- ¹⁰² Там же. С. 150.
- ¹⁰³ Санкт Петербургский журнал. 1798. Ч. II. С. 115.
- ¹⁰⁴ Попугаев В.В. О благополучии народных тел // Русские просветители (от Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 283.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 284.
- ¹⁰⁶ Попугаев В.В. О благополучии народных тел // Русские просветители (от Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 285.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 289, 290.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 293.
- ¹⁰⁹ Попугаев В.В. О политическом просвещении вообще (1804 г.) // Русские просветители (от Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 311-326.
- ¹¹⁰ Там же. С. 318.

Заключение

Понятие «реформирование государства» является синонимом «развития». Этот процесс требует действующей силы, четкого представления о целях реформ, выработки «идеальной модели» будущего, к которой нужно стремиться. Само понятие «реформа» достаточно однозначно и не вызывает особых споров. Под ним понимают переустройство общественной жизни в целом или отдельных ее институтов, не уничтожающее основы существующей социальной структуры. С формальной точки зрения, под реформой подразумевается нововведение любого содержания, однако на практике при анализе преобразований предпочтение отдается прогрессивным изменениям. На этом единомыслие исследователей завершается. Историки спорят о завершенности и востребованности тех или иных преобразований, их значимости для развития страны, об их модернизационном характере.

Для ответа на поставленные вопросы необходимо было провести классификацию реформ в России. Мы считаем, что наиболее целесообразно делить преобразования на системные и структурные¹. Проведение системных реформ приводит к качественным, масштабным изменениям во всех сферах жизни общества. Они составляют основу определенной фазы модернизационного процесса. Структурные же преобразования направлены на трансформацию одной или нескольких сфер жизни государства и общества. Во многом они призваны скорректировать, отшлифовать произведенные в рамках системных реформ изменения. Данные реформы в силу своей природы не могут привести к кардинальным изменениям в государстве, так как перед реформаторами и не стоит такая задача. Их цель – совершенствование, а не изменение порядка. Они не порождают модернизационной фазы, а составляют ее содержание вслед за системной трансформацией государства и общества. В то же время под модернизацией как процессом мы понимаем активное проведение структурных реформ, направленных на трансформацию и поиск путей развития государства и общества с помощью освоения передового опыта зарубежных стран.

Особенностью реформаторства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. является тот факт, что оно не было продиктовано решением сиюминутных неотложных задач. Перед страной не стояло проблемы защиты национальной независимости, выхода из критической ситуации и т. п. Масштабные преобразования первой четверти XVIII в. явились, по убежденности большинства исследователей, переломным моментом в истории России и привели к серьезной трансформации государства и общества. Начавшийся переход от традиционной системы организации управления поставил перед политической элитой ряд сложных проблем. Поиск путей их решения явился определяющим в российской политике второй половины XVIII – первой четверти XIX в. Комплексное исследование реформаторского процесса показывает, что ни у властных органов, ни у формирующегося общества не было четкого представления о том, кто имеет право или обязан их готовить, для кого или чего они нужны. Все проекты преобразований можно условно разделить на три группы: составленные по заданию монархов, часто в рамках работы специальных правительственных комиссий; размышления и проекты общественных деятелей как предлагаемые для ознакомления верховной власти, так и представленные в периодической печати, отдельными изданиями, изложенные в лекциях и т. п.; размышления о необходимости кардиналь-

ных изменений государственного и общественного строя, порожденные оппозиционными силами, главным образом, в рамках деятельности нелегальных организаций.

Первые два способа донесения до властных структур проектов реформ были одинаково легитимны и признаваемы властями. Фактически каждый человек, за исключением крепостных крестьян, мог обратиться с предложениями о проведении реформ непосредственно к монарху или обнародовать свой проект. Критерием «законности» обращения в XVIII в. являлась лояльность проекта и верноподданство его автора. Понятие «обращение не по чину» появляется уже в первой четверти XIX в., по мере укрепления бюрократического начала в государственном управлении. Причем это касалось только чиновников. В то же время власть не принимала на себя никаких обязательств по использованию, учету тех рекомендаций и проектов, с которыми к ней обращались.

Как известно, в императорской России законом становилась только воля монарха, а вот как она формировалась, как готовились проекты исходящих от него документов – нигде закреплено не было. Из этого следует, что большое значение приобретало персональное желание, воля того или иного правителя проводить преобразования, привлекать (или нет) для этого государственных и общественных деятелей, прислушиваться к чьему бы то ни было мнению. Необходимо было иметь личное влияние на монарха, чтобы участвовать в политической жизни государства. Реформы в России проводились или от имени монарха, или, что чаще, непосредственно по его собственной инициативе. Именно поэтому для их подготовки и проведения огромную роль играла личность царя, его интересы и пристрастия. Да и основная масса населения все успехи и неудачи реформ связывала именно с личностью главы государства.

На формирование представлений государственных и общественных деятелей о сущности и направленности реформ оказала влияние философия Просвещения, получившая распространение в России во второй половине XVIII в. Наиболее популярными и востребованными были идеи необходимости разделения властей, ответственности верховной власти перед народом, важности образовательной, просветительской деятельности и др. Принцип разделения властей нашел отражение во всех крупных проектах по преобразованию государственного управления: от С.Е. Десницкого до М.М. Сперанского. Однако составление проектов реформ на основании отвлеченных философских идей ничего не имело общего с их последующей реализацией. Для политической элиты была очевидна необходимость проведения преобразований по совершенствованию системы государственного управления и укреплению верховной власти, но единого представления, что следует под этим понимать в тот период, не сформировалось. В проектах реформ были высказаны различные предложения о совершенствовании системы государственного управления. В одних была обозначена необходимость законодательного и (или) организационного ограничения верховной власти. Авторы доказывали, что укрепление государственности напрямую связано с необходимостью разделения властей. Именно это позволит не просто принять соответствующий документ, но и реализовать задуманное на практике. В других предлагалось усовершенствовать аппарат управления, не изменяя государственный строй, но при этом значительно повышая статус отдельных государственных органов.

В XVIII в. остро встал вопрос «законности» передачи власти, так как после смерти Петра II не осталось прямых наследников династии Романовых. Приход к власти Елизаветы Петровны в обход «Тесмтамента» Екатерины I, и тем более свержение законного правителя Екатериной II, легитимными признать было никак нельзя. В стране

не было безоговорочно признаваемых политической элитой претендентов на престол, что значительно ослабило верховную власть. Возникла сложная ситуация. Чтобы гарантировать законный переход власти к избранному наследнику, его власть необходимо чем-то подкрепить, создать ему объективную социальную опору. Правительство должно было решить, как это сделать, где найти реальную опору трону: передать ли часть полномочий аристократическому или выборному общенародному органу, принять ли фундаментальный закон. Первый путь уже был отвергнут историей. Создание нового «тайного совета», возвышающего одну или несколько фамилий, не удовлетворило бы никого. Попытка услышать мнение народа, конечно за исключением крепостных, и одновременно составить новое Уложение, была предпринята при создании Уложенных комиссий Елизаветы Петровны и особенно Екатерины II. Но их работа, с точки зрения создания нормативной базы для укрепления верховной власти, оказалась безрезультатной. Комиссии закрепили «законность» нахождения у власти конкретных государынь, но их участники не были способны создать устойчивую систему организации власти. Созванные «от всей земли» депутаты в большинстве своем не радели за общее благо, а стремились, в лучшем случае, отстоять сословные интересы.

Дворянство, столичное офицерство не только составляли единственную социальную опору трону, но и фактически гарантировали относительную стабильность верховной власти, поэтому на протяжении второй половины XVIII в. монархи заботились о повышении статуса дворян. Сословная политика правительства оказалась «заложницей» необходимости укрепления монархии. Дворяне же требовали от правителей в благодарность за поддержку при обретении власти закрепления собственных прав и привилегий, что было возможно за счет предоставления гарантий со стороны верховной власти права на жизнь, неприкосновенность, незыблемость частной собственности, отчасти на участие в государственном управлении. Законодательно это было закреплено Жалованной грамотой. Однако на практике получалось так, что предоставление указанных прав было реализовано за счет других сословий, прежде всего крепостного крестьянства. В этот же период среди наиболее просвещенных представителей общества, в зарождающейся публицистике начинают постепенно распространяться идеи ненормальности такого положения крепостных, экономического и социального вреда крепостного права. Но широкого распространения эти идеи не получили. Дворяне же, получив все незыблемые права человека, не обрели вместе с этим чувства социальной ответственности, считая возможность владения людьми своим неотъемлемым правом.

Отдельные представители общественной мысли, ученые (Д.И. Фонвизин, С.Е. Десницкий и др.) понимали неустойчивость укрепления верховной власти только путем возвышения и закрепления прав дворянства. Они составляли развернутые проекты реформирования государственного строя, основанные на разделении властей, их взаимной ответственности. Представители общественной мысли, в большинстве своем получившие образование за границей, знакомые с произведениями просветителей, замечали в своих трактатах, что сосредоточение всей власти в руках монарха опасно для него самого. Однако по структуре их проекты реформ были скорее философскими трактатами, чем разработками преобразований. Поэтому, при всей привлекательности этих идей, их использование было затруднено.

Преобразования, предлагаемые оппозиционными силами, по содержанию мало отличались от правительственных проектов, кроме предлагаемых методов воплощения задуманного. Вполне типичным способом предполагаемых изменений была орга-

низация заговора и даже цареубийства. Такой механизм реализации реформ был вызван особенностью политического режима Российской империи, когда деятельность любой оппозиционной силы (от самой умеренной, до самой радикальной) была вне закона. Это положение создало ситуацию, что умеренно настроенные реформаторы и крайние радикалы оказались близки в формах и методах достижения своих целей. В итоге полный запрет деятельности конструктивной оппозиции и возможности легально высказывать свои взгляды привел к тому, что даже самые умеренные оппозиционеры превращались в ярых врагов власти, по меткому выражению Н. Эйдельмана, ограничивая самодержавие цареубийством.

Тесную связь с политическими (необходимость укрепления власти) и социальными (закрепление статуса дворянства) имели и экономические реформы. Страна после масштабных преобразований и войн первой четверти XVIII в. постоянно испытывала нехватку финансов. Решение этой проблемы было важно не только для обеспечения жизни страны, но и для укрепления власти: гвардии, которая активно участвовала в дворцовых переворотах, нужно было платить. Стабилизировать финансы традиционными способами – увеличением налогообложения и перечежкой монет – уже не получалось. Требовалось формирование экономической политики в целом, включая таможенное и финансовое регулирование. Отчасти это было реализовано: отменены внутренние таможи, установлен покровительственный таможенный тариф, началось формирование банковской системы и были введены ассигнации. Однако успех в этой сфере во многом оказался относительным из-за желания власти финансово поддержать дворянство, а не реальных производителей товаров. Несмотря на отдельные успешные меры правительства во второй половине XVIII в., оно так и не смогло выработать прозрачную экономическую политику. По нашему мнению, в то время до конца не сложилось представление по данной проблеме. Не было понимания необходимости составления бюджета страны, планирования доходов и расходов. При подготовке «затратных» реформ власти никогда не просчитывали, сколько это будет стоить или на какие средства следует проводить те или иные преобразования. Поэтому успех финансово-экономических реформ оказался относительным. Даже в этой, казалось бы, далекой от политических амбиций сфере успех зависел от воли, а порой и прихоти монарха или лиц из его ближайшего окружения. Екатерина II легко согласилась на выпуск необеспеченных ассигнаций, Павел I, осудив политику императрицы, сделало то же самое. Да и в целом монархи были не заинтересованы в открытости бюджета, а тем более в отчете в собственных тратах. Итак, отдельные финансово-экономические реформы были вполне успешными, а политика в этой сфере в целом – неудачной.

Реформирование системы образования, казалось бы, должно носить сугубо утилитарный характер – стране нужны были специалисты во всех отраслях. Тем более, что большинство реформаторов успех планируемых преобразований связывали с необходимостью создания системы народного просвещения, так как только «воспитанный», образованный в нужном русле, народ может быть проводником реформ, поймет их. Создание «нового человека» – одна из основных идей философии Просвещения, которой в своей политике стремилась руководствоваться Екатерина II. Однако написать трактат о воспитании было гораздо проще, чем воплотить на практике подобные замыслы. Для «воспитания нового человека» требовались учителя, учебные пособия и желание родителей дать детям такое образование. Создание первых закрытых учебных заведений показало, что решать эти проблемы очень сложно. Причем

главной причиной неприятия населением закрытой системы образования была именно оторванность обучения от жизни. Поняв это, правительство Екатерины II разрабатывает программу создания общедоступных учебных заведений для всех слоев населения. Школьная реформа Екатерины II была самой последовательной и продуманной: в стране была создана широкая сеть учебных заведений. Во многом успех этого преобразования был следствием учета конкретных потребностей населения, а не желанием воплотить в жизнь философские идеи. Как известно, за образец реформы образования была взята австрийская система. Ее не копировали слепо, а именно взяли за основу, разработав предложения по формированию адаптированной к российской действительности системы учебных заведений. Поэтому она и оказалась успешной.

В начале XIX в. вопрос о путях и способах реформирования в стране встал особенно остро. Причиной этого оказались методы укрепления власти императора Павла I. На его короткое правление приходится значительное усиление самодержавия. Однако его методы управления не только не укрепили монархию, но и усугубили стоящие перед властью проблемы. Известно, что Павел I был убит в ходе заговора. Ему не помогло, что он был законным наследником, сам имел сыновей и принял закон о престолонаследовании. Дворяне поддерживали самодержавную власть, но только в тех пределах, которые не ущемляли их сословные интересы. Ущемление прав правящего сословия, при отсутствии каких-либо законных рычагов влияния на монарха, кроме фаворитизма, привело к широкому распространению нелегальной оппозиции, когда даже лояльно настроенные к режиму государственные и общественные деятели принялись за составление политических реформ. Правители тех времен не понимали, что, передавая часть своих полномочий выборному органу, они передали бы и часть ответственности.

Главным критиком политических методов Павла I оказался его сын и наследник, великий князь Александр Павлович. В письмах к своему ближайшему окружению он заявлял о своем желании существенно реформировать самодержавие. Однако, по мнению самого Александра I и его сторонников, для реально действующих реформ нужно не просто установить какие-либо правила, законы, но и обеспечить им гарантированное выполнение, что, в свою очередь, требовало отказа от принципа установления привилегий дворянства за счет других сословий. Перед реформаторами вставал вполне логичный вопрос: кто и на каком основании будет входить в выборные органы, чтобы принимать законы? Помещики, которые «паразитируют» за счет крепостных крестьян, сами не принося никакой пользы государству. Именно поэтому на заседаниях «Негласного комитета» П.А. Строганов, А. Чарторижский и другие стали размышлять о необходимости изменения статуса помещичьих крестьян. Они прекрасно понимали невозможность проведения политических преобразований, когда основная масса населения была фактически рабами. Ограничение самодержавия в такой ситуации возможно было только «в пользу помещиков», но это едва ли отвечало интересам государства. Император Александр Павлович и его доверенные лица крайне пренебрежительно относились к основной массе дворян, считая их недалекими, неспособными понимать общегосударственные нужды, так как дворяне пекутся только о собственном благополучии. Тем не менее, иной социальной опоры у монарха быть не могло. В то же время многие сановники рассматривали попытки императора законодательно вмешаться в систему взаимоотношений помещиков со своими крестьянами как ограничение прав собственности и проявление деспотизма. Крепостные крестьяне были их «крещеной собственностью», а именно обеспечение сохран-

ности собственности являлось важнейшим критерием обеспечения законности. И так, российские аристократы и дворянство в целом не желали повторения деспотического правления Павла I, но они опасались и реформаторских устремлений нового императора.

Для закрепления собственного статуса дворянство считало необходимым установить контроль над верховной властью. При этом речь шла не о законодательном, правовом ограничении самодержавия, так как монарх мог с них потребовать того же – отказа от власти над крепостными, а путем усиления государственного органа (Правительственного сената). В представляемых в начале правления Александра I проектах предлагалось наделить этот орган такими полномочиями, которые не столько бы ограничивали верховную власть в реальности, сколько обеспечили стабильность бюрократии. Однако четкое, законодательное закрепление статуса государственного органа, контролирующего хотя бы некоторые решения монарха, а тем более создание системы взаимодействия властей, объективно привело бы к отказу от абсолютизма. Иными словами, конституционные реформы предлагали люди, в целом не желающие проведения кардинальных преобразований. Дворянство в своей массе желало восстановить тот порядок управления, который был до императора Павла. Их в равной мере пугали деспотизм Павла I и смелые заявления Александра I.

Было очевидно, что оказавшиеся у власти реформаторы не имели достаточной поддержки в правящем сословии. Невозможно воплотить юношеские мечты Александра Павловича о введении конституции, предполагающей отказ от самодержавной власти, орудия чрезвычайно сильного в политической борьбе. Ведь, с одной стороны, верхушка заговорщиков, во главе с П. А. Паленом, отодвигала на второй план молодого монарха; с другой – подавляющее большинство дворян было вполне удовлетворено устранением Павла и не видело надобности вообще в каких-то реформах. Вывод отсюда следовал один: преобразования необходимо осуществлять, используя в полной мере самодержавную власть. Такой вывод был сделан императором Александром I, и он предопределил дальнейшую судьбу его реформаторской деятельности. Именно поэтому, а не силу слабости характера или двуличности императора Александра, активное правотворчество начала XIX в., направленное на изменение государственного строя, завершилось созданием новой, более совершенной и рациональной системы государственного управления, выразившейся первоначально в министерской реформе.

Эта реформа действительно значительно укрепила исполнительную власть. Большинство министерских портфелей получили «екатерининские» старики: министром иностранных дел стал гр. А.Р. Воронцов, а его помощником – кн. А. Чарторижский, министром финансов гр. А.И. Васильев, его помощником – Д.А. Гурьев; министром просвещения гр. П.В. Завадовский, его помощником – Н. Н. Новосильцов; министром юстиции – Г.Р. Державин. Только министром внутренних дел был назначен член «Негласного комитета» В. П. Кочубей. Такое распределение министерских должностей значительно ослабило аристократическую оппозицию. Часть сановников, получивших министерские должности, хоть и поворчали, как Державин, но рьяно принялись исполнять возложенные на них обязанности. В самом распределении министерских должностей Александр I проявил недюжинную хитрость. Назначенные министрами чиновники были антагонистами или, по меньшей мере, недолюбливали друг друга, их первыми заместителями стали члены «Негласного комитета» или доверенные лица императора. Подобная реформа государственного

управления позволяла императору Александру проводить преобразования в том ключе, как он считал нужным. Тем не менее, создать условия для проведения преобразований, закрепить собственную власть, оказалось гораздо проще, чем реализовать свои замыслы на практике.

Единственная сфера, где правительство Александра I смогло осуществить преобразования, – образовательная. Учреждением университетов, введением либерального устава были продолжены и завершены преобразования, начатые еще Екатериной II. В результате серии образовательных реформ в стране была сформирована достаточно стройная система образовательных учреждений, доступная фактически всем слоям населения (кроме крепостных). Преобразования в этой сфере стали наиболее продуманными, последовательными и отражающими потребности населения. Несмотря на последующие ограничения автономии университетов, изменения правил приема в гимназии и т. п., именно создание реально действующей системы образования позволило получить образование многим выдающимся государственным и общественным деятелям, будущим литераторам, которые заявили о себе во второй половине XIX в.

Внешнеполитические проблемы в значительной степени заслонили решение вопросов совершенствования системы государственного управления и одновременно стимулировали новый этап реформаторской деятельности. Российская армия после длительней череды побед была повержена, что вызвало недовольство политическим режимом Александра I и подстегнуло новый этап реформ. Этому же способствовало появление на политической арене такой яркой личности как М.М. Сперанский. Однако речь шла уже не о преобразованиях государственного строя, а о совершенствовании государственного аппарата. Собственные взгляды М.М. Сперанского были неприемлемы для России того времени. Он указывал, что законы не должны носить сословного характера, так как это закрепляет «привилегии рабов». Сперанский предлагал организовать государственную власть на выборной всесословной основе, что было одним из самых смелых предложений того времени. Исходя из этого, становится понятным, что реализовать подобные проекты было невозможно. Тем не менее, под руководством грамотного бюрократа была усовершенствована и упорядочена министерская система, четко определена компетенция отдельных министерств. В дальнейшем эта система подвергалась небольшой корректировке, не меняющей ее сущность.

После Отечественной войны 1812 г. в стране среди офицерства зреет недовольство политическими методами управления страной. Как известно, создаются тайные общества и литературные салоны и клубы, где дворяне, главным образом военные, обсуждают необходимость изменений. Вернувшийся из-за границы Александр I также размышляет о дальнейших преобразованиях. Но эти две реформаторские силы действуют автономно, не слыша и не понимая друг друга. Правительство Александра Павловича по-прежнему не видит возможных союзников в проведении реформ среди дворянства. Молодые офицеры, прошедшие испытание войной, считают действующего монарха неспособным реально проводить реформы. Итогом стал отказ правительства Александра I от каких-либо политических преобразований вообще. Представители думающего дворянства ушли в глубокую оппозицию, избрав традиционный для России способ реализации своих целей – организацию переворота.

Существовала и еще одна «традиционная» проблема проведения любых реформ – их финансовое обеспечение. По-прежнему остро стоял вопрос нехватки денег для проведения преобразований, низкого курса ассигнаций, плохо работающей банковской системы и т. п. Финансовые кризисы случались и ранее, но в начале XIX в. проблема

финансовой стабильности становится не только внутривластной, но и приобретает международный акцент. В XVIII в. и ранее статус того или иного государства на международной арене определялся, главным образом, его внешней политикой, победой в войнах, иными словами, военной мощью государства. В начале XIX в. положение начинает меняться. Все большую роль в определении мирового статуса той или иной державы играет ее экономическое благосостояние, финансовые возможности правительств, развитие производства и техники. В 1810 г. комиссией под руководством М.М. Сперанского был составлен «План финансов» – первая государственная программа экономического развития, реализация которой позволила избежать финансового кризиса. Однако экономическая политика должна была включать не только реформирование денежной системы. Следовало создать перспективную программу развития экономики страны, что отмечали в своих проектах государственные и общественные деятели (например, Н.С. Мордвинов, О.П. Козодавлев и др.). Они считали, что правительство не должно пускать на самотек развитие промышленности в стране, тем более что большая часть мануфактур обеспечивает государственные нужды. Но самое главное, авторы проектов указывали на необходимость отказа от сословной, продворянской политики. Основными товаропроизводителями были купцы, а финансовую поддержку получали дворяне. Представители верховной власти, на наш взгляд, до конца не понимали всей важности формирования объективной, учитывающей государственные интересы финансово-экономической политики. Поэтому большинство предлагаемых проектов реформирования этой системы так и остались на бумаге, что, в свою очередь, привело к постепенно усиливающемуся экономическому отставанию нашей страны от ряда западных держав.

К сожалению, непонимание важности формирования беспристрастной, не ангажированной финансово-экономической и торгово-промышленной политики сказалось на развитии государства самым пагубным образом. Российские товары все больше теряли конкурентоспособность перед западными, тормозилось развитие и внедрение технических новинок. Наиболее ярко это проявилось во время Крымской войны, когда российская армия и флот по техническому оснащению значительно отставали от европейских сил.

Трансформация Российского государства из традиционного общества в индустриальное шла крайне медленно. Одним из главных тормозящих моментов была сословная, продворянская политика властей, зачастую в ущерб государственным интересам. Политическая элита и дворянство в целом не чувствовали социальной ответственности перед собственным народом, считая такое положение, включая владение крепостными, непреложной нормой. С другой стороны, с середины XVIII в. в стране начинают постепенно появляться думающие, образованные люди, которые прекрасно понимают опасность такого положения вещей. Первоначально власть пытается к ним прислушиваться. Постепенно становится понятно, что главное требование представителей общественно-политической мысли – установление ответственности власти перед своим народом. На это монархия пойти не хотела.

На протяжении всего изучаемого периода главным аргументом при подготовке и проведении реформ было представление об их государственной необходимости. В свою очередь, успех преобразований зависел от ряда обстоятельств. Первое. Важна реальная, а не теоретическая в них потребность. Определить это возможно, исходя из заинтересованности населения при подготовке преобразований. Планирование и проведение же реформы «негласно» фактически обрекает ее на провал. Второе. Макси-

мально полное исследование причин, вызвавших необходимость перемен. Реформаторы должны хорошо понимать, ради кого или чего предполагается произвести изменения. Третье. Непосредственно в рамках проведения реформы следует учесть все возможные точки зрения по данной проблеме, в том числе представителей общественной мысли даже оппозиционной власти. Четвертое. Любая реформа требует финансового обеспечения, ресурсов. Без четкого понимания этого оказаться нереализованной может даже вполне продуманная и подготовленная реформа. Пятое. Преобразование – это процесс, поэтому крайне важно последовательное руководство при его проведении. Причем, желательно не одним, пусть даже очень ярким реформатором, а специально созданной для реализации задуманного структурой. В целом комплексное изучение процесса подготовки и проведения политических, социально-экономических и культурных преобразований в России позволяет сделать вывод, что только учет всех сфер и сторон государственной политики делает планируемую реформу эффективной.

Примечания

---

¹ Эта классификация была предложена В.В. Шелохаевым. См.: Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Примечания	7
Глава 1 Историографические и источниковедческие проблемы	8
Примечания	43
Глава 2 Реформирование политических и административных институтов и структур	50
Примечание	136
Глава 3 Реформы в области экономики и социальной сферы	143
Примечания	239
Глава 4 Реформирование системы народного образования	246
Примечания	287
Заключение	290
Примечания	298

Научное издание

Коршунова Надежда Владимировна

ПРОЕКТЫ РЕФОРМ В РОССИИ

(вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.)

монография

ISBN 5-98578-113-5

Издательство ООО фирма «ПИРС»,
454119, г. Челябинск, ул. Машиностроителей, 8.

Лицензия ИД №06422 от 10.12.2001.

Подписано к печати 08.07.2009 г.

Отпечатано на «RISO». Бумага офсетная. Печ. л. 20,45.

Тираж 1000. Заказ 725.

Отпечатано с файла заказчика в типографии ИП Ериклинцевой Е.В.,
св-во 002839968 ИМНС РФ по Калининскому р-ну г. Челябинска,

454076, Челябинск, ул. Рылеева, 10,
т/ф. 268-17-13, E-mail: vvp74@list.ru